

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

ФИЛАТОВ АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО МИРА
В КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Специальность 5.5.4 – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Юрченко Сергей Васильевич

Симферополь - 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА МИРА.....	36
1.1. Понятие политики: методологические подходы и теоретические модели.....	37
1.2. Определение и позиционирование геополитики как направления политических исследований.....	55
1.3. Геополитика как политика в глобальных пространствах.....	84
РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МАТРИЦА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	107
2.1. Культура как способ существования человека и её значение для цивилизационно-геополитических процессов.....	107
2.2. Политическое форматирование под воздействием культурно-цивилизационных факторов.....	138
2.3. Цивилизационные основания геополитического структурирования...	170
РАЗДЕЛ 3. ГЕОПОЛИТИКА КАК ПРОИЗВОДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ОБУСТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ОСИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	210
3.1. Исторические очаги оси Мировой культуры.....	210
3.2. Цивилизационные контакты и геополитические конфликты в религиозном измерении.....	237
3.3. Культурно-цивилизационные центры в структуре геополитической многополярности.....	267
РАЗДЕЛ 4. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ.....	299

4.1. Центры современного геополитического влияния и их культурно-цивилизационные очаги.....	299
4.2. Геополитическое взаимодействие под влиянием культурно-цивилизационных матриц.....	320
4.3. Проблема цивилизационных спутников и политических сателлитов в структуре современной геополитики.....	344
4.4. Украина в структуре российской геополитики и значение воссоединения Крыма с Россией.....	369
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	392
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	402
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	472
Карта-схема 1. Перемещение очагов оси Мировой культуры.....	472
Карта-схема 2. Первородный культурно-цивилизационный очаг оси Мировой культуры.....	473
Карта-схема 3. Северосредиземноморский культурно-цивилизационный очаг оси Мировой культуры.....	474
Карта-схема 4. Евроатлантический культурно-цивилизационный очаг оси Мировой культуры.....	475
Карта-схема 5. Российский культурно-цивилизационный очаг оси Мировой культуры.....	476
Карта-схема 6. Диастолы очагов оси Мировой культуры.....	477

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Предметное изучение геополитических процессов и оформление геополитики в самостоятельную дисциплину, начавшиеся с конца XIX века, напрямую связаны с расширением и углублением международных коммуникаций, процессами глобализации и регионализации. Эти тенденции за истекшие полтора столетия значительно упрочились, включая в себя практически все регионы и государства планеты – одних как геополитических акторов (действующих сил), других как политических сателлитов. Также вполне очевидным становится проявление в системе геополитических отношений культурно-цивилизационных особенностей основных игроков.

Известно, что и в историческом прошлом, и в современном мире политические и геополитические отношения между обществами и государствами, принадлежащими к различным культурно-цивилизационным системам, складывались непросто, зачастую были насыщены конфликтами и вооружёнными противоборствами. Наиболее яркие исторические примеры таких непростых отношений мы можем найти в эпохе Великих географических открытий и последовавшей за ними тотальной колонизации обществ Африки, Азии, Австралии и остатков цивилизаций в обеих Америках со стороны наиболее развитых на тот период времени европейских стран.

В наше время, с учетом «глобализации процессов мировой жизни, культурно-цивилизационные факторы в геополитике становятся еще более чёткими и глубокими. США, ведущая страна Европейской (Евроатлантической) цивилизации строит свою геополитику в мировом пространстве исходя из доктрины распространения» [533, с. 5] т.н. «ценностей западной либеральной демократии». Американский ученый С. Хантингтон прямо указывает уже самим названием одной из своих работ [см. 554] на то, что в ближайшем будущем международные отношения и геополитические процессы будут проходить в

контексте борьбы различных цивилизаций.

Одной из отличительных черт современной геополитики является установка, прежде всего США и Евросоюза, на приоритет евроатлантических культурно-цивилизационных стандартов. Исходя из этого, евроатлантическая политическая система провозглашается образцом для всего мира и, по сути, навязывается, зачатую силовыми методами, остальным странам, используя, в том числе, военно-политический блок НАТО, который становится инструментом культурно-цивилизационной агрессии. Исходя из того, что евроатлантический культурно-цивилизационный статус сохраняет своё влияние в современной геополитике, актуальность его изучения вполне очевидна.

Наряду с этим, отмечается своеобразный цивилизационно-геополитический подъём Китая, который позволяет рассматривать его в качестве конкурента Евроатлантической цивилизации и геополитической гегемонии США. В этом контексте рост влияния Китая как одного из ведущих геоэкономических игроков выводится из исторического опыта Китайской цивилизации.

С учётом современных геополитических тенденций рассматриваются перспективы Евразийской цивилизации, контуры которой были обозначены в середине прошлого века, а теперь её статус вновь подвержен предметному исследованию.

Постоянно присутствует в геополитической повестке, и не только в нашей стране, вопрос о реинтеграции на территории бывшего Советского Союза, применительно к которому используется понятие «советская цивилизация» [см. 211]. Практическим подтверждением тому является существование Содружества независимых государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Единого экономического пространства (ЕЭП), а в последнее время Таможенного союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Тем самым отмечаются культурно-цивилизационные отличия, которые определяют и политическую традицию, и способы политической деятельности, и политическую культуру. В связи с этим, в первую очередь встают проблемы отношений между ЕАЭС и Европейским союзом и США не только в плоскости

геополитики, но и в пространстве цивилизационного подхода. Несмотря на внутреннее (в Российской Федерации, Белоруссии, Казахстане ряда политических групп, в т.ч. властного типа) и внешнее (прежде всего США) противодействие, не снята с повестки дня идея создания Евразийского союза как конфедеративного или федеративного государственного образования, оппонирующего не столько Евросоюзу, сколько США.

В отмеченных процессах, носящих цивилизационный характер, чётко видна и политическая, и геополитическая проблематика, которая обозначает как внутривнутриполитические отношения, так и позиционирование государств в геополитическом пространстве. В последнем случае, как раз, отмечается столкновение геополитических интересов США и России, вытекающих из их цивилизационного своеобразия. А в условиях геополитического противоборства и цивилизационных противоречий существенное значение имеет идеология сторон. В этом отношении евроатлантическое сообщество, включая США, как его геополитического доминатора, опирается на традиционные идеологические постулаты, созданные в XIX-XX вв., которые строятся на основе принципов либеральной демократии, включающей идеи свободы, законности, гражданских прав, рыночного хозяйствования, социальной защищённости. Стоит отметить, что в XXI веке сфера гражданских прав на Западе расширилась до неприличия (если говорить о сексуальной распущенности), однако, всё это тоже есть элемент современной западной идеологии.

К сожалению, у государственного руководства Российской Федерации нет цельной, утверждённой и артикулированной идеологической системы, исходящей и строящейся на своей российской культурно-цивилизационной основе, которую оно могло бы предложить для обоснования собственного образа будущего.

При этом, следует принимать во внимание, что идеология это не просто концептуальное изложение идей, выражающих мировоззренческие установки социальных групп (от классов и партий до наций и народов), сопряжённых с их интересами, а, прежде всего, проистечение системы идей от образа прошлого, настоящего и будущего, сформированного общественной мыслью и включённого

в жизнеустройство страны. Следует учитывать, что основой отмеченной триады является именно образ будущего мироустройства, от чего зависит восприятие настоящего и принятие прошлого. Проще говоря, проект будущего мироустройства рисует картину, создаёт образ, к которому общество должно двигаться. В настоящих условиях российской жизни это требование очень часто, а то и вовсе опускается (и не только политическим классом). Понятно, что и сама идеология принимает или должна принимать участие в формировании образа будущего мироустройства, когда мироустройство возможно отождествлять с цивилизацией.

Не углубляясь в характеристику типов, видов и форм мировоззрения, доминирующих смыслов в мировоззренческой системе, в зависимости от состояния конкретного общества, следует отметить, что мировоззрение является одной из основ существования общества и человека. Мировоззрение, дающее людям оценочные представления об окружающем мире и своём месте в нём, обуславливает, в конечном итоге, создание того образа мироустройства, который, по сути, обеспечивает качество всей социальной жизни.

Таким образом, образ мироустройства, а он всегда образ будущего, так как процесс устройства возможен лишь при движении вперёд, это не только проблема философско-научного осмысления действительности, хотя, именно она является базовой, но и проект устройства социальной жизни (включая политическую, экономическую, гражданскую сферы), от которого непосредственно зависят условия жизни общества и человека. А в этой связи особое значение следует придавать символам, которые со всей очевидностью включаются в процесс социального строительства, политического и государственного в том числе.

Значимость всех дел, связанных с мироустройством, мировосприятием, символами, идеологией, на порядок возрастает, когда общество находится в состоянии глубинных изменений, преодоления экзистенциально значимых внутренних угроз и агрессивных внешних вызовов. События, которые сейчас происходят на Украине, безусловно, относятся к этому порядку. Но, эти события не развиваются отдельно – за внешними параметрами общероссийской жизни,

они включены в неё и являются своеобразным продолжением. И чтобы эти события, проявляющиеся в виде специальной военной операции по денацификации территории, подверженной русоненавистническому и противороссийскому украинскому проекту, привели к созидательному началу, дали основу социального строительства в соответствии с жизненными запросами общества, необходим чёткий и понятный образ будущего мироустройства.

Если понимать мироустройство как освоение и обустройство жизненного пространства общества, то оно будет по смыслу означать то же самое, что цивилизация. Тогда, мы имеем дело не просто с операцией по денацификации, а с цивилизационным обустройством территории, которая подверглась иноцивилизационной агрессии. И украинство здесь выступает не более чем инструмент этой агрессии, исходящей от Евроатлантической цивилизации, всегда рассматривающей, пусть иногда и скрытно, Россию как своего врага.

Следовательно, решение украинской проблемы невозможно без артикуляции в общественно-политическом пространстве и институционализации в структуре государства образа будущего мироустройства всего постсоветского пространства, куда нынешняя Российская Федерация и территория бывшей Украины должны быть включены наряду с другими частями СССР. Злободневность этой проблемы подтверждается практикой использования объединяющих символов, которые в ряде случаев несут мощный социальный заряд (как символы Победы в Великой Отечественной войне), а в других – выглядят несуразно (например, использование флагов СССР и восстановление памятников Ленину на освобождённой территории Украины, которые, собственно говоря, и символизируют внедрение украинской болезни в тело Русского Мира).

Восстанавливая памятники Ленину, празднуя его годовщины рождения, вывешивая флаги СССР (не знамя Победы, а именно коммунистические символы) на территориях освобождённых Херсонской и Запорожской областей РФ, в лице его государственного руководства, хочет сказать, что вся денацификация сводится к возвращению коммунистических символов, что коммунистическая идеология и будет тем проектом, который Россия может предложить украинцам и

самой Украине. Тогда, если следовать такому вектору, стоит ожидать и восстановление коммунистического движения во всех его формах – политико-партийной, социально-гражданственной и культурно-образовательной. Но, при этом необходимо знать, что именно коммунистическая власть СССР и персонально Ленин создали эту русофобскую и антироссийскую Украину.

В социальном пространстве символы используются в качестве обозначений смыслов, формирующих и выражающих мировоззрение общества в целом и его частей, включая личности. При этом, вся мировоззренческая система, характерная для любого её носителя – от личности до общества, и сопутствующие ей социальные интересы, концептуально оформляется в виде устойчивой и особенной идеологии.

Кстати, крушение коммунистической идеологии в СССР произошло именно вследствие разрушения образа будущего коммунистического мироустройства. И после этого российское общество не нашло ничего лучшего, как вообще отказаться от идеологии. При этом, другие постсоветские республики коммунистическую идеологию стали заменять этнократической, с различной степенью заболеваемости (пожалуй, кроме Белоруссии, хотя и там иногда прорывается). И здесь необходимо сделать очень важное заключение: государства с искажённой идеологией, равно как и государства с выхолощенной идеологией, в конечном итоге обречены на разрушение. Потому что и в том, и в другом случаях утрачиваются смылосозидающие и смыслообразующие установки, без чего практическое устойчивое воплощение таких искажённых и выхолощенных идеологий невозможно.

В настоящее время, когда на Украине распространяются самые радикальные формы выражения искажённой идеологии, со всей остротой встаёт необходимость перед Российской Федерацией выработки идеологических принципов, базирующихся на ценностях российского социокультурного пространства (обе они являются частями исторической России, с общими культурно-цивилизационными измерениями). Эта необходимость вытекает не только от того, чтобы Украина не скатилась окончательно в бездну пошлого

нацистского безумия, но и для того, прежде всего, чтобы Российская Федерация смогла предложить всему постсоветскому пространству идеологически обоснованный проект мироустройства.

И в этом направлении – создание целостного комплексного мировоззренческого проекта – определение собственной цивилизационной модели, образа будущего мироустройства и места в нём не должно строиться по компилятивным схемам. 5 апреля заместитель председателя Совета безопасности РФ Д.А. Медведев в своем телеграм-канале написал: «Президент России Владимир Путин твёрдо поставил цель демилитаризации и денацификации Украины. ... Цель во имя спокойствия будущих поколений самих украинцев и возможности наконец построить открытую Евразию – от Лиссабона до Владивостока» [302]. Следует всё-таки определиться что нам необходимо строить: вариацию европейского цивилизационного проекта или внедрять в общественное поле свой собственный самостоятельный цивилизационный проект.

Следует сказать, что Д.А. Медведев, фактически, повторяет некоторые заключения, периодически озвучиваемые Президентом и председателем Совета безопасности Российской Федерации В.В. Путиным. Например, в апреле 2014 года во время Прямой линии Президент РФ заявил, что следует «создавать большую Европу от Лиссабона до Владивостока» ибо «мы все люди одной цивилизации» [405]. А в январе 2021 г., после выступления на Экономическом форуме в Давосе по видеосвязи, В.В. Путин, говоря об отношениях России и Европы отметил: «По сути, это одна цивилизация. Французские лидеры говорили о необходимости создания единого пространства от Лиссабона до Урала. Я считаю, и тоже об этом сказал, – почему до Урала, до Владивостока» [404].

Хотя в других случаях Президент РФ В.В. Путин высказывает принципиально иную точку зрения. Например, 17 мая 2020 года он в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия-1» высказался совсем иначе: «Россия – это не просто страна, это действительно отдельная цивилизация: это многонациональная страна с большим количеством традиций, культур, вероисповеданий» [261]. Безусловно, именно на такой точке зрения необходимо

Российской Федерации строить свою идеологию, утверждая в социально-политическом пространстве и, особенно, в системе государственного управления, самобытную модель Российской цивилизации. Злободневность такой постановки вопроса подтверждается всем ходом современного противостояния нашей страны с Западом, который как раз и пытается навязывать свои цивилизационные стандарты, а украинство использует в качестве инструмента антироссийской деятельности.

К тому же, вряд ли можно осуществить денацификацию Украины посредством европеизации России (что и предполагает установка на Европу или даже Евразию от Лиссабона до Владивостока), хотя бы в силу логической несостоятельности. Ибо, по факту, Европа в её нынешнем виде (от Лиссабона до наших границ), как раз поддерживает нацификацию на Украине, а нацифицированная Украина стремится в Европейский союз и НАТО, а отнюдь не к Евразии.

России, в условиях цивилизационно-геополитического противоборства, нужна собственная всеобъемлющая идеология с предметным образом будущего. Попытка сделать из патриотизма идеологию превращается в набор заклинаний. Не более. Сделать из патриотизма идеологию новой России и выстраивать из неё образ будущего мироустройства совершенно непродуктивное занятие. Хотя бы потому, что сам по себе патриотизм, как чувство социального долга, может быть наполнен только идеологическими смыслами, иначе он становится формой без содержания, символом без смысла, которым могут просто манипулировать. Без идеологии патриотизм становится, в лучшем случае, политическим принципом, который может быть окрашен любыми партийными цветами. Например, в ответ на призыв сделать патриотизм идеологией Российской Федерации, коммунисты отвечают принципами советского патриотизма, который не всегда соответствовал российским социокультурным ценностям.

Подходы к такой, потребной современной России, идеологии разрабатываются в рамках настоящего исследования, основным результатом которого является обоснование нового Российского очага оси Мировой культуры,

формирование на его основе культурно-цивилизационной матрицы и вытекающего отсюда геополитического статуса России в современном мироустройстве.

Степень разработанности проблемы исследования. Исследование геополитического устройства мира в культурно-цивилизационном измерении предполагает изучение научных работ, в которых содержатся анализ и оценки основных аспектов данной темы. Тема и выраженная в ней проблема исследования требуют предметного рассмотрения основополагающих категорий, в соответствии с которыми произведена классификация изученных научных трудов и их авторов: политика, геополитика, цивилизация, культура, всемирная история, общество и Россия. Таким образом, мы не только классифицируем изученные научные труды, посредством фиксации их авторов, но и отмечаем основные направления данного исследования.

Значимые для исследования геополитической проблематики вопросы политической сферы жизни общества рассматриваются в работах отечественных авторов С.Н. Бабурина [23], А.И. Волкова [99], О.А. Габриеляна [101, 388], В.И. Ленина [263, 264, 265, 268, 269, 270], П.А. Цыганкова [574-578], И.В. Шамина [619, 620], С.В. Юрченко [652, 654]. Большой интерес для темы нашего исследования представляют научные разработки иностранных учёных, акцентирующих внимание на природе, сущности и функциях политической системы, а также характеризующих политическую методологию, среди них А. Алезина [389], Х. Алкер [389], Г. Алмонд [5, 6, 389], Дж. Альт [389], А. Аткинсон [389], К. фон Байме [389], Д. Берг-Шлоссер [389], Б. Бэрри [389], Б. Вейнгаст [389], С. Верба [5], Т. Гоббс [118], Д. Гольдблатт [559], К. Гоулдманн [389], Б. Грофман [389], Р. Гудин [389], П. Данливи [389], Дж. Джексон [389], Э. Джентиле [146], Г. Дрюри [389], Э. Карминес [389], Р. Кеохейн [389], Х-Д. Клингенманн [389], Д. Кола [231], Т. Лемке [680], К. Макгроу [389], Э. Макгрю [559], К. Маркс [289, 290, 292, 293, 295], Ж. де Мёр [389], У. Миллер [389], К. Оффе [389], Ф. Паппи [389], Б. Парех [389], Дж. Перратон [559], Б. Питерс [389], Ч. Рейджин [389], Б. Ротстайн [389], Д. Сандерс [389], Дж. Тикнер [389], Э. Тоффлер [472], С.

Файнер [673], Э. Фёгелин [497], Р. Хакфельд [389], Д. Хелд [559], У. Шмид [630], К. Шмитт [631, 632], Ф. Энгельс [641, 642], А. Янг [389].

Непосредственно исследовали геополитические процессы отечественные учёные, труды которых были использованы в настоящей диссертационной работе: И.В. Алексеева [2], С.Н. Бабурин [13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 22], Н.В. Багров [25], А.В. Баранов [33], Н.А. Баранов [34, 35, 36], А.В. Бедрицкий [42], О.В. Братимов [61], С.А. Бурцева [69], А.Е. Вандам (Едрихин) [81], В.Б. Вепринцев [88], К.С. Гаджиев [103], С.Ю. Глазьев [113, 114, 115], Ю.М. Горский [61], Н.Я. Данилевский [137], М.Г. Делягин [61, 141], В.А. Дергачёв [142-145], А.Г. Дугин [151, 152, 153], А.Б. Елацков [158], А.И. Емельянов [160], Н.В. Ерёмина [161], З.А. Жаде [162, 163], М.В. Жеребкин [173], Е.И. Зеленов [2], Г.А. Зюганов [182], Л.Г. Ивашов [183], А.А. Ирхин [192], В.В. Карякин [214], А.В. Коваленко [61], В.А. Колосов [232], Н.А. Комлева [235-239], А.Г. Конфисахор [161], В.И. Ленин [265], Н.С. Мироненко [232], Е.Ф. Морозов [325, 326, 327], Н.А. Нарочницкая [331, 332], В.А. Никонов [344, 345], Ю.В. Олейников [356, 357], Н.М. Омаров [363], А.С. Панарин [369], П.Н. Савицкий [422-435], Т.А. Сенюшкина [442], Д.В. Солонников [161], Е.Н. Сулима [107], Н.С. Трубецкой [477], А.И. Уткин [490, 491, 492], С.В. Хатунцев [555, 556, 557], В.Л. Цымбурский [579-612], И.В. Шамин [619, 620], М.А. Шепелев [625-628], С.В. Юрченко [645-658], В.И. Якунин [2].

Из зарубежных авторов, рассматривавших геополитические отношения, интерес представляют работы Е. дель Анъезе [662], М. Арчер [663], З. Я. Бартосяка [665, 666], У. Бека [667], Бжезинского [54, 55], С. Бископа [668], В. Биттнера [56], Д. Блэка [669], Р. Блэквилла [57], Д. Гольдблатта [559], К. Гэдди [560], И. Даальдера [134], С. Долби [684], Д. Ергина [690], К. Кайзера [204], Р. Каплана [209], Г. Киссенджера [677], И. К. фон Клаузевица [225], Клементы [678], Р. Коэна [670], Р. Кроули [250], Л. Ларуш [679], А. Леклерка [262], Д. Линдсэя [134], В. Линка [272], Э. Макгрю [559], Х. Маккиндера [280, 281, 282], Р. Медкалфа [681], Ф. Моро-Дефаржа [324], А. Мэхэна [328], Ф. Науманна [335], М. Ослина [664], Дж. Перратона [559], В. Пети [683], Ф. Семпа [685], Г. Соренсена [676], Н. Спикмэна [454-459], Дж. Ставридис [687], Х. Старра [686], Дж. Стэка

[674], Дж. Тоала [684], Ф. Фукуямы [549, 550, 551], С. Хантингтона [554], Дж. Харрис [57], К. Хаусхофера [558], Л. Хеврона [674], Д. Хелда [559], Ф. Хилл [560], Х.-Х. Холма [676], Н. Хомского [563], Р. Челлена [613, 614], У. Шмида [630], К. Шмитта [631, 632], Э. Шопрада [633], О. Шпенглера [634, 635].

Одной из основных, наряду с политикой и геополитикой, в предметном поле данного исследования является категория цивилизации, которая показывает и выражает социальный феномен, выполняющий детерминирующие функции для геополитических процессов и геополитического устройства мира непосредственно. Среди отечественных авторов, труды которых по проблемам цивилизации представляют интерес для нашего исследования, можно назвать С.С. Аверенцева [150], В.П. Алексеева [150], Р.К. Баландина [28], А.О. Безрукова [413], Л.Г. Бондарева [28], М.А. Барга [38, 39], В.А. Беляева [43], Н.А. Бердяева [45, 47, 48], Ю.Е. Берёзкина [51], Г.М. Бонгарда-Левина [150], А.В. Гордона [120], Г.С. Гудожника [124, 125], Л.Н. Гумилёва [126, 127, 128], А.Я. Гуревича [129, 130], Н.Я. Данилевского [137], А.Г. Дугина [153], М.В. Жеребкина [166, 167], Е.М. Жукова [174, 401], В.П. Илюшечкина [188, 189, 190], Л.М. Капицу [207], С.П. Капицу [208], А.А. Кара-Мурзу [210], С.А. Кара-Мурзу [211], Н.А. Комлеву [235-239], Н.А. Костомарова [242], А.Н. Костяева [244], В.И. Ленина [265], Н.Ю. Максимова [244], В.М. Массона [150, 297, 298], В.М. Межуева [304, 305], Л.И. Мечникова [309], Н.Н. Моисеева [317, 318, 319], В.А. Никонова [344, 345], Л.И. Новикову [7, 573], Ю.В. Олейникова [257, 350, 351, 352, 358, 360], Г.П. Орлова [546], Ю.В. Павленко [367, 566-569], А.С. Панарина [369], Ю.Н. Пахомова [566-569], П.Н. Савицкого [422-435], В.Н. Сагатовского [436], Т.А. Сенюшкину [441, 442], П.А. Сорокина [451, 452], В.С. Стёпина [460], А.А. Сушенцова [413], Н.С. Трубецкого [477], Ф.И. Тютчева [478], Н.И. Ульянова [483], С.В. Хатунцева [555, 556, 557], В. Цаплина [564].

Работы зарубежных авторов по цивилизационной тематике также были использованы в процессе нашего исследования. Среди них: Е. дель Анъезе [662], Р. Арон [12], У. Бек [667], В. Беренс III [303], С. Бископ [668], П. Бьюкенен [75], И. Валлерстайн [77-80], М. Вебер [85, 86], Ф. Гваттари [140], Э. Гидденс [111], Д.

Гольдблатт [559], К. Гэдди [560], Дж. Гэлбрейт [132, 133], Ж. Делез [140], Д. Ергин [690], Р. Каплан [209], Л. Ларуш [679], А. Леклерк [262], Э. Макгрю [559], К. Маркс [287, 288, 292, 296], Д.Л. Медоуз [303], Д.Х. Медоуз [303], Дж. Перратон [559], Э. Пестель [382], В. Пети [683], А. Печчеи [384], Й. Рэндерс [303], П. Тейяр де Шарден [463], А. Тойнби [470], Э. Тоффлер [472-476], Х. Уайт [479], Д. Уилбер [480], А. Фергюссон [672], Ф. Фукуяма [549, 550, 551], Ю. Хабермас [553], С. Хантингтон [554], К. Хаусхофер [558], Л. Хеврон [674], Д. Хелд [559], Ф. Хилл, [560], Н. Хомский [563], О. Шпенглер [634, 635], Ф. Энгельс [640, 641, 642], К. Ясперс [661].

В связи с тем, что цивилизация рассматривается нами как своеобразное продолжение культуры, понимаемой в самом широком смысле, включающем её материальные и духовные проявления; как оформление культурных достижений и обустройство на их основе социального пространства, категория культуры является важнейшим аспектом нашего исследования. В этом контексте мы ориентировались на изучение научных трудов, в которых культура рассматривается как признак, следствие и результат человеческой деятельности. Так отечественные учёные В.П. Алексеев [4], И.Л. Андреев [8], Н.А. Бердяев [49], А.А. Брудный [64], Ю.П. Вяземский [444], Н.Я. Данилевский [137], П.М. Ершов [444], М.В. Жеребкин [170], Е.М. Жуков [174, 401], Л.М. Капица [207], С.П. Капица [208], Н.Н. Киселёв [218, 219], Э.И. Колчинский [233, 234], В.М. Массон [297, 298], Л.П. Машненкова [301], Ю.К. Плетников [385, 386], А.М. Румянцев [418], Ю.И. Семёнов [440], П.В. Симонов [444], В.С. Стёпин [460], А.С. Тимошук [467, 468], В.И. Толстых [402], А.Д. Урсул [486-489], Г.П. Федотов [495, 496] исследовали состояние культуры общества в её генезисе и функциональном применении. Интересующие нас аспекты культуры исследовались такими зарубежными авторами как А. Бергсон [44], В. Беренс III [303], Х. Бюркле [76], Э. Гидденс [111], Д. Гольдблатт [559], Дж. Гэлбрейт [132, 133], Д. Ергин [690], А. Камю [462], Л. Ларуш [679], Э. Макгрю [559], Д.Л. Медоуз [303], Д.Х. Медоуз [303], Ф. Ницше [462], Дж. Перратон [559], Э. Пестель [382], Й. Рэндерс [303], Ж.-П. Сартр [462], З. Фрейд [462], Э. Фромм [462, 547], П. Тейяр де Шарден [463], А.

Тойнби [470], Э. Тоффлер [473-476], Д. Уилбер [480], Д. Хелд [559].

Очевидно, что геополитика, цивилизация и культура, как социальные явления, по масштабам своего развёртывания являются глобальными процессами, имеющими всемирно-исторический характер. Отсюда, изучение работ по всемирной истории и истории России становится необходимым для исследования геополитического устройства мира в культурно-цивилизационном измерении. Интересующие нас анализы, оценки, характеристики, акценты и выводы по вопросам всемирно-исторического развития мы находим в трудах отечественных учёных – В.П. Алексеева [4, 197, 198, 199], Ю.В. Бромлея [197, 198, 199], В.В. Бунака [67], Г.В. Вернадского [92], В.М. Вильчека [94], Ю.П. Вяземского [444], И.А. Гобозова [119], Н.Я. Данилевского [137], И.М. Дьяконова [195], П.М. Ершова [444], М.В. Жеребкина [167, 168], В.Ж. Келле [215], Н.В. Клягина [227], М.Я. Ковальзона [215], В.И. Кузицина [194], В.М. Массона [297, 298], М.И. Мельтюхова [307, 308], В.Н. Никифорова [340, 341, 342], Ю.В. Павленко [367], Н.П. Павлова-Сильванского [368], А.С. Панарина [369], А.И. Першица [197], Ю.К. Плетникова [284, 285, 286], Б.Ф. Поршнева [394, 395], Ржешевского [1], М.И. Румянцева [200], И.С. Свенцицкой [196], Ю.И. Семёнова [197, 198, 284, 440], П.В. Симонова [444], Р.А. Фадеева [493], З.М. Черниловского [615]. В работах зарубежных учёных – Ф. Броделя [62, 63], А. Тойнби [470], Х. Уайта [479], Д. Уилбера [480], Ф. Энгельса [640, 641, 642], К. Ясперса [661] – интерес представляли интерпретации исторического процесса сквозь призму культурно-цивилизационного восприятия, а также используемые методологические подходы для описания, характеристики и оценки исторических событий.

Общество является общей, генерализирующей категорией и для политики, и для геополитики, и для цивилизации, и для культуры. Соответственно, рассматривая проблему геополитического устройства мира в культурно-цивилизационном измерении невозможно уйти от изучения тех аспектов социальной системы (общества), которые связаны с реализацией деятельностных качеств человека, определяющих культурно-цивилизационное строительство и геополитическую активность. Именно системные признаки общества и его

исторический генезис позволяют чётче представлять сущностные качества человеческой культуры, цивилизации и геополитических отношений. В этой направленности рассматриваются труды таких отечественных исследователей: В.П. Алексеев [4, 197, 198, 199], Ю.В. Бромлей [197, 198, 199], О.А. Базалук [26], В.В. Байлук [27], С.С. Батенин [40], Г.А. Бачинский [41], Н.А. Бердяев [45-49], П.И. Борисковский [59], С. Ю. Бородай [60], Л.П. Буева [65], В.В. Бунак [67], А.П. Бутенко [70-74], И.П. Вейнберг [87], В.И. Вернадский [90, 91], П.А. Водопьянов [179], А.И. Волков [99], Ю.П. Вяземский [444], О.А. Габриелян [346], В.Ф. Галецкий [334], А.А. Горелов [104], Б.А. Грушин [122], Г.С. Гудожник [123], Д.В. Гурьев [131], Н.Я. Данилевский [137], И.М. Дьяконов [195], В.С. Егоров [155], М. С. Ельчанинов [159], П.М. Ершов [444], Е.М. Жуков [174, 401], А.И. Зеленков [179], И.М. Забелин [255], А.А. Зиновьев [181], М.С. Каган [201, 202], Л.М. Капица [207], С.П. Капица [208], Р.С. Карпинская [212, 213], В.Ж. Келле [215], Н.В. Клягин [227], М.Я. Ковальзон [215], Д. Кола [231], Э.И. Колчинский [234], С.Э. Крапивенский [246], А.М. Кривуля [248], О.Н. Крутова [252, 253, 254], И.В. Круть [255], В.И. Кузищин [194], В.И. Ленин [263, 264, 265, 268, 269], А.А. Макаровский [277, 278], Л.П. Машненкова [301], Н.Н. Моисеев [314-317, 320, 321, 322], К.Х. Момджян [323], А.А. Овсянников [334], Ю.В. Олейников [257, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 359, 360], А.В. Олескин [361, 362], Г.П. Орлов [546], А.С. Панарин [369], А.И. Першиц [197], Ю.К. Плетников [284, 285, 286], Б.Ф. Поршнева [394, 395], И. Пригожин [397, 398], Н.М. Римашевская [334], С.Л. Рубинштейн [416], А.М. Румянцев [418], М.И. Румянцев [200], И.С. Свенцицкая [196], Ю.И. Семёнов [197, 198, 284, 440], П.В. Симонов [444], П.А. Сорокин [451, 452], В.С. Стёпин [460], А.С. Тимошук [467, 468], В.И. Толстых [402], А.Д. Урсул [486-489], Е.Т. Фаддеев [93, 544], Г.П. Федотов [495, 496], И.Т. Фролов [180, 320], П.А. Цыганков [574], В.Н. Шевченко [624].

Из зарубежных авторов были рассмотрены работы М. Арчер [663], А. Бергсона [44], В. Беренса III [303], Л. фон Берталанфи [52, 53], Д. Бонхёффера [58], Х. Бюркле [76], Г. Гегеля [106], Э. Гидденса [111], Т. Гоббса [118], Д. Гольдблатта [559], Дж. Гэлбрейта [132, 133], Й. Дворжака [139], Э. Джентиле

[146], Д. Ергина [690], А. Камю [462], Д. Кола [231], Я. Кэндзюро [258], Л. Ларуша [679], Э. Макгрю [559], К. Маркса [287-290, 292-295], Д.Л. Медоуза [303], Д.Х. Медоуз [303], Ф. Ницше [462], Дж. Пerratона [559], Э. Пестеля [382], А. Печчеи [384], Й. Рэндерса [303], Ж.-П. Сартра [462], П. Тейяра де Шардена [463], А. Тойнби [470], Э. Тоффлера [472-476], А. Фергюссона [672], З. Фрейда [462], Э. Фромма [462, 547], М. Фуко [548], Ю. Хабермаса [553], Д. Хелда [559], Н. Хомского [563], Ф. Энгельса [640, 641, 642].

Представленная в исследовании концепция оси Мировой культуры с образующимися культурно-цивилизационными очагами выводит на российский культурно-цивилизационный очаг, который обеспечивает становление Российской цивилизации и статус России в качестве ведущего геополитического игрока. Следовательно, категория России, понимаемой в культурно-цивилизационном измерении, становится важнейшей в нашем подходе к использованию литературы по теме исследования. При этом, основной акцент был сделан на работы отечественных учёных, потому что взгляд изнутри в данном случае оказывается наиболее разносторонний и глубоким, более предметным, нежели наблюдения зарубежных авторов. И.В. Алексеева [2], В. Алексеев [3], С.Н. Бабурин [13, 14, 16-24], А.В. Баранов [29-36], П.М. Богаевский [481], А.М. Волконский [481], С.Ю. Глазьев [113], Н.Я. Данилевский [137], М.Г. Делягин [141], В.А. Дергачёв [145], А.И. Дикий [147, 148], А.Г. Дугин [151, 153], М.С. Ельчанинов [159], А.И. Емельянов [160], М.В. Жеребкин [164-173], Е.И. Зеленов [2], Г.А. Зюганов [182], Л.Г. Ивашов [183], А.А. Ирхин [192], С.А. Кара-Мурза [211], Н.В. Киселёва [220], С.Н. Киселёв [220-223], Н.Г. Козин [230], Н.А. Костомаров [242], И.А. Линниченко [481], Б.М. Ляпунов [481], Н.И. Надеждин [329], Н.А. Нарочницкая [331, 332], А.Р. Никифоров [337, 338, 339], Никонов [344, 345], Ю.В. Олейников [356, 357], А.С. Панарин [369], Н.М. Пашаева [371, 372], П.И. Пашковский [373-381], П.Н. Савицкий [422-435], Т.А. Сенюшкина [441], Е.С. Сенявская [443], И.И. Тёрох [466], А.Г. Топчиев [471], Н.С. Трубецкой [477], А.И. Уткин [490], Е.А. Ходаковский [561, 562], В.Л. Цымбурский [579, 580, 583-591, 593-603, 607, 611, 612], А.В. Стороженко [481], А.И. Савенко [481], Ю.Д.

Романовский [481], М.Б. Смолин [481], Н.И. Ульянов [483], Г.П. Федотов [495, 496], Т.Д. Флоринский [481], А. Царинный [481], С.В. Юрченко [648, 649, 650, 654, 655, 658], В.И. Якунин [2] исследовали вопросы российской истории, её культурно-цивилизационное наполнение, этно-культурный и политический сепаратизм, феномен украинства, статус и роль Крыма, геополитические функции российского государства в формате различных исторических эпох и политических режимов.

Более развёрнуто и подробно работы ведущих исследователей геополитических процессов, с оценкой формулируемых ими подходов и выводов будут рассмотрены в первом разделе (1.2.).

Цель диссертационного исследования – выявить и охарактеризовать роль культурно-цивилизационных доминант в системе геополитического устройства мира. Обозначенная цель может быть достигнута с помощью решения ряда конкретных **исследовательских задач**:

- 1) уточнить категориальный аппарат, включая понятия политики и геополитики, необходимый для исследования проблемы;
- 2) показать воздействие политических процессов на формирование мирового социокультурного пространства;
- 3) охарактеризовать влияние цивилизационных форм на мировые политические процессы;
- 4) определить связь современных центров геополитического влияния с их культурно-цивилизационными очагами;
- 5) исследовать влияние культурно-цивилизационных матриц на геополитическое взаимодействие ведущих акторов международных отношений;
- 6) определить понятие «ось Мировой культуры» и проследить историческое перемещение её центров;
- 7) охарактеризовать воздействие культурно-цивилизационных центров на структуру геополитической многополярности;
- 8) обосновать перспективные цивилизационные тренды в соотнесении с осью Мировой культуры;

9) исследовать роль России в геополитическом форматировании в современном мире исходя из её цивилизационного потенциала;

10) определить место Украины в структуре российской геополитики;

11) оценить значение воссоединения Крыма с Россией.

Объектом исследования является геополитическое устройство мира.

Предметом исследования выступает культурно-цивилизационное измерение геополитического устройства мира.

Хронологические рамки исследования определяются периодом всемирной истории, начиная с формирования первородных культурно-цивилизационных очагов. При этом акцент делается на современном состоянии человеческого общества и присущих ему культурно-цивилизационных форм.

Основная научная гипотеза исследования. Геополитическое устройство мира обусловлено статусом государств, который определяется уровнем их цивилизационного развития, а геополитическая субъектность основывается на технологиях культурно-цивилизационного влияния. Геополитическими акторами (субъектами) становятся государства: а) выражающие доминирующую в данный исторический период цивилизационную конструкцию, б) связанные с прежними доминирующими цивилизациями, модели которых были модифицированы новыми цивилизационными технологиями, внедрёнными в традиционное социокультурное поле, в) представляющие потенциальные цивилизации (имеющими перспективу цивилизационного развития в направлении доминирования) со сложившимся самобытным социокультурным пространством, как платформой для цивилизационного оформления.

Теоретико-методологические основы исследования. Как известно, первые геополитические концепции, признанные сейчас таковыми, были созданы авторами, которые не знали о том, что они геополитики и даже не предполагали, что существует такая научная дисциплина. Мы имеем в виду не только философа и социолога Н.Я. Данилевского [137], по сути дела первого полноценного геополитика, и военно-морского историка и теоретика А. Мэхэна [328], но также географа и этно-социолога Ф. Ратцеля, назвавшего в 1897 г. область своих

исследований политической географией [407]. Данный факт фиксируется с одной единственной целью – геополитика формировалась на базе социально-философских и ряда социально-гуманитарных наук – социологии, истории, географии, этнологии. Следовательно, в познавательный аппарат геополитики были изначально заложены методы и научные подходы различных дисциплин. В то же время, с учётом оформления в середине XX века политической науки в самостоятельную научную дисциплину, геополитика, прежде всего, использует политологические методы и подходы. Исходя из этого будет строиться методология настоящего исследования.

Таким образом, методология нашего исследования означает формирование его направления (пути познания), наполненного необходимой структурой научного знания, включающего сопряжённые научной цели теории и научные предметы. В этом смысле методология создаёт основы для исследовательской деятельности (в данном случае, обусловленной нашим предметом исследования), которая наполняется совокупностью научных подходов, определяющих существенные и значимые стороны исследования по заданной научной теме.

Одними из наиболее важных для исследования заявленной темы являются такие научные подходы как:

- цивилизационный, учитывающий специфику цивилизационных конструкций и особенности лежащих в их основе культур,
- геополитический, применяемый для изучения и анализа внутренних и внешних факторов существования геополитических акторов и всей геополитической системы, а также условий протекания геополитического процесса,
- социально-философский, позволяющий выявить зависимость геополитики от состояния общества, включая её культурно-цивилизационный тип,
- антропологический, обосновывающий определяющее значение человеческой природы с её качествами сознания в процессе формирования общества, его культуры, цивилизационных конструкций и моделей,

– деятельностный, который в нашем случае используется для исследования изменений в социоэкологической среде в процессе исторического взаимодействия человека (общества) и природы. Деятельностный подход в исследовании даёт возможность показать значительную роль деятельностного фактора в процессе формирования универсальных исторических и культурно-цивилизационных типов социума. Деятельностный фактор, в конечном итоге, оказывается решающим при определении исторических способов взаимодействия общества и природы и условий социального существования, которые определяют формирование очагов оси Мировой культуры и доминирующих цивилизационных моделей.

Системный и нормативно-ценностный подходы необходимы для изучения культуры, политики, цивилизации и геополитики как сфер общественной жизни и способов социальной организации.

Необходимым элементом исследовательской технологии, наряду с методологией и научными подходами, является комплекс научных методов, которые имеют схожие с научными подходами задачи и функции по операционализации исследования, но отличаются своей спецификой, когда внимание акцентируется на способах и приёмах проведения исследования. В качестве методов исследования будут использоваться сравнительный, исторический, функциональный и метод структурно-функционального анализа, институциональный, дескриптивный.

На основе обозначенной методологии и методов будут выстроены культурно-цивилизационная и геополитическая парадигмы настоящего исследования, которые в состоянии также выполнять методологические функции.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

1. В процессе формирования категориального аппарата исследования даются авторские определения ряду устоявшихся понятий – «политика», «геополитика», «культура», «цивилизация», которые актуализируют их применение к заданной теме в режиме использования в качестве исследовательского инструментария.

2. К категории научной новизны следует отнести определение политики как сферы реализации социальных интересов субъектов деятельности, которые в этих случаях выходят за границы социальных потребностей. Исходя из понятия политики, геополитика определяется как деятельность в глобальном географическом пространстве, направленная на продвижение и утверждение интересов государств, обладающих признаками позитивной субъектности.

3. Понятие культуры, в широком смысле, рассматривается как способ, результат и условия социальной деятельности человека.

4. В корреляции с культурой даётся определение цивилизации, понимаемой как совокупность приёмов, способов, техник и технологий, обеспечивающих оформление и упорядочивание культурных достижений общества в масштабе глобального пространства и выработку комплекса регламентирующих стандартов жизни общества.

5. Разрабатываются и определяются понятия «источник социального существования», «способ экзистенциального взаимодействия», «универсальный исторический тип общества» в соответствии с достижением цели и решением поставленных задач настоящего исследования.

6. Вводятся понятия оси Мировой культуры и очагов оси Мировой культуры, объясняющих возникновение исторических культурно-цивилизационных центров, которые выступают в качестве детерминантов образования центров геополитического влияния и формирования системы геополитического устройства мира на определённых исторических стадиях его развития.

7. Даются определения и вводятся в научный оборот исследования понятия репродуктивной цивилизации и имплантационной модели цивилизации, цивилизационных спутников и этнокультурных осколков.

8. Комплекс разработанных и введённых в научный оборот понятий, выступающий в качестве теоретического инструментария данного исследования, обеспечивает создание определенной парадигмы, которая позволяет обосновать подходы в изучении проблемы геополитического устройства мира в контексте

культурно-цивилизационного развития, полученные результаты и сделанные выводы.

9. Оценка природно-географических условий исторического существования человеческого общества и деятельностного фактора преобразования среды социального существования позволяет определить и представить исторический процесс смены очагов оси Мировой культуры, его закономерность; обосновать глобальную тенденцию линейного последовательного культурно-цивилизационного развития.

10. На основе сменяемости очагов оси Мировой культуры выводится зависимость системы геополитических отношений от доминирующих цивилизационных моделей на всём протяжении исторического развития, которые (модели) в свою очередь становятся производными от господствующего очага оси Мировой культуры.

11. В результате обосновывается прогноз об образовании вслед за европейским очагом оси Мировой культуры, обеспечившим существование Европейской цивилизации и её геополитических центров, доминирующих в мире, нового очага оси Мировой культуры, который возникает в рамках географического пространства Урала и Южной Сибири. Новый очаг оси Мировой культуры в авторской редакции обозначается как российский, создающий российскую модель цивилизации и определяющий место России в геополитическом пространстве в статусе ведущего геополитического игрока.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Существует основополагающее значение деятельностных качеств человека, реализуемых под влиянием условий определённой природно-географической и климатической среды, в образовании узловых культурных очагов в мировой истории.

2. Источник социального существования, формирующийся в результате взаимодействия человека с природными процессами, обеспечивает жизненноважные условия существования общества и в процессе исторического развития проходит определённые стадии: природо-пользовательную, природо-

организующую и природо-созидающую.

3. Качественные особенности процесса взаимодействия общества и природной среды определяются и обозначаются в рамках сменяющих друг друга способов экзистенциального взаимодействия: присваивающего, производящего и созидающего.

4. Анализ глобального социально-исторического развития показывает, что его характеристика сквозь призму универсальных исторических типов обществ или социумов – зависимого, обусловленного и автономного – позволяет отметить и выделить особенности деятельностного освоения человеком окружающей природно-географической среды, что является основой формирования социокультурного пространства с возможностями его цивилизационного обустройства.

5. В глобальном плане история человечества является последовательным процессом освоения всё более трудных, в т.ч. по климатическим условиям, геоприродных пространств, которые требуют качественного усложнения организации социального существования человека. Отсюда формулируется, по сути, социальный закон возникновения и перемещения очагов культуры человечества и образования на их базе доминирующих цивилизационных конструкций. В этом плане – глобального пространства и глобального исторического времени – социальная история человечества есть линейный процесс, в рамках которого могут проявлять себя разного рода нелинейные движения.

6. История человечества рассматривается с базовых позиций как процесс культурного освоения окружающей среды и создания социокультурного пространства. Поэтому культура рассматривается как средство и способ освоения и преобразования геоприродного пространства, в процессе которых выстраивается мироздание для человека в соответствии с утвердившейся общей культурной парадигмой, по определенным культурным моделям.

7. В процессе исторического освоения геоприродных пространств и их социокультурного освоения происходит выстраивание очагов оси Мировой

культуры; формирование на их основе цивилизационных конструкций, которые обеспечивают существование центров геополитического влияния.

8. Образование культурно-цивилизационных очагов в своей основе осуществляется благодаря социокультурной системе, которая предстаёт в качестве многообразия всех элементов социальной деятельности общества, осваивающего определённую глобальную природно-географическую среду. Социокультурная система являет собой комплекс различных сфер и форм человеческой деятельности – социально-организующей, экономической, политической, религиозной, научно-преобразовательной, искусства, – которые особо и отдельно (как, например, религиозно-конфессиональная) или в их сочетании (политической, к примеру, с экономической или религиозной) могут на определённом историческом этапе и в определённом глобальном геоприродном регионе выступать в качестве доминирующих, оказывать наибольшее влияние на образ культурно-цивилизационного очага, формирование геополитического центра и способы реализации его геополитических интересов.

9. Формирование модели цивилизационного обустройства окультуренного пространства происходит под влиянием специфики природно-географической среды, характера деятельностного освоения её обществом, сложившихся культурных факторов и достигнутым уровнем социокультурного развития.

10. Цивилизация обнаруживает и проявляет себя в историческом процессе в двух основных измерениях – статусном и функциональном. В первом измерении цивилизация выступает в качестве сущностного явления социальной природы человеческого общества, наделена социогенетическими признаками, обуславливающими её возникновение на определённом этапе социально-исторического развития. Такое измерение означает существование глобальной человеческой цивилизации. В его рамках мы можем выделять цивилизационные типы, свойственные универсальным историческим типам социума, возникающих и основывающихся на соответствующих способах экзистенциального взаимодействия общества и природы.

Второе функциональное измерение соответствует феноменальным

пространственно-очерченным историческим цивилизациям – геолокальным цивилизациям, которые образуются в крупных и устойчивых социокультурных комплексах. На базе функциональных цивилизаций формируются государства или государственные образования со статусом региональных и геополитических лидеров (в рамках государственных образований определённой цивилизационной конструкции происходит борьба за внутрицивилизационное и геополитическое господство). Наиболее глубоко и ярко в таких цивилизационных конструкциях обнаруживается влияние цивилизационных стандартов на политические процессы. И обратное влияние политических процессов на цивилизационное устройство.

11. Геополитическое устройство мира происходит в контексте развёртывания очагов оси Мировой культуры, которые создают культурно-цивилизационные основания геополитического доминирования определённых государств. Отсюда возникает вектор зависимости цивилизационно-геополитического форматирования от контекста оси Мировой культуры.

12. Геополитический центр формируется вследствие культурно-цивилизационного развития и обретает силу и значение благодаря, прежде всего, использованию передовых цивилизационных технологий. В этом плане, геополитический центр образуется на платформе цивилизационной модели, господствующей или имеющей интенции к господству. По сути дела, геополитические центры выступают в качестве орудий межцивилизационных противоречий и борьбы между различными цивилизационными системами.

13. В цивилизационной истории человечества выделяются два типа цивилизации, которые непосредственно влияют на геополитическое поведение представляющих их государств – дисперсный и интегративный. Возникновение таких типов цивилизаций связано с самим процессом цивилизационного конструирования, осуществляемого под влиянием данного очага оси Мировой культуры, социокультурного пространства и опосредовано деятельностным фактором в условиях природно-географической климатической среды.

14. Установив взаимозависимость между явлениями культуры,

цивилизации, политики и геополитики, мы можем утверждать, что в основе геополитических отношений, борьбы и устройства лежат цивилизационные интересы, выражаемыми определёнными государствами. Только статус сопряжённости государства с соответствующей цивилизационной моделью, позволяющий выполнять функции доминирующего центра, даёт возможность включаться в геополитические процессы в качестве субъекта и актора. Более того, утрата или отказ от цивилизационных интересов не просто выводит государство из поля геополитики, но и лишает его собственных цивилизационных устоев, что может привести к культурно-цивилизационной смерти.

15. Попытки Украины, как государства, выстроить собственную, отличную от российской, линию геополитического поведения неизбежно приводит к: а) глубочайшим внутренним социально-политическим и территориально-политическим конфликтам, б) конфронтации с наследниками исторической России (в настоящее время это Российская Федерация, Приднестровская Молдавская республика и, в определённой степени, Белоруссия), в) русофобии в политическом администрировании и массовом сознании, г) поиску внешних покровителей из числа цивилизационных и геополитических врагов России и превращению в инструмент их геополитической борьбы. Такая ситуация возникает вследствие того, что Украина, как территория, вместе с Российской Федерацией и другими бывшими частями исторической России (в т.ч. СССР) включена в общую культурно-цивилизационную матрицу.

16. Возвращение Крыма в состав Российской Федерации весной 2014 г. стало естественной реакцией на углубление социального (включая все сферы общественной жизни) раскола Украины с Российской Федерацией, инициированного и осуществляемого украинским политическим режимом, пришедшим к власти в результате государственного переворота 21-22 февраля 2014 г. За весь период нахождения Крыма, вместе с Севастополем, в составе постсоветской Украины (1991-2014 гг.) его население в абсолютном большинстве видело себя в российском социокультурном пространстве, несмотря на политическое дистанцирование государственного руководства Российской

Федерации.

Теоретическое значение работы содержится в расширении методологической базы исследования геополитических процессов за счёт рассмотрения их в контексте культурно-цивилизационных изменений, в определении закономерностей геополитического устройства доминирующими типами цивилизаций, которые реализуют себя, свой потенциал в природно-географической среде.

Спецификой предложенной концепции, строящейся на основе разработанной парадигмы исследования, состоит в том, что она оценивает геополитическое устройство мира сквозь призму объяснения исторического процесса смены очагов в оси Мировой культуры и характеристики образуемых на их основе цивилизационно-геополитических центров. Это даёт возможность обосновать становление нового очага оси Мировой культуры в социокультурном пространстве исторической России и возникновение соответствующего цивилизационно-геополитического центра.

В диссертации рассмотрены и проанализированы важнейшие события исторического и современного существования России и её геополитического окружения. В описании этих событий используется цивилизационный подход, который строится на основе авторской концепции глобального исторического социокультурного развития, определяющего формирование цивилизационных конструкций. В этом контексте Россия рассматривается как особая и самостоятельная цивилизационная модель, прошедшая тысячелетнюю стадию подгонки, подстройки и настройки и вступающая в эпоху собственного цивилизационного и геополитического доминирования. При этом отмечается, что геополитика, как способ реализации интересов доминирующих государств в глобальных географических пространствах, является производной от возможностей культурно-цивилизационной матрицы.

Практическая значимость диссертационного исследования образуется на основе сформулированных теоретических положений и выводов, которые дают возможность выработки предметных и операциональных моделей

геополитической стратегии и поведения на международной арене, прежде всего для России.

Данное в исследовании определение Российской цивилизации, идущей на смену евроатлантическому цивилизационному и геополитическому господству, позволяет сформулировать тот образ или проект будущего, который совершенно необходим для существования общества, наполнения его смыслами, представлениями и замыслами. Тот образ, который может обеспечить эффективность социального организма, устойчивость государства, хозяйственное благополучие, морально-правовые устои и баланс политических интересов.

Существенное практическое значение для современной Российской Федерации в сфере выстраивания международных отношений, геополитического позиционирования в мире, в т.ч. в границах бывшего Советского Союза, имеет разработанная культурно-цивилизационная концепция, рассматривающая Российскую цивилизацию как результат совместного социокультурного творчества различных этнических сообществ, как коренных, так и иноземных. Российская цивилизационная модель оформлялась на базе общерусского (предками современных белорусов, русских, русинов и украинцев) этнокультурного стержня при активном сотворчестве тюрок, финно-угров, кавказцев, прибалтов, включённых в единое социокультурное пространство исторической России. В результате, к примеру, российские тюрки только в рамках Российской цивилизации могут получить условия для своего самобытного культурно-цивилизационного развития как составной части особой и отдельной цивилизационной конструкции. В современной Турции они будут лишены такой возможности уже потому, что турецкое общество исторически репродуцировало Арабскую цивилизационную модель, а теперь пытается включиться (безрезультатно) в Европейскую цивилизацию. Таким образом, продвижение модели Российской цивилизации в предложенной редакции и, главное, с данными обоснованиями, будет продуктивно способствовать вовлечению (или, точнее, возвращению) в общее культурно-цивилизационное строительство всех этнических сообществ, традиционно проживающих на территории исторической

России – от Новгородско-Киевской Руси до СССР. То есть, речь идёт о проекте и плане будущего, которые можно предложить, не навязывая, всем постсоветским сообществам.

Полученные результаты исследования могут быть использованы при чтении лекций по базовым курсам политологии, социологии и социальной философии, по спецкурсам «Геополитика», «Теория политики», «Политическая философия», «Политическая география», «Геофилософия» в спецкурсах по истории и теории культуры, в спецкурсах, посвященных проблемам глобализации и информатизации общества, а также при конструировании как моделей развития науки, так и моделей культурно-цивилизационного развития общества.

Сделанные в рамках исследования заключения, выводы, оценки и характеристики по проблемам цивилизационных и геополитических отношений могут быть использованы при разработках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции внешней политики Российской Федерации, Военной доктрины Российской Федерации, Основ государственной культурной политики.

Вполне уместно рассчитывать, что выводы исследования могут стать источником для анализа международных отношений в современном мире и принятии решений в практическом поле геополитики и международной жизни.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Объективный характер и достоверность результатов исследования обеспечивались выстраиванием внутренней логики работы на основе использования обоснованных методологических подходов и научных методов; а также способом соотнесения полученных выводов с существующими отечественными и зарубежными исследованиями, выходящими на актуальные проблемные аспекты нашей темы. В этом же контексте следует рассматривать выстраивание предметного поля данного исследования в общеисторический контекст, непротиворечивость ему и образование доказательной базы исходя из общепризнанных исторических фактах.

Основные положения диссертации изложены в выступлениях на более чем 170 международных и научных конференциях, симпозиумах, форумах, чтениях, круглых столах, проходивших в Белграде, Луганске, Киеве, Кишинёве, Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Симферополе, Харькове, Ялте.

Результаты диссертационного исследования представлены в 4 индивидуальных монографиях, 13 коллективных монографиях, 6 учебно-методических пособиях, 195 статьях, в том числе в 20 научных статьях в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации и приравненных к ним, 2 статьях в журналах Web of Science или Scopus. В них нашли отражение теоретические принципы и результаты различных аспектов и сторон исследования.

Публикации автора востребованы при подготовке учебных программ в российских и зарубежных высших учебных заведениях: Южно-Уральском государственном университете (Челябинск), Уральском государственном университете путей сообщения (Екатеринбург), Тувинском государственном университете (Кызыл), Бурятском государственном университете, Российском государственном социальном университете, Кубанском государственном университете, Сибирском институте управления-РАНХиГС (Новосибирск), Российском университете дружбы народов, вузах Белоруссии и др. – по проблемам геоглобалистики, международных отношений, экономической, социальной, политической географии, политической экономии, социокультурным аспектам, цивилизационным и геополитическим процессам. Отдельные положения исследования использовались при подготовке аналитических материалов для экспертно-аналитических центров и органов государственной власти Российской Федерации.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках научно-исследовательских тем кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»: «Роль и место Республики Крым и г.

Севастополь в реализации стратегии развития Российской Федерации: политическое, этноконфессиональное и международное измерения» (2016–2020 гг.), номер государственной регистрации АААА-А16-116051910058-1; «Роль и место Крыма в развитии Российской Федерации в условиях формирования нового мирового порядка: политическое и международное измерения» (2021–2025 гг.), номер государственной регистрации АААА-А21-121011990134-4.

Соответствие темы и содержания диссертации паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения, посвященные исследованию геополитического устройства мира в культурно-цивилизационном измерении, соответствуют пунктам паспорта специальности 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования, а именно:

п. 1 «Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ» находит выражение в а) разработанных концепциях: - оси Мировой культуры; - сменяемости очагов культурно-цивилизационного развития, создающих условия для геополитического позиционирования; - формирования цивилизационно-геополитических центров; - дисперсного и интегративного типа цивилизаций, влияющих на характер международных отношений и геополитическое устройство, б) включении в категориальный аппарат исследования авторских определений традиционных и новых понятий, в) изучении геополитических концепций в соотнесении с авторским подходом исследования проблемы;

п. 3 «Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики» отражён а) при определении геополитики как способа позиционирования государственных интересов в системе международных отношений и обоснования на основе этого статусного позиционирования государств, б) в процессе исследования геополитических процессов, используя характеристики этнокультурных осколков,

цивилизационных спутников и политических сателлитов, в) при исследовании мирового политического процесса в контексте культурно-цивилизационного доминирования;

п. 4 «Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов» отмечен в процессе исследования оси Мировой культуры, создающей основания для цивилизационного развития и формирования геополитических центров, определяющих характер международных отношений и раскрывается в рассмотрении культурно-цивилизационных факторов, формирующих систему международных отношений и геополитическую структуру мира;

п. 5 «Мировой порядок: теории, модели, генезис и трансформация. Фактор и центры силы в мировом порядке» находит свое выражение при рассмотрении цивилизационных моделей, детерминирующих геополитический статус международных акторов, исследовании природы цивилизационных спутников и политических сателлитов;

п. 6 «Мегатренды мирового развития» обнаруживает себя в процессе обоснования основной идеи исследования: детерминирующего влияния доминирующих культурно-цивилизационных моделей, образующихся на базе исторических очагов оси Мировой культуры, на геополитическое устройство мира, всю систему международных отношений;

п. 9 «Геополитические факторы и процессы» наиболее полно раскрыт в тексте, рассматривающим и характеризующим состояния позитивного, ограниченного и негативного суверенитета, являющихся следствием геополитических факторов и процессов, а также при анализе концепции так называемого «Поствестфальского мира»;

п. 18 «Евразийская интеграция. Политические аспекты Евразийской экономической интеграции. Российская Федерация и евразийская интеграция» и

п. 19 «Российская Федерация в системе международных отношений» представлены в выводах о формировании самостной модели Российской

цивилизации, строящейся на основе собственной социокультурной платформы и исторически развивающейся с использованием византийских и европейских цивилизационных стандартов, создающей условия и возможности для статуса ведущей геополитической силы.

Структура и объем диссертации. Структурно диссертация состоит из введения, четырёх разделов, включающих тринадцать подразделов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Общий объем диссертации составляет 477 страниц, из которых: 401 страница – основной текст; 70 страниц – список литературы, включающий 690 наименований; приложения занимают 6 страниц.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА МИРА

Любое научное или философское исследование требует, прежде всего, соответствующего инструментария, с помощью которого оно будет проводиться и с использованием которого будут формулироваться достигнутые результаты. Такого рода инструментарий в исследовательской деятельности образуется из категориального аппарата, основных понятий, используемых применительно к изучению выбранной научной проблемы. Собственно говоря, определённый категориальный аппарат, понятия, соответствующие исследовательской теме, и являются её инструментальной базой. В этом смысле, любое исследование следует начинать с формирования категориального аппарата и определения базовых понятий. Для нашего исследования к базовым понятиям следует отнести политику, культуру, цивилизацию, геополитику, обретающие категориальные признаки. Таким образом, выделенные понятия будут рассматриваться как категории данного исследования. Им будет уделено особое внимание, и они будут рассмотрены и проанализированы в соотнесении с теми важнейшими социальными явлениями, которые они выражают и передают их сущностные характеристики. Отсюда потребность и необходимость более детального и предметного рассмотрения каждого такого явления, через выражающее его понятие.

Другие понятия, включённые в категориальный аппарат исследования, в том числе вводимые в научный оборот в авторской редакции, будут представлены и определены в соответствии с изложением темы и потребности при решении поставленных задач. Этим не уменьшается их значение, а лишь подчёркивается функциональная заданность в использовании и применении категориального аппарата.

Таким образом, нашей установкой является не изобретение новых понятий,

либо стремление к оригинальной трактовке существующих, а использование их в качестве исследовательского инструментария. Важно отметить, что работа с устоявшимися понятиями позволяет рассмотреть и проанализировать проблемы, которые непосредственно связаны с предметными сторонами исследования, и с помощью отработанного понятийного инструментария они могут быть гораздо глубже осмыслены. Формулировка авторских понятий, по сути, преследует те же самые цели.

1.1. Понятие политики: методологические подходы и теоретические модели

Одними из самых распространённых определений политики являются знаменитое ленинское – «Политика есть концентрированное выражение экономики» [264, с. 278] и поэтико-публицистическое – политика как искусство возможного. По сути дела, каждое из них подразумевает определённый методологический подход к объяснению политики как сферы жизни общества, комплекс приёмов и средств, находящихся в арсенале политических акторов, набор методов и техник, используемых в процессе политической деятельности. Оба эти определения часто применяются не только учёными-политологами, но и политиками-практиками. Следовательно, что очень важно для любого теоретического объяснения и методологического подхода, эти определения имеют конкретную практическую наполняемость. Другое дело, насколько эта наполняемость адекватна реальному положению вещей в сфере политики.

Но прежде рассуждений об адекватности, следует остановиться на генезисе этих определений. Изречение В.И. Ленина, которое трактуется чаще всего, либо всегда, в русле экономического детерминизма, не просто зависимости, но и производности политики, как сферы общественной жизни, от экономики и

экономических отношений, на самом деле не является таковым. В крайнем случае, сам автор изречения его таким образом не понимал. Об этом свидетельствует следующее за ним утверждение: «Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма» [264, с. 278]. Значит, по мнению В.И. Ленина, политика является концентрированным выражением экономики лишь потому, что она этой экономикой управляет. Но это показывает и то, что научного определения политики В.И. Ленин не давал, понимая под ней сугубо прикладную функцию в классовой борьбе и социалистической (коммунистической) революции.

Второй афоризм о политике как искусстве возможного, также разошёлся в трактовке с оригиналом. Он рассматривается как готовность и способность находить компромиссы в политических отношениях, конформировать политические цели и задачи, установки и действия сообразно политической конъюнктуре. Однако и в этом случае первоисточник выглядит несколько иначе. Данный, можно сказать – модный, афоризм проистекает от определения Отто фон Бисмарка «политика есть учение о возможном», сделанного им в интервью «Петербургской газете» в августе 1867 г. [643]. Здесь О. Бисмарк имеет в виду то, что политическая деятельность должна строиться на основе изучения социальной действительности, в соответствии с её возможностями и условиями. Акцент делается на необходимости соотносить свои интересы (индивидуальные, групповые, государственные) с политической реальностью, с интересами других субъектов этой реальности и их потенциалом.

В таком понимании определение О. Бисмарка вроде бы выглядит достаточно корректным и предметным, передающим не только смысл политики, но и выстраивающим методологическую парадигму и теоретическую модель функционирования политической системы как тождественной понятию политики. Но, расплывчатость определения политики О. Бисмарком возникает от его универсальности – когда мы слово «политика» заменим на «экономика», то получим столь же верное объяснение уже экономической деятельности. Естественно, что одно определение различных социальных феноменов не может

претендовать на передачу смыслов в одинаковой степени для каждого из них.

Видимо неспроста эти определения и их интерпретации получили столь широкую известность и разнообразное применение – в научных исследованиях, политических сентенциях, практической политике. Применительно к ним мы можем обнаружить три основных методологических подхода к определению политики и создаваемые на их основе теоретические модели: 1) институциональный подход – институциональная модель, 2) процессуальный подход – процессуальная модель и 3) реляционный подход – реляционная модель.

Институциональный подход выражен определением с экономической детерминацией политики. Это когда институты, обладающие ресурсами, позволяющими контролировать материально-практическую жизнь общества, управляют политической сферой. Отсюда строятся модели ресурсной политики, в рамках которой осуществляется борьба политических акторов за ресурсы общества – экономику, власть, культуру, образование и так далее. Однако, и этот подход обозначает доминирование интереса в социальной деятельности, как характерного признака политических отношений.

Процессуальный подход представлен утверждением О. Бисмарка и предполагает изучение социальных процессов, включая политические, с тем чтобы выработать эффективные методы и способы политической деятельности. В этой модели институты играют роль инструментов, используемых для реализации политических целей, а отношения являются следствием разворачивающихся определённым образом политических процессов. Здесь политические цели также сопряжены с достижением социальных интересов.

Реляционный подход передаёт истинное суждение В.И. Ленина о зависимости экономики (равно как и других сфер жизни, следует полагать) от политики. Следуя марксистскому, в том числе и ленинскому, определению политики как классовой борьбе, мы обнаружим, что именно отношения являются тут основным фактором. Потому политические изменения происходят вследствие изменений в отношениях классов, а отсюда – происходят и в целом общественные изменения. Сам политический процесс передаётся через отношения, а институты

становятся продуктами отношений, оформляющие таким образом политический процесс. Это модель революционной политики. И социальные революции, имевшие место в истории общества, со всей наглядностью её характеризуют. А в основе социальных революций, опять же, лежит процесс перераспределения социальных интересов.

Естественно, что рассмотреть все или хотя бы наиболее распространённые и значимые методологические подходы и создаваемые модели политики, появляющиеся уже в древних обществах (Платон и Аристотель в Древней Греции и Кун Цю (Конфуций) и Лаоцзы в Древнем Китае) в рамках данного исследования не представляется возможным, но, главное, в этом нет насущной необходимости, исходя из цели и задач исследования. Но во всех определениях политики, методологических подходах и теоретических моделях, столь значимых для предметно-практического воплощения политики в социальном пространстве, мы найдём обозначенные выше три типа. – Платон предлагал реляционную модель политического устройства, при которой базовыми являются отношения, складывающиеся исходя из природных качеств и характеров людей. У Аристотеля обнаруживается процессуальная модель, когда политическое устройство определяется процессами монархии – тирании, аристократии – олигархии, политики – демократии/охлакратии. В конфуцианстве и даосизме превалирующей будет институциональная модель, видящая институт морали как детерминирующий фактор устройства государства и общества, включая политические процессы и отношения.

В некотором смысле обобщающими отмеченные три типа методологических подходов к определению политики являются определения, исходящие от либеральных идеологических ценностей. Относительно их описания и характеристики есть основания обратиться к эпохальному произведению, посвящённому проблемам исследований политической науки, подготовленному в конце прошлого века крупнейшими политологами Западной Европы, США и Австралии. Речь идёт о монографии «Политическая наука: новые направления» [389].

В первой главе, написанной редакторами издания Х.-Д. Клингеманном и Р. Гудином, даётся определение политики как «ограниченного применения социальной власти» [389, с. 43], «обозначаются стороны и свойства (или темы) объекта (политики), которые подвержены исследованию. Среди них выделяются» [519, с. 284]:

- «институциональные факторы в политической жизни (признание важности которых вновь усиливается)» [519, с. 285];
- «применение социальной власти» [519, с. 285];
- «политический выбор» [519, с. 285];
- «политическая активность» [519, с. 285];
- «политическое поведение и ценностная ориентация» [519, с. 285];
- «политические идеи и социальные последствия от их реализации» [519, с. 285].

Применительно к классификации методологических подходов, первое свойство относится к институциональному подходу, второе, третье и четвёртое – к процессуальному, а пятое и шестое – к реляционному. В принципе, данная Х.-Д. Клингеманном и Р. Гудином предметная характеристика политики как области научного исследования вряд ли вызывает какие-либо серьёзные возражения. Другое дело, само определение политики как сферы жизни общества.

«Можно поставить под сомнение определение политики, которое дается авторами-редакторами» [519, с. 285] по нескольким пунктам, но главные из них сводятся к создаваемым рамкам политики – «ограниченное применение», и к смешению понятий, а значит и социальных явлений, политики и власти.

«Если политика есть «ограниченное применение социальной власти», то что тогда будет «не ограниченным»? А если стремление к не ограниченной власти «всегда безуспешно», то есть не ограниченной власти не существует, тогда данное определение выглядит не совсем корректным» [519, с. 285]. Не корректным потому, что в реальной истории примеры неограниченной власти, как и ограниченной более чем достаточны. А ограниченность во времени тех и других форм власти говорит лишь об их равных исторических возможностях

применения.

Надо сказать, что аргументация формулировки «ограниченной власти» у Х.-Д. Клингеманна и Р. Гудина выглядит далеко не убедительно. Вот такое пояснение мы встречаем: «Так, например, об абсолютном диктаторе, стремящемся к ничем не ограниченной власти, с полным на то основанием иногда говорят, что он пытается (причем, всегда безуспешно) выйти за рамки политики» [389, с. 34]. «И что же получается с подобного рода аргументом? Во-первых, когда диктатор «пытается выйти за рамки политики», то куда он попадает? Что это за сфера, отличная от политики? Во-вторых, «безуспешно» диктатор пытается выйти из политики, в неё попадая, либо ему недоступной оказывается неограниченная власть?» [519, с. 285]. В-третьих, отрицание неограниченной персональной власти может и имеет свои основания (любой диктатор – раб своих правил и оберегающего их окружения, как отмечал Н.А. Бердяев, «Прометей – свободный и освобождающий, диктатор же – раб и порабоощающий» [46]), но неограниченная власть группы – явление историческое, относящееся к фактам реальной человеческой истории. Так, тогда, куда же «уходит» «неограниченная власть», если «политика всегда ограниченное применение социальной власти»?

«Говоря о политике как объекте исследования, особенно применительно к политической науке, невозможно отказаться от определения этой специфической сферы общественной жизни. В случае, когда одно из наиболее точных определений политики Х.-Д. Клингеманна и Р. Гудина с указанием свойств её предмета, соседствует с утверждением об «ограниченном применении социальной власти» возникает ещё одна проблема, обозначенная выше. Проблема корреляции и различения политики и власти» [508, с. 14].

«Таким определением политика не только отождествляется с властью, пусть даже и в широком понимании – как социальной, но допускается ее понимание только в соответствии с допустимыми ограничениями. Эпитет «ограниченное применение» показывает, что неограниченное применение социальной власти уже как бы не является политикой. Возможно, что с позиции либеральных ценностей это верно. Но политическая наука не сводится к какой-либо одной конкретной

идеологии, и, более того, политика, как сфера социальной реальности, не должна ограничиваться идеологическими стандартами, даже если они чрезвычайно социально привлекательны и ценностно значимы» [508, с. 14].

«Потому необходимо при определении политики исходить, прежде всего, из потребности наиболее точно передать ее реальные, а не желаемые, содержание и смыслы. Вновь возвращаясь к дефиниции Х.-Д. Клингемана и Р. Гудина, обратим внимание на тот факт, что они неограниченное применение социальной власти выводят за пределы политики, никак не обозначая при этом такую сферу социального бытия. Можно допустить, со своей стороны, что политика есть элемент (социальной) власти, тогда подобное определение получает свое обоснование. Однако в этом случае политика превращается в одну из форм реализации власти. В то время как в реальной социальной жизни политика, являясь ее сферой, не идентифицируется с властью и, более того, имеет последнюю в качестве одного из политических институтов, наряду, например, с институтами социальной защиты, политической идеологии и культуры» [508, с. 14-15].

«Хотелось бы особо отметить, что звучащие здесь возражения не сводятся к банальному скепсису, но продиктованы стремлением четче представить себе специфику предмета политических исследований. Хотя, еще раз стоит сделать оговорку, что у Х.-Д. Клингемана и Р. Гудина весьма ёмкое и полноценное определение политики как специфической формы социального бытия. С точки зрения формальной логики такое определение является непротиворечивым. Но это внутреннее непротиворечие в определении Х.-Д. Клингеманна и Р. Гудина тем не менее еще не позволяет считать его удовлетворительным для выражения реальных социальных процессов, которые принято относить к сфере политики» [508, с. 15].

«С учетом того, что понятия власти и политики являются категориальными по своей значимости и одно из них не может быть сведено к другому, нецелесообразно, да и, по сути, неверно давать определение политики применительно к власти или наоборот. Каждое из этих понятий самодостаточно и

выражает свои специфические социальные явления и возникающие между ними связи; имеет отличительные признаки» [508, с. 15].

«Традиционное определение власти как системы управления (господства), с одной стороны, и подчинения, с другой, позволяет достаточно точно и глубоко передать её сущностные признаки. Такое определение достаточно оптимально, если не сказать – абсолютно, и дает возможность совершенно адекватно реальным ситуациям использовать термины: политическая власть, социальная власть, экономическая власть, семейная власть и т.п.» [508, с. 15].

«Что касается политики как формы социального бытия или сферы жизни общества, то здесь необходимо исходить из ее процессуальной направленности, функциональной заданности и ценностных ориентиров. В основе политической деятельности социальных субъектов (будь то личность либо государство) лежит стремление к достижению собственных интересов или интересов других субъектов, если они (и интересы, и субъекты, а, как правило, и те и другие вместе взятые) благоприятны для данного актора. Следовательно, политика есть форма и сфера реализации интересов социальных субъектов. При таком определении понятия политики мы в состоянии видеть её проявления в областях общественной жизни казалось бы далеких от политики в обыденном понимании этого слова – культуре, науке, спорте, образовании и др. Такое определение исключает необходимость искать привязку политики к власти там, где её нет. Культурная или образовательная политика не требует подчинения, как минимум непосредственного и очевидного, но процесс реализации интересов здесь налицо» [508, с. 15].

В контексте рассмотрения понятия политики есть смысл воспроизвести определение, данное более ста лет тому назад В.И. Лениным: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [269, с. 47]. В данном случае, обращаем внимание не на стиль и

подачу самого определения, не на привязку её к классовой проблематике, а именно на акцентуацию интереса в сфере политических отношений.

Немецкий историк и теоретик военного искусства К. Клаузевиц в своей главной работе «О войне» писал не только о том, что «...война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств» [225, с. 377]. Он также прямо указывал на то, что политика, как сфера жизни общества, исходит и сводится к реализации социальных интересов: «политика объединяет в себе и согласовывает все интересы, как внутреннего управления, так и гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философским разумом, ибо сама по себе политика ничто; она лишь защитник всех этих интересов перед другими государствами» [225, с. 380].

Безусловно, заслуживает внимания определение политики, предложенное немецким исследователем К. Шмиттом [см. 632]. Эта концепция представляет очевидный интерес потому, что К. Шмитт своеобразно объясняет отношения в политике, предполагая, что её акторы действуют по принципу «свой-чужой». Собственно говоря, дихотомия «свой-чужой», с точки зрения К. Шмитта (и об этом пишет Д. Кола в своей книге «Политическая социология» [см. 231]), есть и определение, и ответ на вопрос «что такое политика»?

По сути дела, К. Шмитт сводит понятие политики к дихотомии «свой-чужой», – пару «соподчиненных» элементов и самого понятия «политики», и политической реальности как социального явления.

С одной стороны, концепция К. Шмитта может быть рассмотрена и принята исходя из позиции социальных интересов, т. к. отношения «свой-чужой» строятся, конечно же, сквозь призму и даже на основе интересов социальных субъектов, представляющих оба «лагеря». В этом плане – рассмотрение концепции К. Шмитта сквозь призму интересов социальных субъектов политического действия – она работает. Но, с другой стороны, она не дает объяснения политическим отношениям в «кругу своих». Можно, конечно, сказать, что отношения «своих» строятся на основе их отношения к «чужим», – но разве этим только исчерпываются отношения «своих»? Если «да», то тогда фактически

нивелируются созидательные факторы и принципы политического действия, а во главу угла ставятся контрактивные мотивы и разрушение выступает символической акцией политического процесса, политического функционирования и политической организации.

Рассмотрение политики сквозь призму дихотомии «свой-чужой» допустимо разве что для условий тоталитарного общества и, следовательно, она (т. е. данная дихотомия) характерна для тоталитарной политики. В условиях тоталитарного общества, природа которого лежит в реанимации первобытных коллективистских установок социального поведения и в массивификации общественного сознания, социальные интересы и восприятие социальных задач обуславливаются качествами аффилиации и изоляции. Тогда, «эволюционно древняя пара взаимодополняющих поведенческих категорий – аффилиация и изоляция – становятся базовыми для социального поведения и реализации социальных интересов людей тоталитарного общества» [362, с.77].

«Стремление соединиться в пределах группы неизбежно сочетается с желанием отграничиться от всех «чужаков» [362, с.77]; это – извечная дихотомия «свои-чужие», отмечает один из крупнейших отечественных специалистов в области биополитики А.В. Олескин [см. 361-362]. Он также выделяет один характерный аспект деятельности политических акторов, который находит применение не только в тоталитарном обществе (хотя, прежде всего именно в нём), но и в условиях острой политической борьбы или социально-политического кризиса: «Политики, например, в целях мобилизации массовой поддержки издавна применяют «эффект осажденной крепости»: методами политического манипулирования у людей создается впечатление нависшей над ними общей внешней угрозы, а путь к её преодолению – сплочение в «команду единомышленников», идейную платформу для которой и предлагает тот или иной лидер. У людей, особенно в состоянии стресса или какого-то направленного воздействия, растормаживается эволюционно древнее чувство взаимозависимости, ощущаемой как жизненно важная каждым членом социальной группы» [362, с.77].

Потому, дихотомия «свой-чужой» и концепция К. Шмитта в целом не в состоянии передать всей полноты политических отношений, точно так же, как и определение политики Х.-Д. Клингеманна и Р. Гудина в смысле «ограниченного применения власти». Причём, последнее, по смыслу, оппозиционирует шмиттовскому. Допуском это сравнение с целью показать наличие частных определений политики, которые иногда принимают радикальные формы, ограничивая тем самым возможности полного представления очень важной и значимой сферы общественной жизни, каковой является политическая деятельность.

Следовательно, модель К. Шмитта может быть рассмотрена как частный случай, вариант универсального определения политики. Того определения, которое передает её сущностные признаки, а не отдельные, пусть и значимые компоненты, и устанавливает смысл как сферы общественной жизни, связанной с реализацией интересов субъектов социальной деятельности.

Основываясь на определении политики как сферы социальной деятельности, «провоцируемой» интересом и имеющей его в качестве побудительной причины или фактора, возможно выразить её в динамическом состоянии. При этом такое определение соответствует и даже в некоторой степени развивает принятую в рамках европейской и американской традиции трактовку политической сферы жизни общества, когда используются термины Politics, Polity, Policy.

«Политика есть форма социального бытия или сфера жизни общества, которая предполагает» [508, с.17]:

– «определенный процесс, разворачивающийся на основе реализации субъектами социальной деятельности самых разнообразных духовных и материальных интересов (т. е. Politics)» [508, с.17];

– «необходимую организацию (включая институциональное оформление) элементов деятельности, исходя из сопряжения и противоборства их социальных интересов (т. е. Polity)» [508, с.17];

– «соответствующее функционирование субъектов, направленное на

реализацию, содействие, поддержание и обеспечение социальных интересов (т. е. Policy)» [508, с.17].

«Таким образом, речь может идти и о характеристике системных признаков политики как определенной сферы общественной жизни, т. к. мы рассматриваем политический процесс, политическую организацию и политическое функционирование политической системы» [508, с.17].

Определение политики как процесса, организации и функционирования строится также на том, что она включает в себя различные направления, которые также выражаются как процесс, организация либо функционирование. Например, вполне допустимо считать, что этнополитика, политическая коммуникация, социальная и экономическая политика и т. п. являются формами реализации политики и, соответственно, отраслями политологии как науки. В рамках политики, как сферы реализации социальных интересов, мы можем видеть и этнополитические процессы, и этнополитическое функционирование, и этнополитические организации. То же самое можно сказать и о других направлениях или формах политики – экономической, религиозной, культурной, социальной и т. п.

«Что касается субъект-объектных отношений в политической системе, то они развиваются в рамках уже устоявшейся традиции, характеризующей такой тип отношений. Хорошо известно, что субъект деятельности в определенных условиях может выступать в качестве объекта воздействия. Так и при функционировании политической системы субъекты социальной деятельности в состоянии воздействовать на другие элементы (человеческие и вещные), включенные в эту систему. Но при этом они могут и сами выступать в качестве политических объектов обратного – опосредованного и непосредственного – воздействия и влияния. Обратное воздействие может исходить не только от других субъектов политического действия, политических акторов, – быть непосредственным. Оно (воздействие) возможно и от результатов политических действий самих субъектов (политического выбора, например), – субъект воздействует на самого себя опосредованно через результаты своих политических

поступков, поведения, актов и т. д.» [508, с.18].

«Оценка субъект-объектных отношений в сфере политики имеет значение для характеристики социальных интересов, процесса их осуществления и реализации. С этой позиции, с позиции оценки субъект-объектных отношений, интересы могут быть осознанными и неосознанными, явными и скрытыми, индивидуальными и коллективными, личностными и групповыми. Все это позволяет более широко, разносторонне и точно представить объект политической науки, т. е. дать характеристику политической сферы жизни общества и тем самым заложить основания для определения предмета политических исследований и политической науки как специфической познавательной и образовательной дисциплины» [508, с.18].

Исходя из того, что политология, по сути, и по своему генезису, является детализацией социологических изысканий, образно говоря, углубленным изучением одной из важнейших форм социального бытия – политики, допустимо утверждать, что предмет политологии строится в корреляции с предметом социологии. Для социологии предметом исследования являются такие стороны и свойства общественного бытия, которые представлены совокупностью социальных связей, возникающих в процессе деятельности социальных субъектов, системой социального взаимодействия и его формами – социальными общностями, социальными институтами и социальными отношениями. Политология своим предметом имеет взаимодействие, складывающееся в сфере реализации социальных интересов субъектов деятельности, которые выступают в качестве политических агентов.

Многообразие предметного поля политической науки, сложность политического пространства, которое должно изучаться с разных аспектов обуславливает возникновение таких гибридных дисциплин как политическая социология и политическая психология. Иными словами, определённая универсальность политического поля, проникающего, исходя из определения политики через реализацию социальных интересов, практически во все формы общественной жизни, побуждает сочетать в рамках методологических подходов

как общие, межпредметные методы, так и специфические, строить теоретические модели, в которых должны быть представлены в качестве элементов события, факты, процессы из соседних полей – экономического, культурного, идеологического, научно-образовательного, социально-гражданского. И это замечание имеет самое большое значение для геополитических исследований, при которых необходимо учитывать самые разнообразные факторы – биологические, географические, экономические, культурные, цивилизационные, религиозные и сугубо политические.

Многомерность политического поля, которое включает в себя не только собственно политическое пространство, но и другие пространства бытия социума за счёт специфического проникновения в них политики – экономическая политика, культурная политика, социальная политика, образовательная политика и, даже, семейная политика – делает такой же многомерной и политическую науку. Этим объясняется необходимость подробного рассмотрения сугубо предметной специфики дисциплин, изучающих политическое поле и процессы с ним связанные.

В рамках данного исследования и вытекающего из его установок формата, под политическим полем понимается всё «проявление политического, сопряжённого с реализацией социальных интересов действующих субъектов» [533, с. 36] (акторов). В таком случае, политическое поле распространяется и включает в себя такого рода процессы (связанные с социальными интересами), происходящие, по сути, в других сферах общественной жизни – экономике, культуре, образовании, семейно-бытовой... Неким аналогом определения политического поля может быть понятие магнитного поля Земли. Тогда под политическим пространством обозначается пространство действия сложившейся политической системы, выступающей как часть политического поля.

В монографии «Политическая наука: новые направления» [389] проблеме межпредметных связей и корреляции политических дисциплин, выступающих в качестве отдельных отраслей научного знания, уделено особое внимание. Следует пояснить, что сама монография явилась своеобразным итоговым

материалом, дающим оценку развития политической науки во второй половине XX века.

В третьей главе этой книги, написанной М. Доганом, отмечается, что отношения между политической наукой и другими социальными науками «представляют собой отношения между отдельными предметными областями различных дисциплин» [389, с. 113]. Пересечение таких отношений автор относит к области «гибридных дисциплин», таких как политическая психология, политическая география, политическая социология и тому подобных. В отношении политической социологии М. Доган ссылается на точку зрения Дж. Сартори, высказанную им еще в 1969 г. [389, с. 128]. Согласно этой точки зрения «существует различие между политической социологией и социологией политики. Последняя есть отрасль и составная часть социологии, типа социологии религии. В то время как политическая социология есть гибрид, стремящийся сочетать в себе социальные и политические объяснительные переменные, т. е. исходные данные, предлагаемые социологом, и исходные данные, предлагаемые политологом» [389, с. 128-129].

Одной из существенных проблем в определении предметной области политической науки является её соотнесение с предметами исследований других дисциплин, изучающих политическую сферу общественной жизни. В этом плане следует особо выделить философию. Причем, следует отметить, что философию вряд ли возможно отнести к одной из научных дисциплин, это специфическая форма общественного сознания, равно как и наука. Потому философия, также как наука, полидисциплинарна и включает в себя самые разнообразные отрасли или философские дисциплины, такие как философия природы, философия человека (или философская антропология), философия науки (может быть – физики, биологии, истории). Среди последних значится и философия политики, как социально-философская дисциплина или отрасль философского знания.

Немецко-американский философ Л. Штраус, которого считают создателем американской политической философии, рассматривал философию политики и политическую философию как тождественные понятия. Он писал: «Политическая

философия является ветвью подобным образом понимаемой философии (философия – это не обладание истиной, а ее поиск)» [637, с. 10-11]. И здесь же он добавляет, в тот же разряд, еще один термин – «политическая наука», фактически отождествляя ее с философией политики и с политической философией. Путаница в понятиях и в предметах исследования у Л. Штрауса еще более усугубляется, когда мы встречаем у него следующие определения: «философия – это попытка заменить мнения о целом знанием», с одной стороны, и, рядом – «политическая наука будет попыткой заменить мнение о природе вещей знанием о них» [637, с. 10-11], с другой стороны. Вряд ли такие определения могут устраивать, когда мы ставим перед собой задачу добиться наиболее ясного представления о предмете политической науки и, в связи с этим, определить предметы политической философии и философии политики.

Исходя из того, что политика обнаруживает себя там, где проявляются социальные интересы субъектов деятельности (первичных – личностей, вторичных – создаваемых ими социальных групп), реализация которых требует контроля и управления процессом социального взаимодействия, то политическое действие имеет самое непосредственное отношение к управлению обществом. Собственно говоря, социальное управление осуществляется, прежде всего, политическими институтами. И чем сложнее социальная система, тем более высокие требования к акторам управленческой политики, основным из которых является государство.

Управление социальной системой и её управляемость являются важнейшими требованиями, которые обеспечивают само функционирование этой системы, её устойчивость и вообще жизнеспособность. Следовательно, среди всех элементов структуры социальной системы политическая система занимает особое место, непосредственно связанное с сохранением всей социальной системы в конкретном историческом интервале и в определённом территориальном (географическом) пространстве. Эта констатация вовсе не предполагает, что политика в обязательном порядке должна доминировать над другими сферами жизни общества. Скорее, наоборот, допустим, культуру следует рассматривать

как детерминирующую и политические процессы, и способы социального управления. В нашем случае речь идёт лишь о функциональной заданности политических институтов.

Строя рассмотрение данного вопроса в рамках нашей темы исследования, акцент делается именно на управленческих функциях политических институтов в масштабе социальной системы. Политическая система, поля которой обнаруживаются практически во всех сферах жизни общества – культуре (культурная политика), образовании (образовательная политика), экономике (экономическая политика), семье (семейная политика) и т.п., – влияет, зачастую решающим образом, на всю структуру социальной системы. При этом отмечается, что политическая система, в свою очередь, зависима от уровня развития социума, детерминирована культурными достижениями и определяется цивилизационными стандартами. Воздействие на политическую систему этих факторов – социума, культуры, цивилизации – выражается в том, что и в историческом контексте, и в глобальных региональных пространствах возникают различные типы политических систем. Рассмотрим это на примере известной типологизации политической системы Г. Алмонда [см. 5, 6], с необходимыми её корректировками и применительно к социально-политической реальности. Это даст нам возможность избежать детализации проблемы, имеющей, по сути, отношению к иной теме исследования и требующей значительного текстового простора. Поэтому рассмотрение проблемы будет анализом частного случая в содержании нашей темы исследования.

Модель типологизации политической системы, предложенная Г. Алмондом, интересна потому, что в ней, с одной стороны, представлены наиболее распространённые типы политической системы как в историческом плане, так и современности, а, с другой стороны, она позволяет нам выходить на обозначение влияния культурно-цивилизационной специфики общества на политическую систему. Прямое обоснование допустимости таких оценок содержится в самой концепции Г. Алмонда, в которой типы политической системы связаны с определённой политической культурой. Он предложил четыре типа политической

системы, каждая из которых имеет свои пространственно-временные координаты и культурно-историческое выражение:

– Гомогенная политическая система (однородная политическая культура, автономные политические партии, группы защиты интересов и средства коммуникации – англо-американская традиция).

– Фрагментарная политическая система (сегментарная политическая культура, взаимная зависимость партий и групп защиты интересов, возникающие очаги политической нестабильности – европейская континентальная традиция).

– Смешанная политическая система (недемократичность, социальная нестабильность и конфликты по этническим, конфессиональным, языковым, кастовым, региональным, расовым признакам – развивающиеся, доиндустриальные или частично индустриальные страны).

– Тоталитарная политическая система (однородная политическая культура, высокий уровень социальной интеграции, политическое насилие и подавление оппозиции) [см. 673].

Не ставя перед собой цель анализировать саму модель, давать ей оценку и описывать случаи прикладного применения, стоит сделать выводы применительно к нашей теме и некоторым реалиям близкой нам действительности. Этот теоретический аспект имеет прямое отношение к предметному полю геополитического исследования, которое, и не только в практической форме своей реализации, должно учитывать системные признаки совокупной политической системы.

Проведённый анализ понятия политики, политического поля и политического пространства, предметного корпуса политической науки, показывает, что методологические подходы и теоретические модели выполняют не только когнитивные функции, но и несут в себе большое практическое значение. Которое, прежде всего состоит в том, что они могут быть применены к реальному моделированию политического пространства, а через него – всего политического поля, непосредственно участвующего в формировании социальной системы.

Отмеченная здесь предметная корреляция политологии с социологией и рядом гибридных дисциплин, в том числе с социальной философией, указывает на глубинные связи (гео) политических явлений с общими социальными процессами и необходимость исследования политических событий с использованием политологических, социологических, социально-философских и иных методов. При этом, в рамках геополитического исследования социальная философия, применяемая в качестве методологического подхода, выполняет функции инструмента, используемого для определения духовных, включая идеологические, факторов цивилизационного строительства и геополитического форматирования.

1.2. Определение и позиционирование геополитики как направления политических исследований

Спецификой геополитических исследований является то, что они, зачастую, по форме изложения результатов несколько ретушируют политические смыслы, уходя в сторону географических построений, на начальной стадии становления геополитики как исследовательской отрасли, или геофилософских рефлексий, что проявилось во второй половине XX века. Однако, содержательный анализ практически всех значимых геополитических концепций позволяет достаточно чётко обозначить их политическую направленность.

«Сам термин «геополитика», появившийся в конце XIX века в работах Р. Челлена и концептуально разработанный им в дальнейшем [см. 613], носил по происхождению географический окрас. Р. Челлен использует понятие геополитики в контексте политической географии – научной дисциплины, созданной германским социологом и географом Ф. Ратцелем [см. 407], которого

он считал своим учителем. В концепциях Ф. Ратцеля и Р. Челлена, равно как и в трудах их европейских и американских последователей, геополитические процессы рассматривались в привязке к географической среде» [533, с. 9].

«Фридрих Ратцель, который считается создателем геополитики как дисциплины исследования, формировал свою концепцию в значительной степени под влиянием учения автора термина «экология» Э. Геккеля [см. 408] о взаимодействии живых организмов и их образований между собой и с окружающей средой. Поэтому у Ф. Ратцеля географический фактор, влияющий на развитие человеческого общества, наполняется не столько территориальными, сколько климатическими, демографическими, биологическими признаками среды обитания людей; пространство, в котором существует общество, даёт ему определённую жизненную энергию, при этом само пространство становится естественным продолжением бытия этносоциума. Одно из наиболее сильных воздействий на жизнь народа, его развитие и роль в мировом человеческом сообществе оказывают климатические условия среды обитания людей. Этими условиями определяются биологические особенности этносов, которые формируют этнические нравы и в целом систему этносоциального поведения» [533, с. 9-10].

«И уже вследствие таких геобиологических особенностей происходит формирование политической системы общества, включая государство. Следует сказать, что сам Ф. Ратцель предложил иной термин для обозначения своей концепции, давший впоследствии название лежащей на стыке политической науки и географии гибридной дисциплины, – политическая география. Именно в контексте политической географии Ф. Ратцель анализирует существование государства [см. 407]. Следует отметить, что Ф. Ратцель рассматривает возникновение, развитие и кризис государства через пространство, которое является для данного государства жизненно важным. Причём, рост жизненного пространства и, соответственно, рост государства предполагают рост культуры. Отсюда возникает определённая взаимообусловленная цепочка: рост жизненного пространства – рост государства – рост культуры. Далее следует развитие социально значимых идей, всех сфер общественной жизни, экономический

подъём. А основанием всему этому служат геобиологические процессы, которые обусловлены природно-климатическими условиями существования этноса / народа / общества» [533, с. 10].

«Таким образом, Ф. Ратцель рассматривает культуру как производный феномен развития и роста жизненного пространства, а проблемы цивилизации фактически остаются за пределами его исследования [см. 407]» [533, с. 10].

«Рудольф Челлен, также, как и Ф. Ратцель, рассматривал государство в качестве организма, существующего в географическом пространстве. Для Р. Челлена основным предметом исследований стало государство, которое является таким же естественным порождением жизни, как и сам человек [см. 613]. Пространством жизнедеятельности государства, как биологического образования (живого существа), является географическая среда, которая, по мнению Р. Челлена, полностью солидарного в этом вопросе со своим учителем Ф. Ратцелем, является не просто интегральной частью государственного организма, но и почвой (в прямом и переносном смысле) его существования, развития и роста. Именно это, по мысли Р. Челлена, является собой геополитику и именно этим должна заниматься геополитика как исследовательская дисциплина [см. 613]» [533, с. 10-11].

«Если Ф. Ратцель в большей степени рассматривал государство в экологическом плане, наряду с любыми другими живыми образованиями, в том числе сообществами, если речь идёт о животных [см. 407], то Р. Челлен выделяет государство из живого мира, отмечая, что некоторые государственные организмы могут ставить перед собой цели расширения территорий [см. 613]. Отсюда геополитика это и есть процесс образования за счёт расширения территорий, жизненного пространства сильных государств, образования Империй. Другими словами, по мнению Р. Челлена, геополитика как научная дисциплина призвана изучать процесс образования Империй и мощных конгломератов государств как следствие борьбы за существование этносов и охват ими в результате своей жизнедеятельности новых географических территорий [см. 614]. Выходит, что у Р. Челлена, также, как и у Ф. Ратцеля, геобиологическая мотивация

геополитического устройства обнаруживается достаточно чётко и ясно» [533, с. 11].

«Для Хэлфорда Маккиндера географический принцип является едва ли не единственным определяющим принципом геополитического устройства [см. 280, 281], в отличие от Ф. Ратцеля и Р. Челлена, которые, скорее, к биологическому началу, хотя и «замешанному» климатическими условиями, присовокупляли географическое пространство. Хотя, необходимо отметить, что сам Х. Маккиндер в своих работах не использовал термин «геополитика», что, безусловно, значительно усиливало географическую направленность его исследований, как минимум – в его персональных представлениях» [533, с. 11].

«Вся система политического мироустройства, с точки зрения Х. Маккиндера, определяется географическими константами [см. 281]. Однако, как это ни парадоксально может звучать, но в оценке различных периодов мировой истории первой половины XX века для самого Х. Маккиндера эти географические константы оказываются переменными. – Опубликовав в 1904 г. исследование «Географическая ось истории» Х. Маккиндер вывел географическую константу, в соответствии с которой замок к мировому господству находится в сердце Евразии – огромном пространстве суши, протянувшемся от Русской равнины до Тихого океана, большую часть которой занимает Россия. Для определения этого пространства Х. Маккиндер вводит понятие Хартленда – сердцевидной земли, к которой примыкают внутренний полумесяц или внутренняя дуга из Западной Европы, Аравийского полуострова и Индокитая и внешний полумесяц или периферийная дуга, включающая в себя Америку, Океанию и Африку. Примечательно, что США были размещены Х. Маккиндером на периферии мирового политического пространства, а родная Великобритания, вместе с основной своей колонией – Индией – во внутреннем полумесяце, не относящейся к географической территории, которая обеспечивает мировое господство [см. 281]. Вполне логично предположить, исходя из политической и мировоззренческой позиции автора Хартленда, что уделяя сердцевинной земле Евразии такое значение он вовсе не питал симпатий к России, как владычицы

Хартленда, и даже не в первую очередь руководствовался теорией доминирования теллуократии (могущество суши) над талассократией (могущество моря). В большей степени таким образом Х. Маккиндер указывал Великобритании и её геополитическим союзникам на необходимость взять под контроль Хартленд, к которому он в ряде случаев добавлял и Германию как сухопутное государство» [533, с. 11-12].

«Но, уже в 1919 г. он вносит существенное уточнение в политико-географическую картину мира, наделяя Восточную Европу способностью открыть замок Хартленда. Х. Маккиндер в работе «Демократические идеалы и реальность» обосновывает значение Восточной Европы и для выделяемого им Хартленда, и для Мирового острова (т.е. Евразии и Африки), и для всего мира (см. 282). Принципиальность этой корректировки состоит в том, что теперь «сердце мира» смещается к внутреннему полумесяцу, частью которого является Европа, и удаляется от России, ибо в международной политике принято к Восточной Европе относить Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию, с конца XX века сюда добавляют ещё Прибалтийские государства, а также Белоруссию, Украину и Молдавию. Российскую Федерацию в перечень стран Восточной Европы не включают. С некоторыми изменениями (без Белоруссии, Украины и Молдавии) так было и в 1919 г.» [533, с. 12].

«Следует сказать, что Х. Маккиндер не приводит каких-либо убедительных посылок, обосновывающих его суждение о «ключе» к Хартленду – в большей степени политическое значение Восточной Европы в «географической оси» выводится из её (географической) близости к «сердцевинной земле». Такой дискурс служит ещё одним подтверждением ранее озвученного предположения, что Х. Маккиндер строил свою концепцию как своеобразную внешнеполитическую доктрину Великобритании и США, направленную на поиск способа взять под контроль евразийские просторы России. При этом, конечно, нельзя исключать того, что Х. Маккиндер был искренне убеждён в значении Хартленда для мирового господства и уже исходя из этого делал (гео)политические выводы и давал рекомендации в сфере внешней политики» [533, с.

12-13].

«И, наконец, в 1943 г. Х. Маккиндер внёс ещё более существенные изменения в свою Географическую ось истории – страна внешнего полумесяца – США – уже рассматривается им как другая ось, наряду с Хартлендом (Советским Союзом). В этом случае все остальные государства вращаются вокруг не одной оси, а двух. С позиции реальной геополитической ситуации, складывающейся в середине XX века, такой вывод был совершенно корректным. Более того, Х. Маккиндер фактически предсказал становление двухполюсного мира, когда во второй половине XX столетия СССР и США были основными центрами геополитического процесса. А существование международной организации, так называемых, неприсоединившихся стран лишь подчеркивало эту двухполюсность или двухосность, если определять по Х. Маккиндеру» [533, с. 13].

«Однако, с такими уточнениями собственно Географической оси истории у Х. Маккиндера уже не получалось – и по причине появления второй оси (США), и вследствие разрушения модели Хартленд – Внутренний полумесяц – Внешний полумесяц. Относительно концепции Х. Маккиндера можно сказать, что предлагаемые им модели геополитического устройства были дискриптивными, производными от складывающейся международной обстановки и имеющими сугубо географическое выражение. В этих моделях практически не просматриваются культурно-цивилизационные признаки и государств оси, и стран, включённых в полумесяцы. Не иначе как географически можно объяснить включение во внутренний полумесяц и (Западной) Европы, и Аравии, и Индокитая, принципиально различающимся по социокультурным и цивилизационным параметрам, да и, что самое важное в данном случае, по геополитическим статусам» [533, с. 13].

«Нельзя сказать, что американский военно-морской теоретик и историк Альфред Мэхэн прямо противоречит Х. Маккиндеру, но средством (единственным с его точки зрения) достижения мирового господства он видит морское могущество [см. 328]. Противоречия не обнаруживается уже хотя бы потому, что с помощью морского могущества можно победить сухопутные силы

и, если соразмерять концепции А. Мэхэна и Х. Маккиндера, овладеть «сердцевинной землёй» – Хартледом. Общее же между ними состоит в том, что географический фактор является определяющим для геополитического устройства. У А. Мэхэна контроль над морским пространством обеспечивает политическое господство, как в отдельно взятом геополитическом регионе, так и в мире в целом. Естественно, что эта географическая среда – море – становится фактором господства лишь в том случае, если государство приходит в неё (среду) оснащённым соответствующими средствами: военно-морскими силами и торговым флотом [см. 328]» [533, с. 13-14].

«К тому времени, когда Карл Хаусхофер начал заниматься геополитикой (1911 г.) в этой отрасли научного знания сложились представления о существовании двух основных исторических центров силы, формирующихся по географическим признакам – теллуократии и талассократии. При этом некоторые геополитические концепции обосновывали возможность достижения мирового господства мощью суши, земли (теллуократия), а другие – мощью моря (талассократия). К. Хаусхофер принял такие подходы в геополитическом моделировании и, не вдаваясь в преимущества власти суши или власти моря, предложил геополитическую доктрину, которая могла быть положена в основу внешней политики континентальных государств Евразии – Германии, России и Японии [см. 558]» [533, с. 14].

«К. Хаусхофер исходил из того, что основанием для межгосударственного союза, создания геополитического блока (в его редакции – Континентального блока) могут быть не культурно-цивилизационные параметры, а географическое положение. Он также считал, что геополитическими партнёрами Континентального блока (Германии, России и Японии) должны стать Италия, Испания и Франция. Ось этого геополитического союза, по мнению К. Хаусхофера, создаётся по линии Берлин – Москва – Токио. Собственно, для К. Хаусхофера, Континентальный блок и ось Берлин – Москва – Токио являются равнозначными понятиями. Следовательно, Италия, Испания и Франция это некое дополнение Континентального блока, возникающее вследствие их антагонизма

морскому владычеству Великобритании и подтягивающихся к ней в начале XX в. Соединённых Штатов» [533, с. 14].

«Главными государствами этого геополитического союза К. Хаусхофер считал Германию и Россию, даже в Континентальном блоке и, соответственно, оси Берлин – Москва – Токио для Японии он отводил роль сугубо требуемого элемента конструкции, необходимого для завершения всей экспозиции. Вторые роли Японии, а тем очевиднее Италии, Испании и Германии в геополитическом союзе К. Хаусхофера и выделение на первых позициях Германии и России как континентальных держав, в некоторой мере снимают вопросы – почему островная Япония, Испания и Франция (с великими морскими историями) оказались в континентальном союзе, а не морском [см. 558]. Но ещё более это объясняет факт расхождения интересов стран Континентального блока с талассократическим союзом Великобритании и США» [533, с. 14-15].

«Известно, что геополитическая доктрина К. Хаусхофера в определённой степени использовалась государственным руководством нацистской Германии в период 1933-1940 гг. Существует версия, что ось Берлин – Москва – Токио не сложилась по причине ксенофобии А. Гитлера и антикоминтерновской позиции Третьего рейха (усилившейся после гражданской войны в Испании) и Японии (мотивированной войной в Китае). По этой версии получается, что Советский Союз был готов создать вместе с Германией Континентальный блок, но Германия разрушила этот проект, начав 22 июня 1941 г. войну с СССР. Не менее вероятной может быть и иная версия, что именно СССР не принял предложение нацистской Германии образовать совместно с самурайской Японией новый геополитический союз – Континентальный блок, как он был выписан в доктрине К. Хаусхофера. Тому было несколько причин. – Коммунистическая Россия в 30-х годах XX столетия, во-первых, уже отказалась от идеи построения Всемирного Союза Советских социалистических республик и не прельщалась перспективой нового передела мира совместно с национал-социалистической Германией, во-вторых, советское руководство сохраняло приверженность социалистическим и коммунистическим идеалам, принципам интернационализма, что проявилось в

интернациональной помощи Народному фронту Испании в 1936-1939 гг., стремлении защитить Чехословакию от оккупации Германией в 1938 г. (к слову сказать, Интернациональные бригады для военной поддержки Народного фронта в Гражданской войне в Испании формировались при содействии правительств Советского Союза, Франции и Мексики и лояльности правительства США), в-третьих, те же ценности, что и в случае с Испанией, не позволили СССР поддержать японскую агрессию против Китая, а наоборот – располагали Советское правительство к поддержке сначала Гоминьдана Чан Кайши, а затем Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна, боровшихся против японской интервенции. Всё это привело к тому, что в начале 40-х годов XX столетия Советский Союз отклонил возможные предложения Германии по созданию оси Берлин – Москва – Токио» [533, с. 15-16].

«Рассматривать геополитическую доктрину К. Хаусхофера, направленную против основанного на морской мощи мирового господства Великобритании и США, как концепцию евразийства не представляется возможным уже потому, что сам он свой проект Континентального блока не наполнял смыслами евразийской теории. Более того, К. Хаусхофер Евразию отождествлял с Россией или Советским Союзом. Достаточно сослаться на название его работы – «Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония», где под Центральной Европой понимается Германия, вместе с Австрией, а под Евразией – Россия / СССР [см. 558]. Из этого допустимо сделать заключение, что К. Хаусхофер всё-таки принимал во внимание культурно-цивилизационные отличия между Германией и Россией, хотя и не исследовал в своих работах влияние культурно-цивилизационных факторов на геополитическое форматирование» [533, с. 16].

«Николас Спикмен в своих статьях и книгах фактически адаптировал идею Хартленда Маккиндера к внешнеполитическим / геополитическим интересам США. Наряду с Хартлендом, отмечал Н. Спикмен, существует Римленд (дуговая земля), которая окружает Хартленд с запада, юга и юго-востока. Именно управление Римлендом даёт возможность контролировать Хартленд или Евразию,

имеющую геостратегическое значение по причине наличия там богатейших природных ресурсов и содержащейся в её просторах гигантской социальной энергии, не позволяющей кому-либо управлять миром. Потому, если США намерены взять на себя функции по управлению миропорядком, то они должны добиться управления Римлендом и благодаря этому взять под контроль Хартленд [см. 454-459]» [533, с. 16].

«По сути дела, Римленд Н. Спикмена стал дополнением, конкретизацией и развитием Хартленда Х. Маккиндера. Причём, Римленд весьма схож по географическому расположению с внутренним полумесяцем Х. Маккиндера. Потому говорить о какой-либо альтернативе концепции Н. Спикмена концепции Маккиндера вряд ли возможно, да и нецелесообразно» [533, с. 16].

«Н. Спикмен выступил в рамках своей концепции также автором так называемой «политики сдерживания», когда управление Римлендом было призвано сдерживать любые геополитические агрессии, исходящие от Евразии [см. 456-459]. Насколько такие заключения соответствовали действительности это уже другая проблема, в данном случае лежащая за границами нашего исследования» [533, с. 16-17].

«Вслед за Х. Маккиндером, А. Мэхэном и К. Хаусхофером, Н. Спикмен считал географический фактор важнейшим в политике государства, влияющим, в конечном итоге, на геополитический статус страны [см. 454, 455]. Но географический фактор вовсе не означает, что государство становится заложником своего географического положения и должно довольствоваться тем, что определила ей историческая судьба. Примеры небольшой островной Великобритании, ещё меньшей Португалии, достигавших мирового господства, свидетельствуют о возможности эффективного использования географического фактора при наличии политической воли. По мнению Н. Спикмена, США в 30-е годы XX века не уделяли должного внимания географическому фактору и не могли влиять на мировую политику. Определение значения Римленда было призвано исправить эту ситуацию» [533, с. 17].

«Геополитические концепции зарубежных авторов второй половины XX

века уже не строятся на сугубо географическом факторе. География государства теперь не рассматривается в качестве основного источника геополитики, выделяются и обосновываются и другие условия» [533, с. 17].

«Одним из таких авторов является французский географ и геополитик Ив Лакост. В своей концепции он отводит географическому пространству роль пассивной среды, в границах которой осуществляют свою деятельность политические институты, в том числе государство. В результате такой деятельности государство преобразует пространство и создаёт необходимые условия, которые и являются, собственно говоря, геополитикой. И. Лакост считает, что не географическая среда задаёт границы политике, а политика определяет географическое пространство её субъектов [см. 260]. Сложно сказать, что тут оригинального, с учётом того, что И. Лакост позиционирует себя вне или даже – над континенталистской (теллурократической) парадигмой и моделью морской мощи (талассократической) в политологии. Разве что у Ф. Ратцеля можно найти определения существенного значения и первоочередной роли географической среды и климатических условий (да ещё у Э. Хантингтона¹, которого вряд ли целесообразно относить к геополитикам). Но уже у Р. Челлена географическая среда и климат не даются в качестве определяющих в жизни государства, не говоря о концепциях К. Хаусхофера, А. Мэхэна и Н. Спикмена. По сути, И. Лакост оперирует теми же элементами, что и его предшественники – географическими условиями и разворачивающимися в их рамках политическими действиями. Акцентуация политических действий в концепции Лакоста объясняется тем, что он пытается встроить геополитику в локальную (но всё же – географическую) среду. И тогда разница обнаруживается в том, что традиционная геополитика (надо сказать, адекватная смыслу самого термина) видит географический фактор в воздействии глобальных пространств на политику государств, а так называемая «новая геополитика», в данном случае в лице И.

¹ Концепцию Э. Хантингтона весьма условно можно отнести к геополитической. Она скорее цивилизационно-расовая, построенная на основе жёсткого географического детерминизма. С точки зрения Э. Хантингтона, климат определяет развитие культуры и цивилизаций, а благоприятный климат сделал европейскую культуру и цивилизацию передовыми в мире, «белую расу» – господствующей [554].

Лакоста, стремится внедрить геополитический инструментарий в локальные границы, в пространство регионов. Для этого И. Лакоста вводит новый термин – «внутренняя геополитика» [см. 324]. Однако ни он сам, ни кто-либо другой вряд ли смогут объяснить, чем «внутренняя геополитика» отличается от региональной или внутригосударственной политики» [533, с. 17-18].

«Заслужой Сэмюэла Хантингтона является то, что он не остановился на сугубо дескриптивном методе в характеристике геополитического устройства современного мира, что было характерно для классической геополитики, а предпринял попытку объяснить геополитические интересы и геополитическую расстановку в мире культурно-цивилизационными системами ценностей, объединяющих различные этнические образования в цивилизационные блоки [см. 554]» [533, с. 18].

«Пожалуй, впервые именно у С. Хантингтона географическая среда становится не более чем пространством реализации, с помощью политических методов и способов, цивилизационных интересов государств и их союзов. Ретушируя влияние природной среды, воплощаемой в географическом пространстве, на культуру (во всех сферах её проявления – от материальной до духовной) и цивилизацию, не говоря уже о дихотомии природа – (человеческая) деятельность, С. Хантингтон «выплеснул младенца вместе с водой». От «сциллы» географического детерминизма он оттолкнулся к «харибде» религиозно-политической зависимости типов цивилизаций» [533, с. 18].

«Очевидной ошибкой С. Хантингтона стало выведение культурно-цивилизационных формирований из специфики конфессионально-мировоззренческих систем. Тогда в одном формировании (конфессиональной цивилизации по С. Хантингтону) оказываются этнические сообщества, находящиеся на самом деле в различных культурно-цивилизационных образованиях. Например, монголы, как буддисты, оказались в одной конфессиональной цивилизации с тайцами, лаосцами, кампучийцами и бирманцами. Причём это монголы из республики Монголия, а вот монголы, также буддисты, из Автономного района Китайской Народной республики Внутренняя

Монголия отнесены С. Хантингтоном к Синской (Китайской) цивилизации» [533, с. 18-19].

«Следствием ошибки С. Хантингтона выбора критериев культурно-цивилизационной дифференциации стало неверное представление геополитического устройства. Это проявляется в том, как пример, что мусульманские страны разделились по разным геополитическим блокам. Геополитическое позиционирование православных стран также не вкладывается в схему, предложенную С. Хантингтоном» [533, с. 19]. Ещё одним следствием стал некорректный прогноз главных и основных конфликтов в начале XXI в. С. Хантингтон, руководствуясь своей религиозной моделью цивилизационного развития, не видит возможности наиболее глубокого конфликта между Западом и Россией, при этом считает, что наибольший конфликт Православной (Русской) цивилизации будет с Исламской [554, с. 281-492]. Как нетрудно сейчас убедиться, главная линия цивилизационно-геополитического конфликта проходит между Западом и Россией (что стало очевидно уже с 10 февраля 2007 года, когда Президент Российской Федерации В.В. Путин на Мюнхенской конференции по безопасности поставил под сомнение существование однополярного мира – именно Россия первой в XXI в. выразила такие сомнения, а не Китай, либо кто-то из исламских стран), предсказанные противоречия между Православием и Исламом совершенно не подтверждаются и в границах Российской Федерации и за её пределами (достаточно отметить плодотворные отношения России с мусульманскими странами внутри ОПЕК+, сотрудничество с Ираном, поддержка Сирии и нерушимое межконфессиональное согласие внутри государства).

Если уж зашла речь об отсутствии критериального подхода, то обращает на себя внимание то, что состав современных цивилизаций у С. Хантингтона неустойчив и изменяется – если в оглавлении его работы указано 8 типов цивилизаций, то в самом тексте мы встречаем рисунок с картой, где отмечены уже 9 разных мировых цивилизаций, с добавлением буддистской [554, с. 22-23].

Однако, несмотря на отмеченные ошибки и некорректные определения, в работе С. Хантингтон содержится важнейший вывод, основанный на изучении

современных цивилизаций (пусть и некорректно определённых). И этот вывод состоит в том, что американский исследователь отмечает существование нескольких цивилизационных конструкций в современном мире и, что ещё важнее, соперничество, борьбу и конфликты между ними. Таким образом С. Хантингтон рисует сложившийся в 90-х прошлого века мир как многополюсный и полицивилизационный (несмотря на крушение СССР), подчёркивая, что «универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями» [554, с. 15-16].

Вероятнее всего, такие заключения С. Хантингтона вызвали неприятие правящих кругов США, которые с середины 90-х годов прошлого века старались не замечать учёного, задвинув его на периферию публичности. Это вполне объяснимо, потому что США после прекращения существования Советского Союза начали строить однополярный мир и продвигать идеи о тотальном распространении ценностей западной либеральной демократии, разрабатывая мифологему т.н. «поствестфальского мира» [см. 500] и популяризируя сомнительные откровения Ф. Фукуямы [см. 551]. Не могло не насторожить государственное руководство США и заключение С. Хантингтона о многополярном мире и цивилизационном многообразии, которое предполагает и требует невмешательства одних цивилизаций во внутренние дела других. При этом главную угрозу миропорядку американский политолог видит как раз в Соединённых Штатах: «чтобы избежать в будущем крупных межцивилизационных войн, стержневые страны должны воздерживаться от вмешательства в конфликты, происходящие в других цивилизациях. Несомненно, с этой истиной некоторым государствам, в особенности США, будет трудно смириться» [554, с. 523].

Очевидно, что, фиксируя борьбу и конфликты между цивилизациями, С. Хантингтон во многом следует тому глубинному методологическому и научному подходу, который был заложен ещё в середине XIX столетия Н.Я. Данилевским, показавшему межцивилизационные противоречия и особо охарактеризовавшего противоречия между романо-германским (европейским) и славянским

(русским) культурно-историческими типами [см. 137]. В самом тексте рассматриваемой работы С. Хантингтона, он лишь раз ссылается на Н.Я. Данилевского, да и то делает это весьма поверхностно, в своеобразном публицистическом ключе, говоря о русском мыслителе лишь как о представителе славянофилов, акцентирующего внимание на политических вопросах, и противящихся процессу европеизации и отвергающих её [554, с. 214]. Такая оценка говорит не только о предвзятости С. Хантингтона, но и незнании им, что называется, «матчасти», так как концепт Н.Я. Данилевского о четырёх основах деятельности в рамках культурно-исторических типов как раз отмечает, что четырёхосновной славянский культурно-исторический тип имеет генетическую связь и с двухосновным европейским, и одноосновными древними [137, с. 471-480]. Как бы не оценивались сейчас критерии, используемые Н.Я. Данилевским в выделении общих разрядов культурной деятельности в процессе исторического развития человечества, они имеют свои обоснования, в отличие от С. Хантингтона, который в этом контексте не имеет ничего.

Важно отметить, что С. Хантингтон, используя определение «православная цивилизация», ссылается на учёных, которые её центр видят в России. (Хотя, вот такое представление России центром «православной цивилизации» опять же указывает на некорректность определений С. Хантингтона, ибо Россия не только православная страна) [554, с. 56]. В этом контексте понятие «православная цивилизация» у С. Хантингтона фактически становится тождественным явлению Российской цивилизации, что, собственно, наблюдаем дальше по тексту. В седьмой главе Россия не просто рассматривается в статусе стержневого государства «православной цивилизации», но характеризуется как собственно цивилизационная конструкция [554, с. 238 -259]. В этом плане, С. Хантингтон опять повторяет Н.Я. Данилевского, который определяя славянский культурно-исторический тип (цивилизацию) говорит именно о России. Свидетельством чему является и название его книги «Россия и Европа».

Особо следует обратить внимание, что С. Хантингтон видит Россию стержневым государством особой и отдельной цивилизации, наряду с западной,

индийской, китайской и другими в то время (работа была издана в 1996 г.), когда многие не только политики, но и учёные-обществоведы её списали с геополитической карты. Когда в одном из мозговых центров американского государства – Брукингском институте – разрабатывается проект по отторжению Сибири от России [см. 560], когда Хасавюртовским провалом заканчивается первая чеченская кампания... Безусловно, такие выводы С. Хантингтона по статусу России в геополитическом пространстве говорят о его способности делать эффективные научные прогнозы и давать глубокие оценки политическим процессам.

Здесь необходимо отметить, что гораздо раньше С. Хантингтона, ещё в начале 1992 г. известный отечественный учёный и государственный деятель С.Н. Бабурин, несмотря на «геополитическую катастрофу», связанную с разрушением СССР и последовавший глубокий социальный кризис в Российской Федерации, как правопреемнице Советского Союза, анализируя роль и место России в международных делах, делает вывод о том, что она «остаётся мировой державой» [14, с. 252]. Это ещё один пример того, как исследования отечественных авторов опережают выводы зарубежных исследователей.

При этом, стоит обратить внимание, что созданная С. Хантингтоном модель Православной цивилизации явно отсекает от исторической России многие её территории на востоке и в этом плане её реализация совершенно не соответствует ни историческим реалиям, ни социогенетической природе российской социокультурного пространства, ни будущему развитию Российской цивилизации. А самое главное, она не соответствует реалиям, когда сотрудничество Российской Федерации не только с исламскими республиками внутри и постсоветскими, но и исламскими государствами извне, развивается и выстраиваются перспективы, а с т.н. православными государствами, типа Румынии, Болгарии, Греции, Черногории, Северной Македонии, Молдавией, Украиной обнаруживаются глубинные противоречия и вражда, вследствие их включения в стан геополитических противников России.

«Весьма своеобразно интерпретировал идеи С. Хантингтона о столкновении

цивилизаций современный французский геополитик Эмерик Шопрад. Во-первых, он разорвал Западную цивилизацию, выделив европейскую континентальную цивилизацию. Во-вторых, для Европы основным противником, если не врагом, являются США и их стратегический союзник Великобритания. В-третьих, свой европоцентризм Э. Шопрад наполняет евразийским содержанием, по которому континентальная Европа может быть объединена вокруг России и во главе России с тем, чтобы отстаивать общие интересы (Европы и России) от посягательств со стороны США. В-четвёртых, естественными союзниками Европы и России выступает Исламская цивилизация, которая культурно близка Европейской цивилизации [см. 633]» [533, с. 19].

«Ближе к тексту оригинала Э. Шопрад воспроизводит позиции и оценки геополитического устройства Х. Маккиндера и К. Хаусхофера. Примечательно, что на Х. Маккиндера даются прямые ссылки, а положения К. Хаусхофера используются контекстуально [см. 621]. В сочетании получается ретрансляция идеи Хартленда и континентализма. С тем уточнением, что в континентализме Э. Шопрада остаётся базовой страной (базовым элементом) одна Россия, а Германия выступает одним из функциональных элементов» [533, с. 19].

«В силу такой эклектической конструкции Э. Шопрада все вопросы по поводу источников, факторов и обусловленности геополитического устройства должны быть адресованы не ему, а тем, чьи концепции были им использованы – С. Хантингтону, Х. Маккиндеру и К. Хаусхоферу. Что и было нами сделано ранее» [533, с. 19].

«Так сложилось, что авторов, концепции которых были рассмотрены ранее, принято относить к основоположникам как геополитики в целом, так и геополитических направлений. В частности, германского социального географа Ф. Ратцеля называют основателем геополитики, описавшим влияние географической среды на политическую жизнь государства в своём фундаментальном труде «Политическая география» (1897 г.). Его последователь шведский социолог Р. Челлен, разрабатывая концепцию, предложенную Ф. Ратцелем, ввёл в научный оборот сам термин «геополитика» (1916 г.). К

категории классиков геополитики, наряду с ними, принято относить британского географа и политика, автора теории Географической оси истории и учения о Хартленде (1904 г.) Х. Маккиндера, американского военно-морского историка, разработавшего концепцию «морской силы / мощи» (1890 г.) А. Мэхэна, германского социального географа, основателя Германского Института геополитики (1922 г.) К. Хаусхофера, американского историка, автора теории Римленда (1942, 1944 гг.) Н. Спикмэна» [533, с. 19-20].

«Однако гораздо раньше зарубежных исследователей, проблемы реализации культурно-цивилизационных и государственных интересов в глобальных пространствах были подняты и разработаны в обществоведческой науке России. Не умаляя заслуг западных авторов, которые всё-таки первыми разрабатывали само понятие геополитики (Р. Челлен, К. Хаусхофер), следует отметить, что отечественная научная традиция в этой области сформировала теории, которые и содержательно, и по времени стали первыми в изучении целого спектра вопросов, отнесённых впоследствии к геополитике. Особое место в этом процессе принадлежит Н.Я. Данилевскому, изложившему свою теорию культурно-исторических типов в 1868 г. в книге «Россия и Европа» [см. 137]» [533, с. 20].

«Н.Я. Данилевский был одним из тех российских ученых XIX века, которым по праву принадлежит приоритет в целом ряде социальных открытий, и кто со всей очевидностью продемонстрировал вселенский охват русской мысли. Сейчас вряд ли может быть подвержено сомнению, что идеи Н.Я. Данилевского о глобальных культурно-исторических типах и соответствующих им самобытных моделях мировых цивилизаций с присущими им циклами развития и угасания были положены в основание известных социально-философских и социологических концепций О. Шпенглера и А. Тойнби» [533, с. 20-21].

«Социально-философские и социально-политические взгляды Н.Я. Данилевского формировались в условиях острой, зачастую непримиримой идеологической борьбы. В этом плане выделялись два направления, получившие название «славянофилы» и «западники». Зачастую теорию Н.Я. Данилевского относят к традиции «славянофильства», тем самым, ретушируя ее

содержательную часть в угоду формы выражения. Но, все-таки правильнее будет обратиться к сути работ российского философа и социолога, с тем чтобы увидеть и осознать их значение и актуальность для исследования общества в XX столетии и в настоящее время» [533, с. 21].

«Наиболее важными положениями концепции Н.Я. Данилевского являются» [533, с. 21]:

- «определения культурно-исторического типа» [533, с. 21],
- «идея славянства как исторически сложившейся социокультурной общности» [533, с. 21],
- «и принцип Православия, объединяющий славянские племена [см. 137]» [533, с. 21].

«Культурно-исторический тип означает, по сути дела, цивилизацию, которая может быть организована на основе определенных исторических традиций и культурных достижений. Продуцирование культуры, отмечал русский учёный, во многом зависит от социогенетических способностей этнических объединений. Н.Я. Данилевский первым отметил взаимосвязь и взаимовлияние культуры общества, с одной стороны, и организации его учреждений, социальной модели, с другой. При этом он наглядно показал и аргументировано обосновал принципиальные отличия существовавших и существующих культурно-исторических типов, например России и Европы. Говоря о Европе как особом культурно-историческом типе, Н.Я. Данилевский фиксирует такие типологические признаки, которые характерны для всех европейских стран и которые свидетельствуют о потенциальной объединительной тенденции в этом геополитическом регионе. Таким образом, его концепция обосновывает не только славянскую идентичность, но и европейскую консолидацию. И применительно к последней выполняет прогностические функции, что доказывают современные процессы европейской интеграции. В этом случае, Европа, не меньше, чем Россия, обязана Н.Я. Данилевскому» [533, с. 21].

«Идея славянской солидарности строилась на базе культурно-исторической типологизации и потому не была декларативной. Она также была обоснована

социально-исторической реальностью и как специфическая гипотеза полностью соответствовала характеру социально-философского исследования предпринятого Н.Я. Данилевским. Южнославянские страны освобождались Россией от турецкого порабощения; некоторые ростки возрождения традиционной славянской культуры обнаруживали себя и в среде западных славян, которые находились под активным воздействием ассимиляционной культуртрегерской политики Европейской цивилизации. Вследствие этого у Н.Я. Данилевского были все основания предполагать, что окончательное освобождение Славянского мира (физическое – у южных славян и духовное – у западных) позволит осуществить формирование славянского культурно-исторического типа, славянской цивилизации и единого славянского государства [см. 137]» [533, с. 21-22].

«Православие для Н.Я. Данилевского было незыблемым компонентом Славянской цивилизации. Безусловно, что такая позиция во многом определялась тем, что сам мыслитель был глубоко верующим человеком. Но не только этим. В России Православие было религией абсолютного большинства населения, и это была государственная религия. Введенный императором Петром I для управления религиозной жизнью Синод институционально и идеологически находился под покровительством Православной Церкви. Большинство южных славян также были православными. Западные славяне исповедовали католическое вероучение, но у Н.Я. Данилевского была надежда, что духовное освобождение приведет их в лоно Православия, как вероучения сохранившего каноны первоначального Христианства [см. 137]» [533, с. 22].

«Анализ концепции Н.Я. Данилевского позволяет сделать однозначный вывод о том, что она в целом и её основные положения в частности являются логически выверенными, внутренне непротиворечивыми и адекватными социально-исторической реальности второй половины XIX века. Более того, его выводы не потеряли со временем своей значимости в исследовании разнообразных социальных процессов и по ряду важнейших параметров выступают в качестве методологического основания в познании современного общества, сохраняют операциональную привлекательность для разработки

геополитических технологий» [533, с. 22].

«В то же время, концепция Н.Я. Данилевского может служить базисом для формирования новых геополитических моделей, включающих в себя такие признаки современной жизни, которые стали проявляться лишь в последние десятилетия» [533, с. 22].

«Исходя из самого определения Н.Я. Данилевским культурно-исторического типа, возникает вывод о том, что тип цивилизации формируется на основе специфических социокультурных качеств, характерных для особого общественного объединения. Такое объединение, как правило, предполагает общую территорию, в рамках которой устанавливаются связи и взаимодействие всех элементов культуры – экономических, политических, моральных, языковых, научных, идеологических, религиозных. В конечном итоге, развитие взаимодействия приводит к тому, что осуществляется формирование целостной социокультурной системы, которая вырабатывает общие правила, нормы и стандарты для всех включенных в нее элементов. Выработка в этой системе единой парадигмы социального бытия и принципов социальной организации обеспечивает образование особого цивилизационного устройства. В итоге социокультурная система выражает себя в форме цивилизации. Это заключение видится особо значимым для исследования геополитического устройства и потому *теория культурно-исторических типов Данилевского представляется базовой для нашей темы, в отличие от других геополитических концепций*» [533, с. 22-23].

«Н.Я. Данилевский был не одинок и его окружала плеяда русских гениев, персонифицирующих эпоху в развитии человеческой мысли, сравнимую с эпохами античной философии, христианской философии средневековья, философии Нового времени и германской философии XVIII-XIX вв. Потому, тем значимее вклад Н.Я. Данилевского в развитие обществоведческой науки, что он был в окружении таких корифеев, как И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев, Н.К. Михайловский, К.Н. Леонтьев, Вл.С. Соловьев, отец П. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и многие другие. К сожалению,

некоторые из их открытий все еще мало знакомы не только международной, но и отечественной ученой среде. На примере геополитики это достаточно очевидно прослеживается» [533, с. 23].

«Социологическая, а по сути, геополитическая концепция Льва Ильича Мечникова достойна того, чтобы быть включенной в анналы мировой социологии и геополитики. Тем более, что главный труд «Цивилизация и великие исторические реки» был издан в 1889 году» [533, с. 23] и стал одним из первых исследований в сфере влияния цивилизационных факторов на геополитические процессы [см. 309].

«Исследуя взаимодействие природы и общества, Л.И. Мечников приходит к заключению, что не только природно-географическая среда оказывает влияние на человека, но в большей степени она сама претерпевает изменения от реализации деятельностных способностей людей. Да и само влияние окружающей среды на человека опосредовано образованием социальной кооперации и солидарностью, характерных уже для первобытных обществ [см. 309]. Поэтому, то, что пишет Л.И. Мечников далеко от трактовки «географического детерминизма» целым рядом философских критиков как тотальной зависимости общества от географического фактора» [533, с. 23-24].

«К числу безусловных достижений Л.И. Мечникова, делающих его крупнейшим социологом XIX века, следует отнести» [533, с. 24]:

– «разработку принципов взаимодействия природы и общества с учетом решающего фактора социальной деятельности в изменениях естественно-природной среды и совершенствовании общественной системы. «По моему мнению, пишет Л.И. Мечников, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в тех соотношениях между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» [309, с. 43]. В этом направлении наш соотечественник пошёл гораздо дальше Ш. Монтескье, Г. Бокля и К. Риттера, «которые ограничивались признанием влияния природы на человека» [453, с. 93]» [533, с. 24];

– «обоснование необходимости учитывать при характеристике исторического развития общества исходящий от человека сознательно-деятельностный фактор. Тем самым устраняется опасность чрезмерной объективизации (на грани социального фатализма), возникающей на основе определяющего действия эволюционно-биологического механизма общественного развития, как у Г. Спенсера. Поэтому, социально-философская концепция Л.И. Мечникова глубже по своему содержанию, чем социология Г. Спенсера» [533, с. 24];

– «введение и использование понятия «солидарность» для обозначения сугубо человеческого качества, в противовес животной борьбе за существование. Солидарность обеспечивает сохранность человеческого общества, а также служит гарантом и показателем социального прогресса. Здесь Л.И. Мечников раньше одного из классиков социологии Э. Дюркгейма сформулировал значение принципа солидарности для общества, показав его характерные черты» [533, с. 24].

«Эти социологические открытия Л.И. Мечникова имеют непосредственное отношение к определению источников геополитического устройства, так как указывают на социокультурные детерминанты формирования цивилизационных образований, участвующих в процессе распределения глобальных географических пространств, то есть в геополитических отношениях» [533, с. 24].

«Что касается собственно геополитических концепций, которые начали создаваться в конце XIX – начале XX вв., то Л.И. Мечников раньше Ф. Ратцеля представил научному сообществу и публике исследование, анализирующее влияние географической (природно-климатической) среды на формирование общества, развитие его культуры, становление цивилизационных типов и внешнюю политическую (геополитическую) активность государств» [533, с. 25].

«Творчество русского геополитика начала XX века Алексея Ефимовича Едрихина (публиковавшего свои работы под псевдонимом Вандам) являет собой ещё один пример глубины осмысления проблем мироустройства, прежде всего на Евразийском континенте, и, с другой стороны, величайшей несправедливости в

его оценке современниками и потомками. В августе 1912 года А.Е. Вандам издаёт две работы «Наше положение» и «Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)», в которых обосновывает теорию континентализма, где показывает необходимость установления союзнических отношений между ведущими государствами Евразийского континента – Францией, Германией и Россией, противостоящих англо-саксонскому гегемонизму [см. 81]. Выходит, что военно-политическая доктрина Континентального блока К. Хаусхофера, обнародованная им в конце 30-х годов прошлого века, лишь ретранслировала спустя почти тридцать лет идеи А.Е. Вандама. Всё это вполне допустимо, но ни у самого К. Хаусхофера, ни у историков геополитики мы не находим ссылок на А.Е. Вандама» [533, с. 25].

«Вслед за Н.Я. Данилевским, геополитическое форматирование и устройство в зависимости от культурно-цивилизационных особенностей государств-участников процесса стали темой исследования для философско-политической школы евразийства. В российской обществоведческой мысли XIX века вопросы культурно-цивилизационного своеобразия и идентичности интенсивно изучались в рамках двух основных школ – Славянофилов и Западников. Однако, сами школы не озадачивались проблемами влияния и определения геополитических процессов культурно-цивилизационными конструкциями. К тому же, даже когда Славянофильство выходило на осмысление геополитических процессов в контексте цивилизационного своеобразия, в лице Н.Я. Данилевского, прежде всего, оно не рассматривало Россию как цивилизационный тип и на основе этого участницу геополитических отношений» [533, с. 25].

«Пожалуй, ближе всего к концепции Российской цивилизации, как цивилизации особого типа, подошли представители евразийства, предшественником которых можно считать К.Н. Леонтьева, видевшего будущее России в союзе со странами Востока, а не с европеизированными политическими режимами западных славян – чехов, словенцев, хорватов и т.п. В работах Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, позднее Л.Н. Гумилева обосновывается особый

культурно-исторический тип России, обозначаемой термином «Евразия». При этом они акцентируют внимание на связи ее с азиатско-тюркским миром и противопоставляют Европейской или Западной цивилизации. В этом случае, понятия Российская цивилизация и Евразийская цивилизация являются тождественными. Такой подход содержит, собственно говоря, основной недостаток теории евразийства, когда его авторы уходят от определений Русской / Российской цивилизации, замещая их описанием и характеристикой этнокультурного симбиоза, формирующегося на обширных пространствах между Европейской и Восточными (Китайской и Индийской) цивилизациями. Что ведет к представлениям об эклектичном характере Евразийской цивилизации, ее неустойчивости, а главное – прячет сам стержень Российской цивилизации, каковым является русская культура и Русское Православие» [533, с. 25-26].

«Что касается геополитики, то из всех евразийцев её проблемами занимался в полной мере Пётр Николаевич Савицкий. Его главной темой исследований были культура и геополитическое своеобразие России, которая отождествлялась с понятием Евразии и представляла третий континент, наряду с Европой и Азией. Выделение П.Н. Савицким России в третий континент в пределах Евразийского материка происходило на основе географического и исторического понимания. При этом им чётко различались культурно-исторические содержания (здесь явно обнаруживается наследие Н.Я. Данилевского) миров «Европы», «Азии» и «Евразии» (России)» [533, с. 26].

«Близость позиции П.Н. Савицкого к теории Н.Я. Данилевского состоит в том, что он также рассматривает русскую культуру в качестве детерминанта своеобразия цивилизации и её геополитического положения, с той разницей, что у Данилевского это Славянский культурно-исторический тип (цивилизация), то у Савицкого – Евразийская цивилизация. Более серьёзные различия между ними проявляются в том, что Н.Я. Данилевский фактически не уделяет внимание географическому фактору становления и развития Славянской цивилизации, равно как и Европейской, а П.Н. Савицкий своеобразие России или Евразии (что для него является тождественным) видит во многом вследствие специфики её

географической среды [см. 426, 427]» [533, с. 26-27].

«Но, пожалуй, наиболее существенным есть то, что Славянский культурно-исторический тип Н.Я. Данилевского представлен как целостный, обусловленный едиными разрядами культурной деятельности («четырёхосновной», по определению самого Н.Я. Данилевского). Причём для Н.Я. Данилевского Славянство также должно сводиться к России, как к ней свелась Малороссия в середине XVII века, долго разделённая со всей Россией. Следовательно, Славянская цивилизация Данилевского означает, по сути дела, Российскую или Русскую цивилизацию. Потому сравнивая определения цивилизаций Н.Я. Данилевского и П.Н. Савицкого, мы можем применять их к России» [533, с. 27].

«П.Н. Савицкий, как и в целом евразийство, не приняли славянскую основу Российской цивилизации, в общем-то справедливо полагая, что туранские племена России ближе к русской культуре, нежели западные славяне – чехи, поляки, словенцы и хорваты. Но, Российская цивилизация у П.Н. Савицкого, и определяющая её русская культура получились достаточно эклектичными, образованными вследствие механического соединения в рамках Евразии разных культурно-цивилизационных традиций – Византийской (исходящей от Античной, греко-римской), Монголо-ордынской (или Степной, Восточной) и Европейской (Западной) [см. 429, 430]. В результате Россия выглядит как такой культурно-цивилизационный конгломерат, который был скреплён пространством Евразии и удерживается почвой русской культуры, сохраняющей устои ещё довизантийского периода, но всё более пропитываемой евразийскими ценностями» [533, с. 27].

«Современный российский геополитик Вадим Леонидович Цымбурский отмечал, что концепция евразийства Савицкого не даёт объяснения природы геополитического статуса и роли России в мировых геополитических процессах. Считая, что П.Н. Савицкий в своей евразийской концепции создал версию концепции Хартленда Х. Маккиндера, В.Л. Цымбурский, понимая «сердцевину суши» (Heartland) как пространство степей и пустынь с лесным северным пограничьем, констатирует, что ни та, ни другая не помогают охарактеризовать и

оценить положение России в каком она оказалась после 1991 года, утратив степной Казахстан, лесную Беларусь и лесостепную Украину [см. 588, 594-599, 607, 608, 612]. Для того, чтобы объяснить это положение он вводит термин «Остров Россия», принимая в качестве базового состояния территорию допетровской России XVII века. Другими словами, матрица России, надо полагать в культурно-цивилизационном плане (В.Л. Цымбурский использует термин «этноцивилизационная платформа»), оказывается значительно ограниченной в географическом пространстве по сравнению с Хартлендом Х. Маккиндера и тем более Евразией Савицкого. Сам В.Л. Цымбурский это ограничение передаёт вполне ясным определением – «остров (Россия) в «сердцевине суши». Таким образом, историческая Россия или Русь оказывается отрезанной от своих социогенетических культурно-исторических корней на западе и юго-западе – Малой Руси, Белой Руси, Червоной Руси, Чёрной Руси и других территорий, входивших в состав Древней Руси и, главное, своим этнокультурным потенциалом непосредственно участвовавшие в формировании русской культуры» [533, с. 27-28].

«Эти территории, равно как Прибалтика, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия В.Л. Цымбурский обозначил термином «Великий Лимитроф», который, по его представлениям, отделяет «Остров Россия» и от Европейской, и от Азиатской (Китайской и Индийской) этноцивилизационных платформ [см. 588, 591, 594, 596]. На западе «Острова Россия» «территории-проливы» дистанцируют его от собственно Европы, на востоке и юге к «Великому Лимитрофу» от России примыкает «Великий Лимитроф» от Китая в пространстве Синьцзяна (Уйгурии), (Внутренней) Монголии и Манчжурии. Если в культурно-цивилизационном контексте с отведением Прибалтике, Закавказью, Казахстану и Средней Азии статуса «Великого Лимитрофа» ещё как-то можно, не соглашаясь, относиться с пониманием природы таковых утверждений, то причисление Украины и Белоруссии к «велико-лимитрофным» территориям от «Острова Россия» не имеет каких-либо аргументированных обоснований, кроме констатации политического факта Беловежских соглашений. Однако, политические события в

географическом пространстве и культурно-цивилизационное содержание этого пространства вещи хотя и совместимые во времени, но принципиально различные в своих сущностных характеристиках» [533, с. 28].

«В то же время, следует признать, что В.Л. Цымбурский разрешает это культурно-цивилизационное противоречие при описании им статуса «Острова Россия», в общем-то, неоригинальным, но со своей внутренней логикой, способом. Он время основания «Острова Россия» относит к середине XVI века – периоду освоения Сибири, исключая не только Новгородско-Киевский период IX-XIII веков, но и Владимирско-Раннемосковский XIII-XVI столетий [см. 594]. Этим заключением В.Л. Цымбурский пытается не просто развести понятия Руси и России, но и противопоставить их как исторические феномены, превратить в различные социокультурные системы и отдельные этносоциальные организмы. Неоригинальным данный подход является потому, что фактически воспроизводит, но в иной – более мягкой редакции, околонучные сочинения польского этнографа (не этнолога) Францишека Духинского, сочинившего рассказ о нерусских (то есть не от Руси) «москалях» как туранском племени» [533, с. 28-29].

«Также как В.Л. Цымбурский, другой русский геополитик Владимир Александрович Дергачёв рассматривает геополитические процессы в контексте имперского развития – возникновения, существования и взаимодействия с окружающим пространством, в том числе внешними сопредельными странами, мировых Империй [см. 144]. Имперская геополитика у В.А. Дергачёва самым непосредственным образом связана с цивилизационными типами, лежащими в основе Империй. Собственно, такая связь приводит к тому, что геополитика, цивилизационная геополитика или геофилософия проистекает по своей сути от культурных основ, можно даже уточнить – духовно-культурных, определяющих, в том числе социальный менталитет общества, формирующего цивилизацию и государство, выступающих в качестве субъектов, решающих акторов геополитических процессов и отношений» [533, с. 29].

При этом, «В.А. Дергачёв не рассматривает проблему параметров и

состояния культурно-цивилизационных типов и определения этими типами субъектов геополитической активности. В результате, евразийская Россия у него становится тождественной Российской Федерации в её нынешних границах, что, фактически, соответствует подходу В.Л. Цымбурского. А Украина и Белоруссия объявляются «посредниками цивилизационного диалога между европейскими регионами» [см. 145]. Тогда возникает вопрос: если Россия, представляемая В.А. Дергачёвым как Российская Федерация, выстраивает цивилизационный диалог с другим европейским регионом, в образе Германии, и все они, следовательно, являются европейскими регионами, кем тогда являются Украина и Белоруссия? Если «евразийская» Российская Федерация представляет собой одну сторону цивилизационного диалога, значит – цивилизацию, а Германия – другую, то какие цивилизационные формы представляют Украина и Белоруссия? В случае же отнесения «евразийской» Российской Федерации вместе с Германией к европейским регионам, опять же непонятен цивилизационный статус Украины и Белоруссии». Видимо, подобного рода вопросы как раз связаны с тем, что остаются неопределёнными культурно-цивилизационные детерминанты геополитических образований и территорий, которые к ним примыкают, в данном случае Украины и Белоруссии» [533, с. 29-30].

«В результате анализа основных авторских концепций в области геополитики (не выделяя из её состава геоэкономику и геофилософию) следует отметить, что проблемы глобального мироустройства становятся актуальными во второй половине XIX века. С самого начала исследования этих проблем, вне зависимости от того носили исследования статус геополитических или нет, обозначились два основных подхода к их описанию, представлению и разрешению – культурно-цивилизационный и политико-географический. Первым и, пожалуй, самым ярким представителем цивилизационного подхода в исследовании проблем глобального мироустройства (геополитических проблем) был российский учёный Н.Я. Данилевский. Политико-географический подход в целом стал доминирующим в евроамериканской геополитике, который изначально был выражен А. Мэхэном, Ф. Ратцелем и Р. Челленом. В XX веке, во

второй половине и ближе к его завершению, как следствие развития отмеченных подходов получили развитие трансформационные варианты геополитики – связанная с политико-географическим подходом геоэкономика и строящаяся прежде всего на культурных и цивилизационных концептах геофилософия» [533, с. 30].

«Выделенные здесь подходы, безусловно, не являются взаимоисключающими и каждый несёт в себе частички другого, используются общие методы и учитываются близкие факторы. Поэтому каждая из рассмотренных геополитических концепций имеет глубокое содержательное значение, позволяющее с их учётом и, в известной степени, на их основе предлагать иные варианты рассмотрения геополитических процессов, определять отличные от имеющихся источники геополитического устройства мира» [533, с. 30]. При этом, анализ отмеченных геополитических концепций показывает, что культурно-цивилизационный подход является наиболее обоснованным и становится основой для более глубоких исследований. Это отмечаем, прежде всего, у Н.Я. Данилевского, представителей научного течения Евразийства и С. Хантингтона. При этом, в контексте нашего исследования учитывается природно-географический фактор, влияющий на формирование культурно-цивилизационных очагов.

1.3. Геополитика как политика в глобальных пространствах

Концепции геополитического устройства мира начали формулироваться со второй половины XIX века. А сама артикуляция проблемы была выражена, сначала косвенно, Ф. Ратцелем, который дал определение политической географии как понятию, характеризующему процесс культурного освоения

жизненного пространства [см. 407]. Хотя, до Ф. Ратцеля, его предшественник К. Риттер ввёл понятие жизненного пространства, по сути, выводящее на исследования геополитических проблем [см. 408]. Примечательно, что сам термин «политическая география» достаточно активно использовался ещё в XVIII в. российскими учёными – В.Н. Татищевым, М.В. Ломоносовым, П.И. Челищевым.

Непосредственно сам термин и понятие геополитики были включены в научный оборот шведским учёным, последователем Ф. Ратцеля, Р. Челленом, который исследовал состояние государства с позиции его территориально-географического позиционирования [см. 613].

Зарубежные геополитические исследования в XX столетии акцентировали внимание на проблемах, которые так или иначе были связаны с изучением государственной политики в географических пространствах и под влиянием этих пространств. При этом, выделялись те или иные знаковые аспекты в их исследованиях: Х. Маккиндер выделял географическую константу и ввёл определение Хартленда – сердцевиной земли, являющейся точкой сборки всей мировой геополитики [см. 281]; А. Мэхэн считал возможным достижение мирового господства на основе и благодаря морскому могуществу, при этом, он термином «геополитика» не пользуется [см. 328]; с именем К. Хаусхофера связано не только учение о двух основных источниках геополитической силы – теллуократией и талассократией, – но и начало институционализации геополитики – созданием в 1922 году Германского института геополитики [см. 558]; Н. Спикмен, в развитии идеи Х. Маккиндера о Хартленде, ввёл понятие «Римленда – дуговой земли, которая окружает Хартленд» [533, с. 16] и является ключом для мирового господства [см. 454-459].

Во второй половине XX в. зарубежные геополитические теории уже не строятся сугубо на географических факторах, а выделяют другие источники геополитического устройства. – И. Лакост, рассматривает географическую среду как пассивное пространство, в котором государство осуществляет свою деятельность и преобразует это пространство, исходя из чего возникает явление

«внутренней геополитики» [260]; С. Хантингтон ещё более радикально, чем И. Лакост расстаётся с географическими обоснованиями геополитических процессов и рассматривает в качестве доминирующих факторов конфессионально-мировоззренческие системы государств, которые обеспечивают им тот или иной геополитический статус [см. 554]; Э. Шопард, в известной степени, развил идеи С. Хантингтона, но весьма радикально их интерпретировал – дал определение европейскому континентализму, которому враждебны США и Великобритания и дружелюбна Россия [см. 633].

Если рассматривать геополитику как политические действия государств в рамках глобальных географических пространств (что, собственно, не противоречит ни классическому, ни современным определениям геополитики), то первым автором именно геополитической концепции стал отечественный учёный Н.Я. Данилевский, который не использовал термины «политическая география» и «геополитика», но исследовал именно геополитические процессы в своей работе «Россия и Европа». В этой работе рассматривается исторический процесс развития человечества на основе характеристики культурно-исторических типов, которые у Н.Я. Данилевского выступают как синонимы цивилизации и служат основанием для геополитического позиционирования [см. 137].

Ещё в одной работе отечественного автора Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки» (изданной за рубежом на французском языке), мы также находим в качестве элемента предметного поля аспекты геополитического исследования. В этой работе, гораздо «раньше Ф. Ратцеля, анализируется влияние природно-климатической среды (но, без географического детерминизма) на формирование цивилизационных типов государств и их внешнюю (геополитическую) активность» [503, с. 20], при этом в качестве основополагающего фактора рассматривается преобразовательная деятельность человека [см. 309].

В начале XX в. проблемы мироустройства на Евразийском континенте исследуются в трудах А.Е. Едрихина (Вандама) [см. 81]. Эта тематика – евразийство – глубоко изучается в работах П.Н. Савицкого, одного из авторов

теории евразийства [см. 422-435].

Среди современных российских теоретиков геополитики следует отметить В.Л. Цымбурского, который полемизируя с концепцией евразийства, вводит понятие «Острова Россия», выводя его из ограниченного историческим временем периода существования России в формате XVI-XVII вв. В то же время, в его определениях явно прослеживается культурно-цивилизационная доминанта геополитического позиционирования современной России [см. 579-612]. Ещё один современный отечественный специалист в области геополитики В.А. Дергачёв, явление геополитики рассматривает в контексте культурно-цивилизационных основ, которые у него являются источниками геополитической активности [см. 142-145].

Следует признать, что наиболее распространёнными определениями геополитики, являются такие, которые исходят из определения, принадлежащего шведскому учёному Р. Челлену: «Геополитика является учением о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о земле, территории, области или, что точнее всего, – как о территориальном господстве (rike)» [613, с. 94]. В своих определениях геополитики Р. Челлен основывался на трудах германского географа Ф. Ратцеля, который исследовал влияние географических пространств на государства, реанимировав термин «политическая география», введённый в научный оборот французским экономистом Р. Тюрго ещё в середине XVIII века. То, что у Ф. Ратцеля было политической географией у Р. Челлена, который считал Ратцеля своим учителем, стало геополитикой.

В таком же русле определяли геополитику многие другие учёные, стоявшие у истоков геополитики, такие как А. Мэхэн (не использовавший этого термина, так как описал проблему политики в масштабах географических пространств до появления работы Ф. Ратцеля и тем более до изобретения термина «геополитика» Р. Челленом), Х. Маккиндер (также не применявший данного термина для характеристики направленности своих исследований), К. Хаусхофер (уже применявший определение геополитики и даже создавший Германский институт

геополитики). По сути дела, принципиальных изменений в трактовку геополитики через географические пространства не внесли ни новая геополитика – геоэкономика, ни новейшая – геофилософия. Если традиционная геополитика акцент делала на военно-политической мощи государств в глобальных пространствах, то геоэкономика конкретизировала политическую мощь экономическими факторами, а геофилософия – обосновывает политическое могущество багажом культуры, используемым для освоения земли.

Иной подход к исследованию политики (государства) в масштабах глобальных (географических) пространств использовали Н.Я. Данилевский и П.Н. Савицкий (как и евразийство в целом), которые также могут быть отнесены к основоположникам геополитики. У них военно-политическая и экономическая мощь государства, равно как и культурные ресурсы, определяется культурно-историческим типом и цивилизацией, к которым государство (либо союз государств) относится. В этом случае способность осваивать географические пространства, методы освоения либо способы и формы существования в глобальных территориях зависят и определяются культурно-историческим типом и цивилизацией. Этим же определяются и отношения с другими культурно-историческими типами и цивилизациями.

При, казалось бы, принципиально различных подходах к определению детерминант и факторов политики государств в масштабах глобальных (географических) пространств, географическая и культурно-цивилизационная школы в геополитике имеют многие точки соприкосновения, которые не разводят их в альтернативные позиции, а объединяют в общем исследовательском поле. Целесообразно рассмотреть это общее основание на примере текстов Н.Я. Данилевского, по сути, первого геополитика и основоположника цивилизационной теории, и Р. Челлена, обосновавшего предметность новой политико-географической дисциплины – геополитики; рассмотреть, с позиции обнаружить у них объединяющие элементы. В общем, нам нужно выявить в тексте Данилевского географический фактор в геополитике, а в тексте Р. Челлена – признание культурного и цивилизационного факторов. Безусловно, трактовка

этих факторов у них будет отличаться, что, собственно, вполне понятно и закономерно, исходя из базовых установок исследования проблемы каждым. Другими словами, нам не требуется искать у Н.Я. Данилевского обоснования приоритета географического фактора, а у Р. Челлена – культурно-цивилизационного, нам важно просто их зафиксировать. Естественно, мы не обязаны преследовать цель произвести полный и доскональный контент-анализ и дискурс-анализ текстов Н.Я. Данилевского и Р. Челлена, нам достаточно рассмотреть и проанализировать некоторые выбранные фрагменты.

В четвёртой главе книги «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский отмечает, что «деление на части света есть деление искусственное, что единственный критерий его составляет противоположность между сушей и морем, не объемлющая собою всех других различий, представляемых физической природой (различий топографических, климатических, ботанических, зоологических, этнографических и пр.), критерий, не обращающий даже на них внимания, что по одному этому уже, следовательно, части света не представляют и не могут представлять свойств, которые одну из них ставили бы в противоположность другой, что выражения: европейский, азиатский, африканский тип суть только метафоры, которыми мы приписываем целому свойства его части» [137, с. 71]. Несложно из этого утверждения сделать вывод о том, что Н.Я. Данилевский отмечает, что не только и не столько части света, такие как пространства суши, необходимо учитывать при характеристиках культурно-цивилизационных различий, но и другие природно-географические особенности – «топографические, климатические, ботанические, зоологические, этнографические» [137, с. 71].

Указание на природно-географические сходства общества и биосреды, а значит и обозначение таковой факторальности в социальных организмах содержится в другом фрагменте текста Н.Я. Данилевского: «Народу, одряхлевшему, отжившему, свое дело сделавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможет, совершенно независимо от того, где он живет - на Востоке или на Западе. Всему живущему, как отдельному неделимому, так и

целым видам, родам, отрядам животных или растений, дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть. Геология и палеонтология показывают, как для разных видов, родов, отрядов живых существ было время зарождения, наивысшего развития, постепенного уменьшения и, наконец, совершенного исчезновения. Как и почему это так делается – никто не знает, хотя и стараются объяснять на разные лады. В сущности же это остарение, одряхление целых видов, родов и даже отрядов – не более удивительно, чем смерть отдельных индивидуумов, настоящей причины которой также никто не знает и не понимает. История говорит то же самое о народах: и они нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают – и умирают не от внешних только причин» [137, с. 75].

Непосредственное обозначение территориально-географического фактора в устройстве и функционировании государства-цивилизации проявляется в рассуждениях Н.Я. Данилевского. Приведём цитату, она достаточно пространна, но необходима, что более точно представить мысль автора: «Русский народ не высылает из среды своей, как пчелиные улья, роев, образующих центры новых политических обществ, подобно грекам – в древние, англичанам – в более близкие к нам времена. Россия не имеет того, что называется владениями, как Рим и опять-таки Англия. Русское государство от самых времен первых московских князей есть сама Россия, постепенно, неудержимо расширяющаяся во все стороны, заселяя граничащие с нею незаселенные пространства и уподобляя себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения. Только непонимание этого основного характера распространения Русского государства, происходящее опять-таки, как и всякое другое русское зло, от затемнения своеобразного русского взгляда на вещи европейничаньем, может помышлять о каких-то отдельных провинциальных особях, соединенных с Россией одною отвлеченною государственною связью, о каких-то *не Россиях* в России, по прекрасному выражению г. Розенгейма, и не только довольствоваться ими, но видеть в них политический идеал, которого никогда не признает ни русское политическое чувство, ни русская политическая мысль. Должно надеяться, что и

этот туман рассеется подобно многим другим» [137, с. 485].

«По этой же причине Россия никогда не имела колоний, ей удававшихся, и весьма ошибочно считать таковою Сибирь, как многие делают. Колонисты, выселяясь из отечества даже добровольно, не по принуждению, быстро теряют тесную с ним связь, скоро получают свой особый центр тяготения, свои особые интересы, часто противоположные или даже враждебные интересам метрополии. Вся связь между ними ограничивается покровительством метрополии, которым пользуется колония до поры до времени, пока считает это для себя выгодным. Колонии несут весьма мало тягостей в пользу своего первоначального отечества, и если принуждаются к тому, то считают это для себя угнетением и тем сильнее стремятся получить полную независимость» [137, с. 485-486].

«Кроме национального характера народов, выделявших из себя колонии, на такое отношение их к своему прежнему отечеству имеет, конечно, большое влияние и географическая раздельность вновь заселяемых стран» [137, с. 486].

«При расселениях русского народа мы не видим ничего подобного. Куда бы ни заходили русские люди, хотя бы временные и местные обстоятельства давали им возможность или даже принуждали их принять самобытную политическую организацию, как, например, в казацких обществах центром их народной жизни все-таки остается старая Русь-Москва, высшая власть в понятии их продолжает олицетворяться в лице русского царя. Они спешат принести ему присягу, поклониться ему новыми странами, которыми они завладели, вступить в непосредственную связь с Русским государством. Держась своего устройства, они не выделяют себя из русского народа, продолжают считать его интересы своим интересом, готовы жертвовать всем достижению его целей. Одним словом, они образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее. Посему и новые заселения заводятся только по окраинам стран, сделавшихся уже старою, настоящею Русью. (Я говорю про самобытные народные расселения, а не про правительственные колонизационные предприятия.) Расселения скачками через моря или значительные промежутки не удаются, хотя бы им покровительствовало правительство. Не удалась нам

Американская колония, не удастся что-то и Амур» [137, с. 486].

«Такому характеру расселения русского народа, в высшей степени благоприятному единству и цельности Русского государства, соответствует и уподобительная сила русского народа, претворяющая в свою плоть и кровь инородцев, с которыми приходит в соприкосновение или столкновение, конечно, если этому не противопоставляется преград ошибочными правительственными мероприятиями» [137, с. 486].

Кстати, один из создателей идеологической концепции евразийства П.Н. Савицкий, считавший себя наследником Н.Я. Данилевского и развивавший его теорию культурно-исторических (цивилизационных) типов, по сути, соединяет цивилизационный и территориально-географический подходы, рассуждая об «ощущении моря», свойственного для Европейской цивилизации и «ощущении континента», характерного для цивилизации Евразийской (Российской) [см. 429, 430]. При этом источники и основания культурно-исторического типа России он стремился понять, анализируя специфику её пространственно-географического положения, как части особого «окраинно-приморского мира».

Р. Челлен в своём главном труде «Государство как форма жизни», отмечая первостепенное значение земли, территории для существования государства, тем более государства, претендующего на мировое доминирование, в то же время, фактически, отводит большое значение для укрепления государства таким факторам, как совершенствование культуры (в том числе – хозяйственной) и цивилизационное развитие. Об этом свидетельствуют такие его выводы: «Кто знаком с античной историей, не может не заметить, что античные государства обычно носили имена своих *столиц*. Знакомясь с их историей, мы следим за судьбой Афин, Спарты, Фив, мы видим борьбу между Римом и Карфагеном, мы видим, как Рим разрастается до размеров огромной цивилизации [kulturkretzen²], но по-прежнему при этом именуется Римом. Когда же мы сегодня вместо этих названий употребляем слова *Греция* и *Италия*, то на самом деле мы вступаем в

² Используемый Р. Челленом термин «kulturkretzen» свидетельствует о том, что в данном контексте следует говорить не о цивилизации, а о культурном сообществе.

противоречие с действительностью. Античные государства были городами-государствами. Их территория совпадала с территорией городской округи, точно так же у современных деревень. Только в пределах городской черты кипела государственная жизнь, поэтому территория как элемент государства лишь косвенно учитывалась при определении самого государства. Следовательно, данный территориальный тип государства представлял собой город с округой» [613, с. 98].

Далее, анализируя очередной этап исторического развития, Р. Челлен отмечает: «Западноевропейское средневековье принесло новый тип организации, являющий полную противоположность античности. Теперь понятие государства совершенно растворяется в понятии земли, terra. Вдобавок господствующее натуральное хозяйство и плохое состояние проезжих дорог вызвали к жизни такое явление, как кочующий двор короля, живущего за счет эксплуатации собственных владений и не имеющего опоры даже в столице» [613, с. 99].

Анализируя современное состояние общества, Р. Челлен приходит к выводу, что в нём сочетаются два типа организации – античный и средневековый, с характерной особенностью, что государство превращается в основного распорядителя земли, т.е. именно в этот период обнаруживаются признаки геополитики: «мы констатируем, что современное государство предполагает под собой территорию как городов, так и всей страны (land). Все государства – землевладельцы. Следующее наблюдение касается различия между государством и частным землевладельцем. Крестьянин может продать свою усадьбу и купить новую... совсем по-другому обстоит дело с государством. Государство не может никуда переехать. У него постоянное место жительства и право прописки в противоположность бродячим ордам номадов. И это установлено раз и навсегда для всех краев (mark). Государство прикреплено к своей земле, оно погибнет, если нарушит эту связь. Оно подчинено «особенностям жизни» на этой территории. Только представьте себе, что все население Швеции утратило бы связь с монархом, государственным флагом, всей своей подвижной культурой и присоединилось бы к другим, вошло бы в другое окружение. Швецию мы не

смогли бы унести с собой, позади нас лежало бы мертвое шведское государство» [613, с. 101-102].

Таким образом, «традиционно геополитика рассматривается в контексте глобальных географических процессов, в которых проявляется военно-политическая мощь государств. Некоторая корректировка определений геополитики в традиционном понимании с акцентуацией на экономические аспекты, по сути дела, ничего принципиально не меняет, так как политическая воля государств, в этом случае, реализуется с опорой не только на военные, но и на экономические ресурсы. Исторически такой подход совершенно оправдан, и его авторы (Ф. Ратцель [407], Р. Челлен [613, 614], К. Хаусхоффер [558] и др.) внесли существенный вклад в характеристику и объяснение мировых социальных явлений. Однако такие геополитические концепции в большей степени носили описательный характер, в том смысле, что описывали политические конфигурации государств в географическом пространстве. Более того, географические факторы не всё в состоянии объяснить в геополитике. Например, освоение Россией Дальнего Востока и инертность в этом направлении Китая традиционной геополитикой, в т.ч. геоэкономикой, лишь описывается, без глубокого аргументированного обоснования» [533, с. 6].

Было бы несколько упрощенно, как это делается рядом современных авторов, геополитические факторы определять «на основе религиозно-конфессиональных отличий, характерных для государственных образований и их союзов. Несмотря на то, что так называемый географический или природно-климатический подход к геополитическому форматированию имеет гораздо больше обоснований и является, по сути, классическим (саму геополитику традиционно рассматривали в контексте географических факторов), именно религиозно-мировоззренческий в последнее время начинает преобладать в выстраивании геополитических оценок современных международных процессов и событий. И если у одного из классиков К. Хаусхофера геополитика рассматривается как производное от географических пространств, точнее, от осознания этих пространств государством [см. 558], то для С. Хантингтона

геополитика определяется через противоборство таких цивилизационных форм, которые наполняются сугубо религиозным содержанием [см. 554]. «Такая модель не срабатывает хотя бы потому, что ряд государств, несмотря на их религиозную и даже конфессиональную общность оказываются в различных векторах геополитического форматирования и развития, в различных, иногда враждебных геополитических альянсах» [533, с. 6-7].

«Определённым способом преодоления недостатков традиционной и новой геополитики с их акцентуацией на географическом, экономическом и религиозном факторах, выступает новейшая геополитика с концептуальными подходами, строящимися на основе геофилософии, которую связывают с именами Ж. Делёза [140] и Ф. Гваттари [140]. В этом случае акцент делается на многомерное пространство, учитывающее разнообразие культурно-генетических кодов. В новейшей геополитике (синонимами которой являются такие термины как «цивилизационная геополитика», «геофилософия», «геокультура», «аналитическая геополитика», «геопсихология» и «информационная геополитика») глобальные политические процессы рассматриваются с помощью пространственной модели имманентной философии, основанной на соотношении территории и земли. В этой дихотомической паре «территория – земля», территория рассматривается как процесс окультуривания земли. А в качестве примера авторы приводят деятельность имперских колонизаторов, которые приходят на пустую землю с целью заново «основывать» территорию [140, с. 113]» [533, с. 7].

«Если геофилософия и геокультура выступают в качестве теоретико-методологической базы новейшей геополитики, то информационно-аналитическая геополитика и геопсихология становятся её своеобразными прикладными разделами. Аналитическая геополитика создаёт технологии «захвата» и «защиты» жизненных пространств (цивилизаций, государств и регионов) и достижения геостратегических целей путем создания созидательной или разрушительной рубежной (пограничной) социальной энергетики в обществах, рассматриваемых как объекты и предметы воздействия.

Геопсихология изучает управление людьми на подсознательном уровне. Благодаря разработке и применению разнообразных техник (в т.ч. манипуляционных) управления крупными социальными группами осуществляется «захват» вражеской территории, в том числе во время борьбы за власть (захват электората)» [533, с. 7].

Совершенно «очевидно, что представления о современной геополитике в целом и моделях геополитического поведения ведущих мировых держав непосредственно, будут неполными, если мы оставим в стороне культурно-цивилизационные факторы на них влияющие. Тем более важно это делать исходя из отмеченного культурно-цивилизационного разнообразия, которое выдвигает на мировую сцену нескольких значимых геополитических игроков. К их числу, безусловно, следует отнести США и Европейский союз (выступающие по поводу важнейших мировых проблем, по сути, совместно; к тому же, они включены в общий культурно-цивилизационный контекст – Европейскую / Евроатлантическую цивилизацию), Китай, Россию, в определённой степени Индию, арабо-мусульманский и в целом мусульманский мир. Уже этот перечень позволяет зафиксировать, что каждый из отмеченных геополитических игроков имеет свою культурно-цивилизационную модель, которая активно участвует в выработке внешнеполитической доктрины» [533, с. 7-8].

Именно на культурно-цивилизационных отличиях акцентировал внимание С. Хантингтон, формируя и формулируя свою концепцию геополитического мироустройства [см. 554]. Которая в определённой степени смогла отразить характерные черты разнообразных международных конфликтов современности и вследствие этого стала вполне очевидно востребованной не только в научных, но и в политических кругах. В то же время, концепция современных цивилизаций С. Хантингтона имеет существенные недостатки, которые возникают вследствие смешения признаков при классификации цивилизационных конструкций. «В конечном итоге это приводит к утрате критериев, по которым предполагается выделять современные цивилизации – «синская (китайская), японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская и

(возможно) африканская» [554, с. 29-31]. Выделение С. Хантингтоном религиозных признаков в качестве отличия цивилизаций им же самим не соблюдается, так как из отмеченных восьми цивилизаций лишь три обозначаются по сугубо религиозным критериям. Отсюда, в рамках современного научного дискурса проблема определения социокультурных доминант цивилизационного строительства на основе религиозно-конфессионального фактора остаётся, как минимум, открытой.

Исходя из того, что практически все современные цивилизации (впрочем, как и все предшествующие) не только поликонфессиональны, но и полиэтнокультурны, то процесс формирования цивилизаций следует видеть в контексте глобальной социокультурной традиции, утверждающейся в пределах глобального природно-географического пространства, в условиях которого образуется определённый тип человеческой деятельности. Не только испытывающий влияние характерных природно-географических условий, но и изменяющий их. И таким образом формирующий самого себя. Именно такой критериальный подход позволяет показать специфику и характерные признаки цивилизационного строительства и образования цивилизационных конструкций.

Культурно-цивилизационные факторы, возникающие вследствие преобразования природно-географических пространств, определяют степень и уровни позиционирования государств на внешней международной арене. Отсюда, оказывают непосредственное влияние на геополитическое устройство в мире. Следовательно, геополитическая проблематика входит в предметное поле исследования в контексте её глубинной связи с культурно-цивилизационным развитием. Такой подход предполагает остановиться на основных геополитических теориях, рассматривая их в контексте культурно-цивилизационного влияния на тему наличия и или отсутствия его описания в ой или иной теории.

Обращение к авторским определениям с различными подходами к проблемному полю, которым занимается геополитика, современная в том числе, убеждает в том, что предметность этой научной дисциплины следует строить с

учётом и природно-территориально-географической, и историко-культурно-географической сторон. Пожалуй, самым важным объединяющим началом этих двух подходов к исследованию и двух сторон самого предмета геополитики является то, что данная дисциплина исследует именно политические процессы, разворачивающиеся в глобальных пространствах. Для таких глобальных пространств характерны как природно-географические, так и культурно-цивилизационные параметры. Ибо, вполне естественно, что глобальное пространство необходимо обладает определёнными природными качествами и географическими свойствами, которые влияют на социальную деятельность общества, существующего в рамках данного пространства. Также справедливо то, что социокультурные типы и цивилизации не могут размещаться в пределах локально ограниченных территорий, а требуют значительных пространств и потому проявляют себя в этих пространствах, продвигая свои интересы и реализуя самые разнообразные социокультурные потребности.

Определение геополитика на основе или с использованием географических признаков факт совершенно очевидный. Даже Н.Я. Данилевский, который не знал термина «геополитика», впрочем, равно как и А. Мэхэн и, даже, Ф. Ратцель, не использовавшие этого термина, и исследовал цивилизационные типы, уже в названии своей работы – «Россия и Европа» – обозначил географические признаки. Очевидно, что он рассматривал политические действия Славянского мира и Европы именно в географическом пространстве. С другой стороны, геополитика и как понятие, выражающее сложные политические процессы в глобальных пространствах, где в качестве субъектов выступают влиятельные государственные организмы, и как предмет исследований, включает в себя культурно-исторические и цивилизационные факторы. С учётом этого строить трактовку геополитики необходимо с помощью корреляции значений пространства и интереса.

«Значение пространства выводится из части «гео» термина геополитика, а интереса – из политики. Если привязка «гео» к пространству выглядит достаточно понятной, то относительно значения интереса применительно к политике следует

сказать несколько подробнее» [530, с. 396].

«Политика как форма социального бытия или сфера жизни общества определяется исходя из ее процессуальной направленности, функциональной заданности и ценностных ориентиров. В основе политической деятельности социальных субъектов (будь то личность либо государство) лежит стремление к достижению собственных интересов или интересов других субъектов, если они (и интересы, и субъекты, – а, как правило, и те и другие вместе взятые) благоприятны для данного актора. Следовательно, как уже было отмечено, политика есть форма, поле и сфера реализации интересов социальных субъектов» [530, с. 396].

Под формой реализации интересов социальных субъектов (акторов) понимаются определённые действия или комплекс действий, направленных на достижение поставленных целей, связанных с присвоением контроля над деятельностью других людей, социальных групп, распределением продуктов (материальных и духовных) в обществе и тому подобное. Формами реализации интересов субъектов политической деятельности выступают соглашения, требования, запросы, насилие, убеждения и тому подобное. Таким образом, формы политической деятельности могут быть обнаружены практически во всей системе социальных связей и социального взаимодействия.

Поле реализации социальных интересов проявляет себя в различных видах социальной деятельности, таких как экономическая, общественная, образовательная, научная, культурно-просветительская, семейная и так далее. Следовательно, поле политики мы можем обнаружить, также, фактически, во всех областях деятельности социальной системы.

В то же время политика рассматривается в качестве самостоятельной, особой сферы жизни общества, наряду с экономической сферой, социальной, культурно-просветительской, религиозно-конфессиональной, семейной, научно-образовательной. В политической сфере функционируют политические институты, которые учреждаются и создаются для достижения сугубо политических целей, вытекающих из установок на продвижение и достижение

социальных интересов. Эта сфера достаточно чётко обозначена и включает в себя, прежде всего, государство, как политический институт, политические партии и политические средства социальной коммуникации, в том числе средства массовой информации.

Применительно к геополитике, «субъектом реализации интересов рассматривается, прежде всего, государство или союз государств, а сфера их реализации может выводиться за пределы территориальной дислокации определенного государственного образования. *Геополитика – это комплекс методов и способов, обеспечивающих реализацию государственных интересов (интересов государства) в масштабах глобальных пространств*» [530, с. 397]. Здесь интересы могут выступать в виде социокультурных, цивилизационных, экономических, военно-политических. Но, прежде всего и главным образом, геополитика не просто коррелируется, а вытекает из цивилизационных устремлений, становясь сферой и способом цивилизационного позиционирования государства в глобальном географическом пространстве. Такой вывод основывается на том, что цивилизационные интересы всегда выходят за пределы пространства социокультурного ядра и даже социокультурного поля определённой цивилизационной конструкции. Например, социокультурным ядром Европейской цивилизации является западная часть Европейского полуострова, а её социокультурное поле включает в себя всю Европу (за исключением территории исторической России с Прибалтикой, Украиной и Молдавией), Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию и в статусе этнокультурного осколка (ов) Центральную и Южную Америку. А вот цивилизационные интересы в нынешнем состоянии уже Евроатлантической цивилизации распространяются фактически на всю планету Земля.

«Следуя из такого определения геополитики, вполне обоснованным является употребление этого понятия при характеристике различных цивилизационных типов и социокультурных пространств. Совершенно очевидно, что цивилизация не может ограничиться какими-либо локальными пространственно-временными зонами, а социокультурное пространство – одним

или двумя регионами» [530, с. 397].

Геополитика, рассматриваемая в контексте географического измерения международных политических отношений, включает в свою сферу деятельность государств, обладающих необходимыми ресурсами и потенциалом продвигать и отстаивать свои разнообразные интересы в глобальных пространствах. Именно такие государства становятся таким образом субъектами геополитики. Точно так же как в политике не все становятся её субъектами и имеются не только люди, но и целые социальные группы (маргинальные, например), которые в данной ситуации не в состоянии реализовывать свои социальные интересы, контролировать внешние процессы и другие группы, то и в геополитике, правда, ещё более отчётливо обнаруживаются государства, находящиеся вне сферы геополитических интересов, неспособные построить своё поле геополитики, реализовать политику своего государственного организма в масштабах глобальных географических пространств.

Это определение не предполагает, что государства, не включённые в геополитический процесс, обязательно становятся геополитическими пешками, которых передвигают по своему усмотрению основные геополитические игроки. Ряд государств по определённым обстоятельствам и благодаря определённым факторам могут полностью сохранять контроль над своей внутренней политикой, не будучи вовлечёнными в геополитический процесс. Как пример в современном мире можно назвать Корейскую Народно-демократическую республику (Северную Корею), которая оказалась именно в таком состоянии. Другое дело, насколько долговременным и прочным является такой статус в геополитическом пространстве. Другой пример, с Ираком С. Хуссейна, показывает, что ведущие геополитические акторы (действующие лица) могут продвигать свои интересы и в локально замкнутые пространства.

Исследуя политику как социальное явление, мы находим целый ряд важных характеристик, значимых для нашей темы. Прежде всего, следует отметить, что, с одной стороны, политика является особой сферой общественной жизни, наряду с экономической, гражданским обществом и духовно-культурной, а, с другой

стороны, политические признаки мы можем найти во всех других общественных сферах. И это состояние передаётся и выражается с помощью таких понятий как экономическая политика, социальная политика, семейная политика или культурная политика. Скорее всего, такая многогранность и глубина политики позволяет возникнуть множеству её определений и интерпретаций, которые, зачастую, подаются в поэтико-аллегорической форме, типа: политика есть искусство возможного.

Исходя из того, что политика ранжируется в корреляции с такими практически-деятельностными сферами как экономика и социальная (гражданское общество), мы посчитали допустимым дать определение этому понятию в соотнесении с отмеченными сферами. В результате, возникло определение политики как сферы реализации социальных интересов групповых и индивидуальных акторов. Исходя из такого определения политики, мы имеем возможность предметно представить характер геополитики, которая, безусловно, вне политического контекста не может рассматриваться. Геополитика, существующая в системе международных отношений, безусловно, должна быть отнесена к политической сфере жизни общества, проявляющая себя в других сферах общественной жизни образом сходным с тем, что мы отмечаем у политики – геоэкономика, геокультура, геостратегия. Именно определение через интересы государств в глобальных географических пространствах позволяет не только выразить особенности геополитики, объяснив сочетание слов «гео» и «политика» в термине, но и ограничить участников геополитических отношений государствами, способными к самостоятельным действиям во внешней географической среде. К тому же, понятие геополитики служит и выражением определённого социального явления, и обозначением отрасли научного знания, которая строится на стыке предметных полей географии и политологии, выступая в качестве гибридной дисциплины.

Таким образом, данные определения понятий политики и геополитики становятся важными и значимыми познавательными инструментами по теме нашего исследования. В этом качестве они несут необходимую

методологическую основу настоящего исследования, которая определяется данными в этом разделе авторскими определениями понятий «политика» и «геополитика». Исходя из того, что отмеченные понятия являются основополагающими для предметного поля исследования, их рассмотрение и анализ становятся важнейшей теоретико-методологической задачей, которая решается, как раз, данными определениями, учитывающими сами параметры явления и объективные признаки (передаваемые через функции социального интереса) и характерные свойства в равной степени влияющие на него (субъективный фактор и роль общественного сознания).

Существенно, что через понятия «политика» и «геополитика» мы выходим к определению геополитического устройства мира, которое выражает явление находящееся непосредственно в центре данного исследования и связано с его предметом. Понятие геополитического устройства мира в современных политологических публикациях коррелируется с такими терминами как «геополитическая структура мира», «геополитическая картина мира», «геополитическая модель мира», «геополитическая конструкция мира». Все они, по сути, рассматривают проблемы упорядочивания и организации глобального географического пространства, осуществляемого ведущими геополитическими акторами – государствами с достаточным позитивным суверенитетом. Следует отметить, что в исследованиях зарубежных авторов отсутствуют строгие научные определения отмеченных терминов, в том числе и геополитического устройства мира. В работах Х. Маккиндера [см. 280, 281] и Н. Спикмэна [см. 454-459] дано образное представление о геополитическом мироустройстве, которое передаётся ими через определения Хартленда и Римленда, соответственно.

Более глубокое и детализированное описание мироустройства в контексте геополитических процессов мы находим у другого зарубежного исследователя С. Коэна. В своей основной работе «География и политика в разделенном мире» он представил модель, в которой геополитическое позиционирование осуществляется под воздействие геостратегических зон. Такой подход выстраивает иерархию в геополитическом пространстве, когда уровень

геополитического региона определяется его расположением в геостратегической сфере или вне её. В данном случае, С. Козн недалеко уходит от Х. Маккиндера, выделяя Морскую и Евразийскую геостратегические сферы и закрепляя полицентричный характер всего геополитического устройства мира [см. 670].

Отечественные исследователи геополитики традиционно ответственно подходят к определению используемых понятий, в отличие от зарубежных авторов, склонных либо вообще не давать определения, либо использовать художественно-публицистические формулировки. Что касается понятия геополитического устройства мира, то заслуживает внимания определение З.А. Жаде, которая, используя термин «геополитическое мироустройство», отмечает, что «это первый уровень, представляющий собой политическое освоение географического пространства и характеризующий естественноисторический процесс, как процесс реализации государственной власти и межгосударственных отношений на основе установления естественных пределов зон геополитического влияния». Далее она уточняет: «Этот уровень можно трактовать как субъектно-объектное геополитическое взаимодействие, где субъектами выступают основные «игроки» на игровом поле геополитики, претендующие на расширение сфер своего геополитического влияния, а объектами – территории, их географические ресурсы, имеющие геополитическую ценность, а также народы, населяющие эти территории» [163, с. 236].

Однако, следуя такому определению, теряется отличие между свойством, признаком и процессом, с одной стороны, и результатом, с другой, когда геополитика является процессом реализации свойств и признаков государств с позитивным суверенитетом в глобальных географических пространствах, а геополитическое устройство мира – результатом всей совокупности геополитических отношений. К тому же, данное определение З.А. Жаде геополитического мироустройства более соответствует сущности геополитики и, более того, полностью соответствует её процессуальным качествам.

Хотя, абзацем выше в тексте своей статьи З.А. Жаде даёт определение геополитическому мироустройству, которое более соответствует его

характеристике как результату геополитического взаимодействия и контактов: «выделим такие уровни геополитического измерения современной политической реальности, как геополитическое мироустройство (организация географического пространства и государственной власти), геополитическое мировидение (теоретические конструкты, геополитические теории и доктрины) и геополитическое мироощущение (геополитическое мировоззрение и мироориентация, основанная на формировании геополитической идентичности)» [163, с. 236].

Стоит отметить, что выделенные З.А. Жаде «уровни геополитического измерения» весьма продуктивны с позиции исследования геополитической сферы жизни общества как особого и отдельного явления. Используя данное определение можно проследить взаимовлияние всех трёх отмеченных уровней и установить степень значимости каждого из них в определённый исторический период развития общества, для той или иной цивилизационной конструкции, либо государства как геополитического игрока.

Однако, возвращаясь к проблеме, которая имеет непосредственное отношение именно к настоящему исследованию и его предмету, и используя определение З.А. Жаде, именно исходящее из процесса организации географического пространства и государственной власти, следует отметить, что геополитическое устройство мира глубоко связано с обустройством социокультурного пространства, создаваемого человеком в процессе освоения природно-географической среды. В дальнейшем будет уделено особое внимание характеристике и определению понятия цивилизации, но уже сейчас можно отметить, что в связи с обустройством социокультурного пространства и происходит формирование человеческой цивилизации, как в планетарном, так и локально-историческом масштабах.

Геополитическое устройство мира становится одной из форм цивилизационного обустройства, которые способны выполнять государства или объединения государств, являющихся носителями эффективных цивилизационных моделей. Следовательно, геополитическое устройство мира

становится результатом соотношения сил ведущих геополитических игроков (либо одного игрока), которые в своих геополитических притязаниях опираются на свои культурно-цивилизационные устои. При этом, не все государства в состоянии выполнять функции геополитических игроков, вследствие ограничений или отсутствия включённости в развитые цивилизационные модели. В этом случае, «организация географического пространства и государственной власти», безусловно, будет связана с геополитическим устройством мира, но не все организаторы географического пространства и государственной власти становятся созидателями геополитического устройства мира.

Исходя из сделанных заключений, можно сделать вывод, что геополитическое устройство мира формируется как следствие разворачивающихся в больших географических пространствах геополитических процессов, которые предполагают действия и деятельность государств, обладающих необходимым культурно-цивилизационным потенциалом, по реализации своих цивилизационных интересов.

Следует особо отметить, что именно состояние социокультурной матрицы, обеспечивающей формирование эффективной и наиболее продуктивной в определённый период исторического развития цивилизационной модели, позволяет государству или государствам, представляющим такую модель, становиться влиятельными геополитическими акторами и создавать геополитическое устройство мира. В этом контексте, геополитическое устройство мира становится формой, способом и проявлением цивилизационного обустройства социокультурного пространства, как окультуренной части природно-географической среды. Окультуренной и окультуриваемой благодаря реализации деятельностных качеств человека, воплощённых в социальном организме – социуме.

РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МАТРИЦА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

2.1. Культура как способ существования человека и её значение для цивилизационно-геополитических процессов

Первое, что необходимо отметить, культура и как общественное явление, и как понятие будет рассматриваться в данной части исследования в контексте его темы. При этом, сами определения понятий будут даны в авторской редакции, ориентируясь на их сущностные качества, а аспекты явлений, которые выражают эти понятия, будут представлены в рамках исследования, ибо здесь не стоит цель анализировать в целом состояние культуры и общества. Потому необходимо дать определения понятий, включаемых в наш научный оборот в качестве инструментов исследования, применительно к логике авторского текста. К числу таких понятий, требующих содержательных определений, нашей темы относятся «общество», «культура», «глобализация».

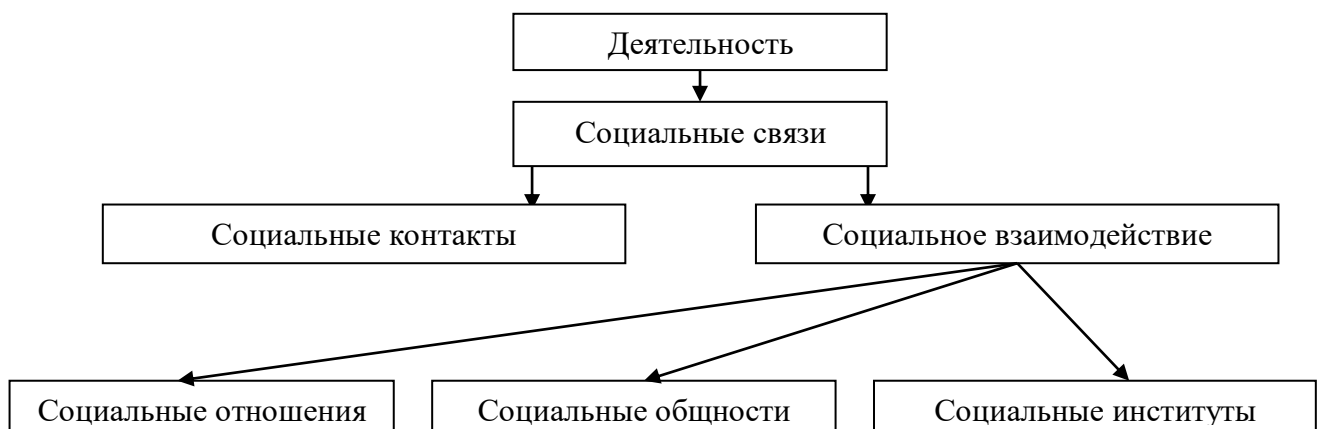
Если понятие глобализации активно разрабатывается лишь в последние десятилетия, то категории «общество» и «культура» достаточно давно обустроились в философских и научных исследованиях. Определения понятиям культуры и цивилизации даются еще в рамках античной философии. В настоящее время насчитывается несколько сотен определений культуры и цивилизации. Исследовать разнообразные подходы к определению этих понятий в нашем случае не представляется возможным. Поэтому, не углубляясь в историко-философский анализ, предложим свои определения общества, культуры, цивилизации, которые строятся на основе сложившейся философской традиции.

Одним из основных, если не основным, понятий, используемых в системе

социально-гуманитарного знания является понятие общества. В рамках политических, в т.ч. геополитических, исследований, безусловно, требуется использование понятия «общество» как необходимого исследовательского инструмента. «Значимость этого понятия обусловлено не только тем, что общество есть объект этих исследований и в нём мы находим предметные стороны тем исследований. Определение общества позволяет более точно и адекватно представлять контекст исследования и даёт характеристику исследовательскому инструментарию» [511, с. 38].

«Формирование общества происходит вследствие эволюции человеческого сознания. Преобразования в общественной системе осуществляются в процессе исторического развития человека. В этом смысле общество есть естественное следствие человеческой деятельности, а отнюдь не искусственное образование. Теория «общественного договора» Т. Гоббса [см. 118], объясняющая возникновение общества искусственным путем, вряд ли может быть приемлема сейчас. Общество есть результат социальных связей, возникающих и устанавливающихся в процессе социальных действий человека, или, как отмечал М. Вебер, поведения человека, ориентированного на другого [см. 86]» [511, с. 38]. В результате мы можем констатировать, что в основе общества лежат деятельностные качества личности, которые реализуясь в окружающей среде обеспечивают характерные признаки социального организма (см. схему 1).

Схема 1. Принцип социума

П.А. Сорокин отмечал, что «общество означает не только совокупность нескольких единиц (особей, индивидов и т. д.), но предполагает, что эти единицы

не изолированы друг от друга, а находятся между собой в процессе взаимодействия, то есть оказывают друг на друга то или иное влияние, соприкасаясь друг с другом и имеют между собой ту или иную связь» [452, с.28].

«Уделяя значительное внимание определению общества, в связи с формулировкой предмета социологии, П.А. Сорокин приходит к выводу, что при внешней схожести механизмов функционирования человеческого сообщества и сообществ высших животных, единственным критерием, позволяющим отличать первое от второго, является качество сознания, присущее человеку» [511, с. 38]. Основываясь на исследованиях своего учителя социолога и психолога Е.В. Де Роберти, П.А. Сорокин пишет: «ни один вид, кроме человека, не обладает высшими формами сознания, представленного четырьмя основными классами социальной мысли: а) абстрактными понятиями и законами научного мышления, б) философскими и религиозными обобщениями, в) языком символов в искусствах, г) рациональной прикладной мыслью во всех дисциплинах от технологии, агрономии и медицины до этики, социального планирования и инженерии» [452, с. 157].

Существенную значимость в определении общества представляет признание того факта, что в основе социальных связей и социального поведения человека лежит фактор сознания. По этой причине, безусловную ценность и интерес представляет определение, данное в личной переписке, российского философа Ю.В. Олейникова, который характеризует общество как способ существования сознательных существ. В этом случае точно фиксируется источник не только социогенеза, но и последующего социального развития и совершенствования.

«Исходя из данных определений, строится понятие социальности, которое выступает в качестве важнейшего атрибута общества. При определении понятия «социальность» следует учитывать существование двух его основных трактовок. Общее, широкое значение социальности относит это понятие к различным формам социальных связей, которые проявляются во всех сферах общественной жизни – экономике, культуре, политике и т. д. А специфическое, иногда говорят –

узкое, значение термина связывает его с взаимодействием элементов социальной структуры, когда оно (т. е. взаимодействие) направлено на сохранение и развитие социальных отношений и традиций, не связанных непосредственно с экономическими потребностями и политическими интересами. Последнее значение социальности отражает собственно социальную сферу общественной жизни» [511, с. 38]. В отличие, допустим, от экономической или политической.

«Другим важнейшим атрибутом общества в его категориальном измерении становится понятие социального устройства, которое выражает характер системности общества, без которого оно не может существовать. Это понятие самым непосредственным образом связано с политической системой общества. Социальное устройство или, как иногда определяется, социальный строй основным своим компонентом имеет систему регламентации и контроля за отношениями элементов социальной структуры. К числу наиболее значимых из них относятся личности, социальные слои, классы, институты» [511, с. 39] (не только социализации и культуры, но также политические и экономические.

«Отсюда следует: во-первых, в мировой истории существует большое множество самых разнообразных форм социального устройства, связанных со спецификой социального управления. Эта специфика обусловлена самыми разнообразными факторами: социальными (историческими, культурными, моральными, этническими, сложившимися традициями), физическими (в т. ч. природно-географическими), индивидуально-психологическими (состояние общественного сознания, тип социального лидерства, менталитет общества)» [511, с. 39].

«Во-вторых, социальное управление есть форма и способ управления обществом, используемые государством как социальным институтом. Методологическим основанием социального управления выступают принципы, характерные для политического режима. В то время как государственное управление осуществляется правящей партией, монархом или президентом в отношении государственного аппарата. Поэтому оно есть управление государством как политическим институтом» [511, с. 39].

«Приведённые характеристики общества позволяют сделать несколько очень важных выводов» [511, с. 39].

«Во-первых, общество возникает и формируется в процессе реализации деятельностных качеств человека, необходимым следствием чего становятся разнообразные социальные связи, определённая структура которых обеспечивает системные признаки общества и, отсюда, само существование общества» [511, с. 39].

«Во-вторых, техника деятельности и формы социальных связей осуществляются благодаря комплексу различных норм, стандартов, правил, способов, методов и тому подобное, свойственных человеку как носителю высокого сознания. При этом и деятельность, и социальные связи проявляются в самых разнообразных видах и сферах – материальной и духовной, предметно-практической и абстрактно-идеальной, организационно-деловой и творчески-моделирующей. – Собственно, речь идёт о том, что принято обозначать культурой общества» [511, с. 39].

«В-третьих, реализация отмеченных особенностей человека – деятельности и социальных связей, – обеспечиваемых высоким сознанием, приводит к тому, что, с одной стороны, общество возникает, формируется, функционирует и существует как продукт человеческой культуры, а, с другой стороны, сама культура становится продуктом функционирования общества. С этих позиций мы можем говорить и об обществе культуры, и о культуре общества» [511, с. 39].

«Культура *пред-ставляется* как безусловные достижения человеческой деятельности в сфере духовного и материального производства. Она есть следствие и специфическое обрамление социальной деятельности. Отсюда, культура выступает в качестве достигаемого результата, условий и способа человеческой деятельности во всем ее многообразии. Следовательно, мы имеем все основания, говорить как о духовной, так и о материальной культуре. В таком контексте культура непосредственно сопряжена с деятельностью, являясь ее (деятельности) результатом, и опосредовано формирует деятельность складывающимися условиями человеческого существования, которые строятся по

определенным стандартам, нормам и моделям» [511, с. 39].

«Посему, как человеческая деятельность охватывает всё новые пространства в процессе исторического развития общества, становится всё более сложной и многофункциональной, так и культура в известном смысле глобализируется. И общество, и культура проявляют и реализуют себя в глобальных пространствах (что, конечно же, не отменяет их реализацию на локальных уровнях). Именно этот аспект становится наиболее важным с позиции исследования геополитических процессов» [511, с. 39].

«Понятие глобализации, получившее в последнее время широкое распространение, то социальное явление, которое оно выражает, ассоциативно связано с расширением экологического пространства, обретающего в современную эпоху, по определению В.И. Вернадского, состояние ноосферы [см. 90]» [511, с. 39].

«В конце XVIII века достаточно четко обозначился переход человечества к качественно новому этапу своего исторического развития. Знаменем этого переходного периода стало внедрение в систему материального производства парового двигателя. Это привело к появлению такой рабочей машины – орудия производства, – которая приводилась в действие не за счет мускульной силы рабочего, а управлялась им. Впоследствии эти изменения стали обозначаться как «промышленная революция»» [511, с. 39].

Внедрение «парового двигателя в процесс производства стало возможным благодаря формированию новой мировоззренческой системы. В свою очередь сама мировоззренческая система, подготовившая «промышленную революцию», утверждается на базе созидательной функции личности в процессе ее социальной, в т. ч. практически-преобразовательной, деятельности. Деятельность же, обеспечивается, прежде всего, развитием человеческого сознания – в онтогенетическом и филогенетическом плане» [511, с. 39-40].

«Деятельностное преобразование окружающей действительности становится возможным благодаря осмыслению человеком мироздания. На основе этого строится определенная модель поведения, социального в том числе. В

конечном счете, коренные модификации социального бытия происходят как результат развития и совершенствования индивидуального и общественного сознания. Деятельность является системой осознанно моделируемых целесообразных действий, направленных на достижение прогнозируемого результата» [511, с. 40].

«Как форма реализации сугубо человеческих качеств деятельность играет очень важную роль в процессе антропосоциогенеза и в разворачивании социальной свободы личности (в том числе в ее становлении). Исходя из данного определения, деятельность предстает как производная человеческого сознания и способности мышления. Поэтому она выступает в качестве показателя их состояния и практической реализации. Реализация деятельностных качеств личности обеспечивает существование практически всех сфер общественной жизни – социальных отношений, политики, экономики, культуры, науки и др. Деятельность становится основанием и «творцом» социального бытия человека» [511, с. 40].

«В своем историческом развитии человек проходит несколько ступеней, связанных с эволюцией сознания. Все основные этапы исторического пути человека характеризуются различными качествами мышления и деятельности. Эти ступени выражаются и историческими формами, видами и способами деятельности, и историческими условиями существования человека. Безусловно, что «выделение» человека из животного царства предполагало не только изменение его морфологических признаков, но и изменение его сознания и форм деятельности» [511, с. 40].

«Подобного рода «переход» характерен не только для процесса антропосоциогенеза. Известно, что человека первобытного общества, занимавшегося присваивающим хозяйством, относят к виду *Homo sapiens*. Человека сельскохозяйственной цивилизации, предполагающей производящее хозяйство, обозначают как подвид *Homo sapiens sapiens*. Этим отмечается существенное отличие между ними. В нынешнее время формируется новый тип человека – *Homo Creatur*. Для человека *творящего* особо важными и актуальными

на сегодняшний день являются параметры социальной свободы. Ее реализация осуществляется в процессе деятельности или, с точки зрения психологов, активности, как специфически человеческом атрибуте поведения» [511, с. 40].

Когда мы говорим о социальной деятельности человека в экологической среде, то последняя определяется в соответствии с характерной для современной отечественной и зарубежной социально-философской традиции. Суть этой традиции сводится к тому, что «экология обозначается как окружающая среда, а не среда обитания; как часть освоенной природы, а не вся природа» [511, с. 40].

«В английском терминологическом обороте это хорошо прослеживается на примере слов: *environment* – окружение, окружающая обстановка, среда; и *habitat* – среда обитания. Мы используем термины «экология», «экологическая среда» и «экологическая деятельность» в соответствии с этимологией английского слова «*environment*»» [511, с. 40].

Возможность и даже необходимость рассматривать экологию в качестве окружающей человека среды, а не всей природы, подтверждается еще и тем фактом, что в рамках современной политической социологии возникло такое направление исследований, как электоральная экология. Исследования в этой области строятся исходя из специфики регионов, социально-классовых, стратификационных, этнических, религиозных, половозрастных групп, образовательного статуса и типа поселения. Социологические исследования в сфере электоральной экологии позволяют наиболее точно определить в какой степени и в каких формах социально-экономический и этнокультурный контекст какой-либо группы населения воздействует на ее поведение во время выборов или принятия других политических решений. Отсюда исследовательская процедура предполагает анализ воздействия специфических морфологических условий на поведение людей на определённой территории.

«Определяя современного человека как *Homo creatur*, мы тем самым отмечаем не только его творческие и созидательные способности, которые гораздо шире и глубже по сравнению с предшествующими эпохами реализуются в системе общественного производства и в целом – социальной жизни, но и

фиксируем процесс индивидуализации в социальной деятельности. Общество и человек становятся все более самостоятельными по отношению к экологической среде, которая, по основным своим параметрам, в большей степени формируется и даже создается в процессе человеческой деятельности» [511, с. 40].

«Эти утверждения вовсе не противоречат тому факту, что в современном мире все более актуальной становится проблема глобализации. Скорее наоборот. Во-первых, глобализация есть, прежде всего, процесс технологический, проявляющийся в различных сферах жизни общества, в т. ч. в политической. Он предполагает распространение новых более совершенных способов и средств освоения экологического пространства. Во-вторых, акции протеста против не всегда корректных действий «технологов глобализации» как раз свидетельствуют и о самостоятельности социальных групп и личностей их создающих, и непосредственно демонстрируют феномен индивидуализации в социальной деятельности. Наконец, в-третьих, эпоха Великих географических открытий, которая тоже была своего рода процессом глобализации, отнюдь не дает основания считать общества и людей, инициировавших ее, менее самостоятельными или утрачивающими индивидуальные качества по сравнению с периодом Средневековья. Совершенно очевидно, что эпоха Возрождения и эпоха Великих географических открытий совпадают не только хронологически, но и по существу. Можно сказать, что социально-генетически это однотипные явления в человеческой истории» [511, с. 40].

«Исходя из предложенного определения, можно утверждать, что глобализация является одним из важных атрибутов исторического процесса, как всемирного последовательного пространственно-временного развертывания социальной формы бытия Человека. Именно в таком смысле представляет всемирную историю К. Ясперс [см. 661]. По сути своей все известные модели всемирной истории, начиная с концепции Августина Аврелия, фиксировали важнейшие признаки глобализации человеческой деятельности в масштабах земного пространства и в соответствии с определенными временными интервалами» [511, с. 40-41].

«Первой критериальной схемой мировой истории стала концепция исторической периодизации Г. Гегеля. В качестве критерия исторического процесса Гегель рассматривает степени достижения свободы. Они определяются развитием Мирового Духа и предстают в виде его (Мирового Духа) последовательно развивающегося процесса. Потому исторические эпохи становятся эпизодами проявления Мирового Духа. Социальная реальность строится на основе распространения свободы в обществе и этим выражается характер исторической последовательности. В силу особого значения Мирового Духа для социально-исторического развития, у Г. Гегеля мировая история творится *«над человеком»* и потому человек не субъект, а объект социальной глобализации [см. 333, с. 409-416]» [511, с. 41].

«Другими критериями в оценке всемирной истории пользовался К. Маркс, который концепцию Гегеля поставил с головы на ноги, в том смысле, что сделал основанием своей (марксистской) теории не голову, а ноги и, соответственно, оставил историю без головы. Интерпретация идей Г. Гегеля в материалистическом духе, позволила К. Марксу по-иному рассмотреть принципы взаимоотношений общества и личности, с одной стороны, и государства, с другой. У него государство, по сравнению с Т. Гоббсом, уже не освобождало человека от насилия, а само являлось инструментом насилия для господствующих в обществе социальных классов. Покончить с социальным насилием и обрести истинную свободу можно, в соответствии с марксовой концепцией, лишь в случае обобществления всей системы производства материальных благ, достижения, таким образом, социального равенства и устранения государства как аппарата насилия [см. 284]. Эта позиция мало чем отличается от анархистской, недаром в период их формирования они (коммунизм и анархизм) были идейно близки, а зачастую тождественны. Вследствие такого подхода к развитию мировой истории, тотальный коммунизм, который *«неизбежно ожидает»* все человечество и есть феномен социокультурной глобализации. Что касается факторов всемирно-исторического развития, то они у К. Маркса находятся *«под человеком»*, история творится *«ногами»* человека» [511, с. 41].

«Еще одной заметной критериальной схемой мировой истории является модель Э. Тоффлера, метафорически представленная «тремя волнами» социальной стихии [см. 475]. Она создается на основе социологической рефлексии исторического процесса, с концептуализацией современного развития общества, состояние которого рассматривается сквозь призму прагматической (материалистической) парадигмы. В этом плане Э. Тоффлер стоит близко к марксизму, но социологический акцент позволяет ему дистанцироваться от Маркса и представить расположение критериев исторической периодизации «вокруг человека» [511, с. 41].

«В своих работах Э. Тоффлер стремится обозначить и показать предполагаемые достижения будущей цивилизации. К их числу относятся: а) интенсивное проникновение электронной техники во все сферы общества; б) значительный рост производительности труда; в) улучшение условий жизни. В то же время он говорит и о тех острейших проблемах, которые могут возникнуть в связи с прорывом в будущее [см. 475]. Одним из серьезных и болезненных последствий социального развития будет слияние электроники и биоэнергетики, – считает автор «Третьей волны». Оно существенным образом скажется не только на экономике, но и на жизни человека в целом, его трудовой деятельности и нравственности» [511, с. 41].

«Представляется, что при всех положительных сторонах отмеченных концепций, они сконцентрированы на рассмотрении и исследовании внешних признаков человеческой деятельности. Отсюда возникает схема параллельного существования человека и культуры, что вряд ли может соответствовать истинному положению дел. Избавиться от такого несоответствия возможно, если рассматривать феномен культуры как производный от человеческой деятельности. Тогда социо-культурная история разворачивается не над, под или вокруг человека, а самим человеком и в нем самом. Это позволяет рассматривать культуру (духовную и материальную) как комплексное выражение социальной деятельности человека, прежде всего по отношению к внешней природе и экологической среде» [511, с. 41].

«В кратком изложении основные вехи социо-культурного развития человека в масштабах всемирной истории выражаются тремя эпохально значимыми уровнями. Этим историческим уровням социального бытия человека соответствуют специфические способы взаимодействия человека с природой, являющиеся для него экзистенциально значимыми. В авторской редакции они определяются как присваивающий, производящий и созидающий способы экзистенциального взаимодействия [подробнее об этом см. 541; 542]. Каждый из этих способов взаимодействия опосредуется определенным типом исторического человека – *Homo sapiens*, *Homo sapiens sapiens* и *Homo creatur* – и предполагает определенные формы культурного освоения окружающего пространства – природо-пользовательную, природо-организующую и природо-созидающую. Культура социальной организации выражается универсальными историческими типами обществ или социума – зависимым, обусловленным и автономным. Вследствие этого вместе с совершенствованием самого человека, происходит совершенствование его культуры, которая в современную эпоху осваивает глобальное экологическое пространство, расширяющееся до пределов космоса» [511, с. 41-42].

«Деятельностный фактор в функционировании общества и распространении культуры, анализ связанных с этим процессов, позволяет представить особенности и принципы освоения человеком и обществом пространства, обустройства его с помощью культурных методов, в том числе при помощи определённых принципов деятельности в окружающей среде. В данном случае, уместно будет рассмотреть экологическую деятельность человека или деятельность в экологическом пространстве, что имеет непосредственное отношение и к культурно-цивилизационному освоению мира, и к его геополитическому устройству как распределению интересов в глобальном пространстве государств и цивилизаций» [511, с. 42].

«Известно, что этимологом современного термина «экология», введенного в научный оборот Э. Геккелем в 1866 г., является древнегреческое *oikos* – обиталище. *Oikumene* у древнегреческого историка и географа Гекатея

Милетского (ок. 546-480 гг. до н. э.) это обитаемое пространство, среда, освоенная человеком. (Кстати, сам Геккель под экологией понимал не всю природу, а ту ее часть, которая выступала как окружающая среда для растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ, в рамках которой последние строили отношения между собой, а также с самой средой). Придерживаясь этих исходных значений, следует под экологией понимать учение об осваиваемой (освоенной) и создаваемой (созданной) среде существования человека, либо непосредственно саму эту среду. В этом случае эпитет «экологический» позволяет подчеркнуть принадлежность к среде, освоенной человеком и содержащей в себе условия его социального существования. Таким образом, экология (как синоним ойкумены) это не вся природа, а только та ее часть, где *о-существляется* социальная деятельность. В этом случае термин «экология» трактуется в соответствии с этимологическим значением слова «ойкумена» и понимается тождественным окружающей среде. При этом фиксируется отличие окружающей среды от среды обитания, когда последняя может быть понята как биоэкология в смысле, заложенном еще Э. Геккелем. Следовательно, среда обитания (биоэкология) рассматривается как часть окружающей среды – экологии» [511, с. 42].

Важно отметить, Э. Геккель, точнее, его научные воззрения, оказали существенное влияние на исследования Ф. Ратцеля, одного из основоположников геополитики [408, с. 204]. Именно Э. Геккель знакомит Ф. Ратцеля с теорией Ч. Дарвина, что оказало прямое воздействие на его научные подходы, обнаруженные уже в одной из ранних работ – «Существование и становление органического мира». Определённо экологические выводы Э. Геккеля нашли своё отражение в работе Ф. Ратцеля «Антропогеография», которая стала первым шагом его геополитических исследований. А основная геополитическая работа Ф. Ратцеля «Политическая география» «выступила прямым продолжением «Антропогеографии», конкретизирующим применением её принципов к рассмотрению сферы государства и политики» [407, с. 206]. Данное замечание даёт ещё одно основание для особого рассмотрения экологической проблематики в контексте исследования сферы геополитики и геополитического устройства

непосредственно.

«Условия экологической среды во многом определяются, особенно в современную эпоху, самой деятельностью человека. Поэтому экологический императив характерен не только для общества «эпохи ноосферы» и не сводится лишь к нравственным ценностям, как считает Н.Н. Моисеев³. Он фактически является необходимым атрибутом истории существования человеческого общества. Этим отмечается значение деятельностного фактора в создании условий существования человека. В результате реализации своих деятельностных возможностей человек создает продукты, предметы, процессы в окружающей его среде. Тем самым обеспечиваются условия человеческого существования, определяется дальнейшее развитие и параметры совершенствования человеческой деятельности, ее пределы и формы. Получается, то, *что* человек создает и *как* создает, *тем* он и пользуется, *то* и формирует рамки его социального бытия. В этом русле дается трактовка экологического императива, определяются его специфические признаки; устанавливается диалектическая взаимосвязь человека и окружающей природной (естественной и искусственной) среды. Этот аспект фиксируется следующим образом: человек, с одной стороны, моделирует и формирует окружающую среду (экологию или ойкумену), а, с другой стороны, экологическая среда детерминирует социальное поведение человека, его социальный статус и социальные связи в обществе» [511, с. 42].

«В рамках и в процессе освоения обществом природного пространства вырабатываются определенные модели, принципы, правила и другие регуляторы человеческой деятельности в окружающей среде, экологии. Комплекс таких регуляторов является экологическим императивом деятельности. Он выражает обратное (возвратное) повеление человеку от условий реализации и самой реализации его деятельностных качеств. Экологический императив регулирует этот процесс реализации, возникает на основе социокультурных устоев общества.

³ Для Н. Моисеева переход биосферы в сферу разума (ноосферу) еще ожидает человеческое общество, и «это будет мучительный и небыстрый процесс выработки новых принципов согласования своих действий и нового поведения людей. Другими словами, новой нравственности (подчеркнуто мной – А.Ф.)» [322, с. 25].

Экологический императив есть детерминация параметров, пределов и возможностей деятельности социальных субъектов (от личности до социума) способом, качеством и принципами освоения и создания человеком окружающей среды. В таком случае действие экологического императива в целом характерно для экзистенциального (сущностно значимого) взаимодействия человека и природы в процессе всего социально-исторического развития» [511, с. 42-43].

«Исходя из данного нами определения, действие экологического императива предполагает» [511, с. 43]:

– «взаимосвязь настоящей и предшествующей человеческой деятельности» [511, с. 43];

– «причинную обусловленность деятельности условиями созданной и создаваемой человеком среды обитания» [511, с. 43];

– «ограничения деятельности принципами, лежащими в основе условий человеческого существования» [511, с. 43];

– «зависимость содержания, направленности, состояния, характера, формы и других параметров деятельности от качественных показателей условий социального существования» [511, с. 43];

– «существенное влияние на содержание и форму деятельности способа взаимодействия человека с природной средой, который выступает в качестве основного средства ее освоения и преобразования» [511, с. 43].

«В процессе исторического развития человеческого общества возрастает значение деятельностного фактора в формировании экологического императива. Уже на самой ранней, начальной стадии социального развития человек, реализуя свое деятельностное начало, *включаясь* в естественно-природные процессы, непосредственно участвует в формировании условий своего существования. Дальнейшее развитие человека в мире приводит к тому, что человек, благодаря своей культуре, становится активным участником строительства всего корпуса мироздания. Вследствие этого для него становится особо значимым соблюдение императива деятельности, связанного с нравственными принципами регулирования социального поведения в целом» [511, с. 43].

«Двести с лишним лет тому назад И. Кантом впервые сформулировал проблему, по сути, нравственного императива (выступающего в двух видах – гипотетическом и категориальном). Пожалуй, как никто другой в то время он осознал надвигающиеся социальные перемены, которые были обозначены и отражены им в трактате «К вечному миру» [544, с. 48, 160]. Эти перемены, как теперь достаточно хорошо видно, связаны с формированием новой системы мироздания, в которой фактор экологической деятельности человека, приводящей к изменениям в окружающей среды, играет немаловажную роль. По этой причине мировоззренческие принципы человека, включающие в себя нравственные ценности, моральные нормы и правила, испытывают влияние экологического императива и подвергаются определенной трансформации» [511, с. 43].

«Процесс формирования мировоззрения в качестве одного из своих компонентом имеет психологические установки человека. Тем самым прослеживается взаимосвязь мировоззрения и социального поведения личности. Человеческое поведение, как отмечал М. Вебер, становится социальным действием тогда, когда действующий субъект осознает свои действия и соотносит их с позицией и поведением других людей. Таким образом, обнаруживается смыслообразующий принцип мировоззрения и социального действия личности, их взаимного влияния. Следовательно, реализация деятельностных качеств личности в равной степени оказывает влияние на формирование мировоззрения человека и испытывает это влияние на себе. Этот процесс отслежен М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма» [см. 85]. Протестантское мировоззрение сформировалось под влиянием социальной деятельности эпохи Возрождения, основанной на принципах индивидуализма. В свою очередь, дух индивидуализма и этические принципы Протестантизма оказали решающее воздействие на становление капиталистической системы общественных отношений и социальной деятельности» [511, с. 43].

«В тесном взаимодействии с мировоззрением находится мышление. Последнее, особенно реализующееся в форме менталитета общества и ментальности личности, оказывает непосредственное влияние на социальное

поведение человека. Недаром и мышление, и мировоззрение становятся атрибутивными признаками для определенной исторической эпохи. Например: мировоззрение первобытного человека и первобытное мышление или средневековое мировоззрение и мышление человека феодального общества» [511, с. 43].

«В этих определениях обозначен базисный уровень исторической эпохи для качественной характеристики мышления и мировоззрения. А параметры эпохи складываются на основе специфических способов взаимодействия человека и природы, зависящих от уровня развития человеческого сознания. Осознанная реализация деятельностной функции человека в процессе его взаимодействия с окружающей средой обуславливает нормативность мышления и мировоззренческие устои. Ведь нормативность мышления человека сельскохозяйственной цивилизации явно и принципиально отлична от нормативности первобытного мышления. Основопологающие мировоззренческие устои той же сельскохозяйственной цивилизации, будут характерны для всего данного исторического этапа. Хотя типы мировоззрения и мировоззренческие принципы будут изменяться в зависимости от региональной, временной и социальной специфики того или иного общества» [511, с. 43].

«Изменяющаяся система мироздания, исходя из отмеченных процессов взаимодействия человека и природы, обуславливает качественные преобразования в сфере мышления человека и социума. В принципе, это и является формированием нового мышления. Необходимым становится создание новых понятий и суждений, теорий и концепций о месте и предназначении человека в мире природы, формирование парадигмы исследования мироздания» [511, с. 43-44].

«Что касается нового мышления, то оно непременно должно быть реализовано в сфере экологической деятельности, отчетливо выделяющейся в последнее время со всеми ее специфическими чертами. Экологическая деятельность, с ее глобальным охватом всех форм человеческой деятельности в окружающей среде, настоятельно требует утверждения экологического

императива в общественном сознании и мировоззрении. Обоснование экологического императива основывается на разработках отечественных философов, которые неоднократно подчеркивали значение сознательного фактора в регуляции взаимодействия общества и природы. Например, Ю.В. Олейников пишет: «Природные процессы вследствие более низкого уровня развития механизмов саморегуляции (в сравнении с социальными процессами) не могут обеспечить поддержание динамического условия существования системы общество – природа. Функцию регулятора может теперь выполнять только общество как непосредственный субъект взаимодействия различных уровней организации материи» [359, с. 20]. И эту функцию регулятора невозможно осуществить без культуры, без культурных достижений во всех видах – в экономической культуре, в политической культуре, в социальной культуре, в духовной культуре. Эта функция, непосредственно или опосредовано, включается и в систему геополитического устройства и геополитических отношений, так как она связана и с культурно-цивилизационными, и с экономическими, и с внешнеполитическими интересами ведущих государств планеты» [511, с. 44].

Исходя из того, что, преобразуя природное пространство своего существования, человек, в процессе экологической деятельности, выступающей как вид человеческой деятельности, окультуривает это пространство, когда культура выражается и самой этой деятельностью, и результатами, и уже созданными условиями. Такое толкование культуры позволяет рассматривать её в ракурсе очевидных способов человеческой деятельности – экономического, политического, общественного, духовного. И в этой природной общности проследить глубинные связи сфер общественной жизни, проистекающих из отмеченных способов – экономики, политики, социализации (институты семьи, быта, воспитания, образования). Таким образом, характеристика человеческой деятельности и сопряжённой с ней культурой, позволяет выйти на представления об устройстве социальных связей и формировании системных признаков общества, имеющих исторические особенности и связанных с обустройством всего экзистенциально значимого жизненного пространства социума, что требует

цивилизационное упорядочивание отношений в обществе с помощью определённых стандартов и политического регулирования.

«Основанием подхода к исследованию данной проблемы стала социально-философская концепция стадийности социально-исторического развития с тремя основными универсальными историческими типами социума [541, с. 65-95]. Суть этой концепции сводится к следующим положениям» [533, с. 50-51].

1. «В процессе деятельности в окружающей природной среде человек объективирует свои сущностные качества и реализует индивидуальные устремления. При этом происходит накопление потенциала культуры (материальной и духовной) и благодаря этому преобразуются условия человеческого существования; осуществляется формирование экологической среды, как среды социального существования человека» [533, с. 51].

2. Рассмотрение социальной деятельности человека в экологической среде предполагает её (среды) определение как условий, которые окружают человека и которые формируются вследствие самой деятельности. Отсюда экология обозначается как окружающая человека среда (часть освоенной и преобразованной им природы), а не вся природа, которая является средой обитания всех живых существ.

3. «В процессе социально-исторического развития человеческий фактор в формировании и создании экологической среды неуклонно возрастает. Результатом реализации личностью своих деятельностных качеств, созидательных способностей и в целом социальной свободы является её непосредственное участие в формировании и создании условий социального существования. Потому экологическая среда включает в себя условия социального существования» [533, с. 51].

4. «Исследования исторического процесса взаимодействия общества и природы и формирующейся на основе этого социальной истории человека позволяют обосновать базисные источники социального существования, способы экзистенциального взаимодействия и универсальные типы социума и дать им определения» [533, с. 51].

5. «Источник социального существования связан с определенными процессами в окружающей экологической среде, в которые человек включается и посредством взаимодействия с ними (природными процессами или, другими словами, – природой) обеспечивает необходимые условия своего существования. Процесс взаимодействия и система отношений общества и природы выступают как необходимые основания человеческого существования. Изменения в использовании источника существования, особенно на ранней стадии исторического развития, влекут за собой неминуемые социальные последствия. Исходя из данных определений и реальной социальной истории мы выделяем природо-пользовательный, природо-организующий и природо-созидающий источники социального существования» [533, с. 51].

6. «В качестве основных способов взаимодействия человека и природы на всем протяжении социально-исторического развития выступают присваивающий, производящий и созидающий способы экзистенциального взаимодействия» [533, с. 51].

7. «Наконец, собственно процесс исторического социального развития, его оценка и анализ дают основания обозначить универсальные исторические типы обществ или социумов – зависимое, обусловленное и автономное» [533, с. 52].

«В результате возникают два очень важных заключения. Во-первых, вся социальная история человечества представляет в глобальном плане последовательный процесс освоения все более сложных, с точки зрения организации социального существования, геоприродных пространств. Благодаря совершенствованию своей социальной деятельности, человек в историческом процессе строил все более сложные конструкции социального бытия, переходя от природо-пользовательной доминанты во взаимодействии с окружающей средой к природо-организующей и затем к природо-созидающей. Это, с одной стороны, обеспечивало ему возможности освоения и преобразования новых, более трудных и суровых по сравнению с предыдущими, природных пространств, а, с другой стороны, стимулировало саму потребность социоприродных преобразований. По сути дела, данная констатация, основанная на анализе социально-исторического

развития в контексте использования способов взаимодействия общества с природной средой, предстаёт в качестве закона перемещения очагов культуры человечества и смены доминирующих цивилизаций. И этот закон непреклонно свидетельствует о том, что в пространственно-временном плане географические ареалы базирования доминирующих цивилизаций, возникающих на оси Мировой культуры, перемещаются с юга на север» [533, с. 52].

«Во-вторых, вся история человечества, рассматриваемая с позиции взаимодействия общества и окружающей природной среды, невозможна без культурной компоненты. В этом контексте культура является методологией и методом освоения и преобразования геоприродного пространства. Собственно говоря, строение человеком мироздания осуществляется в соответствии с утвердившейся культурной парадигмой, по определенным культурным моделям. В связи с этим становится очевидным, что сами способы взаимодействия общества и окружающей природной среды, являющиеся, по сути, следствием реализации деятельностных начал человека, выступают как культурные феномены» [533, с. 52].

«Вследствие этих заключений возникает определенная логическая конструкция, выражающая реально существующие закономерности, элементами которой становятся коррелируемые друг с другом понятия мироздания, человека, деятельности, культуры, цивилизации и геополитики. Эти понятия, исходя из принципа дихотомического деления, соотносятся друг с другом и по смыслу, и по реально выражаемым явлениям. Дихотомические пары образуются вследствие того, что включенные в них понятия находятся в соподчиненном положении относительно друг друга и предполагают, соответственно, более общее понятие или категорию» [533, с. 52-53].

«Дихотомическая пара «Мироздание – Человек» строится на основе того, что 1) мироздание по определению предполагает существование человека, а человек без мироздания *о-существовать* не в состоянии и 2) она включается в общую категорию Бога, являющегося творцом и мироздания, и человека. Пара «Человек – Деятельность» внутренне связана тем, что человек *про-являет* себя в

деятельности, а деятельность является атрибутивным признаком человека. Общей категорией для этой пары выступает мироздание, в рамках которого человек реализует свои деятельностные качества. Следующие пары достаточно очевидны и не требуют дополнительной аргументации: для «Деятельности – Культуры» общей категорией становится Человек, для «Культуры – Цивилизации» – деятельность и для «Цивилизации – Геополитики» – культура. В общем, возникает такой своеобразный эффект, напоминающий принцип русской матрёшки» [533, с. 53].

«Причем, мы можем строить дихотомические пары внутри этого ряда не только последовательно совмещая выделенные понятия, но и перемежая их. В частности, образуя пары «Мироздание – Деятельность», «Мироздание – Культура», «Мироздание – Цивилизация» (с общей категорией Бога), «Человек – Деятельность», «Человек – Культура», «Человек – Цивилизация», «Человек – Геополитика» (с общей категорией мироздания) и т. п.» [533, с. 53].

«В этой конструкции феномен культуры представляет интерес прежде всего тем, что его анализ позволяет выразить состояние мироздания, дать определения раскрытию человеческого потенциала и показать качество деятельностных способностей человека. Соответственно в поле исследования попадают дихотомически связанные с культурой понятия цивилизации и геополитики. Вообще в этом дихотомическом ряду, который начинается с мироздания (предполагающего существование Бога / Высшего Разума / Абсолюта) и завершается геополитикой (как сферой реализации практических, прежде всего, интересов государств-акторов международных отношений и цивилизаций), культура занимает центральное место, выполняя, в том числе, функции связующего звена между мирозданием и геополитикой. Подобная функция очерчивает широту функционального диапазона культуры в пространстве социальной жизни и отмечает её ведущую роль в преобразовании мироздания эффектом обратной связи через деятельность и человека. Также такой дихотомический ряд демонстрирует не просто механизмы, но закон следствия геополитических отношений от устройства мироздания, через посредство

культурно-цивилизационных комплексов, и закон воздействия геополитического устройства на структуру мироздания» [533, с. 53-54].

«Приступая к непосредственному рассмотрению проблем, связанных с настоящим аспектом темы нашего исследования, необходимо определиться с трактовкой основных понятий, с помощью которых будет излагаться материал. В данном случае к их числу относятся те, определения которых отличаются существенным разнообразием, в зависимости от авторских позиций. Два из них – понятия культуры и геополитики – были рассмотрены ранее и им были даны определения в соответствии с выстроенной парадигмой исследования, а третье – цивилизации – будет исследовано далее. Но, логика настоящего текста позволяет сделать определение цивилизации уже сейчас, а конкретные особенности этого социального феномена, применительно к теме исследования рассмотреть предметно ниже» [533, с. 54].

«Стоит ещё раз подчеркнуть, что определения понятий культуры и цивилизации в предлагаемой редакции принципиально не расходятся с множеством других определений, существующих в отечественной и зарубежной философии. В то же время, как видится, в определении культуры и цивилизации необходимо выделить основные сущностно значимые признаки и не удаляться в творческий полет аллегорий, чем грешат многие философы и культурологи. Тем более, когда речь идёт о сугубо прагматической проблеме – геополитическом устройстве, где практицизм является одним из основных мотивов изменений, характера отношений и действий» [533, с. 54].

«Итак, мы определились, что культура есть *результат, условия и способ человеческой деятельности* во всем ее многообразии – в сферах духовного (идеального), услуг и материального (вещественного) производства. Зачастую выделяются духовная и материальная культура. Исходя из этого, культура является основным фактором преобразования условий существования человека и общества (в том числе природных), самого человека, социальных связей, создающих структуру общества, и общества как системы. В общем, того, что мы можем включить в человеческое мироздание, производное от его (человека)

деятельности. Следовательно, функциональный диапазон культуры в преобразовании мироздания настолько объёмен и глубок, что он включает в себя всё происходящее от человека, все ценности, созданные и создаваемые в процессе деятельности» [533, с. 54].

«Даже если исходить из самых ранних определений цивилизации, она возникает как следствие развития человеческого общества, характеризует одну из его стадий и в качестве своих признаков имеет такие социо-культурные явления как стратификационные изменения в обществе и классовообразование, урбанизация жизни, включая хозяйство, быт и условия существования, коммуникационный обмен на основе письменности и тому подобное. Как бы там ни было с авторством этого термина и понятия, цивилизация и в трактовках современных авторов обозначается как стадия развития человеческой культуры или стадия общественного развития, осуществляемого благодаря культуре и на основе культуры. И если следовать логике, то предшествующие цивилизации состояния общества, безусловно, должны обладать определённой культурой, но цивилизационно не оформленной. Отсюда возникает, как минимум, два вывода: 1) цивилизация есть следствие развития культуры общества и 2) цивилизация является оформлением культурных достижений общества» [533, с. 54-55].

«Тогда в социально-историческом контексте цивилизация должна рассматриваться в качестве процесса, базирующегося на развитии духовной и материальной культуры и служащего показателем их состояния. Основной мотив генезиса человеческой цивилизации состоит в необходимости упорядочивания и организации достижений человеческой деятельности, культуры. Поэтому цивилизация, кроме регламентирующих функций, еще и определяет направленность развития общества, комплексной человеческой деятельности» [533, с. 55].

Кстати, «исходя из данных определений, можно заключить, что некультурных этносов не существует, так как культурная деятельность является одним из отличительных социальных и даже человеческих признаков. А вот нецивилизованные этносы, как не достигшие качественного уровня

упорядочивания и организации культурных достижений, встречаются во всемирной истории. На это, фактически, обращал внимание Н.Я. Данилевский. Выделяя культурно-исторические типы (цивилизации) в человеческой истории он отмечал существование «отрицательных деятелей человечества» и «этнографического материала». По его мнению, это такие типы обществ, которые не достигли, по тем или иным причинам, цивилизационного состояния [137, с. 89]» [533, с. 55].

«Не только в стадиальном линейном социально-историческом выражении цивилизация обусловлена культурой, но и в нелинейном пространственно-историческом. Определяющее влияние культуры на цивилизацию в последнем случае проявляется ещё более чётко и предметно. Известные в истории человечества великие цивилизации имели в своей основе специфические культурные комплексы, позволяющие создавать им своё цивилизационное своеобразие. Именно культурные комплексы обеспечивали не только цивилизационную стойкость на определённых этапах исторического развития обществ-цивилизаций, но и их геополитический статус. Фактически на такую связь культурного комплекса с цивилизационным устройством, зависимость цивилизации от культурно-исторического типа указывал Н.Я. Данилевский, выводя третий закон исторического развития, который гласит: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [137, с. 91]» [533, с. 55-56].

«Исходя из третьего закона исторического развития Н.Я. Данилевского можно предположить, что в рамках глобальных пространств цивилизации обладают своими цивилизационными интересами, которые они формулируют в процессе геополитических действий и в отношении других цивилизаций. В таком случае цивилизации предстают в качестве геополитических игроков» [533, с. 56].

«Следуя из данного выше определения геополитики как комплекса методов и способов, обеспечивающих реализацию государственных интересов (интересов

государства) в масштабах глобальных пространств, вполне обоснованным является употребление этого понятия при характеристике различных цивилизационных типов и социокультурных пространств. Совершенно очевидно, что цивилизация не может ограничиться какими-либо локальными пространственно-временными зонами, а социокультурное пространство – одним или двумя регионами» [533, с. 56].

«По сути дела, говоря о цивилизации, мы имеем дело с двумя её измерениями – стадийным пространственно-временным линейным и региональным пространственно-историческим нелинейным. В первом случае речь идёт об истории развития человечества и культуры человеческого общества, строящего цивилизационные конструкции своего бытия на базе культурных достижений последовательно по временной вертикали. Во втором – об особых культурных типах общества, оформляющихся в цивилизационные комплексы и имеющие заданные пространственные границы, в рамках которых они (культурно-цивилизационные типы) сохраняются в течение определённых временных интервалов» [533, с. 56]. – Это Египетская, Междуреченская (Ассирийско-Вавилонская), Индская (Индусская), Китайская, Майя, Северосредиземноморская (Греческая, Римская, Византийская), Ацтекская, Инкская, Арабская, Европейская (Романо-германская) цивилизации. Однако, следует отметить, что характеризуя очаги оси Мировой культуры (о чём подробно будет сказано далее), образующиеся на их основе культурно-цивилизационные комплексы (центры) с их региональными пространственно-историческими особенностями выстраиваются в линейном измерении, перемещаясь и совершенствуясь по оси юга на север [см. приложения, карта-схема 1].

«Важно отметить, что и в первом и во втором измерениях культурные преобразования пространства существования общества и их последующее цивилизационное оформление происходят как следствие реализации деятельностных качеств человека и образуемых им социальных сообществ. Именно деятельностные возможности как способность к осознанному моделированию и условий своего существования, и механизмов социальных

отношений позволили человеку осваивать природные пространства, создавать очаги культуры. На этой основе строится процесс взаимодействия человека и общества с естественной природной средой. В этом процессе взаимодействия человек реализует свои деятельностные качества в определённых условиях окружающей его природной среды, которые «предъявляют требования» к характеру, формам и способам деятельности. И человек, в своей деятельностной реализации, должен учитывать эти требования, создавая соответствующие способы воздействия на природу, формируя систему социального взаимодействия внутри своего сообщества, структурируя исходя из этого социальную систему, выбирая модели социальной регуляции и устройства» [533, с. 56-57].

Определить процесс социокультурного развития и формирования по его результатам очагов оси Мировой культуры нам помогает характеристика взаимодействия человека с окружающей (экологической) средой [541, с. 53-64].

«В конечном итоге, естественно-природные условия, в которых формируется и функционирует конкретное человеческое общество, становится для него *источником социального существования*. Понятие источника социального существования обозначает естественно-природные процессы в окружающей человека среде, в которые он включается и посредством взаимодействия с ними обеспечивает необходимые условия своего существования. Иначе невозможно представить само существование человека и общества не только как биологических, но и социальных организмов. Встраиваясь в условия существования, как в свой источник существования, человек встраивает в них и свою социокультурную систему. Поэтому изменения в использовании источника социального существования неизбежно ведут и к изменениям социокультурной системы» [533, с. 57].

«В пространственно-временном линейном процессе использования источника социального существования, изменяющегося по вертикали исторического времени в плане всего человечества, возникают своеобразные исторические формы или способы взаимодействия общества и природы. Основными из них являются: *присваивающий, производящий и созидающий*

способы экзистенциального взаимодействия. Каждый из этих способов наиболее ярко выражается историческими типами производства материальных благ: присваивающим хозяйством (охота, собирательство, рыбная ловля), сельскохозяйственным производством и промышленно-автоматизированным производством» [533, с. 57].

«Для настоящего исследования наиболее значимо отметить в этом историко-временном процессе возникновения способов экзистенциального взаимодействия общества и природы то, что каждая более высокая стадия или способ возникают по причине существенных изменений в естественно-природной среде человеческого существования. – Как в одном и том же географическом ареале, так и с их сменой» [533, с. 58].

«Если изменения, происходящие в рамках одного географического ареала, воздействовали и способствовали развитию социокультурного комплекса общества, совершенствовали его цивилизационное устройство, то смена географических ареалов, происходящая с юга на север, влияла на образование новых очагов оси Мировой культуры, новых цивилизационных конструкций. Причём, пространственно-временное перемещение географических ареалов, становящихся новыми источниками социального существования и диктующими необходимость использования новых способов экзистенциального взаимодействия общества с естественно-природной средой, давало линейное восхождение очагов оси Мировой культуры и становление на их базе доминирующих цивилизационных типов, более развитых, чем предшествовавшие» [533, с. 58].

«И хотя одним из наиболее впечатлительных показателей культурно-цивилизационного развития являлся уровень экономического развития, совершенствование производства и отсюда комфорта и уровня жизни общества, экономическое состояние не определяет перспективы цивилизационного развития и роль в геополитическом форматировании. (Об этом более подробно будет сказано в третьем и четвёртом разделах). К тому же, производство, формирующееся исходя из способа экзистенциального взаимодействия, является

следствием целого ряда факторов, каждый из которых связан с культурой общества. Совершенствование производства предметов и процессов, обеспечивающих благоприятные условия жизни общества, осуществляется благодаря: а) эволюционирующему сознанию, б) прогрессирующей человеческой деятельности, в) эффективному использованию источника социального существования, г) совершенствованию способа экзистенциального взаимодействия, д) развитию менталитета общества и ментальности личности. Вполне очевидно, что все эти факторы имеют самое непосредственное отношение к духовной и материальной культуре общества. А человеческое сознание и обеспечиваемая им человеческая деятельность порождают культуру общества как таковую» [533, с. 58].

«В результате мы можем констатировать, что деятельностный фактор, производимый человеком, приводит к существенным изменениям в окружающей общество среде. Следствием реализации человеком деятельностных качеств является формирование источника социального существования и организация определенного способа экзистенциального взаимодействия общества и природы. В свою очередь, источник социального существования и способ экзистенциального взаимодействия выступают в качестве основных атрибутов экологической среды и фиксируют ее важнейшие параметры. Таким образом, экологические параметры позволяют охарактеризовать условия экологической среды, с доминирующим в конкретную историческую эпоху источником социального существования, и с учетом влияния определенного способа взаимодействия человека и природы. Устанавливаемая связь экологических параметров, способа экзистенциального взаимодействия и источника социального существования служит основанием для образования универсального исторического типа общества. – То есть, функциональный диапазон культуры формируется уже в процессе человеческой деятельности, испытывая на себе влияние условий среды социального существования, в результате чего образуется социокультурный комплекс, с помощью которого преобразуются естественно-природные условия в социоприродные и складываются самые разнообразные

способы (культурной или окультуренной) деятельности, реализуемые во всех сферах индивидуальной и общественной жизни – от творчества и искусства до семьи и экономики» [533, с. 58-59].

«Рассматривая культуру в качестве человеческого и социального феномена, принципиально значимого явления общественной жизни, а тем самым свойственную всему социально-историческому процессу развития, мы можем характеризовать ее с трех позиций или выделять три измерения развития культуры. В этих измерениях обозначается тот функциональный диапазон культуры, который связан с её сущностным содержанием, происходящим от природы человеческой деятельности. И уже как следствие этого возникают видовые и частные случаи функционирования культуры, которые наполняют функциональность культуры» [533, с. 59].

«Первое измерение культуры как глобального исторического события – это концептуальное измерение, фиксирующее усложняющееся содержание культуры в онтологическом контексте, в смысле существования культуры, являющей себя в качестве компоненты бытия. Здесь культура предстаёт как порождение и атрибут самого человека, раскрывающего свою самость в процессе деятельности – социальной и индивидуально-творческой. Концептуальное измерение культуры позволяет нам определять её функции в различных формах социального устройства, в универсальных исторических типах общества, цивилизационных образованиях, политических системах. Функциональность культуры, производная от её онтологического содержания, оказывает влияние и на геополитические процессы, в которые включены цивилизационные центры, и на геополитическое форматирование, и на геополитическое устройство мира» [533, с. 59-60].

«Второе измерение, более простое по выражению, фиксирует пространственно-временное распространение культуры, основной вектор которого задан с юга на север нашей планеты. В этом случае речь идет о геопространственном прохождении моделей культурной деятельности человека в плане их совершенствования и усложнения. В этом случае функция культуры определяется окультуриванием пространства человеческой деятельности. Такая

функциональность обеспечивает культурную активность и, в определённой степени, культурную агрессивность, не только в отношении *неокультуренного*, естественно-природного пространства, но и территорий с иной культурной традицией, менее эффективной и производительной. Это развёртывание включает в себя очаги оси Мировой культуры, которые в пространственном плане выстраиваются с юга на север нашей планеты» [533, с. 60].

«Третье измерение культуры – историческое (от древнейших эпох до современного общества). В этом измерении более чётко выражается совершенствование культурных методологий и парадигм, нежели в пространственно-временном, где обозначаются, прежде всего, вехи развития культурных технологий (материальных и социальных). Здесь акцент делается на развитии общечеловеческой культуры, которая в историческом контексте совершенствуется и развивается. Также как второе измерение, третье демонстрирует стадийный характер развития культуры человеческого общества» [533, с. 60].

«Таким образом, второе и третье измерения культуры представляют пространственно-временное и историческое развёртывание онтологического смысла культуры. Рассмотрение этих измерений позволяет отразить онтологические изменения в культуре и показать формирование оси культуры человеческого мироздания (о чём подробнее остановимся ниже, в третьем и четвёртом разделах)» [533, с. 60].

«Исходя из того, что преобразование это процесс упорядочивания качественных накоплений в системах любой сложности, который приводит к образованию новых связей и совершенствованию существующих, что ведёт к структурным изменениям и новым системным признакам, важно определить, что в рамках данной системы обеспечивает качественные накопления. В случае с социальной системой такую функцию выполняет культура. Именно в поле культуры или в культурных полях, охватывающих буквально все сферы, виды и формы человеческой деятельности и общественной жизни, происходит не только накопление, но и создание ценностей, которые качественно характеризуют

социальную систему» [533, с. 60-61].

2.2. Политическое форматирование под воздействием культурно-цивилизационных факторов

Деятельностное освоение природного пространства, лежащее в основе возникновения и культурных очагов, и цивилизационных конструкций (моделей), и, соответственно, геополитических центров в истории человечества, непосредственно проявляет себя в экономической сфере, в способе производства средств существования (материальных благ). Некоторые исследователи, в частности К. Маркс, вообще рассматривают систему материального производства (экономическую деятельность) как основной источник цивилизационного развития [см. 287], а, другие, например, В.И. Ленин, в экономическом противоборстве на международной арене видят причину геополитических конфликтов [см. 265].

Материальное производство в исследованиях известного французского историка Ф. Броделя становится признаком цивилизации [см. 62, 63], хотя этим определения цивилизации не исчерпываются.

В настоящем параграфе работы в качестве центрального аспекта исследования рассматривается «культурно-экономический фактор социального структурирования, который имеет воплощение в политико-экономических трендах форматирования социальной системы. Стержневым звеном экономики является производство материальных благ, которое разворачивается на основе доминирующего источника социального существования, являющегося, как было отмечено выше, следствием реализации деятельностных качеств человека (создающих культуру общества) во взаимодействии с естественно-природной

средой» [533, с. 61].

«С точки зрения геополитической проблематики, являющейся темой нашего исследования, такой подход мотивирован ещё и тем, что в рамках геополитики, как науки о способах, средствах и формах реализации цивилизационных интересов государства в глобальных географических пространствах, существует направление геоэкономики, стремящейся объяснять геополитическую активность государств их экономической мощью. В этом случае геополитическое форматирование и переформатирование означает, по сути дела, распределение и перераспределение мировых ресурсов – энергетических, минеральных, технологических, трудовых. Тогда внешнеполитическое влияние ведущих акторов геополитики утверждается их экономической мощью, которая становится производной от технологического развития. Отметим, что технологическое развитие, как и сами производственные технологии, являются элементом культуры общества, характеризуют качество человеческой деятельности в этой сфере общественной жизни. В этом аспекте оказываются взаимно связанными экономическая культура (культура экономической деятельности), экономическая политика, экономические (производственные) отношения и геополитические процессы» [533, с. 61-62].

«Важнейшей составляющей экономики и производства материальных благ являются отношения его элементов – людских и вещных, – которые, с одной стороны, обеспечивают сам процесс функционирования этой сферы жизни общества, а, с другой стороны, выводят в поле политики, будучи сопряжёнными с реализацией социальных интересов действующих в системе экономических отношений субъектов. Соответственно, при рассмотрении глобальных экономических систем или систем хозяйственного производства в крупных социальных организациях государств и цивилизаций такого рода отношения испытывают влияние культурно-исторических типов обществ и включаются уже не только в микро- и макрополитические процессы внутри общества, но и выходят на геополитический уровень» [533, с. 62].

«Когда мы обращаемся к истории возникновения термина и устоявшегося

определения понятия экономики, то находим подтверждения прозвучавших здесь характеристик. Сам термин «экономика» происходит от древнегреческих слов οἶκος – дом и νόμος – правило, закон и этимологически означает – правила ведения хозяйства. Один из первых авторов понятия экономики Аристотель видел в ней выражение процесса организации семейного хозяйства, производства. При этом семья оказывалась такой социальной группой, в которую были включены не только родственники, но и все, кто был задействован в конкретном семейном хозяйстве, рабы, например. Памятуя о том какое большое значение придавал Аристотель устройству общественных отношений, семейная экономика для него – это тоже, прежде всего, отношения. Следовательно, по Аристотелю, экономические отношения в рамках государства строятся как совокупность и продукт семейно-хозяйственных отношений. Политический выход анализа хозяйственно-экономических отношений в обществе у Аристотеля был в том, что именно семейное хозяйство он рассматривал как основу и опору наиболее эффективной и правильной формы организации политической власти в государстве – политии или, на римский лад, республики» [533, с. 62].

«Современные определения экономики также указывают на интересующие нас элементы её составляющие, позволяющие в предлагаемом ракурсе рассматривать данный аспект в настоящем исследовании. Например, электронная Википедия даёт такое определение: «экономика – хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления» [638]. В этом случае, в экономике присутствует и хозяйственная деятельность, характеризующая состояние культуры общества, и отношения, связанные с распределением интересов, сочетаемые с различными уровнями политической сферы, в том числе, с геополитикой, когда анализируются крупные социально-политические образования с типовыми культурно-цивилизационными признаками» [533, с. 62-63].

Следует также обратить внимание, что «одним из первых современное научное определение экономики сделал К. Маркс. Он вообще рассматривал

экономику как совокупность производственных отношений, которые определяют процесс структурообразования общества, социальную стратификацию и политико-правовые отношения. По этому поводу К. Маркс писал: «Совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [288, с. 6-7]. Необходимо отметить, что именно в рамках марксистской концепции анализ производственных отношений в обществе вывел на построение модели общественно-экономических формаций» [533, с. 63].

«Сам К. Маркс, предлагая свою концепцию исторического развития общества, выступает не только в роли политэконома, но и социолога и, даже, геополитика, если вести речь о глобальном конфликте капиталистического и коммунистического способов производства и, соответственно, общественно-экономических формаций. Причём, социологом К. Маркс предстаёт в традиционном для середины XIX века русле, заложенном О. Контом, который создавая новую науку об обществе предлагал использовать категориальный аппарат, сложившийся в области естественных наук, и призывал к открытию законом общественного развития. О том, что К. Маркс воспринял этот призыв, свидетельствует использование им при обозначении своей концепции термина «формация», заимствованного из геологии. И, естественно, претензия на открытие закона общественно-исторического развития через смену эпох «экономической общественной формации»» [533, с. 63].

«Предложенная К. Марксом модель общественного устройства, производная от способа производства материальных благ, исторически изменчива под влиянием производственных отношений и, вследствие этого, включает несколько ступеней своего исторического развития. Сам К. Маркс выделяет такие исторические способы общественного производства как азиатский, античный, феодальный и капиталистический. Причём, у него есть и другие модели градации истории человеческого общества, но эта более всего связана с культурными типами обществ, а через них и с цивилизациями, и с политическими системами»

[533, с. 63-64].

«Следует сказать, что обращение к концепции К. Маркса и марксистской теории объясняется тем, что, во-первых, в определениях экономики, производственных отношений там совершенно очевидно присутствует культура, во-вторых, культура производственных отношений и культура формирования экономического базиса (различные для исторических эпох) производят культуру общества в каждой исторической эпохе и политическую культуру в том числе (коммунизм, можно допускать по К. Марксу, это общество высшей политической культуры), и, в-третьих, в своей практической реализации она (марксистская теория) непосредственно связана, более того, осуществляет политическое форматирование, да и вообще она предназначена именно для политического форматирования. Не говоря уже о том, что марксистская доктрина принимала и принимает (современный Китай) участие в геополитических процессах» [533, с. 64].

«Ещё один немаловажный момент необходимо отметить. К. Маркс как учёный и философ начинал с философии гуманизма, посчитав впоследствии, что лишь коммунистическая формация в полной мере даст проявиться идеи гуманизма. Из этого следует, что проблема человека, его свободы (и экономической, и политической – неразделённой) была если не очевидно выраженной в его работах, то присутствовала там генетически» [533, с. 64]. Вот такой аспект социально-исторической и политико-экономической концепции Маркса полезно рассмотреть, применительно к проблеме этой части исследования.

Известно, что «К. Маркс предложил свою интерпретацию идей Г. Гегеля, которая позволила ему в материалистическом духе рассмотреть принципы взаимоотношений общества и личности, с одной стороны, и государства, с другой. Для него государство является продуктом материально-производственной деятельности человека, а не проявлением или развёртыванием, как у Г. Гегеля, Мирового духа. Гегелевский мотив звучит у К. Маркса в том, что государство, потерявшее у него высшую духовную сущность, неспособно обеспечить свободу

человеку, создать условия для полного раскрытия сущностных сил и способностей личности, потому оно должно быть ликвидировано. И в этом (ликвидации государства) состоит основное предназначение коммунистического общества. При этом государство существует только тогда, когда существует экономическое неравенство. Преодолеть которое можно таким уровнем развития производительных сил общества, когда производственные отношения перестанут носить характер частнобывеннических или капиталистических, а станут коммунистическими. Иными словами, экономический фактор политического и социального неравенства может быть преодолен самим экономическим развитием» [533, с. 64-65].

«Впоследствии марксистская теория, представленная уже другими авторами-последователями К. Маркса, также отдает приоритет в общественном развитии характеру и состоянию производственных отношений и считает, что сфера материального производства и тип общественных отношений, который при этом складывается, детерминируют социально-культурные качества человека. Они же определяют условия возможной реализации социальной свободы личности. Даже в основе деятельности человека, с точки зрения марксизма, лежат материально-преобразующие начала. А качество сознания и способность человека к целеполаганию и достижению прогностико-моделируемого результата объявляются производными от труда. Более того, деятельность фактически ассоциируется или отождествляется (и таким образом нивелируется до уровня бездуховности) с предметно-практической деятельностью: «Деятельность – это не простая направленность на мир, а такая человеческая активность, которая связана с **преобразованием** объектов, предметов, ситуаций» [296, с. 221-222]» [533, с. 65].

«С точки зрения марксистских теоретиков, достижение социальной свободы, открывающей невиданные прежде горизонты культурного развития личности и общества, возможно через прогрессивное изменение системы общественных отношений. Но, ключ к этому, опять же лежит в сфере материального производства и производственных отношений, которые, в таком случае, должны быть избавлены от отношений собственников и неимущих.

Единственным способом добиться этого является обобществление средств производства, переход их из частной собственности в собственность всего общества. Так предлагается решать проблему социального интереса – частные и групповые интересы перевести в разряд общественных. На этом строится политическая доктрина марксизма» [533, с. 65].

«Средством и источником изменения производственных отношений в марксизме являются производительные силы, точнее, уровень их развития. Ещё вывел формулу, что характер производственных отношений определяется уровнем развития производительных сил. В дальнейшем марксистская теория стала рассматривать производительные силы в качестве «определяющего фактора исторического процесса» [545, с. 386]. В конечном итоге, такая трактовка исторического процесса приводит к созданию культурно-цивилизационной модели, объясняющей линейно-стадиальное историческое развитие человечества с общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической» [533, с. 65-66].

«В целом, социально-историческая концепция К. Маркса, как и теория общественно-экономических формаций позволила более полно представить факторы, влияющие на развитие общества и человека, создающих социокультурное пространство и находящиеся в нём. Было показано значение характера практическо-преобразовательной деятельности (материального производства) для качественных признаков состояния общества, в изменении культуры социальных организмов. Сквозь призму развития производительных сил общества рассмотрены, проанализированы и отражены исторические этапы взаимоотношений общества и природы. Представляется, что именно в рамках марксистской теории естественно-природные условия, как пространство развёртывания человеческой социальной деятельности, становятся элементом исторического процесса, а не его фоном» [533, с. 66].

«Заслуживает внимание так называемый формационный подход к периодизации социальной истории, который имеет значение и для нашего

исследования. В соответствии с марксистской трактовкой, человеческая деятельность, реализуемая в культуре производства материальных благ, в рамках старой формации ограничивается сложившейся культурой производственных отношений (как определённого способа выстраивания связей и взаимодействия участников производства). В результате возникает необходимость устройства новой, соответствующей развивающимся производительным силам, формации. Переход от одной формации к другой (в том числе от превобитно-общинной к рабовладельческой) осуществляется с использованием методов политического форматирования. – Рабовладельческая формация предполагает возникновение совершенно нового формата социальных институтов – образуются политические институты государства, учреждения публичной политики (особенно в условиях рабовладельческой демократии), формируются политические классы. Политическое форматирование с наступлением феодальной формации выражается появлением новых политических классов феодалов и зависимых крестьян, переформатируется политическая функция государства. Тем более, обязательное политическое форматирование наступает в связи с утверждением капиталистической формации, для которой совершенно новым атрибутом политической системы становится политическая свобода (хотя и ограниченная)» [533, с. 66]. – и как институт, и как процесс.

«Отметим, что говоря о способах общественного производства, исторических формациях и К. Маркс, и его последователи, по сути дела, имели в виду цивилизационные формации, формирование которых происходит под воздействием экономической культуры, воплощавшейся в определённых способах общественного производства. Это даёт нам основания сконцентрировать внимание в этой части исследования на а) характеристике самого производства материальных благ общества, б) взаимосвязи материального производства с культурой человеческой деятельности, в) оценке марксистской концепции общественно-экономических формаций с её обозначением стадий цивилизационного форматирования в социально-историческом процессе и геополитического противоборства на современном этапе социального развития

капиталистической и коммунистической формаций, г) определение своего собственного взгляда на исторические эпохи развития общества» [533, с. 67].

Начиная разговор с характеристики производства материальных благ, опять же «обратимся к категориям источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия, определения которым были даны выше и детально рассмотрены в предыдущем исследовании [см. 541]» [533, с. 67].

«Доминанта или доминирующий источник социального существования оказывает влияние на характерные особенности способа экзистенциального взаимодействия. Он (то есть, источник) предстает в качестве объекта, на который направлена деятельность человека, в том числе, производительная деятельность. В основном характер такой деятельности и специфика ее методов детерминированы данным источником социального существования. В этом смысле он становится предметом деятельности, предметом производительных сил. (Ведь хорошо известно, что объект есть то, на что *направлена* деятельность, а предмет обозначает характер и особенности подходов к различным сторонам объекта воздействия)» [533, с. 67].

«Мы можем выделить три уровня в процессе взаимодействия Человека с природой, направленного на обеспечение человеческого существования. Первый уровень это *присвоение* продуктов естественно-природных процессов. Второй – *обработка* и *организация* естественно-природных процессов. И третий – *создание* природных процессов, которые теперь становятся в большей степени искусственными, автономными в естественной природной среде» [533, с. 67].

«Производство материальных благ на первом уровне осуществляется в формах такой хозяйственной деятельности, как охота, собирательство, рыбная ловля. Социокультурный фактор обнаруживает здесь себя в организации социальной жизни, структурировании социальных сообществ, средствах воздействия на природные процессы. Политическая составляющая во внутригрупповых и межгрупповых общениях практически отсутствует, так как доминируют социальные потребности, а для социальных интересов ещё не возникли условия. Для эпохи присваивающего производства свойственны

локальность и дисперсность существования социальных групп, обнаруживающих себя в виде семейных, родовых и племенных организаций. В целом социальные институты находятся в зачаточной стадии формирования – экономические институты и институты социализации и культуры действуют в неформализованном режиме, а политические вовсе отсутствуют» [533, с. 67-68].

«Второй уровень взаимодействия общества с природной средой в качестве хозяйственной деятельности имеет сельскохозяйственное производство. Здесь уже в полной мере проявляют себя социокультурные системы, выходящие за рамки локально-географической ограниченности, культурные комплексы обществ, цивилизационные конструкции. Интенсивно начинают создаваться и функционировать политические институты. Имперские образования, являющиеся носителями определённых культурно-исторических типов, выдвигают, фактически, геостратегические цели и задачи, что даёт возможность рассматривать их внешнеполитические действия (осуществляемые, как правило, в виде войн) в ракурсе геополитики» [533, с. 68].

«Третий уровень – созидание – возникает с началом промышленного производства и развивается сейчас как промышленно-автоматизированное или информационно-электронное производство. Собственно, в эпоху начального развития этого уровня появляются концепции цивилизационного устройства, а затем и геополитического форматирования мира» [533, с. 68].

«Возвращаясь к проблеме производственных отношений в социокультурных системах, включённых в исторически определённые условия существования, отмеченные уровни взаимодействия Человека и природной среды мы должны наполнить социальным содержанием. Это достигается тогда, когда мы зададимся вопросом: для чего нужно взаимодействие Человека и природы, с какими целями оно осуществляется? Ответ на этот вопрос можно получить определением источника социального существования, имеющего специфические особенности для каждого из трёх уровней взаимодействия» [533, с. 68].

«При подобной корреляции, мы получаем возможность рассматривать три, соответственно, доминирующих источника социального существования, каждый

из которых предстает как специфически определенный социо-природный процесс. При этом обнаруживается, что сам источник существования, как процесс, выступает в качестве объекта и предмета человеческой деятельности. В том числе в сфере производительных сил» [533, с. 68-69].

«Следовательно, как структуру производительных сил общества, так и содержание способа производства невозможно представить без источника социального существования. Он, как предмет производства, призван определять характер и качество орудий и средств труда, которые выступают как средства воздействия на природные процессы. Тем самым определяется характер производительных сил и состояние способа производства общества» [533, с. 69].

«Если мы будем рассматривать начальную стадию социально-исторического развития, то для нее характерен присваивающий способ экзистенциального взаимодействия. В этот период человек, осваивая окружающую среду, присваивает часть природы и начинает строительство ойкумены. А в результате практическо-преобразовательной деятельности, как неперемного компонента процесса присвоения, люди потребляют, но не производят, продукты естественно-природных процессов. Таким образом, применительно к производительной деятельности, обозначается доминирующий и пока единственный источник социального существования. Поэтому мы говорим об уровне присваивающего хозяйства в зависимом (первобытном) обществе. Здесь определяющими являлись, соответственно, природо-данный источник социального существования и присваивающий способ экзистенциального взаимодействия» [533, с. 69].

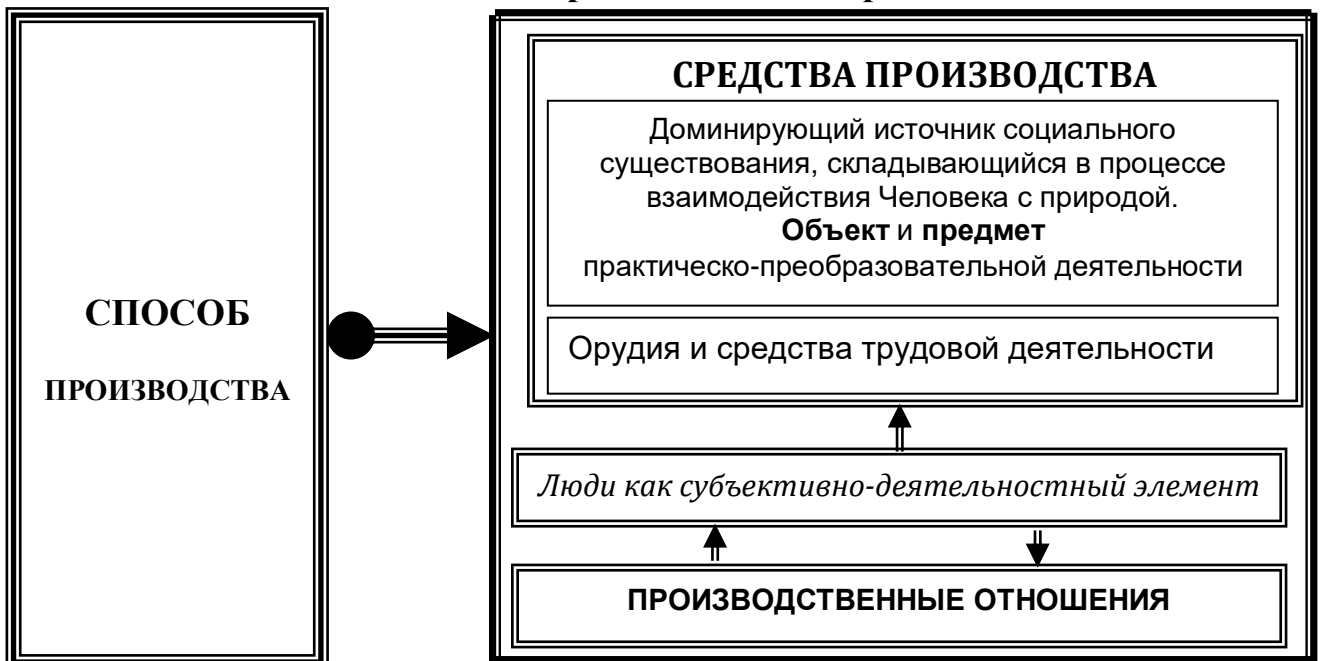
«На второй стадии исторического развития доминирующим источником существования (при сохранении предшествующих форм хозяйственной деятельности) становится использование земли, ее возможностей. На этой основе строится организация сельскохозяйственного производства, – в большей степени прогрессивного при земледелии, в меньшей – при скотоводстве. Что, опять же, подчеркивает основополагающее значение *осознанно-деятельностного* начала у человека, т. к. организационно-технологически земледелие более сложный

процесс, чем скотоводство» [533, с. 69].

«Третий уровень в сфере производства материальных благ характерен тем, что использование земли методами сельскохозяйственной цивилизации не в состоянии удовлетворить растущие потребности развивающегося общества. Возникает ситуация, суть которой сводится к следующему: либо прежние условия существования будут ограничивать деятельностные возможности личности, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Либо социальный прогресс, выражающий социальную реализацию сущностных сил личности (то есть, ее социальную свободу), изменит сложившийся способ взаимодействия с природой» [533, с. 69-70].

«Чтобы наглядно представить и лучше отразить место и значение источника социального существования в структуре способа производства материальных благ мы схематизируем этот процесс. Такая схема, по своей форме, хорошо известна и основывается на разработках отечественных философов, занимающихся социально-философскими проблемами» [533, с. 70] (см. схему 2).

Схема 2. Способ производства материальных благ

«Природо-созидающий источник социального существования, имеющей в сфере практическо-преобразовательной деятельности Человека форму промышленно-автоматизированного производства, наполняет новым

содержанием прежние доминирующие формы хозяйствования. Об этом можно судить исходя из таких, ставших привычными в современном мире, определений как *агропромышленный комплекс*, *промышленное рыболовство* и тому подобное. Они отмечают основополагающее и доминирующее значение промышленности, выражающей в хозяйственной сфере общества созидающий способ экзистенциального взаимодействия Человека с природой» [533, с. 70].

Безусловно, что «складывающаяся таким образом система производства материальных благ не может не оказывать влияния на характер социальных отношений. Такое влияние испытывают на себе отношения в сфере материального производства или производственные отношения. Значит и личность, как субъект деятельности и основной элемент социальной системы, испытывает на себе это влияние» [533, с. 70].

«Значение понятия источника социального существования объясняется также тем, что оно позволяет внести ясность в определение исторических способов производства материальных благ, которые определяются условиями источника социального существования. В конечном итоге сохранение, по тем или иным причинам, условий определённого источника социального существования, определённых условий среды не позволяет развиваться новым способам производства. В силу этого, производительные силы лишаются импульса к совершенствованию, что ведёт и к определённой социо-культурной и политической стагнации. Коррелируемый с этим заключением вывод мы можем найти у К. Маркса, который писал: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества... В общих чертах, азиатский античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [288, с. 7]. С позиции нашего исследования, это замечание К. Маркса как раз акцентирует внимание на условиях в источнике социального развития,

прежде всего в сфере материального производства» [533, с. 71].

Хотя, «впоследствии, в рамках марксистской социальной философии и наук, использующих ее в качестве своей методологической базы – истории, социологии, политической экономии, укоренилась несколько иная точка зрения. В соответствии с ней было принято определять в качестве уровней социально-исторического развития рабовладельческий и феодальный способы производства, считая последний более прогрессивным. По этой причине возникают известные трудности с определением критерия исторического прогресса, а также некоторые противоречия с тем, что писал К. Маркс. Ибо, уровень социальной истории, определяемый как «феодальный способ производства», достиг качества в развитии производительных сил античного общества (с «рабовладельческим способом производства») лишь к XII веку!» [533, с. 71].

«Вообще проблема в формационном членении человеческой истории возникла чуть ли не с момента появления формационной теории. Достаточно сказать, что сам К. Маркс, кроме определения «азиатский способ производства», использует модель социально-исторической периодизации на основе выделения трех формаций – первичной, вторичной и третичной [290, с. 250-251]. Это им делается исходя из отчуждения труда: отсутствие отчуждения в первобытно-общинном строе, отчуждение в классовом обществе и снятие отчуждения при коммунизме. В работах Ф. Энгельса присутствует другая модель исторической периодизации. Он использует культурно-исторический подход и говорит о варварстве, дикости и цивилизации [642, с. 23-178]» [533, с. 71-72].

Не меньшую остроту эта проблема сохраняет в дальнейшем. О чем свидетельствуют «дискуссии социально-философской и исторической общественности сначала в 20 – 30-е годы, а затем в 60 – 70-е XX века. В последней активное участие принимали исследователи из СССР, Венгрии, ГДР, Франции и Великобритании. В последней трети XX столетия проблема ОЭФ поднималась в работах М.А. Барга [37, 38, 39], А.П. Бутенко [70-74], В.М. Вильчека [94], Ю.М. Гарушянца [105], А.Я. Гуревича [129, 130], В.С. Егорова [155], В.П. Илюшечкина [188, 189, 190], В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона [215], В.Н.

Никифорова [340, 341, 342] и других. Практически все они фиксируют отмеченные выше противоречия теории общественно-экономических формаций» [533, с. 72].

«Использование в настоящем разделе исследования определений источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия позволяет снимать подобного рода противоречия. Так называемые рабовладельческий и феодальный способы производства являются разновидностями одного определенного способа взаимодействия Человека с природой. Поэтому правильнее будет говорить и об одном кардинальном способе производства, который можно обозначить как сельскохозяйственный. И способ взаимодействия, и способ производства имеют своей доминантой природо-организующий источник социального существования. А процесс производства предполагает самые разнообразные формы сельскохозяйственной деятельности» [533, с. 72].

«При всей значимости системы производства материальных благ для общества и человека она не может рассматриваться как единственный основополагающий источник социогенеза и последующего развития общественных структур. На это указывают даже авторы, придерживающиеся «трудовой теории» происхождения и развития человека: «при ... производительности труда у бушменов они в принципе могли бы коллективно добывать пищу лишь один день из четырех. Следовательно, в остальные три дня они друг другу практически не нужны, и, следовательно, никому не нужна их форма сообщества. Понятно, что гибель такого сообщества была бы вопросом времени, если бы эволюция не развила гоминид (не у бушменов, конечно, а у наших общих животноеобразных предков) потребностей в общении, не связанном с удовлетворением органических потребностей» [67, с. 81]» [533, с. 72-73].

«Поэтому, не общественное производство и не труд, как его основа, детерминируют функционирование человеческого общества. Не они и определяют историческую типологизацию обществ. Они лишь обеспечивают социальное функционирование, выступая в качестве средства, а не причины»

[533, с. 73].

«Следовательно, уровни социальной истории не могут быть выведены из «тонкой» специфики материального производства. Его историческое и региональное разнообразие и модификация во многом связаны с отличиями природно-географической среды, культуры и менталитета общества, социально-этническими традициями, историческим опытом, степенью и интенсивностью внешнего воздействия. Периодизация всемирной истории и выделение уровней в социально-историческом развитии осуществляется исходя из сущностно-значимых для человека параметров. Они выражают: а) качество *сознательной* деятельности (представленное степенью реализации социальной свободы личности) и б) развёртывание процесса *о-сознанного* взаимодействия с природной средой и качественные уровни этого процесса» [533, с. 73].

«Так, присвоение продуктов естественно-природных процессов, осуществляемое в таких формах хозяйственной деятельности как собирательство, рыболовство и охота, обуславливает определенные орудия и средства воздействия на объект. Этим определяется характер самого предмета воздействия. К тому же, обосновывается форма отношений и общения в обществе, принципы социального устройства с необходимым коллективным единством и целостностью. Необходимо отметить, что все отмеченные процессы выражают состояние общественного сознания, где господствует система коллективных представлений, развивающихся в рамках превалирующего массового сознания и психологии («психология толпы»)» [533, с. 73].

«Когда доминирующим в использовании источника социального существования становится природо-созидающий процесс, то он, в своей производственной значимости, становится определяющим для предмета производительных сил общества. Его выражением в сфере практическо-преобразовательной деятельности становится промышленное (впоследствии промышленно-автоматизированное) производство. Здесь промышленное производство создает опережающие темпы развития сельского хозяйства. Возникает ситуация, когда сельское хозяйство, как бы, становится дополнением

промышленности. Ибо первое просто не может обойтись без второго, а в целом – существование современного сельскохозяйственного производства не представимо без развитой промышленной базы. Недаром сельскохозяйственная наука начинает свое становление в XVIII веке. Тогда немецкий агроном Тэер (1752-1828), систематизировавший сельскохозяйственные знания, определил сельское хозяйство как «промышленность, которая имеет целью, через производство растительных и животных продуктов, получать доход» [447, с. 384]. Безусловно, это весьма символично» [533, с. 73-74].

«Здесь также прослеживается обусловленность предметом (производительных сил) определенных орудий и средств труда, воздействующих на производственно ценную сторону источника социального существования. Поэтому предмет в структуре производительных сил предстает не статичной константой, а постоянно изменяющимся процессом. Собственно этот процесс и определяет качество глобально-исторических способов производства. Поэтому глобально-исторические способы производства вытекают из соответствующих способов экзистенциального взаимодействия и доминирующих источников социального существования. А формы организации хозяйственной деятельности и социального устройства являются конкретно-историческими, связанными с особенностями региона распространения. Как то: рабовладельческая или феодальная (крепостническая), капиталистическая или социалистическая. В этом случае нет ничего удивительного в том, что даже в одном пространственно-временном контексте существуют различные формы хозяйственной деятельности и социального устройства. Как, например, крепостническая в Спарте и рабовладельческая в Афинах» [533, с. 74].

«Следовательно, способ производства материальных благ определяется на основе доминирующего источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия. Тогда, в процессе социально-исторического развития, также выделяется три глобально-исторических способа производства: присваивающий, сельскохозяйственный и промышленно-автоматизированный» [533, с. 74].

«Переход от одной доминанты к другой возможен только тогда, когда прежняя исчерпала свой потенциал, вследствие развертывания человеческой деятельности, когда она уже не в состоянии удовлетворять социальные потребности и не соответствует им. Небезынтересно, в качестве своеобразной аргументации прозвучавшего выше утверждения, сослаться на вывод известного отечественного археолога В.М. Массона. В одной из своих работ он, фактически, отметил один из способов «исчерпания» доминанты в производственно-практической сфере общества: «Вместе с тем переход к земледелию и скотоводству являлся отнюдь не следствием экспериментальных забав досужных интеллектуалов, а острой экономической необходимостью... Только при определенных условиях (подчеркнуто мной – А.Ф.) человек был вынужден направить свою энергию и творческие способности на улучшение и совершенствование традиционных способов добычи пищи. Скорее всего, здесь главную роль играло противоречие между возрастающим населением и производственными возможностями старых форм экономики» [298, с. 135]» [533, с. 74-75].

«Процесс «исчерпания» источника существования непосредственно связан с обозначенным выше распространением социального движения. Наиболее наглядно он проявляется при переходе к *организации* производственной деятельности на основе использования природных процессов, связанных с возможностями земли как природного феномена. Охота на животных и возникающая невозможность таким образом обеспечить себя продуктами, заставляет Человека искать иные пути и средства жизнеобеспечения. Он начинает организовывать обеспечение себя животным мясом посредством выращивания животных, заниматься скотоводством как новой формой хозяйственной деятельности. Собирательство, как присвоение и использование продуктов растительного мира природы, по тем же причинам приводит к организации земледелия» [533, с. 75].

«Если обратить внимание на первоначально возникающие ареалы земледельческой и скотоводческой культур, то они возникают как раз в тех

местах, где до них были распространены, соответственно, собирательство и охота. – Ближний Восток, где произрастала и собиралась дикая пшеница, становится очагом древнего земледелия. Евразийские степи, богатые дикими животными, как объектами охоты, превращаются в пространства существования скотоводческих племен» [533, с. 75].

«В связи с этим интересно отметить, что более продуктивный способ жизнеобеспечения – охота – «породил» менее прогрессивный, с точки зрения стимуляции социальных отношений, – скотоводство. Им стали заниматься этносы, ведущие кочевой образ жизни. В то время как собирательство, слабо социально «заряженное» и близкое к форме животной жизнедеятельности, стало платформой для перехода к прогрессивному земледелию» [533, с. 75].

«Еще один очень важный вывод необходимо более четко обозначить. Развитие производительных сил не является самодовлеющим фактором исторического процесса, детерминирующим и производственные отношения, и состояние социальной системы в целом, и развитие личности. Здесь мы можем сослаться на мнение автора, чей авторитет в большей степени использовался, да и используется сейчас некоторыми исследователями, как раз с целью обосновать и представить приоритет материальной стороны общественной жизни, детерминацию процессом общественного производства всех иных сфер и сторон общества. Ф. Энгельс отмечает несколько иные приоритеты в социально-историческом развитии и совсем не экономическую определяющую общественно развития, точнее не только их: «...в историческом процессе определяющим моментом, *в конечном счёте*, является производство и воспроизводство действительной жизни (подчеркнуто мной – А.Ф.). Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [641, с. 394]. Когда Ф. Энгельс говорит о «производстве и воспроизводстве действительной жизни», то это и есть тот комплекс и система человеческой деятельности, которые выражаются

способом экзистенциального взаимодействия применительно к использованию источника социального существования» [533, с. 75-76].

«Само производительное развитие общества обусловлено, через использование источника социального существования, определенным способом экзистенциального взаимодействия Человека с процессами природной среды. Последняя, исторически прогрессивно преобразуется и, все в большей степени, создается самими людьми. В исходном положении развитие производительных сил обусловлено сознательной деятельностью человека, со всеми необходимыми для нее атрибутами. К их числу относятся, возможности и степень реализации сущностных сил личности, качество и формы самой деятельности, – то, что необходимо для культурного производства и воспроизводства» [533, с. 76]. Человек осваивает окружающее природное пространство благодаря своим деятельностным качествам, которые испытывают обратное воздействие среды существования, побуждая человека совершенствовать технологии освоения и обустройства внешней природы – экологической среды.

«Самым распространённым определением цивилизации является такое, которое выводит её из развития культуры общества. Такие определения цивилизации давали философы и учёные, предложившие в конце XVIII века этот термин ввести в научный оборот, и авторы более развёрнутых культурно-цивилизационных концепций в середине XIX столетия и последующее время. Например, А. Фергюсон, одним из первых использовавший термин «цивилизация» для обозначения уровня общественного развития, обозначал им стадию исторического развития человечества, следующую за дикостью и варварством. И для него цивилизация это стадия более высокой культуры общества, которая предполагает появление гражданина как субъекта общественных отношений, формирующих общественные классы. В этой связи гражданство и государство становятся, по сути, тождественными явлениями, взаимообусловленными человеческой деятельностью по окультуриванию пространства своего существования [см. 672]. Примечательно, что основной труд А. Фергюсона носил название «An Essay on the history of the civil society», что в

дословном переводе с английского звучит как «Очерк по истории гражданского общества» [533, с. 78]. Из этого следует, что А. Фергюсон не имеет чёткого и предметного определения понятия цивилизации, а понятия гражданина и гражданского общества он выводит из определённого уровня исторического развития общества, когда формируется культура человеческой субъектности. Следовательно, А. Фергюсона можно считать автором использования термина «цивилизация», но не определения его как понятия.

Отметим, «что А. Фергюсон рассматривал возникновение цивилизационных институтов как следствие (культурной) деятельности людей в определённых природных ситуациях, при этом он напрочь отрицал возможность людей (даже самых великих) моделировать социальное устройство и, отсюда, – договариваться об устоях социального и политического функционирования. Для нас нет потребности, в рамках настоящего исследования, анализировать и давать оценки взглядам А. Фергюсона, потому просто зафиксируем его позицию в контексте рассмотрения проблемы цивилизации в человеческой истории и интересующей постановки вопроса. – «Каждый шаг и каждое движение (массы) народа в будущее, даже в так называемые просвещённые века, сделаны вслепую, и нации находят учреждения (институты управления – А.Ф) в результате человеческой деятельности, а не вследствие своих замыслов и намерений» [672]» [533, с. 78-79].

«А. Фергюсон, отрицая концепцию общественного договора при создании государства, считал, что государство, гражданские отношения и цивилизация возникают в ответ на требования природной среды и ей обусловлены. Однако, обусловленность эта возникает только в процессе человеческой деятельности, которая находится и развивается в рамках культурной традиции. Оставив за скобками ряд категорических заключений А. Фергюсона (отрицание им процедуры общественных соглашений при формировании социальных институтов, возможности проектировать учреждения общественного управления, возвышение природно-расовых факторов в культурно-цивилизационном развитии и т.п.), отметим, что в его определении цивилизации присутствует деятельностный подход (социальные цивилизационные учреждения как результат

человеческой деятельности, хотя и спонтанный) и культурная детерминация цивилизационной формы общества (культура общества на стадиях дикости и варварства, по Фергюсону, не в состоянии создавать цивилизационных учреждений)» [533, с. 79].

Следует подчеркнуть, «что основные определения цивилизации, данные А. Фергюсоном, не отрицались последующими авторами и остаются рабочими до сего дня. К их числу относятся признаки, которые характеризуют состояние цивилизации в процессе социально-исторического развития человечества» [533, с. 79]:

- «развитие экономической культуры общества, которая приводит к разделению труда и последующим стратификационным изменениям – профессиональная специализация, классовые различия, образование социальных слоёв» [533, с. 79];

- «формирование устойчивой системы социальной коммуникации с неведомыми ранее институтами, обеспечивающими её стабильность – одним из таких институтов становится купечество, выполнявшее не только торгово-экономические функции, но и важнейшие функции культурного обмена» [533, с. 79];

- «образование политического института государства как способа и средства управления сложным социальным организмом – формализация социального управления с помощью законов, административных норм, институциональных распоряжений, перевод на вторые роли общественной власти, основанной на традициях» [533, с. 79-80].

Указанные «признаки, каждый в своей степени, обуславливают гражданскую правосубъектность, возникновение городов с особыми социальными общностями, изобретение письменности. Гражданская правосубъектность проявляется в том, что определённая часть членов общества (господствующий класс, особенно на ранних этапах цивилизационного развития) получает возможность строить систему социальных отношений, замещая или ослабляя господствующую в доцивилизационном обществе власть традиции, которая

(естественно персонализированная в образах племенных вождей и колдунов) устраивала отношения в социальных группах. Города становятся не только территорией организации сложных социальных связей, требующих особого внутреннего социального управления, но и центрами внешнего социального управления окружающего пространства, выполняя функции политических центров как необходимых атрибутов государственного устройства. Письменность изначально была и формой передачи необходимых обществу знаний, культурных по своему содержанию и предназначению, и способом коммуникационного обмена внутри определённых культурных сообществ и между таковыми. Тем самым цивилизационные формы, являясь следствием развития культуры общества, сами становятся важнейшими компонентами этой культуры и, более того, активно влияют на дальнейшее культурное развитие» [533, с. 80].

«Исходя из имеющихся основных определений цивилизации, начиная с А. Фергюсона, она в своём статусном (передающих состояние явления в пространстве и в процессе) измерении не может рассматриваться тождественной культуре, но, безусловно, производна от неё. Ещё один аспект состоит в том, что культура, которая оказывается неспособной произвести цивилизационное оформление своих достижений, не получает условий для своего дальнейшего развития. В таком случае цивилизация может рассматриваться как продолжение культуры в новом стадийном развитии. Если воспользоваться классификацией А. Фергюсона о трёх стадиях развития общества (и его культуры) – дикости, варварстве и цивилизации, – то прекращение по тем или иным поводам и вследствие различных факторов цивилизационного формирования общества, означает возврат его в состояние варварства, а то и дикости» [533, с. 80].

«После включения в конце XVIII века термина и понятия «цивилизация» в философско-научный оборот, исследования этого феномена человеческой истории и человеческого существования переходят в середине XIX века на уровень функциональных измерений, которые привели к образованию понятия локальных цивилизаций. Одним из первых, кто поднял проблему локальных цивилизаций был Г. Рюккерт [421]. Правда, он в большей степени рассматривал

историческое развитие человечества и не акцентировал внимание на определениях цивилизации, используя термины «социоисторические организмы», «исторические организмы», «культурно-исторические организмы», «исторические индивиды», «культурно-исторические индивиды» и «культурные типы», обозначая таким образом особые и в значительной мере отдельные социальные системы, существующие параллельно друг другу. Для своего времени Г. Рюккерт выделяет пять высших «культурных типов»: германо-христианский (западноевропейский), восточно-христианский (славянский), арабский (исламский), индийский и китайский [см. 421]. Однако говорить о какой-либо теории или концепции локальных цивилизаций и даже культурно-исторической типологизации Г. Рюккерта не представляется возможным, так как он исследовал, прежде всего, феномен германской (и, опосредованно, европейской) культуры с позиции культурологии, но не социологии и политической философии» [533, с. 80-81].

«Первым, кто предметно рассмотрел, проанализировал и дал оценку локальным цивилизациям был Н.Я. Данилевский [см. 137]. В принципе, его можно считать и создателем первой цивилизационной теории или теории культурно-исторических типов. Другие известные цивилизационные (культурно-цивилизационные) теории О. Шпенглера [634] и А. Тойнби [470] были созданы намного позднее» [533, с. 81] теории Данилевского.

«В плане обоснования предложенной формулировки цивилизационного оформления культурных достижений и собственного определения самого понятия цивилизации целесообразно рассмотреть некоторые распространённые сейчас определения цивилизации с тем, чтобы провести необходимую корреляцию позиций. С этой целью стоит воспроизвести трактовку понятия «цивилизация», которая даётся в Википедии, одном из самых востребованных словарно-энциклопедических ресурсов современного общества» [533, с. 83]. Отметим, что обращение к Википедии по данному вопросу мотивировано не тем, что в ней наиболее полно представлены основные определения понятия «цивилизация» (перед нами не стоит задача источниковедческого либо исторического анализа

понятия), а потому, что в ней отражены «наиболее интересные для нас аспекты. Чего мы не можем найти в марксистских определениях цивилизации, сводящей её к культуре [570], в международных справочных изданиях, дающих расплывчатые и поверхностные определения [572], даже в специальных научных исследованиях, где определение вовсе отсутствует [см. 150]» [533, с. 83-84].

Итак, цитата из Википедии:

«Цивилизация (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) – 1) общефилософское значение – социальная форма движения материи, обеспечивающая её стабильность и способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства); 2) историко-философское значение – единство исторического процесса и совокупность материально-технических и духовных достижений человечества в ходе этого процесса (человеческая цивилизация в истории Земли); 3) стадия всемирного исторического процесса, связанная с достижением определённого уровня социальности (стадия саморегуляции и самопроизводства при относительной независимости от природы, дифференцированности общественного сознания); 4) локализованное во времени и пространстве общество. Локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем и развивающиеся по законам витальных циклов» [571].

«Рассмотрим по порядку, в интересующем нас контексте, каждое из приведённых определений» [533, с. 84].

«По поводу общефилософского определения следует сказать, что в нём достаточно явно присутствует марксистский подход – «социальная форма движения материи», что само по себе не означает ни недостатков, ни преимуществ. Однако, сведение цивилизации сугубо к движению материи, хотя и социальной, становится ущербным, так как, de-facto, нивелируется духовный фактор, без которого культура человека и общества непредставима. И всё-таки, отмеченная фраза является не более, чем введением к определению, а

констатирующая часть – «способность к саморазвитию путём саморегуляции обмена с окружающей средой (человеческая цивилизация в масштабе космического устройства)» [570] – однозначно указывает на то, что в этом определении присутствуют а) деятельностный фактор (саморазвитие), б) выработка норм, стандартов, правил функционирования (социальной) системы, направленных на упорядочивание связей со средой существования (саморегуляция)» [533, с. 84].

«Другое дело, что наши коррективы не прописаны в этом определении, но они однозначно из него следуют» [533, с. 84]. Точнее, данное определение не просто допускает, а нуждается в подобных коррективах.

«Утверждение «способность к саморазвитию путём саморегуляции» указывает, прежде всего, на то, что именно саморегуляция (системы) является необходимым условием (само) развития. Развивая эту мысль до её логического завершения, мы приходим к нескольким весьма значимым выводам» [533, с. 84-85]:

1) «саморегуляция требует наличие необходимого культурного потенциала, обеспечивающего её «введение в строй», то есть нужен «багаж» культурных достижений общества» [533, с. 85];

2) «регуляция связей с внешней средой предполагает устойчивость связей внутрисистемных элементов структуры социального организма, что, в обоих случаях, достигается благодаря высокой культуры социального взаимодействия, включающего в себя социальные институты, как учреждения по социальной организации» [533, с. 85];

3) «потребность в саморегуляции возникает вследствие продвижения культуры общества во внешнюю среду, окультуривание окружающего природного пространства» [533, с. 85];

4) «саморегуляция предстаёт не только как правила поведения системы в отношении окружающей среды, но и оформление самой социальной системы, которая вне культурного содержания существовать не сможет, следовательно, это есть и оформление, и упорядочивание культурных достижений» [533, с. 85].

Исходя из этого, мы можем заключить, что «при таком определении выводится утверждение о цивилизации как оформлении, благодаря выработанным стандартам и правилам, достижений культуры общества» [533, с. 85].

«Следующее, историко-философское определение, выглядит скорее незавершённым, даже размытым по содержанию, в сравнении с предыдущим из Википедии. Здесь мы находим и отголоски марксистского определения и созвучного ему определению из Словаря Вэбстера, выражающему подход к трактовке понятия «цивилизация», характерный для западной, как минимум англо-американской, философско-научной традиции. Понятно, что при первом рассмотрении, определение цивилизации как «совокупность материально-технических и духовных достижений человечества» [571] воспринимается тождественным определению культуры в её материальной и духовной формах. Но, достраивать начатую смысловую конструкцию нам помогает корреляция приведённой части определения с формулировкой единства исторического процесса. Если «совокупность материально-технических и духовных достижений человечества» рассматривать в «ходе исторического процесса», то есть основания предполагать, что отмеченные достижения как-то упорядочиваются учреждениями, неизбежно возникающими в историческом процессе человеческого общества» [533, с. 85].

«Следует сказать, что процессуальная сторона истории действительно является всеобъемлющей, но не исключающей, а предполагающей существование институциональной стороны. Социальные институты, создаваемые в результате исторической деятельности, позволяют, собственно говоря, истории состояться. Ведь история человеческого общества – это, прежде всего, история социальных институтов, которые пребывают или пребывали, что несомненно, в процессуальных социально-исторических изменениях. Центральное место в истории занимают описания и характеристики исторических типов и видов государств и уже к этому социальному институту присоединяется описание и характеристика экономических, социально-культурных, религиозных и других

институтов. Даже история через описание исторических личностей не обходится без глубинной корреляции их с определёнными государственными учреждениями. Если использовать подход различения формальных и неформальных социальных институтов, то степень институционализации общества и истории, соответственно, становится всеохватывающей, включающей и доцивилизационный период с такими неформальными институтами как семья, производство с поло-возрастным распределением труда, религия, институт вождя» [533, с. 85-86].

«Не претендуя на безапелляционность суждения, но выражая реальную историческую обстановку, допустимо дать такую формулировку: история человеческого общества вообще и история конкретных обществ в частности существует до тех пор, пока она включает в себя функционирование социальных институтов, важнейшим из которых является государство. Как только заканчивается функционирование институтов, так заканчивается история существования общества. И если о человеческой истории мы этого сказать не можем, благодаря тому что социальные институты в нём функционируют, то относительно отдельных обществ и локальных цивилизаций такая оценка абсолютна точная. – История цивилизаций Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, история обществ Карфагена, Священной Римской Империи германской нации, Золотой Орды закончилась, как только перестали существовать в них социальные институты и главный из них государство» [533, с. 86].

Другое «определение, предложенное Википедией, фактически основывается на той трактовке цивилизации, которая была дана ещё А. Фергюсоном, предложившим стадиальное рассмотрение процесса истории человеческого общества, с выделением в нём стадии цивилизации. В этом определении для нас наиболее интересна конкретизирующая часть, поясняющая цивилизационную стадию «достижением определённого уровня социальности (стадия саморегуляции и самопроизводства при относительной независимости от природы, дифференцированности общественного сознания)» [570]. Относительно

саморегуляции социальной системы было сказано выше и в данном случае это понятие имеет то же самое смысловое наполнение. А вот два других признака – самопроизводство и дифференцированность общественного сознания – стоит рассмотреть особо» [533, с. 86-87].

«Дифференцированность общественного сознания как признак цивилизации имеет прямое отношение к реализации деятельностных качеств человека, которые, с одной стороны, определяются уровнем развития человеческого сознания, а, с другой стороны, этот процесс (реализации) как раз служит источником создания культуры человеческого общества. Усложнение сознательно импульсируемой человеческой деятельности приводит к её разнообразию, что влияет на формирование социальной структуры общества, отличительные особенности внутригруппового социального сознания и на «пестроту» общественного сознания в целом. В конечном итоге, отмеченные процессы обеспечивают появление новых культурных достижений и необходимый потенциал сознания (индивидуального, группового и общественного), чтобы создавать форматы для оформления и упорядочивания достижений культуры общества. Характерно, что такие процессы свойственны и для глобальной человеческой цивилизации в её статусно-сущностном измерении, и для локальных цивилизаций государственных образований, измеряемых в их функциональной принадлежности» [533, с. 87].

«Гермин самопроизводство излишне детализирован, потому что любое производство (и даже воспроизводство) предполагает субъективный фактор. Производство как феномен человеческой деятельности создаёт процессы, которые становятся самостоятельными по отношению к природе, а в эпоху цивилизации преобразуют и изменяют естественную природную среду. Хотя производство ассоциируется, прежде всего, с экономической и материальной сторонами жизни общества, следует сказать, что оно имеет гораздо более широкие толкования. – Не любой результат человеческой деятельности может быть отнесён к производству, но любое производство предполагает человеческую деятельность и её результаты. Отсюда есть все основания определять области материального и духовного

производства, при наличии межобластных производств, таких как финансирование, технические изобретения и тому подобное» [533, с. 87].

«Такая предметная направленность производства позволяет видеть в нём также производство стандартов, норм, правил, законов, моделей функционирования социальной системы. Исходя из того, что цивилизация проявляется и в глобальной стандартизации жизни социальной системы, мы можем допустить следующую формулировку: производство культурных достижений во всех областях общественной жизни в количественном и качественном аспектах приводит к потребности их цивилизационного оформления; в свою очередь, цивилизационное оформление становится огранкой культурного комплекса общества, сродни той огранки, которую получает алмаз, превращаясь в бриллиант» [533, с. 87-88].

«Наконец, определение локальных (во времени и пространстве) цивилизаций. Первое на что обращаем внимание это отождествление цивилизации и общества: «цивилизация – локализованное во времени и пространстве общество» [571]. Эта небрежность в определении достаточно легко опровергается тем, что не каждое общество, существующее во времени и пространстве, может стать цивилизацией. Исторических примеров этому вполне достаточно, взять, хотя бы, ранее сделанную ссылку на древнеперсидское (древнеиранское) общество. Тем более, что с научной точки зрения определять одно понятие (цивилизации) через другое (общество) совершенно недопустимо. Такую формулировку можно было бы посчитать всего лишь стилистической неточностью, если бы далее, по определению, не последовало то, что «локальные цивилизации являются целостными системами, представляющими собой комплекс экономической, политической, социальной и духовной подсистем». В этом случае возникает вопрос: а разве общество не является системой со всеми перечисленными подсистемами? Ответ, думается, вполне очевиден – не только современные общества, но и более древние, как минимум, на стадии цивилизационного развития человечества, обладают указанным комплексом» [533, с. 88]. К тому же, термин «локальный» имеет значение узости и частности

обозначаемого явления и для цивилизации, обладающей достаточно широкими параметрами и комплексностью, вряд ли подходит. Целесообразно применительно к историческим феноменам цивилизационных конструкций, возникающих в различные исторические эпохи на значительных географических пространствах использовать иной эпитет – пространственно-очерченные.

«Заключительное утверждение этого определения «и развивающиеся по законам витальных циклов» [571] вообще вводит в заблуждение, ибо по стилю изложения получается, что «витальные циклы» свойственны целостным (социальным) системам. И хотя, конечно, можно догадаться, что «витальные циклы» всё-таки применяются к цивилизации (через приравнивание к социальной системе), ситуация от этого не улучшается. – Это определение, являющееся словарным и оттого претендующее на универсальность и выполнение функции обучения, лишь повторяет некоторые положения известных культурно-цивилизационных концепций об организмическом характере цивилизаций, проходящих периоды рождения, юности, взросления, старости и смерти. Однако, в ряде концепций (например, культурно-исторических типов Данилевского) «витальные циклы» это всего лишь инструмент, с помощью которого описывается своеобразие развития цивилизационных типов, и претендовать на универсальность, быть применённым ко всем локальным цивилизациям он вряд ли может» [533, с. 88-89].

«Данное определение, которое воспроизводит многие подобные ему, ассоциирует цивилизацию даже не с культурой, а в целом с обществом и потому не может быть использовано даже как рабочий материал в процессе обнаружения функций цивилизации в лице её институтов в отношении культуры общества. Следовательно, с учётом ранее сделанных замечаний по другим определениям цивилизации в Википедии и иных изданиях, нам необходимо сформулировать адекватное социальной реальности определение понятия с тем, чтобы оно могло быть включено в понятийный аппарат настоящего исследования. В процессе определения понятия цивилизации необходимо исходить из трёх основных критериев» [533, с. 89]:

1) «цивилизация не может быть сведена или выведена из определений других понятий – общества и культуры» [533, с. 89],

2) «культура и цивилизация как социальные феномены, явления и сферы общественной жизни взаимосвязаны и взаимообусловлены» [533, с. 89],

3) «культура, как следствие сознательной человеческой деятельности, является базисом и мотивом для цивилизации» [533, с. 89].

«Учёт этих критериев даёт возможность определять цивилизацию с её основной функциональной заданностью, направленной на оформление культурных достижений общества. Что предполагает использование потенциала культуры в цивилизационном строительстве и преобразованиях. *Цивилизация* возникает на базе духовной и материальной культуры и служит показателем их состояния. Основной мотив генезиса человеческой цивилизации состоит в необходимости упорядочивания и организации достижений человеческой деятельности, формирующих культуру общества. Поэтому цивилизация, кроме регламентирующих функций, еще и определяет направленность развития общества, комплексной человеческой деятельности» [533, с. 89].

«Исходя из данных определений, можно заключить, что некультурных этносов не существует, так как культурная деятельность является одним из отличительных социальных и даже человеческих признаков. А вот нецивилизированные этносы, как не достигшие качественного уровня упорядочивания и организации культурных достижений, встречаются во всемирной истории. На это, фактически, обращал внимание Н.Я. Данилевский. Выделяя культурно-исторические типы (цивилизации) в человеческой истории он отмечал существование «отрицательных деятелей человечества» и «этнографического материала». По его мнению, это такие типы обществ, которые не достигли, по тем или иным причинам, цивилизационного состояния» [530, с. 398].

Это замечание как раз «свидетельствует о том, что в условиях социальной реальности явления культуры и цивилизации не совпадают. Но это несовпадение совсем не мешает культуре и цивилизации в социальном пространстве не просто

взаимодействовать (посредством человеческой деятельности) и взаимно влиять друг на друга, но и устанавливать взаимную зависимость, когда разрушение (на локальном уровне) цивилизации приводит к исчезновению культурного комплекса общества и самой конкретно-локальной социальной системы. И наоборот, кризис культурного комплекса ведёт к цивилизационной катастрофе. Обозначаемая здесь грань между культурой и цивилизацией даёт возможность предметно и более отчётливо видеть нюансы процессов, имеющих проявление в глобальных пространствах. Тем самым, становится понятной такая постановка проблемы в рамках исследования геополитических процессов, характеристика которых без культурно-цивилизационного анализа становится если не невозможной, то менее продуктивной» [533, с. 89-90].

Отмеченное взаимодействие и его результаты, непосредственно влияющие на состояние всей социальной системы, безусловно, влияют и на политическую сферу жизни общества, а в случаях реализации интересов государства (государственных интересов) и на геополитический статус и, в конечном итоге, на геополитическое устройство мира.

2.3. Цивилизационные основания геополитического структурирования

«Рассматривая стандарты как образцы, модели деятельности, применительно к функционированию социальной системы мы видим их в выстраивании определённых конструкций, лежащих в основе освоения обществом пространства своего существования. С учётом того, что и внутреннее пространство существования общества – пространство его дислокации, расположения, и внешнее пространство деятельности системы – пространство освоения и контактов, являются природными пространствами, речь в этом случае

может идти конструкциях взаимодействия социальной системы с природной средой. В условиях деятельности глобальных социальных систем, охватывающих значительные географические пространства и историко-временные периоды, конструкции, стандартизирующие системное функционирование, несут в себе цивилизационные признаки. Иначе говоря, мы видим цивилизационные конструкции и цивилизационные стандарты» [533, с. 90].

«На основе этого, выделяя наиболее типологически особые периоды в истории взаимодействия общества и природы, мы можем выделять и цивилизационные эпохи, которые характеризуются собственными цивилизационными стандартами и конструкциями существования общества в природной среде. Это даст нам возможность предметно представить и охарактеризовать как саму сущность и природу цивилизации, произвести её статусное измерение, так и обозначить кардинальные эпохи в развитии человеческой цивилизации. Именно такой подход позволит показать факторы, влияющие на историческое развитие, осуществляющееся на базе очагов оси Мировой культуры, человеческой цивилизации в её содержательно-статусном и локально-временном измерениях. Также мы сможем ещё раз отметить значение деятельностного фактора в преобразовании социо-природного пространства существования общества, когда деятельность человека мотивируется естественно-природной средой, испытывает на себе её влияние, но не определяется последней» [533, с. 90-91].

«Известно, что целый ряд исследователей рассматривают природные условия в качестве основного фактора, влияющего на развитие культуры общества и его цивилизацию. Безусловно, для таких утверждений есть основания, которые, к примеру, называет Н.Н. Моисеев: «Всю историю антропогенеза можно рассматривать в ракурсе соответствия способности прачеловека, тех или иных его популяций принять экологический императив, подчинить ему свою жизнедеятельность. Такая позиция воспринимается как совершенно естественная и не вызывает чувства протеста у представителей общественных наук, когда речь идет о ранних этапах антропогенеза – главным содержанием этого процесса было

не совершенствование форм общественного бытия, а биологическая эволюция. Но я вижу прямую необходимость аналогичного рассмотрения и более позднего, уже исторического этапа развития вида *homo sapiens*, когда в начале голоцена, после завершения неолитической революции, у человечества сформировалась современная экологическая ниша, и оно на поздних этапах неолита вступило в свою историю» [318, с. 3]» [533, с. 91].

«Далее Н.Н. Моисеев говорит о том, что и цивилизации испытывают на себе первостепенное влияние именно условий естественно-природного существования человека и общества: «Я смею это утверждать, ибо анализ истории Шумера, Древнего Египта, Китая и многочисленные другие исследования в этой области наглядно показывают прямую зависимость цивилизационных структур и их эволюцию от изменения природных факторов. Причины таких изменений могли быть очень разными. Многие из них были связаны с вариациями климата, как, например, в Египте. Другие были вызваны увеличением антропогенного давления на окружающую среду, как в Шумере или Китае. В одних случаях цивилизация оказывалась не способной к ним адаптироваться и навсегда покидала историю, оставив после себя лишь смутные воспоминания, как это было в Древнем Шумере. В других эти трудности служили источником нового взлета, когда цивилизация смогла расширить свою экологическую нишу» [318, с. 4]» [533, с. 91].

«Не стоит видеть в Н.Н. Моисееве учёного, придерживающегося жёсткой природно-географической детерминации цивилизационного развития человечества. Скорее, он обращает внимание на природные факторы социального развития. Тем более, что Н.Н. Моисеев неоднократно ссылается на выводы, сделанные В.И. Вернадским, который обосновывает, прежде всего, человеческий фактор не только развития общества, но и изменений в природной среде. Выделяя три основных периода в эволюции живой природы – эволюцию видов, эволюцию биосферы и ноосферу, – В.И. Вернадский отмечает, что в процессе этих эволюционных изменений ведущая роль принадлежит живым организмам, предшественникам рода «человек» – «Номо», значительно более древнему, чем

Homo sapiens: «Но ещё до выявления рода *Homo* мозг его предков или близких к нему организмов достиг уровня, отличавшего его умственную деятельность от других млекопитающих. *Sinanthropus pekinensis*, которого можно считать предком рода *Homo*, обладал уже культурой, владел огнём и, по-видимому, речью. Корни геологической силы разума могут быть, очевидно, прослежены глубже эры *Homo*, далеко вглубь веков, за декамириады до выявления рода *Homo*» [533, с. 92].

«Влияние самого *Homo sapiens* на земную поверхность стало сказываться через многие тысячи поколений после его на ней появления» [91, с. 60]» [533, с. 92].

«Принципиально важно заметить, что В.И. Вернадский основанием ведущей роли человека и его организмических предков видит в особых качествах их сознания (умственной деятельности), которые и обеспечивают формирование деятельностных способностей человека, благодаря которым он преобразует естественно-природную среду и создаёт общество с её сложной социальной системой, включающей в себя, в качестве доминирующей, сферу культуры и цивилизационные конструкции» [533, с. 92]

«В этом контексте В.И. Вернадский рассматривает и цивилизационные изменения: «Эволюционный процесс получает при этом (когда *эволюция видов переходит в эволюцию биосферы* – А.Ф.) особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу – научную мысль социального человечества» [533, с. 92]

«Мы как раз переживаем её яркое вхождение в геологическую историю планеты. В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видového живого вещества – цивилизованного человечества (подчёркнуто мной – А.Ф.) – на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – *в ноосферу*» [91, с. 27]. В этом определении совершенно уместно допускать, что термин «человеческий труд» у В.И. Вернадского может трактоваться как тождественный человеческой деятельности» [533, с. 92-93]

«Приведённые ссылки и комментарии дают дополнительную аргументацию

возможности рассматривать историю человечества в аспектах его цивилизационного развития на основе данных выше определений источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия. Сами отмеченные понятия, выражая особенности взаимодействия общества и природы в истории социума, обозначают различные эпохи социально-исторического развития – природо-пользовательный, природо-организующий, природо-созидающий источники социального существования и присваивающий, производящий, созидающий способы экзистенциального взаимодействия. В соответствии с этими эпохами, предлагается выделить три основных периода в истории человечества, которые передают особенности процесса становления и развития цивилизации» [533, с. 93].

«Каждый из этих исторических периодов обосновывается своим источником существования и своим способом взаимодействия, характеризуя *универсальные исторические типы обществ* или *социума – зависимое, обусловленное и автономное*. Цивилизационное развитие и статусно-исторические цивилизации образуются на основе определённого типа социума. При этом, первый исторический тип социума – зависимое общество – не предполагает цивилизационного устройства, элементы которого находятся в состоянии пред-генезиса (на ранних этапах) и генезиса (на поздних этапах). Это замечание, с одной стороны, свидетельствует о зависимости цивилизационного устройства от состояния общества, находящегося в определённых условиях (в том числе, с разной степенью интенсивности, создаваемых самой социальной деятельностью) природной среды, а, с другой стороны – предполагает, что цивилизационные стандарты формируются в зависимости от определённого исторического типа общества, специфики выстраивания им взаимодействия с социо-природной средой и специфического культурного комплекса, задающего параметры социальной деятельности и производного от неё» [533, с. 93].

«Рассмотрение глобального исторического процесса требует соответствующих параметров его периодизации, которые позволят показать типичные особенности его узловых эпох. Отсюда характеристики самых

существенных изменений в состоянии общества и самые обобщённые тенденции развития, которые вовсе не исключают наличия ... исключений. Только таким образом возможно проследить исторические закономерности, когда историческое развитие социума рассматривается, анализируется и оценивается в его глобальности» [533, с. 93-94]. Глобальный процесс освоения человеком природного пространства, служащее источником социального существования, с определённым способом экзистенциального взаимодействия, мотивирует не только необходимость его цивилизационного обустройства, но и определяет процесс геополитического позиционирования социальной системы в её государственно-политических формах.

«Состояние локальных обществ в ракурсе их пространственно-исторического существования может приводить к тому, что они исключаются из общего контекста глобально-исторического существования человеческого общества. Тогда, для локальных обществ значимыми факторами выступают условия природной среды их существования, у них формируются стандарты, не всегда цивилизационные, которые не вписываются в стандарты определённого типа мировой цивилизации. По этим причинам некоторые конкретные общества как бы «выпадают» из общего исторического контекста. К таковым можно отнести аборигенов Австралии, полинезийцев, индейцев Амазонии. Вот это является как раз подтверждением исторической закономерности, выражаемой определяющим значением источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия для возникающих на их базе универсальных типов обществ» [533, с. 94].

«Введение в категориальный оборот настоящего исследования понятия зависимого общества как первого исторического универсального типа социума продиктовано тем, что оно более предметно и выразительно передаёт его состояние и комплекс культурных стандартов, возникающих в процессе взаимодействия с природной средой. Параллельными понятию зависимое общество следует рассматривать такие, хорошо известные термины, как «первобытное общество» либо «первобытнообщинный строй». Данные термины в

смысловом отношении выглядят ненаполненными. Определение «первобытное» передаёт лишь временные параметры, но не характеризует состояние, которое, безусловно, оценивается исследователями при описании этого общества, но сам термин от этого в своём этимологическом значении осмысленность не обретает. Если говорить об «общинной» конкретизации первобытного строя, то здесь вообще возникают несоответствия реальному историческому процессу и данной исторической эпохе социального развития. Община гораздо более сложная социальная организация, нежели предполагает такое определение, и своё развитие она получает в последующие исторические эпохи – в обществах первых цивилизаций, в эпоху Средневековья и даже Нового и Новейшего времени» [533, с. 94].

«Признак системности общества обеспечивает установление, сохранение и совершенствование социальных связей между её элементами, внутреннюю организацию и организационную функциональность в окружающем пространстве. Принцип организованности является одним из наиболее значимых для определения состояния общества как системы и всех включённых в неё компонентов. На этом строится процесс функционирования общества в окружающей природной среде, взаимодействии с ней и с другими системами, действующими в этой среде, в некоторых случаях составляющие её (среду) – геологические, растительные, живые системы, в других – иные социальные системы» [533, с. 95].

«Известно, что процесс взаимодействия требует системной согласованности, как внутри самой системы, вступающей во взаимодействие, так и с другими системами-партнёрами по взаимодействию. Требование системной согласованности применительно к обществу, которое в рамках взаимодействия с природной средой выступает в качестве созидательного начала, мотивирует выработку комплекса стандартов, обеспечивающих направленность, моделирование и образцы социального поведения всей системы, её подсистем и элементов. Как подсистемы могут рассматриваться экономика, система быта, коммуникации, политика, технологии, культура как творчество. Элементами

социальной системы являются социальные институты, группы и общности» [533, с. 95].

«Также возникает разнообразное и разностепенное взаимовлияние на системном и подсистемном уровнях, в некоторых случаях и взаимопроникновение системных элементов. В таких ситуациях сохранность системы, устойчивость её состояния и повышение мобильности и эффективности функционирования зависят от качества организованности системы» [533, с. 95].

«Уже с начальной стадии своего развития общество активно взаимодействует с природной средой. Генезис общества начинается с того, что оно выделяет себя из естественно-природного контекста на основе и благодаря сознательно-созидательной деятельности, одновременно преобразуя и себя (включая человека), и естественную природную среду. Осваивая и включая в свою структуру компоненты природного Универсума, социальная система провоцирует возникновение и распространение социальной энтропии, что мотивирует потребности в стандартизации самого процесса взаимодействия с природной средой, которая должна быть направлена на образование таких подсистем и элементов социальной структуры, которые бы обеспечивали должный уровень организованности общественной системы в целом. В условиях зависимого общества выработкой и производством стандартов взаимодействия социальной системы с природными системами пространства существования занимаются религия, институты морали и традиций, семья, личности. Эти стандарты порождаются через реализацию деятельностных качеств культурой и сами становятся культурой общества. В этот период культура упорядочивает сама себя, ещё не создав для этого цивилизационные институты, например, государство, которые предназначены для конструирования моделей общественного развития» [533, с. 95-96].

«Собственно, стандарты, в данном случае, культурные, обеспечивают качественными параметрами взаимодействие социального организма с окружающей средой. А это детерминирует статусную позицию общества в мире природы, определяет состояние социальной системы. Акцент в определении

«зависимое общество» делается на специфике характера человеческой деятельности в окружающей среде, а не на способе хозяйствования, который произведен от качества деятельности» [533, с. 96].

Совершенно «очевидно, что зависимость состояния общества от характера его взаимодействия с природной средой оказывает влияние и на статусные позиции всех социальных элементов, начиная с человека и заканчивая подсистемами. Однако, в силу различных функций элементов социальной системы, характерных для самой ранней стадии её развития, и возникающей иерархии статусные позиции социальных элементов в отношении друг друга оказываются разными, в то время как в отношении внешних систем, природных, прежде всего, они становятся похожими. Статусное позиционирование касается в первую очередь непосредственных субъектов социальной деятельности – первичных (личности) и вторичных (социальные группы, образуемые личностями)» [533, с. 96].

«Отличительной чертой и принципиальной спецификой природо-пользовательного источника социального существования является его способ взаимодействия с естественно-природной средой, который заключается в том, что общество использует естественные природные процессы, присваивая произведенные природой продукты. Формы хозяйствования в этот период хорошо известны – охота, собирательство, рыбная ловля. В то же время, не занимаясь непосредственно производством потребительных продуктов, а забирая их у природы, человек уже в это время организует производство – производит орудия, стандарты хозяйствования, социальное структурирование с функциональной заданностью включённых в социальный организм элементов. Но, такое производство полностью зависит от способа взаимодействия с внешней природой и определяется ею. Хотелось бы особо отметить, что здесь речь идёт не просто о хозяйственной зависимости общества от естественно-природных процессов, предоставляющих человеку необходимую потребительскую продукцию, а в целом зависимости состояния общества и человека от складывающихся экзистенциальных условия существования» [533, с. 96-97].

«Статус зависимого общества порождает состояние постоянной напряжённости, иногда характеризуемой как борьба за существование. Как следствие формируется феномен коллективной личности в образе первых социальных групп – семьи, рода, братства, племени. Коллективная личность является производителем и носителем тотальных представлений, в рамках которых жёстко регламентируется поведение каждого человека, вне зависимости от его положения в социальной иерархии. В соответствии с этим осуществляется производство стандартов социального поведения, они же стандарты культуры, как общества в целом, так и коллективных личностей. В такой системе начинают складываться нормы и правила не просто коллективного поведения или поведения коллективной личности, но, посредством их, моделируются параметры (внутренние и внешние) существования социальной системы, то, что Э. Дюркгейм обозначал как «коллективные представления» – концепции права, морали, религии и т. д.» [533, с. 97].

«Следующая историческая эпоха универсального типа социума – обусловленное общество – в параметрах способа хозяйствования имеет определения «сельскохозяйственная». Например, Э. Тоффлер, приверженец «волнообразной» периодизации всемирной истории, называет общество этой эпохи «сельскохозяйственным», а применительно к нему использует определение «сельскохозяйственная цивилизация» [475, с. 9]. Действительно, на протяжении всей этой исторической эпохи, начало которой знаменуется так называемой «неолитической революцией», доминирующим способом хозяйствования было сельскохозяйственное производство. При этом общественные формации, возникающие в различных регионах и в различные историко-временные периоды, зачастую разительно отличались друг от друга. Ведь, допустим, общества Древней Греции и средневековой Европы значительно отличаются друг от друга и, тем более, общества Древнего Китая и Древнего Египта. В то же время, этот факт имеет отношение к специфическим характеристикам локальных культур и цивилизаций, стандарты которых складываются на основе региональных этнокультурных традиций, действий природно-климатических факторов и других

особенностей локальных пространств. Но, сущностные параметры деятельности в рамках указанной исторической эпохи для всех этих общественных формаций остаются принципиально общими. И это общее определяется не хозяйственной деятельностью (иначе, земледельческое производство в Китае и Египте должно было бы давать одинаковые общественные формации), а способом деятельностного преобразования внешней природной среды» [533, с. 97-98].

«Характерным признаком человеческой деятельности в рамках обусловленного общества является социальное поведение в соответствии с моделью экзистенциального существования этой эпохи. Эта модель задаётся тем, что человек строит своё взаимодействие с природой как соучастник природных процессов, определяя тем самым типологические черты состояния социума в целом. Но, которые по-разному могут проявляться в различных общественно-формационных системах. Если для экзистенциального существования зависимого общества характерным признаком реализации деятельностных начал человека было стереотипное поведение в жестких рамках тотальных представлений, заданных самим способом взаимодействия с естественно-природной средой, то экзистенциальное существование обусловленного общества раздвигает стереотипы до уровня комплекса вариантов, которые предлагают общий образец поведения» [533, с. 98].

«Стереотипное поведение в значительной мере тяготеет к инстинктивному, свойственному животной жизнедеятельности, а вариативное – несёт в себе существенные организационно-созидательные импульсы. Элементарное проявление которых обнаруживается в том, что человек обусловленного общества становится со-организатором природных процессов, чем принципиально отличается от пользователя природы эпохи зависимого общества. Как раз главной *обусловленностью* обусловленного общества становится реализация человеком в процессе деятельности со-организационных с природой функций, которые зримо проявляются в способе экзистенциального взаимодействия с природной средой» [533, с. 98].

«Цивилизационные стандарты в этом обществе вырабатываются на основе

со-подчинённости человеческой деятельности экзистенциальным условиям существования и эта со-подчинённость становится традиционной для любой общественной формации, образующейся в то или иное время, в том или ином пространстве данной исторической эпохи. И. Кант в конце XVIII столетия предложил свою концепцию императива социального и индивидуального поведения, выделив два принципа – гипотетический императив и категориальный (категорический) [541, с. 9]. Гипотетическим императив деятельности и поведения человека основывается на представлениях о требованиях и соответствии социальным традициям, оформленных общественной моралью – он предписывает, а категориальный – лежит в сфере нравственности и определяется должным, исходя личностных оценок. При гипотетическом императиве Бог находится вне человека и наблюдает за его поступками, и в случае, если Бог не смотрит на поведение, то можно и отступить от требования общественной морали. Категориальный императив предполагает присутствие Бога в самом человеке и здесь уже невозможно обойти нравственные требования. Так вот, для зависимого общества стандартом является действие гипотетического императива, обусловленного традицией. Эпоха для категориального императива начинает формироваться в конце XVIII века. И, видимо, неспроста именно в этот период И. Кант размышляет о принципиальных отличиях двух императивов социального поведения [541, с. 156]» [533, с. 98-99].

«Такие основополагающие стандарты экзистенциального существования были характерны для всех общественных формаций исторической эпохи зависимого социума. Основополагающие нормы и правила социального поведения, составляющие платформу комплекса стандартов существования общества при цивилизационном типе зависимого социума, обеспечивает общую модель социальной иерархии в традиционных обществах (такое название к ним зачастую применяется, в отличие от современных и первобытных обществ) и общие установки в процессе социальной стратификации. Цивилизационный тип (в статусном социогенетическом измерении) зависимого социума, вне зависимости от общественных формаций (рабовладельческих, феодальных,

крепостнических, азиатских), вырабатывает стандарты существования общества, исходящие из принципа личной подчиненности и отношений «господин – подневольный (зависимый)». Эти цивилизационные стандарты существования обществ присущи и для Древнего Китая, и для Средневековой Западной Европы, и для России до середины XIX века, и для Древней Греции, и для Империи инков» [533, с. 99].

«Утверждение созидющего способа экзистенциального взаимодействия человека с окружающей средой обеспечивает становление *автономного* общества, основной формой хозяйствования которого становится система промышленного или индустриально-технотронного производства. В предшествующую глобальную историческую эпоху человек встраивается в природную среду и становится со-организатором природных процессов, занимаясь земледелием и скотоводством. Автономный социум *выстраивает* самостоятельные природные процессы, которые, превращаясь в промышленное производство, являются частью внешней природной среды и самой природой для общества, все более отчетливо обнаруживающего признаки самообеспечивающейся системы. Эти признаки несут в себе, по определению Ю.В. Олейникова, автотрофные качества, которые обеспечивают создание в системе автономного социума необходимых для социального существования технологических процессов, функционирующих в природной среде параллельно с традиционными естественно-природными процессами и коренным образом видоизменяющие последние [см. 355]» [533, с. 99-100].

«Одной из отличительных особенностей глобального социально-исторического процесса выступает расширяющаяся культурно-цивилизационная колонизация обширных географических пространств. Это можно проследить по описанию расположений, дислокаций трёх универсальных типов социума. Сообщества зависимого универсального типа социума располагались в некоторых малочисленных анклавах, запертых в разрозненных очагах географического пространства Земли. Культура обусловленных обществ и создаваемые ими цивилизационные конструкции колонизируют значительные географические

пространства на всех континентах нашей планеты (за исключением Австралии и ледяной Антарктиды). Цивилизация автономного социума охватывает практически всё географическое пространство Земли, в тех или иных формах осуществляя его культурную колонизацию» [533, с. 100].

«Пример колонизации пространства в рамках локальной цивилизации мы можем найти в истории России, использовать который видится целесообразным, так как перемещение очагов оси Мировой культуры наблюдается как раз на территорию этого культурно-цивилизационного образования» [533, с. 100]. (Процесс развития и смещения культурно-цивилизационных очагов и геополитических центров в мировой истории будет предметно проанализирован в третьем и четвёртом разделах нашего исследования).

В конечном итоге всё сводится к тому, «что условия социального существования влияют на выработку стандартов деятельности человека. А так как культура является результатом, способом и условиями человеческой деятельности, то происходит и оформление культурных стандартов общества. Сама процедура цивилизационного оформления культурных достижений и есть производство стандартов существования общества. Применительно к российской истории ситуация выглядит следующим образом: колонизируемое пространство обуславливало (но, не определяло) формирование социокультурных моделей, включающих в себя политические, экономические, бытовые и иные стандарты; общество, разворачивающееся в природно-географических зонах, подобных и близких доминирующим локальным цивилизациям – Византийской и Европейской, начиная с IX века и вплоть до нашего времени использовала цивилизационные стандарты этих цивилизаций (но, в своей собственной редакции); переход (даже его необходимость) к освоению (колонизации) новых пространств, которые не подобны пространствам традиционных цивилизаций, заставляет общество совершенствовать способ экзистенциального взаимодействия с природой и искать новые цивилизационные стандарты» [533, с. 104-105].

«Если общество зависимого типа удовлетворяет свои экзистенциальные

потребности природными процессами (речь не идёт о качестве удовлетворения), а обусловленное общество вынуждено становиться со-организатором природных процессов, обеспечивающих её существование, то автономное общество должно создавать природные процессы, так как природа не даёт ей возможность существовать благодаря присвоению и со-производству. Отсюда требования к новым цивилизационным стандартам. Российское социокультурное пространство с её природно-географическими условиями как раз наиболее всего нуждается в выработке цивилизационных стандартов автономного общества» [533, с. 105].

Возвращаясь к определению политики, являющейся сферой реализации социальных интересов, которые могут быть личностными, индивидуальными, но, как правило, осуществляющиеся в виде групповых и институциональных, мы должны отметить, что «во всемирной истории основными субъектами политических процессов выступают государства (и цивилизации, если они имеют государственное оформление), либо социальные группы (элиты и контрэлиты), создающие и разрушающие государства. Главной площадкой реализации социальных интересов общества является природная среда, с которой оно находится в процессе экзистенциально значимого для него взаимодействия, а для государства и цивилизации – географическое пространство, безусловно включающее в себя природные условия социального существования, но выражаемое, в данном случае, другими государственными образованиями и цивилизациями» [533, с. 105-106].

«Способы и отсюда состояние реализации социальных интересов обществ и государств во всемирном социально-историческом процессе принципиально зависят от исторических способов экзистенциального взаимодействия общества и природы, а посредством этого они производны от определённого универсально типа социума. Цивилизационные институты, занимаясь обустройством окультуренного обществом природного пространства, решают вопросы, связанные с социальными интересами, которые в этом случае можно обозначать как цивилизационные интересы. Потому функционирование цивилизации, как определённого социогенетического типа, в контексте всемирного историко-

политического процесса целесообразно рассматривать сквозь призму существования отмеченных универсальных типов социума. Такой подход позволяет ещё раз подчеркнуть значение человеческой деятельности, выражающейся и в формах социальных групп и институтов, для культуры общества, цивилизации, политики и геополитики» [533, с. 106].

«Анализ человеческой деятельности в её развёртывании в природной среде в историческом процессе даёт возможность обозначить кардинальные эпохи в историческом существовании общества и выделить универсальные типы обществ (социумов), характерные для той или иной эпохи. Типологизация обществ в процессе их исторического развития зависима от того типа отношений, который складывается в социоприродной системе между субъектами деятельности и в своей основе определяется характером способа экзистенциального взаимодействия общества и природы, вытекающего из условий соответствующего источника социального существования (или его доминанты). Тогда, как уже отмечалось выше, на базе присваивающего способа взаимодействия (природо-пользовательный источник социального существования) устанавливается тип общественных отношений, определяемый как *зависимое общество*. На базе производящего (природо-организующий источник социального существования) – *обусловленное общество*. На базе созидającego (природо-созидающий источник) – *автономное общество*. Таким образом мы имеем универсальные исторические типы обществ, в рамках которых вырабатываются и конструируются устойчивые, типичные для конкретной исторической эпохи, цивилизационные формы и присущие им основополагающие способы реализации социальных интересов в пространстве» [533, с. 106].

«Такой глобальный ракурс рассмотрения и оценки социально-исторического развития общества вовсе не исключает существование различных локальных цивилизаций, общественных формаций, существующих в рамках одного универсального типа общества или переходящих из одного в другой, когда речь идёт о локальных цивилизациях. Допустим, такие пространственно-очерченные цивилизации, как Индийская (если рассматривать её как продолжение

Индской), Китайская, Европейская, в некоторой степени Арабская существовали и в эпоху обусловленного универсального типа социума, и продолжают существовать сейчас, когда происходит становление автономного типа социума. Другие пространственно-очерченные цивилизации не смогли пережить универсальный тип общества, в котором они возникли – Египетская, Месопотамская, Майя, Инков и Ацтеков. Возникновение формационных разновидностей (видоизменений) в рамках глобально-исторических типов социума является проявлением конкретно-исторических форм социального устройства, обусловленных комплексом традиций данного социального организма – культурных, природных, исторических, политических, ментально-психологических» [533, с. 107].

«Разница между типологическими особенностями общества и формационными состоит в том, что «тип» понимается как образец, вид, характеризующий принципиально-значимые исторические периоды и обладающий существенными качественными признаками, а «форма» означает конкретное проявление, разновидность общества с присущими ей очертаниями. Поэтому формационное устройство общества имеет, в отличие от типа общества, конкретные исторические примеры. Типологизация общества в процессе его социально-исторического развития позволяет выделять такие универсальные типы, становящимися, в определенном смысле, моделями, которые очень сложно полностью идентифицировать, наложить один к одному к той или иной реально существующей форме социального устройства, конкретно-исторической системе общественных отношений. Но именно тип общества может отразить существенные особенности определённой эпохи исторического процесса, свойственные для различных формаций и объяснить существование множества формаций, которые могут образовываться и функционировать по отличным друг от друга правилам и методам, но на базе общих способов взаимодействия социума и природы» [533, с. 107].

«Периодизация всемирной истории на основе формационных признаков и попытка выстроить по ним линейную схему социально-исторического развития –

от первобытнообщинной формации до капиталистической и коммунистической, – приводит к многочисленным заблуждениям и недоразумениям. Например, очень сложно исходя из такого подхода, объяснить одновременное существование в Древней Греции рабовладельческого строя в Афинах и крепостнического в Спарте. Приходится обращать внимание на концепцию общественно-экономических формаций потому, что стремление форматировать (или «формацировать») человеческую историю, исходя из внешних формационных признаков общественного устройства, сохраняется и в современных обществоведческих, в том числе политологических публикациях. Зачастую капитализм рассматривается как историческая стадия социального развития» [533, с. 107-108].

«Не отрицая факта существования общественных формаций и, более всего, не видя необходимости вовсе отказываться от их концептуального изложения, мы хотели бы отметить, что они характеризуют, на самом деле, особенности историко-культурных и природных традиций конкретного общества или нескольких цивилизаций. Допустим, признаки рабовладельческой общественной формации мы можем обнаружить в Древнегреческой, Древнеегипетской цивилизациях, цивилизации майя и ацтеков, в американском обществе XVII-XIX столетий, как осколке Европейской цивилизации. Отмеченными особенностями объясняется существование в границах одного типа социума нескольких формационных разновидностей. – Формами обусловленного типа социума являются рабовладельческая, азиатская (азиатского способа производства), феодальная, крепостническая формации. В случае более предметного анализа исторического состояния общества, формационный подход вполне уместен и эффективен» [533, с. 108].

«Что касается статусных характеристик различных универсальных типов общества, влияющих на состояние и характер политических процессов в соответствующей исторической эпохе, то они обозначены самими определениями, которые здесь предложены каждому историческому типу социума. – Зависимое общество характеризуется *безусловной* зависимостью

человека от естественно-природных процессов. С учётом того, что в этой исторической эпохе государства не существовало, социальные институты не были оформлены, а социальные потребности были тотальными в области запросов коллективной личности, не оставляя места для социальных интересов, говорить о политических процессах не представляется возможным» [533, с. 108].

«Зависимость следующего универсального типа социума – обусловленного общества – от природы существует, но эта зависимость опосредована организационной функцией человека и обусловлена характером источника социального существования и способом взаимодействия общества с природной средой. Природо-организуемый способ экзистенциального взаимодействия общества создаёт поле социальных интересов, в которое включаются и личности, и социальные группы, и институты. Личности, которые субъективируют свои социальные интересы, составляют общественную категорию знати, включающую в себя правителей, вельмож (военных в том числе), чиновников и служителей религиозных культов. Социальные группы предстают в виде доминирующих в обществе социальных слоёв и классов – брахманы и кшатрии, рабовладельцы и государственные администраторы, феодалы и помещики. Здесь формируется важнейший социальный институт – государство, институционализируется экономика, семья обретает формы социо-культурного института. Все отмеченные социальные образования включаются в политические процессы, используют политические методы для упорядочивания элементов в социальной системе, которая зиждется на достижениях культуры общества» [533, с. 108-109].

«Автономное общество, формируемое природо-созидающим способом экзистенциального взаимодействия, хотя и располагает в качестве своего основного источника социального существования создаваемые человеком искусственные природные процессы, не может быть абсолютно независимым от природной среды. Во-первых, фиксируется зависимость автономного общества от социоприродных процессов как таковых, в том числе и созданных непосредственно как результат человеческой деятельности. Во-вторых, естественно-природные процессы по-прежнему являются существенным

сегментом пространства существования общества. Исходя из того, что уровень социальных возможностей автономного общества, благодаря природо-созидающему источнику социального существования и соответствующему способу социального производства, значительно увеличивается, по сравнению с предыдущим универсальным типом социума, политическое поле проникает фактически во все сферы общественной жизни, а политическое пространство становится настолько большим, что в него может включаться практически каждый гражданин (один из наглядных примеров такого заключения – система всеобщего избирательного права)» [533, с. 109].

«Таким образом, тип цивилизации, свойственный для универсального типа автономного общества, предоставляет такие стандарты функционирования политических процессов, которые обеспечивают то, что принято сейчас называть демократией, создают условия участия в принятии социально-управленческих решений для самых широких слоёв общества и способствуют увеличению степени влияния на политическую сферу – сферу реализации социальных интересов – самых различных социальных категорий и групп» [533, с. 109-110].

«Говоря об источнике социального существования как условиях бытия общества в мире природы и причине формирования способа экзистенциального взаимодействия социального организма с естественной и искусственной природной средой, мы выделяем в нём такие исторически появляющиеся и преходящие доминанты – природо-данную, природо-производящую и природо-созидающую. В то же время, каждая из этих доминант и есть исторический источник социального существования – природо-данный, природо-производящий и природо-созидающий. Вот эти доминанты либо доминирующие источники социального существования принципиально определяют универсальный исторический тип социума, характер общества глобального исторического периода» [533, с. 110].

«При этом форма проявления такого универсального типа общества может быть различной в пространственных и временных параметрах, что обеспечивает возникновение региональных и конкретно-исторических особенностей не только

в состояниях общественных формаций, но и в более частных социальных образованиях. В этом смысле универсальные исторические типы социума являются идеальными типами, передающими сущностные свойства кардинальных эпох или стадий всемирной истории, которые: «а) дают возможность показать общее для различных форм социального устройства, зачастую отдаленных друг от друга значительным пространственно-временным интервалом и б) в «чистом» виде не встречаются, а, воплощаясь в реальных формах, несут на себе отпечатки определенных внешних условий, – «окрашиваются» характерными условиями среды их реализации» [541, с. 82]» [533, с. 110].

«Рассматривая исторический процесс развития общества, становления цивилизации и функционирование различных цивилизационных образований, очень важно не свести их к следствию природно-географических факторов. На самом деле определяющими являются системные признаки общества, которые производны деятельностных качеств человека, наделённого высшей категорией сознания. Социальная система, выстраивает характер отношений с внешней средой, насыщенной другими системами – животных, растений, неорганического мира, – исходя из особенностей этой среды на предмет удовлетворения своих жизненных потребностей, то есть – потребностей системы. Исходя из этого социальная система реализует свой потенциал – сознательный, деятельностный, культурный, цивилизационный, политический. Если было бы иначе, то социальная система никогда не смогла бы осваивать новое природно-географическое пространство или окультуривать (насыщать культурными достижениями) данное пространство, в котором она находится» [533, с. 110-111].

«По той причине, что социальная система взаимодействует с иными системами и природной средой в целом, она испытывает на себе влияние внешнего окружения. Это влияние происходит как на социальную систему целиком, так и на отдельные её элементы. Различная степень влияния на целую систему и отдельные её элементы обуславливает установление связей внутри системы. При этом, связи между элементами самой системы всегда должны быть

более глубокие и более сильные, нежели связи социальных элементов с окружающей средой. На этой основе утверждается структурная целостность системы, выражающая ее организованность и представляющая совокупность связей, отношений и взаимодействия составляющих ее элементов. Без устойчивого внутреннего взаимодействия элементов системы невозможно ее взаимодействие с внешней средой, более того – невозможно само существование системы» [533, с. 111].

«Неизбежность и необходимость взаимодействия системы с внешней средой непосредственно связаны с ее активностью, тем более, когда речь идет об общественной системе. Чем активнее система, тем больше она воздействует на окружающую среду и тем большее влияние на себя испытывает со стороны окружающей среды. Это обратное влияние есть, в определенной степени, обратное воздействие системы на самое себя посредством преобразуемой окружающей среды как условий существования системы. Логика этого процесса приводит к тому, что активность системы (а для общества качественным выражением активности является деятельность) уменьшает ее зависимость от среды, но увеличивает зависимость от условий существования, то есть от преобразуемой окружающей среды. И это тоже предполагает сохранение, развитие и совершенствование процесса взаимодействия системы с окружающей средой, общества с природой» [533, с. 111].

«Значит любая конкретная система, вычленяемая на основе установившихся специфических связей между ее элементами, *обязательно взаимодействует* с другими системами и в целом с внешней средой. Тем более, когда речь идет о взаимодействии, необходимом для сохранения существования и развития системы. Для общества сохранение существования и развитие практически тождественны. Сохранение существования предполагает развитие, а развитие обеспечивает сохранение существования. Потому отношения и взаимодействие общества с природной средой оказывают влияние и воздействуют на связи и отношения элементов общественной структуры. Следовательно, характер взаимодействия социального организма с природной средой обуславливал

характер и принципы взаимодействия внутри общества. Необходимо подчеркнуть, что *обуславливал*, но не *определял*, так как детерминирующие функции в этом процессе принадлежат сознанию, качеству и уровню его эволюции. А обусловленность позволяет говорить о формообразующих признаках, которые имеют большое значение для качества социальной жизни» [533, с. 111-112].

«Внешнее взаимодействие социальной системы с окружающей средой и внутренне взаимодействие элементов системы требуют регламентации деятельности, создание базовых правил и моделей, предписывающих определённые механизмы и техники глобального социального поведения. Последние как раз создаются цивилизационными институтами, а сами цивилизационные образования и есть комплексы образцов, правил, моделей, стандартов, социальных механизмов и техник, которые также становятся инструментами в политических процессах. На уровне небольших обществ, с ограниченными ареалами существования, немногочисленными и слабо структурированными выработка цивилизационных технологий невозможно. Вследствие этого в эпоху зависимого общества с дисперсными ареалами существования небольших социальных организмов цивилизационные формы не возникают. А в последующие исторические эпохи небольшие общества включаются в цивилизационные проекты крупных обществ, становятся частью территориально близких цивилизаций. Этим определяются функции цивилизаций в контексте политических процессов всемирной истории, когда они (цивилизации) выступают в качестве представителей конгломерата этнокультурных единиц, регулируя отношения между ними, другими цивилизациями и внешней природной средой» [533, с. 112].

«В доцивилизационный период регламентирующие функции выполняют неформализованные социальные учреждения, возникающие как следствие присваивающего способа взаимодействия с окружающей средой и функционирующие в рамках традиций и общественной морали. Регламентирующие функции, присущие обществам этой исторической эпохи,

принадлежат сфере культурных комплексов, которые ещё не выделили из себя цивилизационные конструкции. Связь культуры и цивилизации, производность цивилизации от культуры, их взаимовлияние прослеживается в историческом плане в том, что в доцивилизационный период культурный комплекс общества брал на себя обязанности по сохранению социальных форм и включению их в сферу удовлетворения насущных социальных потребностей. Опять же, отметим, что такое состояние общества связано с доминирующим в ту историческую эпоху природо-данным источником социального существования и соответствующим присваивающим способом экзистенциального взаимодействия» [533, с. 112-113].

«Формообразующие признаки зависимого общества складываются вследствие присваивающего характера его взаимодействия с природной средой. Присваивая продукты природы в процессе жизнеобеспечения человек *должен* действовать коллективно. В этом случае действия каждого направлены на обеспечение деятельности целого. В качестве целостного нерасчлененного природного процесса предстает и объект воздействия – источник существования человека. Отсюда у каждого социального индивида чётко очерченная функция в общественном организме. Она без сочетания с функциями других ничего ценного не представляет как для самого индивида, так и для социальной организации. В силу невостребованности индивидуально обособленных (автономных) функций в зависимом обществе практически отсутствует социальная дифференциация. Поэтому процесс стратификации в таком обществе осуществляется главным образом по половым и возрастным признакам» [533, с. 113].

«В обществах подобного типа явно обнаруживаемая зависимость человека от природных процессов. В их развёртывании он никакого участия не принимает и ничем не проявляет здесь свои организационно-творческие свойства, а лишь пользуется и потребляет произведённое природой. Подобного рода зависимость устанавливается и внутри общества. В рамках социальной структуры индивидуальная функция обретает смысловое значение благодаря функциональной деятельности социального организма в целом и зависит от этой деятельности. Поэтому, вполне естественно, что только потребление приводит к

зависимости от источника потребления и утверждает для потребителя (или потребительной системы, если речь идет об общественном организме) принцип внутренней зависимости. К слову сказать, такое положение неоднократно репродуцировалось в процессе социально-исторического развития. Причем на самых разных социальных уровнях – личности, класса, социальной группы, слоя. Во всех случаях зависимость возникала как следствие ограниченной деятельности и, соответственно, ограниченной социальной свободы» [533, с. 113-114].

«Таким образом, через социальную свободу регламентирующая и стандартизирующая функция цивилизации, а в доцивилизационном обществе – культурного комплекса, непосредственно влияет на состояние политических процессов в социальной системе. Сквозь призму социальной свободы, которая характеризует возможности деятельности и реализации социальных интересов всех человеческих и вещных элементов социальной структуры – личностей, социальных групп, слоёв, классов, общностей, институтов, хозяйства и производства, даётся оценка состояния политических процессов. Причём, ограничение социальной свободы, например, в условиях авторитарных политических режимов, не всегда свидетельствует о негативных явлениях в политических процессах. – В условиях транзитного перехода общества, допустим, от одного формационного устройства к другому, авторитарные методы политического правления вполне оправданы и ужесточение требований к акторам политических процессов обоснованы. Однако, свёртывание социальной свободы в политических процессах транзитного общества не отменяет её вовсе. Другими словами, политические процессы, являясь необходимым атрибутом цивилизационного оформления социальных систем, предполагают ту или иную степень социальной свободы. И отсутствие социальной свободы, проявляющей себя в человеческой деятельности, свидетельствует не только об отсутствии поля социальных интересов и господстве социальных потребностей, но и об отсутствии de-facto в пространстве функционирования общества политических процессов и, естественно, сферы политики. Универсальный исторический тип зависимого общества служит тому наглядным примером» [533, с. 114].

«Вследствие этого вряд ли что интересного для социальной свободы и политических процессов мы можем найти при характеристике общественных систем зависимого типа. Они дают слишком малый простор для свободной самореализации сущностных сил личностей и социальных групп. Отсюда часто возникают представления о том, что личности как таковой, в силу доминирования коллективистских принципов и неразвитости социальной структуры, в эпоху первобытности не существовало вовсе. Однако, даже в обществах зависимого типа происходит реализация человеком своих деятельностных качеств, что фактически тождественно личностным. А это приводит к возникновению социально-структурных связей. При всей ограниченности социальных условий для развития личности, здесь все-таки обеспечивается реализация личностных качеств и, тем самым, процесс формирования личности. В последующей, цивилизационной истории человечества неоднократно возникало в формате отдельных обществ, принадлежащих различным локальным цивилизациям, ситуации, когда система тотальных коллективных представлений и доминирование коллективистских принципов практически вытесняли и социальную свободу, и сводили политику к директивным функциям властных органов, но сохранялись условия для реализации личностных качеств в процессе социальной деятельности, сохранялись личности. А это обеспечивало в дальнейшем и восстановление допустимого объёма социальной свободы, и разнообразия политических процессов и способов политического управления обществом» [533, с. 114-115].

«В универсальном историческом типе обусловленного социума действуют иные принципы и складывается другая ситуация социальной свободы, и, соответственно, политических процессов. Тут организационный характер человеческой деятельности, как ее субстанциональный элемент для данного исторического периода, определял способ его взаимодействия с природными процессами. В свою очередь, такой характер был обусловлен качеством самого взаимодействия. Состояние социальной системы и структурные взаимодействия ее элементов *обуславливались* функцией, которую человек выполнял по

отношению к природным процессам. Выступая в качестве со-организатора природных процессов, человек наряду с природно обусловленными социальными потребностями создавал поле социальных интересов, которое, собственно, и предполагает существование сферы политики и политических процессов в обществе» [533, с. 115].

«Специфика функциональной заданности в отношении к природе и своеобразие характера деятельности человека наиболее наглядно проявляется в сфере экономики. Здесь коренное отличие двух исторических типов общества более всего заметно: «генеральная линия человечества в «послеохотничью эпоху» была связана уже не с добычей продуктов питания, а с их производством» [298, с. 33]. «Добыча продуктов питания» есть ни что иное как использование и присвоение результатов природных процессов, что влечет за собой утверждение принципа зависимости в обществах этого типа. А производство обосновывается реализацией организационных функций человека. Этим обусловлено состояние общества и статус субъектов деятельности. Предмет производственной деятельности настолько приближается к человеку, что становится формой частной собственности, которая выступает как средство обусловленности системы общественных отношений. Причем неважно, в какой форме осуществляется владение – непосредственной, когда землей владеют конкретные физические лица или опосредованной, вследствие определенного положения в социально-политической иерархии» [533, с. 115-116].

«Организуя производственные процессы человек, достигает гораздо большей свободы в социальной деятельности, нежели в обществах зависимого типа. Он становится более самостоятельным и по отношению к самим природным процессам. Сама экономическая деятельность является следствием освоения человеком новой доминанты в источнике социального существования и производной от качества сознательной человеческой деятельности. Таким образом, экономику следует рассматривать в качестве одного из результатов культурных достижений и частью общего культурного достояния общества. В этом же контексте находятся и политические процессы» [533, с. 116], к которым

применимы все определения данные сейчас экономической деятельности.

«Необходимость организующего начала в реализации деятельностных качеств, в том числе в сфере производственной деятельности, требует и утверждает организационный принцип и в системе общественных отношений. Этот принцип обозначается в обусловленном обществе тем, что формируется дифференцированная социальная структура. В ней статус каждой личности и социальной группы или класса формируется в результате их отношения к организационным функциям. В обществах обусловленного типа непременно должны быть и есть социальные организаторы и социальные статисты, подчиненные. В результате этого формируется поле разнообразных и разной степени социальных интересов, возникают политические процессы и складывается политическая сфера общественной жизни» [533, с. 116].

«Из истории известно, что многочисленные социальные движения в древности и средние века, даже провозглашая эгалитаристские принципы, обязательно исходили из иерократических моделей и признавали организационное начало. В качестве организационного начала или его олицетворением выступали вожди, князья, цари или императоры. К примеру, когда в 25 г. н. э. в Китае повстанцы свергли императора Гэн-ши, то первым делом они провозгласили императором бедного пастуха Лю Сю, проявившего свои организационные способности в ходе гражданской войны. Этот император, принявший титул Гуан У-ди, стал основателем новой династии, получившей название Поздняя, или Восточная, Хань [194, с. 417]. Или другой пример, из истории Древней Греции, еще более раннего времени. В 562 г. до н. э. к власти в Афинах, пользуясь поддержкой беднейшего крестьянства, приходит простат (вождь демоса) Писистрат. Используя популистские методы и демагогию, он вскоре становится тираном [195, с. 83]» [533, с. 116-117].

«Последний пример поневоле навевает ассоциации из недавней отечественной истории. Недаром социальные последствия сталинской политики 20-х – 30-х годов ряд историков называют рецидивом феодализма. В нашей стране в первой половине XX столетия при разрушении сложной структуры,

какой была общественная система российского государства, потребовались организационные функции, необходимые для предотвращения распада и сохранения общественной системы как таковой. В связи с тем, что в разрушающейся системе в первую очередь гибнут механизмы поддержания целостности (а в общественной системе это государство и его институты), то замене подлежат именно последние. Обеспечение функционирования теперь уже новой системы возможно только апробированными и соответствующими уровню социального развития способами. В данном случае способами обусловленного общества, какие бы словесные формулировки при этом не использовались. В подобных ситуациях стремление моделировать действительность на основе и по канонам мыслительного образа или виртуальной схемы в лучшем случае может остаться благим пожеланием» [533, с. 117].

«Функциональная обусловленность статуса личности в исторический период существования обусловленного общества была мотивирована системными признаками этого типа социума. Сюда относится и необходимость реализации в рамках социальных процессов единого организационного начала. Такое начало было характерно для человека, *о-существляющего* и реализующего производящий способ экзистенциального взаимодействия с внешней природой» [533, с. 117].

«Практически любое общество сельскохозяйственной цивилизации, как только оно обретала свои сущностно значимые черты, имело сословно-кастовую структуру. Будь то Древняя Греция или Рим, Древняя Индия или Китай, Средневековая Европа или государства инков и ацтеков доколумбовой Америки. Такая структура не являлась следствием человеческого несовершенства и «происков эксплуататорских классов». Она была естественной и потому неизбежной необходимостью. Неспроста модели государств, создаваемые Платоном и Аристотелем, Лао цзы и Кун Цю цзы, исходили из обусловленности статуса человека его функцией в социальной системе» [533, с. 117-118].

«Хотя, и в обществах обусловленного типа каждый конкретный человек имел возможность, если не совершенно свободно, то без непреодолимых ограничений, перемещаться по уровням социальной структуры. Но сам феномен

такого перемещения служит подтверждением обосновываемой обусловленности социальной структуры обществ сельскохозяйственной цивилизации. Дело в том, что социальные перемещения не нарушали сословно-кастовую обусловленность. Например, весьма любопытный факт из истории Древней Индии приводит П.А. Сорокин, со ссылкой на древнеиндийский текст. «От брака брахмана с кшатрией рождается саварна, от брахмана с вайшья рождается нишада, от брахмана и шудры рождается парасава. ... В седьмом поколении человек изменит свою принадлежность к той или иной касте, поднимаясь или опускаясь по социальной лестнице» [452, с. 378]. Этот пример демонстрирует достаточно высокий уровень социальной мобильности в то время. И, опять же, социальная мобильность, социальное структурирование, происходящие по определённым цивилизационным стандартам, становились условиями для политических процессов, которые несли определённую цивилизационную нагрузку в зависимости от времени и места функционирования социокультурной системы» [533, с. 118].

«Утверждение созидательной доминанты в экзистенциальном способе взаимодействия человека с природой приводит к трансформации основных показателей структурного устройства социальной системы, выдвигает новые требования к цивилизационному устройству и создаёт новые условия развёртывания политических процессов в обществе. Вследствие этого теряет свое прежнее значение сословно-классовая дифференциация общества. Необходимо отметить, что основным фактором подобного рода преобразований, в том числе в сфере взаимодействия с природной средой, было развитие и совершенствование человеческого сознания. Также на этой основе происходило формирование новой мировоззренческой системы» [533, с. 118].

«Само определение способа экзистенциального взаимодействия в современную историческую эпоху как созидающего, указывает на высокую степень творческой активности личности. Социальная активность реализуется практически во всех сферах общественной жизни, включая экономическую. Активность субъектов социальной деятельности обеспечивает мобильность и

«реакционность» промышленно-автоматизированного производства, что является для него насущно необходимым. Все это вместе взятое позволяет субъектам социальной деятельности проявлять большую самостоятельность, достигать нового качества в реализации социальной свободы и обеспечивает свою автономность в системе общественных отношений. Вот что по этому поводу пишет один из крупнейших исследователей и знатоков современного общества Э. Фромм: **«Индустриальная демократия** предполагает, что каждый член крупной промышленной или какой-либо иной организации играет активную роль в жизни этой организации. ...Индустриальная демократия означает также, что предприятие это не только экономический и технический, но и социальный институт, в существовании и функционировании которого принимает активное участие и, следовательно, заинтересован каждый член коллектива. Те же самые принципы применимы и к существованию **политической демократии**» [547, с. 203]» [533, с. 118-119].

«Другой известный исследователь современного общества Дж. Гэлбрейт отмечает характерную тенденцию в экономической сфере, которая проявляется в том, что капитал из сбережений частных лиц перемещается в фонды корпораций и компаний. Также параллельно растет число лиц, являющихся владельцами акций [см. 132]. Таким образом, реализуется одна из форм автономности личности при одновременной интеграции ее в социальные процессы – экономические, политические, культурные и т. п.» [533, с. 119].

«Экономическая сфера, в силу того что она является более насущной в социальном бытии человека, лучше всего передает специфику его состояния и реализации им своих деятельностных качеств. На ее исторических изменениях легче всего прослеживаются уровни социально-исторического развития. Хотя, именно это во многом определяет возникновение иллюзии по поводу экономического детерминизма социального развития. Отсюда формируются представления о том, что экономическая деятельность и возникающая как ее следствие система материального производства определяют абсолютно все социальные процессы, становясь базисом общества. Не будем сейчас приводить

примеры, когда политические решения и политические процессы коренным образом меняли экономические отношения и характер экономики, производства продукции. Для нас здесь важно другое: на примерах из развития экономической сферы показать степень социальной активности, деятельностной реализации индивидуальных качеств и сущностных сил личности» [533, с. 119-120].

«В этой связи, хотелось бы отметить, что экономические кризисы, которые зачастую представляют в качестве причин социальных потрясений, являются на деле внешней формой системных противоречий в социуме. А вот последние зарождаются в период, когда экономическое состояние общества выглядит внешне благополучно или даже отмечается экономический подъем, как было, например, в России начала XX века. В конечном итоге, зависимость экономических изменений и политических процессов от функциональной эффективности социальной системы в очередной раз указывает на культурно-цивилизационные детерминанты всех этих явлений, так как именно в культурно-цивилизационный комплекс продуцирует и конструирует модели развития, стандарты социального устройства и устанавливает регламенты функционирования во всех сферах общественной жизни» [533, с. 120].

«Социальная система, возникающая вследствие созидющего способа экзистенциального взаимодействия, способна плодотворно функционировать только на основе принципа автономности социальной деятельности ее субъектов. Прежде всего, личностей. Необходимость реализации созидательных качеств личности в обществах этого типа обосновывает самостоятельность их деятельности. Несамостоятельная личность в состоянии действовать только по образцу, в соответствии с определенной моделью. Такая модель социального поведения неприемлема для промышленного общества. Недаром в современных развитых странах появилась своеобразная форма социального протеста – «работа по инструкции», когда работники предприятия сознательно не проявляют творческую инициативу [см. 99]» [533, с. 120].

«В автономном обществе практические действия не могут строиться исходя из сложившихся традиций и нормативных положений социального поведения. В

противном случае ограничивается доступ к информации, столь необходимой для нормального функционирования современного общества. В обществах автономного типа все более важное значение играет *информация*. Она является одним из основных средств социального развития и совершенствования. Но информация никогда не бывает старой, иначе это не информация, а знания. По этой причине в таких обществах знания всегда должны обновляться, *ин-формируя* самого человека и общество и обеспечивая функциональную мобильность социальной системы. Одним из доказательств этого замечания является Интернет, который активно, если не сказать бурно, развивается за последние годы» [533, с. 120-121].

«Рассматривая уровни социальной истории и выделяя исторические типы социума, мы отмечаем существование (в рамках определенного исторического типа, с присущими для него принципами организации общественной системы) разнообразных форм социального устройства. Отсюда мы приходим к выводу о том, что принципиальной разницы между формами социального устройства, относящимися к одному и тому же уровню социальной истории и типу общества, не существует. Например, между такими как капитализм и социализм. Хотя споры о наибольшей продуктивности и прогрессивности того либо другого из них не иссякают и по сегодняшний день» [533, с. 121].

«Однако, не просто близость или сходство, а однотипные принципы функционирования так называемых капиталистической и социалистической формаций существуют и они неоднократно, видимо произвольно, отмечались теми, кто формационную концепцию возвел в ранг универсальной. Достаточно сослаться, в качестве аргументации, на В.И. Ленина, который писал: «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая* быть капиталистической монополией» [263, с. 192]. За этим словесным прикрытием легко просматривается действительность, когда гражданских (частных, коллективных) монополий не стало, зато оформилась и стала абсолютно господствующей тотальная государственная монополия! В другой работе классика формационной теории

также, фактически, отмечается общая сущностная основа для капиталистической и социалистической форм социального устройства: «Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники (выделено мной – А.Ф.), построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов» [268, с. 300]» [533, с. 121].

«Скорее всего, отличия между капитализмом европейско-североамериканского образца и социализмом советской модели лежат не в их существенном расхождении типологического плана, а в различных методах, и, если угодно, методологии организации общества. Сейчас, после СССР, становится заметным сходство советской модели цивилизационного устройства и евроатлантической в области социальной защиты, например. А пример современного Китая, сохранившего формальные признаки социалистической модели, но в организации экономической жизни ещё более приблизившийся к стандартам Европейской цивилизации, чем Советский Союз, очевидно свидетельствует об однотипности обществ в плане выделения их универсальных свойств и соответствия глобальным историческим эпохам. Имеющиеся отличия в организации социальной системы, стандартизации социальных отношений, специфике общественно-политического устройства и тому подобное объясняются разными социокультурными традициями и цивилизационными нормами (имеющими отношение к локальным цивилизациям), свойственными Западной Европе, США, России и Китаю» [533, с. 121-122].

«Форма социального устройства на практике складывается в зависимости от особенностей региона, менталитета населения, социальных традиций, других специфических условий, характерных для конкретного общества, находящегося на определенном (или данном) этапе социально-исторического развития. Но эти отличия никак не являются и не должны быть самодовлеющим фактором в периодизации всемирной истории и, тем более, разведения, зачастую в противоположные стороны, отличных социальных формаций» [533, с. 122].

«Что касается принципов формационного деления, то они могут быть сохранены для характеристики специфически однообразных социально-политических и экономических структур. Но, целесообразно отказаться от формационного деления социальной истории и противопоставления формаций как содержательно отличающихся одна от другой» [533, с. 122].

«Понятие «формация» или «общественная формация» означает социальное образование, складывающееся под влиянием исторических и ситуационных (в т. ч. пространственно-временных) особенностей. Оно предполагает определенные однообразные государственные, экономические и социальные структуры, формирующиеся под влиянием методов управления государством и обществом. Фактически выделение формаций строится исходя из сходства форм социального устройства и политических режимов, управляющих обществом. Следовательно, понятие формации не может быть сведено к понятию социального устройства, оно несет в себе общие признаки близких и однообразных форм социального устройства или социального строя» [533, с. 122].

«Тогда капиталистическая и социалистическая формации будут своеобразными методами организации автономного общества. Каждое из них использует, хотя и по-разному, промышленно-автоматизированный способ производства, который базируется на созидательном способе экзистенциального взаимодействия человека и природы. Такой подход фактически присутствует у авторов концепции конвергенции (П.А. Сорокин, Дж. Гэлбрейт). А французский философ Р. Арон, который также разрабатывал эту проблематику, прямо писал: «я рассматриваю капитализм и социализм как две разновидности одного и того же индустриального общества» [12, с. 5]. И, может быть, поэтому нет необходимости в обществах современной цивилизации устраивать переходы от одной социальной формы или разновидности к другой, что порождает невероятные социальные проблемы. А лучше совершенствовать сами методы социальной организации» [533, с. 122-123].

Таким образом глобальный контекст всемирной истории показывает, что в его рамках обозначаются три существенных эпохи, связанные с эпохальными

способами освоения человеком природного пространства, в которых обозначаются общие политические признаки социальной организации, что передаётся определением понятия универсального исторического типа социума.

«Предлагаемая модель социально-исторического и культурно-цивилизационного анализа, основанная на определениях источника социального существования и способа экзистенциального взаимодействия, являющихся выразителями развития культуры общества, позволяет выделить два измерения культуры существования человека и общества: *онтологическое или бытийное*, связанное с функционированием культуры в универсальных исторических типах общества, абстрагированных от конкретной пространственно-географической среды и *феноменологическое или проявляющееся*, показывающее пространственно-временное перемещение культурных комплексов по очагам оси Мировой культуры. Уровни социальной истории, выражаемые универсальными типами общества, могут быть представлены и как культурно-исторические эпохи, которые и определяют «узлы сборки» мировой человеческой цивилизации, последовательно сменяющие друг друга в их онтологическом содержании. Очаги оси Мировой культуры также характеризуют социально-исторический процесс, но уже с позиции его пространственно-временного расположения, проявляющегося в передвижении от одного географического ареала к другому, но не замещающего, тем более, не отрицающего предыдущий» [533, с. 76-77].

«Эти измерения культуры не исключают существование особых, обусловленных спецификой крупных социальных организмов, культурно-исторических типов, подобных тем, что были описаны и проанализированы Н.Я. Данилевским [см. 137]. Каждое из наших измерений как раз и наполняется особыми культурно-историческими типами, передающими индивидуальные особенности конкретных социокультурных комплексов, создающих феноменальные пространственно очерченные цивилизации, такие как Первородные или Древние цивилизации – Египетская, Месопотамская, Индская, Китайская, Майя [см. приложения, карта-схема 2], Северосредиземноморские цивилизации – Греческая, Древнеримская и Византийская [см. приложения, карта-

схема 3], Евроатлантическая цивилизация – Европейский и Североамериканский варианты, с Латиноамериканским и Австралийскими ответвлениями [см. приложения, карта-схема 4] и Российская [см. приложения, карта-схема 5]. Однако, и в том, и в другом измерениях культура предстаёт, прежде всего, в качестве способа существования человека, обеспечивающая сохранение системных качеств общества и среды социального существования» [533, с. 77].

Очевидно, что признание способа существования человека как атрибута его культуры означает понимание последней в качестве следствия самой человеческой (социальной) деятельности, ибо способ существования вне реализации деятельностных человеческих качеств представить невозможно. Отсюда, с учётом определения культуры как результата, условий и способа человеческой деятельности, мы видим, что любое обустройство человеческой жизни, осуществляемое и как способ, и как условие, и как результат социального существования, осуществляется в контексте культуры, который и создаёт социокультурное пространство. С другой стороны, любая форма человеческой деятельности, включая и политическую, является производной и зависимой от уровня культурного развития. Иными словами, достигнутое в процессе человеческой деятельности состояние культуры на уровне определённого социально-исторического развития требует оформления и обустройства соответствующими цивилизационными стандартами.

«Цивилизацию как социальный феномен следует рассматривать в двух основных измерениях – *статусном и функциональном*. В первом измерении цивилизация предстаёт в качестве сущностного явления человеческой истории, наделённая социогенетическими признаками, обуславливающими её возникновение на определённом этапе социального развития. Это измерение позволяет говорить о глобальной человеческой цивилизации. В рамках такого измерения мы можем выделять цивилизационные типы, свойственные универсальным историческим типам социума, которые базируются на соответствующих способах экзистенциального взаимодействия общества и природы» [533, с. 123].

«Второе измерение представляет феноменальные пространственно-очерченные исторические цивилизации – *геолокальные цивилизации*, которые образуются в крупных и устойчивых социокультурных комплексах (обществах), формирующих государства со статусом региональных и геополитических лидеров. Особенно в таких цивилизациях обнаруживается влияние цивилизационных стандартов на политические процессы. И обратное влияние политических процессов на цивилизацию. Как это происходило в XX веке в Китае: Коммунистический вариант Европейской цивилизации пришёл на смену традиционной Китайской цивилизации» [533, с. 123] вследствие её глубокого и продолжительного системного кризиса, который начался задолго до XX в., завершившегося Синьхайской революцией 1911 г. При этом, привнесённые из Европы цивилизационные стандарты были репродуцированы в общество, сохранившего традиционное китайское социокультурное поле.

Что касается первого измерения цивилизации, то оно мало интересно для исследования геополитических процессов, так как её глобальность поглощает все геополитические явления, делая из них элементы внутривнутриполитических отношений. И, разве что, космополитика здесь может стать атрибутом глобальной статусной цивилизации. Естественно, в случае появления космических конкурентов в системе межгалактических отношений.

А вот второе измерение со всей очевидностью показывает, что государственные образования, выражающие, либо представляющие действующие цивилизационные конструкции, на определённых исторических этапах становятся субъектами геополитики, акторами в системе геополитических отношений. – Египетское государство фараонов выражало древнеегипетскую культурно-цивилизационную модель и было ведущим субъектом геополитики в регионе Южного Средиземноморья и Передней Азии. Ему конкуренцию составляли Ассирийское и Вавилонское царства, представляющие, каждое в своё время, Междуреченскую (Месопотамскую) цивилизацию. От имени Европейской цивилизации в различные исторические эпохи на геополитической арене выступали Франция, Британия, Германия. При этом, борьбу между

государствами за доминирование в рамках полицентричной цивилизационной системы (каковыми были Междуреченская и Европейская или, сейчас, Евроатлантическая цивилизации) также следует рассматривать в русле геополитики. Полицентричной, в смысле меняющихся и смещающихся политических (и, естественно, геополитических) центров – например, Ассирия, Вавилон, Персия в Междуреченской цивилизации и Испания, Швеция, Франция, Британия, Германия в Европейской. Остальные феноменальные исторические цивилизации – Древнеегипетская, Индская, Китайская и др. – являются моноцентричными. К этой категории мы относим и Российскую цивилизацию.

Отметим, что Персия (Иран) занимает особое место в цивилизационной истории Ближнего Востока. Иран формировался как элемент Междуреченской цивилизации и был одним из её геополитических центров и центров культурно-цивилизационного доминирования в середине первого тысячелетия до н.э. О чём свидетельствует исторический факт включённости древнего Ирана в лингвокультурное пространство Междуреченской цивилизации. – Как отмечал известный американский археолог Д. Уилбер, в эпоху Ахеменидов использовались четыре языка – древнеперсидский (разговорный язык, бытовавший и в царской среде), эламский и арамейский (как языки делопроизводства, используемый в царской канцелярии) и аккадский или ассирово-вавилонский [см. 480, с. 16]. Исходя из того, что аккадский язык в Вавилонии был языком поэм, эпосов, научных документов и дипломатической переписки, то можно предположить, что и в Древнем Иране он использовался в среде, как бы мы сейчас сказали, научно-творческой интеллигенции. Отсюда, три последних языка, используемых в Иране (Персии) в период его расцвета, и сферы их применения очевидно показывают культурно-цивилизационную преемственность Ирана по отношению к Междуреченской цивилизации.

В этом же контексте следует рассматривать и другие заимствования Древнего Ирана у Междуреченской цивилизации, точнее, у других, более ранних центрах доминирования в её пространстве, ибо сам Иран являлся частью этой цивилизации. Как указывает тот же Д. Уилбер, «правовой кодекс Дария (Дарий I,

древнеперсидский царь династии Ахеменидов в 522-486 гг. до н.э. – А.Ф.), основанный на законах Хаммурапи (царь Древнего Вавилона в 1793-1750 гг. до н.э. – А.Ф.)» стал значимым для Древнего мира [480, с.21].

При этом, Иран не только сформировался как один из центров доминирования Междуреченской культурно-цивилизационной системы, но и сохранился, как цивилизационный фрагмент, после исчезновения Междуреченской цивилизационной модели, а его культурно-цивилизационное наследие позволило ему занять особое место и в пространстве Арабской цивилизации, и после её надрыва, вплоть до сегодняшнего дня.

Таким образом, установив взаимозависимость между явлениями культуры, цивилизации, политики и геополитики и выразив её в предложенных понятиях, мы можем утверждать, что в основе геополитических отношений, борьбы и устройства лежат цивилизационные интересы, которые сопряжены с государствами их выражающими и представляющими. Только такой статус государства позволяет ему включаться в геополитические процессы в качестве субъекта и актора. Более того, утрата или отказ от цивилизационных интересов не просто выводит государство из поля геополитики, но и лишает его собственных цивилизационных устоев, что может привести к культурно-цивилизационной смерти.

РАЗДЕЛ 3. ГЕОПОЛИТИКА КАК ПРОИЗВОДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ОБУСТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ОСИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

3.1. Исторические очаги оси Мировой культуры

«По сути дела, история мировой культуры, важнейшие, эпохально значимые этапы её развития рассматриваются не просто в контексте истории человечества, но выражают, соответствуют и, в определённой степени, тождественны историческим периодам развития человеческого общества. В этом плане история человечества – это история освоения мирового пространства, расширения ойкумены. Такой процесс, как было неоднократно отмечено выше, сопровождается, а, точнее, обеспечивается *о-культурированием* природных пространств. И в этом окультурировании человек реализует свои самые разнообразные качества и свойства» [533, с. 181] – как социального существа, по организации, упорядочиванию и стандартизации личной и общественной жизни. Окультуривание человека включает в себя духовно-творческие и производительно-потребительские процессы, реализацию социальных потребностей и индивидуальных / групповых интересов.

И цивилизация, и «культура, как основание цивилизации, могут рассматриваться с позиции исторического времени. Понятие исторического времени связано с исследованиями существования человеческого общества и зачастую сводится к определению его исторических эпох – дикость, варварство, цивилизация в XVIII столетии, первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации в XIX веке в марксизме и в дальнейшем у его последователей, традиционное, индустриальное

и информационное (постиндустриальное) общества в XX веке. К. Ясперс к историческому времени относит время «письменной документации» [661, с. 22]. Не вдаваясь в детальный разбор существующих определений исторического времени, отметим, что это период существования человека в его социальных, а в некотором смысле и протосоциальных формах, который может быть в достаточной степени комплексности и полноты представлен на основе данных исторической науки» [533, с. 181], включая археологию.

«Эти данные достаточно чётко фиксируют несколько принципиально значимых ареалов в истории человеческого общества, с которыми связаны эпохи культурного освоения земных пространств и формирования оригинальных культурных систем общества. Сопряжённое с понятием исторического времени определение исторического пространства показывает, как это пространство расширялось с течением исторического времени и как менялись культурные, а затем и цивилизационные центры этого пространства. Если понимать под историческим пространством «совокупность природно-географических, экономических, политических, общественно-культурных процессов, протекающих на определенной территории» [616], то мы можем выделить несколько узловых пунктов такого пространства, которые, по своей сущности, определялись уровнями развития человеческой культуры. При этом, первый исторический узловой пункт и был самим пространством, так как за его пределами исторического пространства, то есть освоенного и окультуренного человеком, по сути, не существовало» [533, с. 182].

«Пространственно-временная ось человеческой культуры создается из последовательно сменяющихся друг друга уровней и с различной степенью активности взаимодействующих очагов культуры: Южная Африка (архаическая культура древнейшего человека, существовавшая до периода, отстоящего от нашего времени в 40 тысяч лет); Южное Средиземноморье – Ближний Восток – Северная Индия – Срединный Китай – Центральная Америка (Древний Египет, Древняя Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай, Майя); Северное Средиземноморье (Древняя Греция, Древний Рим, Византия); Европа (эпоха

Средневековья, Нового и Новейшего времени, вплоть до сегодняшнего дня). Это, так сказать, исторически зафиксированные очаги оси Мировой культуры в её поступательном пространственно-временном развитии» [533, с. 182].

«Тема настоящего исследования не требует того, чтобы мы предметно и детально рассматривали и анализировали историческое развитие мировой культуры человечества в отмеченных очагах. Эта схема призвана отразить поступательное перемещение очагов оси Мировой культуры с юга на север, что, собственно говоря, полностью соответствует имеющимся историческим фактам. Даже если поставить под сомнение факт дислокации первого очага оси Мировой культуры в Южной Африке, на основании того, что параметры культуры этого очага могут быть поставлены под сомнение либо по причине недостаточности археологических артефактов, подтверждающих его наличие в данном регионе Земли, суть выводов не меняется. – Письменно задокументированное историческое время, если пользоваться определением Ясперса, однозначно указывает на то, что очаги оси Мировой культуры перемещаются с географических регионов, расположенных вокруг 20-й и 30-й параллелей северной широты на север Земли, к 40-й и 50-й, а теперь и к 60-й. Такой феномен, возможно, рассматривать в качестве закона социокультурного движения человечества. Из него же следует, что следующим очагом оси Мировой культуры человечества, вслед за глобальным регионом Европейского полуострова, будут регионы Урала и Южной Сибири» [533, с. 182-183].

«В отличие от европейского очага оси Мировой культуры эти регионы можно обозначать, и обозначают, как Евразия или Россия. При этом, следует иметь в виду, что новый очаг оси Мировой культуры в настоящее время находится в стадии становления и рассматривать его в оппозиции к предшествующим очагам следует в контексте исторической перспективы» [533, с. 183].

«Таким образом, выстраивается ось Мировой культуры, которая передаёт не только очаги мировой культуры в пространственно-временном измерении, но и цивилизационные образования, возникающие на базе этих очагов, а также, как

следствие цивилизационного взаимодействия и цивилизационного оформления окультуренных географических территорий, геополитические отношения и геополитическое устройство мира в конкретной фазе его исторического развития» [533, с. 183]. Нижней, если угодно, точкой этой оси являются районы Земли, расположенные вокруг географической параллели между 20-м и 30-м градусами северной широты, а верхней – вокруг 60-й параллелью северной широты. Примечательно, что первые исторически зафиксированные очаги оси Мировой культуры также образуют ось, но параллельную – от Древнего Египта, через Месопотамию, Древние Индию и Китай к цивилизации Древней Майя.

В процессе работы по теме исследования, случилось обратить внимание на статью П.Н. Савицкого «Миграция культуры». В ней отмечается, что «эволюцию культуры можно ... рассматривать с точки зрения географического перемещения ее центров, т.е. сосредоточий культурной жизни тех народов, которые в ту или иную эпоху оказывали наибольшее влияние на окружающую историческую среду...» [431, с. 371]. Исходя из этого «культурные сосредоточия» (культурные центры человечества) имеют особенность перемещаться от климатически-географических зон с высокой среднегодовой температурой к более низкой. П.Н. Савицкий предлагает схему культурно-географических перемещений, в соответствии с которой «культурные сосредоточения» продвигаются «в направлении все более суровых климатов, что само по себе означало нарастание относительного значения более холодных стран в деле культуры» [431, с. 374].

Климатический подход П.Н. Савицкого к миграции культуры человечества в процессе его исторического развития является, безусловно, с высокой степенью точности рефлексией реального социально-исторического процесса, осуществляемой с помощью описательного научного метода. Однако, Савицкий ограничивается лишь описанием климатических зон, характерных для определённых «культурных сосредоточений», продвигающихся в природно-географическом пространстве с юга на север, но не даёт обоснования этому процессу какими-либо иными факторами, объясняющими суть явления. Более того, он сам весьма скептически относится к своим наблюдениям за миграцией

культуры человечества и даже допускает возможность обратного движения «культурных сосредоточений» – с севера на юг [см. 431, с. 377-378]. Для нас же наблюдение П.Н. Савицкого представляет интерес тем, что оно находится в контексте возникающих выводов о движении очагов оси Мировой культуры, обосновываемом сменяемыми источниками социального существования и способами экзистенциального взаимодействия человека и природной среды. Потому рефлексия П.Н. Савицким процесса миграции культуры человечества может рассматриваться как интуитивная оценка проблемы, соответствующая направленности нашего исследования и, собственно, определённым подтверждением необходимости и правильности данному нами обозначению оси Мировой культуры.

«Анализ возведения оси культуры человечества позволяет выдвинуть предположения о существовании мостов культуры и «утерянного» фрагмента человеческой культуры. Что касается «утерянного» фрагмента культуры, то возникновение этой гипотезы связано с тем, что между южно-африканской культурой, первым очагом культуры человечества, и южно-средиземноморской культурой Древнего Египта в пространственном и временном измерениях существует значительный пробел. Своеобразная историческая лакуна включает не установленный сейчас и не описанный регион культуры человеческого общества. Он по историческому времени предшествует древнеегипетской культуре и уступает ей технологически в освоении природного пространства. Скорее всего, это пространство и время существования протокультуры человеческого сообщества, бывшей технологически более развитой чем южно-африканская квазикультура» [533, с. 183].

«Эта ремарка имеет отношение сугубо к культурной традиции человечества, но никак не к цивилизационной истории, которая начинается около пяти тысяч лет тому назад вокруг географической параллели 30-го градуса северной широты Восточного полушария и между 20-го градуса северной широты Западного полушария Земли. Более того, данное предположение всего лишь относится к тому, что мы вправе рассматривать человеческую историю как непрерывный

процесс, который может быть скреплён культурными достижениями. А если так, то между 10-й параллелью южной широты и 20-й параллелью северной широты должен находиться очаг если не мировой культуры, то протокультуры. И не обязательно этот недостающий фрагмент очага оси Мировой культуры может быть обнаружен именно на территории Африканского континента. Допустим в Мезоамерике, как очаг культуры, предшествующий цивилизации Майя и расположенный в области 10-й параллели северной географической широты. В письменной истории человечества, начиная с Древнеегипетского и Древнемесопотамского социокультурных и цивилизационных комплексов такие скрепления достаточно легко обнаруживаются» [533, с. 183-184].

«Крепление оси культуры достигается благодаря существованию культурных диастол (греч. *diastolē* – растягивание, расширение), которые обеспечивали культурно-историческую преемственность, как между уровнями, так и между очагами оси Мировой культуры. В этом смысле мы можем говорить о мостах культуры. Мостами оси Мировой культуры являются культурные системы Древней Греции и Древнего Рима, обеспечившие восхождение, главным образом, от ближневосточно-средиземноморской культуре к европейской культуре. Более широкие функции выполнял Византийский мост культуры, который открыл для Новгородско-Киевской и Московской Руси, а потом и для Царской России каналы восприятия не только европейской культуры, но и древнегреческой, а также ближневосточно-средиземноморской культурной традиции. Именно наличие этого моста культуры видимо объясняет особое почитание не только в рамках русского православного подвижничества, но и в целом в русской духовной культуре творений одного из Отцов Церкви Иоанна Лествичника (VII в.), жившего на территории Сирии» [533, с. 184].

В истории культурно-цивилизационного развития диастолы выполняют важнейшие функции по передаче, прежде всего, социальных технологий, хозяйственных в том числе, от одних, более ранних, цивилизаций другим, формирующимся. Хотя, следует отметить, что диастолы устанавливаются и между одноочаговыми цивилизациями, как, например, такую функцию выполняла

иудео-израильская диастола между Египетской и Междуреченской (Ассиро-Вавилонской и Персидской) цивилизациями. При этом иудейская диаспора как истечение иудео-израильской диаспоры приняла самое непосредственное участие в формировании и развитии Евроатлантической цивилизации и становлении основ Российской цивилизации. Не задаваясь целью описать всё многообразие проявлений культурно-цивилизационных диастол в истории, отметим некоторые наиболее значимые и знаковые из них, повлиявших и влияющих на межцивилизационные взаимодействия. Это, кроме отмеченной иудео-израильской диастолы, крито-микенская, ставшая соединительным культурным мостом между Первородными (Египетской и Междуреченской) цивилизациями и возникающей в их продолжение (если измерять в общечеловеческом контексте) Греческой цивилизацией; финикийско-карфагенская, оказавшая значительное влияние на Римскую цивилизацию и соединяющая её с Междуреченской; корейская и японская диастолы, выступающие, с одной стороны, в качестве разновидностей исторической Китайской цивилизации, а, с другой стороны, предстающие как совмещение традиционных социокультурных ценностей и евроатлантических цивилизационных стандартов и технологий; латиноамериканская, североамериканская и австралийская диастолы Европейской цивилизации, проявляющие себя, особенно в Латинской Америке, в контексте характерных для регионов существования культурно-исторических устоев [см. приложения, карта-схема б].

Древнегреческая и Древнеримская, а вслед и Византийская цивилизации, как исторически сменяемые разновидности Северосредиземноморской культурно-цивилизационной системы, становятся особыми очагами оси Мировой культуры, которые формируются вслед за южными предшественниками, в частности, Древнеегипетской и Древнемесопотамской цивилизациями, являющимися разновидностями Первородной культурно-цивилизационной системы.

Однако, примечательно, что «все последующие за первыми «задокументированными» очагами оси Мировой культуры – Древними Египтом, Месопотамией, Индией, Китаем и Майя – выполняли и функции диастол,

воспринимая прежние культурные достижения и трансформируя их в условиях своей природно-географической среды, соединяя с тем очагом, который возникал впоследствии. Между близко расположенными в географическом пространстве очагами оси Мировой культуры может устанавливаться такая глубокая и разнообразная связь, что они предстают как один целостный комплекс. Это как раз наиболее предметно проявляется на примере Древнегреческого и Древнеримского очагов оси Мировой культуры» [533, с. 184-185].

«Древнегреческая и Древнеримская культурно-цивилизационные системы в своей истории имеют столько взаимно переходящих элементов, что у нас есть все основания, если и разделять их по социокультурным и цивилизационным признакам, а, тем более, по геополитическим позициям, то в качестве очага оси Мировой культуры рассматривать в единстве. Дополняя его и Византийской культурно-цивилизационной системой. В Северном Средиземноморье в течение длительного исторического времени сформировалось три наиболее крупные и исторически заметные цивилизации, каждая из которых являлась своеобразным продолжением предыдущей – Древнегреческая, Древнеримская и Византийская. Ряд исследователей в качестве самостоятельной цивилизации этого региона называют Эллинистическую цивилизацию [150, с. 347-383], которая сформировалась в результате военных походов Александра Македонского, изменивших геополитическое форматирование в конце I тысячелетия до н.э. в этом регионе Земли на несколько столетий. С другой стороны, Эллинистическая цивилизация рассматривается как завершающая стадия существования Эллинской цивилизации. Отсюда есть все основания говорить именно о Древнегреческой цивилизации, понимая её как синоним Эллинской» [533, с. 185].

«Существование нескольких цивилизаций в Северном Средиземноморье в период с начала I тысячелетия до н.э. до начала II тысячелетия н.э. указывает на тот факт, что очаг оси Мировой культуры может стать базовым пространством для формирования различных цивилизаций. Их специфика определяется той социокультурной мотивацией, которая рождается в обществе в определённую историческую эпоху. Если Древнегреческая, Древнеримская и Византийская

цивилизации всё-таки имели различные цивилизационные центры – Афины, Рим, Константинополь, – которые становились и геополитическими центрами Древнего Мира, то на территории Древней Индии и Древнего Китая цивилизационные центры практически не изменялись на протяжении тысячелетий – располагаясь в бассейнах рек Инд и Ганг в Индии, Хуанхэ и Янцзы в Китае. Для нас важно то, что именно на платформе очага оси Мировой культуры образовывались ведущие цивилизационные системы, формировались мощные государства, которые становились геополитическими центрами своей исторической эпохи» [533, с. 185-186].

«В ряде случаев цивилизационный и геополитический центр совпадали» [533, с. 186] – в Древних Египте, Китае, Инде, Майя, Риме, Византии цивилизационная конструкция сопрягалась с централизованным государственным образованием, которое (государство) выполняло функцию геополитического центра (регионального, с учётом разорванности исторического пространства до эпохи Великих географических открытий). В других случаях, в рамках дисперсных цивилизационных систем формировалось несколько последовательно сменявшихся различных геополитических центров. «Например, в Древней Месопотамии в виде геополитических центров выступали в различные исторические эпохи: Шумеро-Аккадская держава, Вавилония, Ассирия, Урарту, Нововавилонское царство, Персидская держава Ахеменидов. Но, никогда ни цивилизации, ни геополитические центры не возникали вне очага оси Мировой культуры. Такой исторический факт говорит о том, что геополитические центры производны от цивилизационных систем, которые, в свою очередь, образуются в рамках социокультурного пространства, формирование которого имеет самое непосредственное отношение к очагу оси Мировой культуры» [533, с. 186].

Таким образом, геополитический центр формируется вследствие культурно-цивилизационного развития и обретает силу и значение благодаря, прежде всего, использованию передовых цивилизационных технологий. В этом плане, геополитический центр образуется на платформе цивилизационной модели, господствующей или имеющей интенции к господству. По сути дела,

геополитические центры выступают в качестве орудий межцивилизационных противоречий и борьбы между различными цивилизационными системами.

При этом, в дисперсной цивилизационной конструкции мы наблюдаем сменяющиеся геополитические центры, образуемые теми или иными государствами – например, Вавилоном, либо Ассирией в Месопотамской цивилизации, Францией, либо США в Евроатлантической цивилизации. А в интегративной цивилизации, такой как Китайская или Российская, само государство-цивилизация становится геополитическим центром.

Возвращаясь к характеристике оси Мировой культуры, отметим, в «что бывший культурный очаг не утрачивает навсегда способность производить социокультурные пространства и образовывать цивилизационные системы. Прежний очаг оси Мировой культуры может обеспечивать и создание геополитического центра, который будет существовать одновременно с цивилизационным и геополитическим центром нового очага и вести с ним борьбу за влияние и контроль над геополитическим регионом. Как было с историей соперничества Персидской державы Ахеменидов и древнегреческого Делосского союза во главе с Афинами. Здесь были обозначены два центра геополитического региона, которые представляли не только различные цивилизационные системы и социокультурные комплексы, но и разные очаги оси Мировой культуры – Древнемесопотамский и Северного Средиземноморья. На примере существования подобных цивилизационных и геополитических центров фиксируется взаимосвязь и в определённой степени, взаимозависимость между очагами мировой культуры. В период древности такие связи проявляются, прежде всего, на уровне геополитического региона, каковым можно рассматривать Средиземноморье и Переднюю Азию. Впоследствии этот геополитический регион расширился за счёт Западной Европы и Причерноморского бассейна. Природно-географически разделённые геополитические регионы в Древнем Мире, по вполне понятным причинам, не вступали во взаимодействие, но развивали схожие процессы на своей территории – в результате модификаций в очаге культуры и смены центров цивилизационного развития, а также типов региональных цивилизаций» [533, с.

186-187].

«Мировой очаг культуры человечества в регионе Южного Средиземноморья и Передней Азии просуществовал в развитом виде с возможностями социокультурного и цивилизационно-государственного доминирования в регионе приблизительно три тысячи лет – с конца IV тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия до н.э. Любопытно, что внутри этого исторического очага культуры человечества культурно-цивилизационные и геополитические центры также перемещались с юга на север. В конце III тысячелетия до н.э. две части Египта – Верхняя и Нижняя – были объединены правителями юга, который был более развит в социально-культурном и политико-экономическом планах, нежели северная часть страны – Нижний Египет. Но в дальнейшем доминирующее положение и в рамках цивилизационного формирования, и в формате государства заняли города северного Древнего Египта. Такие же процессы мы отмечаем в Древней Месопотамии, там тоже перемещение культурно-цивилизационных центров шло с юга на север. В IV – III тысячелетии до нашей эры в нижнем междуречье Тигра и Евфрата сформировались первые шумерские города-государства Эшнунна, Ниппур, Ур, Урук, Ларса, Лагаш, Киш, Шуруппак, Умма. Затем на их базе образовалось Шумеро-Аккадская держава, с вовлечением в свой состав северных территорий. И дальнейшие перемещения центра также были с юга на север – Вавилон, ассирийская Ниневия. Затем, правда, был откат на юг в период Нововавилонского царства снова в Вавилон, но ненадолго, на одно столетие с тем, чтобы центр вновь переместился на север в эпоху державы Ахеменидов. Из этих наблюдений, безусловно, не стоит делать выводов о строго линейном развитии внутри очагов оси Мировой культуры по линии географических координат, потому что в локально ограниченном временном интервале исторический процесс может развиваться отнюдь не по линейной схеме. К слову сказать, в эпоху державы Ахеменидов центр возвращался с севера из Экбатана в тот же Вавилон и даже южнее расположенные города – Сузы, Пасаргады и Персеполь» [533, с. 187].

«На рубеже II и I тысячелетий до н.э. начинает формироваться новый очаг

оси Мировой культуры в Северном Средиземноморье, сначала в Древней Греции, затем в Древнем Риме. При этом, будущее пространство Древнеримской цивилизации – Апеннинский полуостров – колонизируется Древней Грецией и туда переносятся её социокультурные установки и ценности. Этот новый очаг оси Мировой культуры в данном глобальном природно-географическом регионе набирает цивилизационную и геополитическую мощь к концу I тысячелетия до н.э., сохраняя региональное доминирование до середины I тысячелетия н.э., в политических формах державы Александра Македонского, государств Селевкидов, Римской Империи и Ромейской или Византийской Империи. Финальный аккорд этого мирового очага культуры человечества в середине II тысячелетия н.э. выразился в геополитическом фиаско Византийской Империи, павшей под натиском турок-сельджуков, но и культурным ренессансом италийских городов-государств, взявших на себя функции передаточных звеньев к европейскому очагу оси Мировой культуры. Таким образом, очаг оси Мировой культуры, дислоцирующийся в Северном Средиземноморье, просуществовал в развитом виде с возможностями доминирования в пространстве геополитического региона, более двух с половиной тысяч лет» [533, с. 187-188].

«Европейский очаг оси Мировой культуры первым обеспечил формирование цивилизации, которая обрела доминирующие функции не только в своём глобальном географическом регионе, но и в мире. Во многом цивилизационный стандарты позволили европейским государствам играть роль геополитических центров в различные исторические периоды – Испания и Португалия в эпоху Позднего Средневековья, Великобритания в эпоху Нового и Новейшего времени, США (как ответвление Европейской цивилизации) в современном мире. Причём, на примере Великобритании и США отчётливо видно, что европейский геополитический центр своё доминирование реализует фактически в любой части Земного шара. И этот процесс геополитического доминирования во многом обеспечивается внедрением европейских социокультурных ценностей и цивилизационных стандартов, одновременно являясь их следствием» [533, с. 188].

«Что касается исторических рамок, а точнее, времени возникновения Европейской цивилизации, то здесь существует несколько подходов, каждый из которых изменяет и временные рамки, и видовые цивилизационные отличия» [533, с. 188].

«Составными частями Европейской цивилизации рассматриваются Древнегреческая и Древнеримская цивилизации. Также как разновидность Европейской цивилизации даётся описание Византийской цивилизации. Отсюда в состав Европейской цивилизации включается вся северная Евразия, освоенная Россией, которая, в этом контексте рассуждений тоже оказывается частью европейской цивилизационной системы. Иногда в качестве синонима Европейской цивилизации говорится о Западной цивилизации, которая в современном виде включает в себя также Австралию, Новую Зеландию, Южно-Африканскую республику и даже Японию. В этом случае, цивилизационные критерии сводятся к преимущественно производственно-технологическим, экономическим параметрам. Если следовать этому подходу, тогда многие цивилизации можно будет объединить, даже если они имеют отличные друг от друга социокультурные комплексы и лишены возможности взаимодействовать как пространственно-очерченные цивилизации в современном мире. Например, объединить по таким критериям Древнеегипетскую и Древнекитайскую цивилизации на том основании, что и древние египтяне, и древние китайцы строили свои производственные технологии на основе использования пойменного земледелия при разливах рек, соответственно, Нила и Хуанхэ [194, с. 12-13, с. 380-381]» [533, с. 188-189].

«Ещё один подход располагает между Европейской и Античной (Древнегреческой и Древнеримской) цивилизациями Средневековую цивилизацию. В данном случае явно используются различные критерии классификации – пространственно-географический и исторически-временной. Хотя известно, что ряд локальных цивилизаций переживали несколько историко-временных эпох. Даже если исходить из отмеченного подхода, Европейская цивилизация существовала и в историческую эпоху Нового времени, и

Новейшего, и существует в современную эпоху. По предлагаемой же логике, следует говорить о цивилизации Нового времени и тому подобное. Ещё один немаловажный аспект состоит в том, что, определяя Средневековую цивилизацию, к ней следует относить и цивилизации ацтеков, инков, Арабскую, Китайскую, Индийскую цивилизации. Либо отказывать таковым в эпохе Средневековья. Видимо этот подход в значительной степени несёт на себе отпечаток Европоцентризма» [533, с. 189].

«Более обоснованным видится определение Европейской цивилизации в привязке к европейскому очагу оси Мировой культуры, следующему за мировым очагом, расположенным в Северном Средиземноморье. Понятно, что в этом случае также есть некоторые наслоения, ибо Северное Средиземноморье в большей и главной части относится тоже к Европе. Но, как оправдание можно рассматривать тот факт, что Северное Средиземноморье является лишь частью Европы, потому ассоциировать его со всем континентом нет оснований, а европейский очаг оси Мировой культуры охватывает уже весь Европейский полуостров, за исключением сугубо континентальной части, принадлежащей Русскому Миру. К тому же, данное наслоение имеет пространственно-географический характер и не несёт в себе критериальной примеси историко-временных параметров» [533, с. 189-190].

«Освоение европейского очага оси Мировой культуры начинается в середине I тысячелетия н.э. и начальная фаза его развития происходит параллельно с модифицированным выражением мирового очага культуры Северного Средиземноморья в виде Ромейской (Византийской) цивилизации. Исторически этот период длится около тысячи лет, столько же, сколько длился период коэкзистенции мировых очагов культуры Южного Средиземноморья и Передней Азии с Северным Средиземноморьем. В течение полутысячи лет в Западной Европе происходило становление социокультурного пространства, на основе которого формировалась цивилизационная конструкция. И уже на платформе культурно-цивилизационной системы возникали проявления геополитических интересов, первым проявлением которых для Европейской

цивилизации стали Крестовые походы» [533, с. 190].

«Для внутреннего развития европейского очага оси Мировой культуры также характерен вектор перемещения культурно-цивилизационных и геополитических центров (вначале в рамках глобального региона – Европейского полуострова) с юга на север: Франкские королевства Маровингов и Каролингов, Священная Римская Империя германской нации, Великобритания. При этом подчеркнём, что данный вектор всего лишь тенденция, которая не исключает нелинейные перемещения культурно-цивилизационных и геополитических центров. В Европе примером таких перемещений являются Испания и Португалия середины II тысячелетия» [533, с. 190].

«Выстраивая таким образом перемещения очагов оси Мировой культуры, которые можно рассматривать и как центры, тем более, когда они становятся культурно-цивилизационными и геополитическими, мы признаём, что в глобальных пространственно-временных параметрах действует линейная парадигма исторического процесса. А вот в локализованных пространствах и ограниченных историко-временных интервалах возможны нелинейные движения и процессы. При этом не возникает принципиальных противоречий между этими социально-историческими феноменами, так как отсутствие таковых особенностей означало бы тотальную заданность истории и её фатализм, что противоречит самой природе человеческого существования» [533, с. 190-191].

«Подобный вектор перемещения очагов оси Мировой культуры объясняется принципами реализации деятельностных качеств человека в окружающей природной среде. В процессе чего создаются и совершенствуются способы взаимодействия общества и природы, изменяются и преобразуются источники социального существования, возникают и трансформируются универсальные исторические типы социума. Безусловно, всё это происходит и должно восприниматься сквозь призму глобальной истории, всемирного исторического процесса. В этом случае мы можем говорить и видеть линейный исторический процесс» [533, с. 191].

«В пространственно-географическом плане ось Мировой культуры

возводится по географическим параллелям от Южной Африки до Северной Европы, осваивая на каждом уровне подъема все более сложные природные пространства. Каждое природное пространство, как среда существования человеческого общества, от Южной Африки до Северной Европы требует от человека все более сложных технологий освоения природных процессов, служащих источником и условиями социального существования. Как уже отмечалось, исторический процесс развития человека показывает, что каждая ступень освоения экологического (окружающего природного) пространства предполагает создание новых более совершенных способов воздействия на это пространство. Само социальное производство становится с каждым уровнем более информационно- и энергоемким» [533, с. 191].

«Стержнем социокультурного прогресса является востребованность новых знаний и информации. От Африки до Европы растет по нарастающей потребность в информации, в связи с усложнением деятельности человека в окружающей среде. Освоение человеком новых геопространств требует от него новых культурных технологий и новых цивилизационных стандартов. Смена очагов культуры означает переходы к таким условиям экологической (окружающей) среды, которые стимулируют культурные достижения и цивилизационное совершенство. Исходя из этого, можно предположить, что вслед за Европой новым очагом культуры должен стать регион Урала и Южной Сибири» [533, с. 191-192].

«Если мы сравним геопространства средиземноморского региона, с одной стороны, и Средней Европы и Северной Европы, с другой, то увидим, что европейские экологические условия могли расцениваться как экстремальные для египетской и месопотамской культур, да и для греческой тоже. Практически точно также рассматривается урало-сибирский регион с позиций европейской культуры. И еще одно сравнение. Соразмерность благодатности и благоприятствования геоприродных условий Средиземноморья и Европы почти что пропорциональны такой же соразмерности уже Европы и России. Освоение природных пространств в Европе намного энергоемкое, нежели в полосе

Средиземноморье – Ближний Восток – Индия – Китай, а в урало-сибирском регионе России – чем в Европе» [533, с. 192].

«Исходя из качественных особенностей и сущностных признаков социоприродной деятельности Человека в пространстве определённой геоклиматической среды и с учётом влияния этой среды на характер такой деятельности (но, без географического фанатизма и детерминизма), мы можем обозначить культурно-цивилизационные очаги оси Мировой культуры как» [527]:

– «Речные цивилизации: Египетская, Междуреченская / Месопотамская (Шемеро-Ассирио-Вавилоно-Урарту-Финикийско-Персидская), Индская, Китайская, Майя» [527];

– «Морские цивилизации: Северосредиземноморская (Греческая и Римская = Античная, Византийская)» [527];

– «Океаническая цивилизация – Европейская и/или Евроатлантическая⁴» [527];

– «Вселенская цивилизация – Русская или Российская» [527].

«При этом, в пользу Вселенского характера Российской цивилизации говорит и философия Русского космизма, первой начавшая осмысление вселенского проекта социального бытия человечества. В то время как европейская философия предавалась утончённому мудрствованию (в форматах персонализма, прагматизма, экзистенциализма и феноменологии) о превратностях индивидуального земного существования» [527].

«Таким образом, очевидный вектор движения человеческого общества с юга на север фиксирует следующую взаимосвязь: благодаря своим деятельностным качествам человек осваивает окружающую природную среду, в процесс чего создаются культурные конструкции его социального существования, включающие в себя компоненты социального устройства жизни (общественные связи и взаимодействие, моральные нормы), техники производства, политического регулирования, духовно-нравственных устоев; условия природной

⁴ Ранее, в 1882 г., Л.И. Мечников подобным образом разделял историю человечества на периоды: «I. Древние века, речной период. ... II. Средние века, средиземноморский период. ... III. Новое время, или период океанический ...» [309, с. 203-204].

среды существования выступают в качестве императива социальной деятельности, выдвигая требования по её совершенствованию; усложнение условий социального существования (в связи с условиями природной среды) мотивирует культурные достижения, которые позволяют осваивать новые природные пространства Земли» [533, с. 192].

«Именно исходя из этого предлагается рассматривать территории Урала и Южной Сибири в качестве будущих очагов оси Мировой культуры. И, соответственно, центра доминирующего цивилизационного образования и геополитического влияния. Для обозначения формирующейся цивилизации с базовыми культурными очагами применимы термины «Евразийская» и «Российская» или «Русская». Определения «Евразийская цивилизация» и «Российская / Русская цивилизация» достаточно часто встречаются в научных исследованиях и философских концепциях. Причём, понятия Российской цивилизации и Евразийской цивилизации практически всеми учёными и философами рассматриваются как тождественные. В контексте нашего исследования понятие России рассматривается в качестве синонима российского социокультурного пространства и Российской цивилизации. С другой стороны, термин Россия давно используется за рубежом для обозначения государства, существовавшего на территории не так давно СССР, а раньше Российской Империи. Оба этих подхода не противоречат друг другу, и потому в своих определениях я буду исходить именно из них» [533, с. 192-193].

«Особенности Российской цивилизации вытекают из своеобразия социокультурной традиции, которая включает нормы социальной жизни, культурные ценности и мировоззренческие принципы. *Социокультурное пространство обладает отличительными признаками и характерными особенностями, которые выражаются*» [533, с. 193]:

– «общим мировоззрением (с сохранением особых и единичных модификаций)» [533, с. 193];

– «особым менталитетом, обеспечивающим самоидентификацию на уровне большой социальной группы (нации, суперэтноса, цивилизации)» [533, с. 193];

– «геоприродной спецификой территории деятельности, влияющей на формирование способов взаимодействия людей» [533, с. 193];

– «и единым (как правило) доступным языком, как необходимым средством социальной коммуникации и управления, хранения и обмена информацией, передачи социальных знаний» [533, с. 193].

По этим признакам и особенностям русское / российское социокультурное пространство начинает оформляться в конце первого тысячелетия и сохраняет своё отличие от других культурно-цивилизационных моделей до настоящего времени.

«Перспективы и, может быть главное, возможности Российской цивилизации строятся исходя из концептуальной модели, которая в авторской редакции обозначается как «ось Мировой культуры» или «Всемирно-историческая ось человеческой культуры»» [533, с. 193].

«Анализ процесса исторического развития российского социокультурного пространства показывает, что на протяжении более тысячи лет закладывались основы Российской цивилизации. К настоящему времени мы не можем строго научно говорить о сформировавшейся Российской цивилизации. Россия является становящейся цивилизацией. До настоящего времени, при наличии мощной социокультурной традиции, цивилизационные формы в России в основном были заимствованные» [533, с. 193].

«В эпоху существования Новгородско-Киевской Руси и Московской Руси происходило использование стандартов византийской цивилизации. Известное историческое предание о выборе веры для Руси в конце X века рассказывает о том, что Великий князь Владимир встречался с представителями Иудаизма из Хазарии, Ислама из Волжской Булгарии, Западного Христианства из Священной Римской Империи и Восточного Христианства из Ромейской (Византийской) Империи. В исторической науке, не говоря уже об общественном мнении, этот выбор традиционно трактуется как религиозный. Спорить с этим нет необходимости. Однако, по сути, речь идёт не только о религиозном выборе Великого князя Владимира, но, прежде всего, о цивилизационном. Очевидно, что

более тысячи лет назад религия выполняла важнейшую социокультурную функцию в цивилизационном строительстве. Более того, после утверждения Единобожия в различных формах религии в развитых обществах первого тысячелетия нашей эры, цивилизационные системы стали определяться по религиозным признакам – христианская, мусульманская, иудейская. Потому, говоря и оценивая выбор новой религиозной формы, сделанный Русью в конце X века, мы должны видеть в нём и религиозное, и культурное, и цивилизационное выражение. При этом, исходя из того, что религия является компонентом (важным, а, зачастую, определяющим) культуры, а цивилизация есть оформление социокультурного пространства, и в данном случае имеются все основания говорить именно о цивилизационном выборе Руси, сделанным ею через религиозную форму» [527].

«В конце концов, этот исторический феномен был выражен знаменитой формулой: «Москва – третий Рим». Причём, несмотря на то что эта установка была задана православным монахом старцем Филофеем, она имела отношение, прежде всего, к державе, а не к Церкви. Представить себе, что в середине XVI столетия, когда Католичество окончательно отторглось от Православного Христианства, православный священнослужитель призывал бы признать католическим Рим первым центром, а православный Константинополь его приемником, было бы совершенно неправильно. К тому же, в эпоху Филофея ещё не стёрлись воспоминания о политике агрессивного прозелетизма, которую проводила Католическая Церковь, организуя Крестовые походы не только на Ближний Восток, в Палестину к Гробу Господнему, но и на русские земли. Именно крестоносцев Тевтонского (Германского) Ордена остановил Александр Невский, нанеся им сокрушительное поражение. Филофей рассматривал даже не державную преемственность, а, скорее, цивилизационную, в нашем сегодняшнем понимании, от имперского Рима к имперской Византии, павшей в 1453 году от войска турок-османов, но зачавшей гораздо раньше, и к будущей царской России, которой ещё не было на момент Послания Филофея, но которая должна стать. Собственно говоря, такая постановка вопроса – преемственности Римской и

Византийской цивилизации – в 1527 году (предположительное время написания Филофеем своего Послания Великому князю Василию III) была абсолютно оправданной и политически, правильнее – геополитически, актуальной. За десять лет до этого в 1517 году профессор теологии, доктор богословия Мартин Лютер в городе Священной Римской Империи германской (тевтонской) нации (бывшей к тому времени уже достаточно децентрализованным образованием) Виттенберге написал и вывесил на дверях замкового храма свои 95 тезисов с критикой Католической Церкви. В Европе началась эпоха религиозной Реформации, которая сопровождалась глубокими социально-политическими потрясениями. Россия, освободившись в конце XV столетия от каких-либо форм зависимости от Золотой Орды, переживала период подъёма, государственно-политического, главным образом. Отсюда её претензия на европейское культурно-цивилизационное наследие» [533, с. 193-194].

«Таким образом, Россия рассматривалась не просто как наследница двух Империй – Римской и Ромейской, но и как будущий центр европейской культуры и цивилизации, которые виделись в продолжении культурно-цивилизационных систем Древней Греции и Древнего Рима. В этом смысле Российская цивилизация могла быть имплантационной, использующей ценности и стандарты Византийской социокультурной системы и цивилизационной модели. К слову сказать, Церковная провизантийская реформа Патриарха Никона в середине XVII века может рассматриваться как продвижение по пути преемственности Византийской, а через неё и Римской, цивилизации. Первым шагом Патриарха Никона по литургической реформе, сделанным сразу после вступления на Патриаршество, было сравнение текста Символа веры в редакции печатных московских богослужебных книг с текстом Символа, начертанного на саккосе (архиерейском облачении) митрополита Фотия. Обнаружив расхождения между ними (а также между Служебником и другими книгами), Патриарх Никон решился приступить к исправлению книг и чинопоследований. Примерно через полгода по восшествии на патриарший престол, 11 февраля 1653 года, Патриарх указал опустить в издании Следованной Псалтири главы о числе поклонов на

молитве преподобного Ефрема Сирина и о двуперстном крестном знамении [565]» [533, с. 194-195].

«Императорская Россия и Советская Россия строились и позиционировались в глобальном цивилизационном пространстве как уже более жёсткое использование непосредственно стандартов Европейской цивилизации, без Византийской опосредованности. В этом процессе использовались различные формы, но все они сводились к применению разнообразных европейских цивилизационных моделей. Нельзя сказать, что это было слепое копирование, сугубо российский социокультурный фактор иногда до неузнаваемости преображал европейские формы, но, тем не менее, европейский цивилизационный вектор развития России в этот исторический период вряд ли кем может быть поставлен под сомнение» [533, с. 195].

«И лишь только на рубеже нового третьего тысячелетия мы имеем основания говорить о начале формирования собственно Российской цивилизации на базе развитой и всемирно значимой социокультурной традиции» [533, с. 195].

«Для обозначения современного этапа оформления Российской цивилизации возможно использовать понятие Новороссии, но именно в рамках дихотомии: историческая Россия с имплантационной моделью цивилизации и Новороссия будущего с собственной цивилизационной моделью» [533, с. 195-196]. Непосредственно до Новороссии статус Российской цивилизации можно обозначить как имплантационный, так как осуществлялось использование и внедрение европейских цивилизационных стандартов в сугубо российское социокультурное пространство.

«С учетом исторических параметров и пространственно-географических координат, над формированием Российской цивилизации трудились не только автохтонные этносы российского социокультурного пространства – абхазы, азербайджанцы, армяне, башкиры, грузины, казахи, киргизы, латыши, литовцы, молдаване, осетины, таджики, татары, туркмены, узбеки, чувашаи, эстонцы, – но и представители иноземных этнических групп – греки, евреи, итальянцы, немцы, поляки, французы, датчане и многие другие. Этот факт является очень важным и

значимым для будущего цивилизационного развития» [533, с. 196]. В свое время Н.Я. Данилевский в четвертом законе движения и развития культурно-исторических типов отмечал: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [137, с. 91-92].

«Выражением потенциала Российской цивилизации являются достижения в областях освоения космического пространства, атомной энергетики и производства вооружений. Первые космические спутники, первый космонавт, первая АЭС, автомат Калашникова и атомное оружие появляются в стране, материальная культура которой в сфере быта и массового производства товаров и услуг явно уступала культуре социально развитых стран мира, европейской культуре. Эти достижения отмечают готовность российского социокультурного пространства принять культурно-цивилизационную эстафету человечества и обеспечить формирование и продуктивное функционирование нового уровня оси Мировой культуры. К тому же, созданный потенциал позволяет Российской (или, Новороссийской) цивилизации отстаивать свои геополитические интересы и сдерживать претензии Европейской цивилизации и её североамериканского ответвления на контроль и управление мировыми процессами» [533, с. 196].

«Несмотря на современное геополитическое доминирование Евроатлантической цивилизации, её апогей развития уже остался в прошлом. Сейчас она использует ресурсы, созданные ранее. Признаки кризиса пока не видны невооруженным глазом, более того создается впечатление расцвета. Но слабость культурного (материального и духовного) поля проявляется в том, что евроамериканское сообщество остро нуждается в «приливе свежей крови», главным образом в отраслях, связанных с интеллектуальными технологиями. Этим объясняется высокая потребность общественных структур США, Великобритании, Германии и других стран из этой «обоймы», в высококлассных специалистах в областях компьютерной техники, инженерии, биотехнологий и

тому подобных, которые привлекаются в эти страны из Российской Федерации, Украины, Белоруссии и других. Евроамериканская культура становится реципиентной, вынужденной прибегать к внешним интеллектуальным вливаниям, чтобы окончательно не перейти в летальную фазу. Если уйти от эвфемизма, то это культура с атрибутами вампиризма, вамп-культура. (Может потому различного рода и вида вампиры так популярны в современной массовой культуре Запада – кинематографе, телевидении, литературных бестселлерах и т. п.)» [533, с. 196-197].

«Финальная стадия Европейской цивилизации отмечалась в первой трети XX в. ещё О. Шпенглером в его знаменитой книге «Закат Запада» или «Закат Западной земли», почему-то переведённой на русский язык как «Закат Европы». Следует подчеркнуть, что О. Шпенглер именно Европейскую (западную) культуру характеризовал как вступившую в стадию упадка. В конце XX столетия американский профессор Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?», напечатанной в журнале с символическим названием «National interest», фактически констатирует, с одной стороны, исчерпаемость социальных технологий Запада» [533, с. 197] в виде либеральной демократии, а, с другой стороны, пытается представить дело так, что эта законсервированная идеология становится единственной, по сути, тоталитарной для всего мира. (Кстати, исчерпаемость социальных технологий означает и кризис цивилизации, которая без социальных технологий развиваться не в состоянии). Ф. Фукуяма видит конец истории как «завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления» [550]. При этом, он не замечает другие цивилизационные модели со своими социальными технологиями и идеологиями (пусть и не институционализированными на государственном уровне). Речь идёт, к примеру, о Китайской цивилизации, имплантирующей, начиная с 80-х годов XX в., западные цивилизационные стандарты, механизмы и хозяйственно-промышленные технологии, но сохраняющей собственные социокультурные основания. Нельзя не отметить, что и в первой половине 90-х годов, когда

концепцию Ф. Фукуямы усердно продвигал истеблишмент США, значительное влияние на почти что миллиард населения Земли имела мусульманская идеология, явно не воспринимающая западные каноны либеральной демократии. В 90-х годах, когда Ф. Фукуяма пытается похоронить все не либеральные идеологии, в России распространяется интерес к идеи Русского Мира, которые выстраиваются в концепцию самостоятельной Российской цивилизации с соответствующей идеологией, строящейся на основе принципа социальной справедливости. – Все последующие мировые события, особенно начиная со второго десятилетия XXI в., с очевидностью показали, что статья, а впоследствии написанная по её мотивам книга Ф. Фукуямы весьма поверхностны, являются, в лучшем случае, проявлением манипулятивных технологий, а по сути соответствуют стилю будущих тиктокеров, придумывающих сюжеты для привлечения внимания публики.

В силу многообразия цивилизационных конструкций в современном мире, разнообразия соперничающих идеологий, «не стоит рассматривать окончание цикла развития европейской культуры и цивилизации в качестве вселенской трагедии. Даже европейской социальной, как минимум гуманитарной, катастрофой это не является, потому что старая цивилизация в современных условиях имеет все возможности пользоваться благами новой цивилизации. Как, например, Китай пользуется достижениями Европейской цивилизации. Более того, угасающие, в соответствии с законами социального развития, цивилизация и культура кровно заинтересованы в оформлении и эффективном функционировании новой цивилизации, которая в состоянии построить общечеловеческую модель социальной деятельности, принципиально отличающуюся от всех предыдущих» [533, с. 197].

«Вполне естественно, что в условиях выстраивания оси культуры человечества и цивилизационного перехода должны выработаться принципы взаимодействия новой Российской цивилизации с существующими моделями цивилизационного устройства, прежде всего европейскими и североамериканскими. Понятно, что практически невозможно на уровне

просветительской деятельности добиться от Европейской цивилизации «сложения своих полномочий» и включить ее социальные институты в процесс содействия становлению (Ново) Российской цивилизации. Геополитические интересы, присущие и для евроатлантической цивилизации в целом и для отдельных наиболее агрессивных ее компонентов, не позволяют рассчитывать на Вселенскую социальную солидарность и цивилизационное братство. Геополитические интересы всегда будут провоцировать цивилизационную конфронтацию и конфликты. Потому надеяться, что две конкурирующие цивилизационные структуры (а таковыми в современном мире являются Европейская и Российская) в состоянии отказаться от своих геополитических притязаний, по крайней мере, наивно. Следовательно, необходимо не сглаживать цивилизационные противоречия (из этого ничего не получится, кроме благих пожеланий), а искать формы и способы их ненасильственного разрешения на основе выработки общих правил геополитической деятельности. Стремление включить культурный комплекс одной цивилизации (Российской) в другую цивилизацию (Европейскую) может приводить только к одному – нивелированию российских культурно-цивилизационных свойств и признаков, возникновением глубочайшей коллизии между российской социокультурной платформой и имплантируемыми иноцивилизационными стандартами, технологиями и механизмами. С одной стороны, это наносит ущерб всемирному цивилизационному прогрессу и разрушает выстраивание оси культуры человечества, с другой стороны, это генетически невозможно сделать, так как противоречит и глобальным социальным законам исторического развития, и потребностям всего человечества» [533, с. 197-198].

«Хотелось бы отметить, что взаимоотношения Европейской / Евроатлантической и Российской цивилизаций могут выстраиваться» [533, с. 198] не только в плане конфронтации и геополитического противоборства, что характерно для текущего периода и что во многом, было свойственно прошлым историческим эпохам, когда межцивилизационные противоречия порождали, как правило, глубочайшие конфликты и вооружённые столкновения. Необходимо, как

минимум, обозначить иные возможные параметры таких межцивилизационных отношений, которые должны строиться на основе трех принципов, определяющих и правила современной геополитической игры. «Это – преемственность, конкуренция, взаимоподдержка. Преемственность осуществляется благодаря тем мостам культуры, которые возводились в последние столетия Царской Россией и Советским Союзом. Конкуренция неизбежно будет возникать вследствие разницы геополитических интересов и по самой цивилизационной природе. Взаимоподдержка необходима, чтобы нейтрализовать и устранить социально агрессивные действия тех социокультурных сообществ, которые Данилевский называет «отрицательными деятелями человечества» [137, с. 89]. Сейчас такая агрессия проявляется в различных формах терроризма – от этнического до религиозного» [533, с. 198-199].

Но, самым главным препятствием межцивилизационного диалога России и Запада является в настоящий момент позиция США, как доминатора Евроатлантической цивилизации, которая исходит, если можно так выразиться, из цивилизационной исключительности. На пагубность такого подхода указывал С. Хантингтон [см. 554] и который, фактически, пытался обосновать Ф. Фукуяма [см. 549, 550, 551]. Отсюда стремление США не к диалогу, а диктату по установленным ими т.н. правил международного и, прежде всего, геополитического поведения. Следует отметить, что такой подход, который не иначе как цивилизационный диктат назвать нельзя, является, по сути, следованием давней европейской традиции в отношении России – геополитическая агрессия, прикрытая как бы ценностями западной демократии, якобы зиждущийся на принципах свободы. Примечательно, что и шведский король Карл XII в XVIII ст., и французский император Наполеон Бонапарт в XIX в., и германский канцлер А. Гитлер в XX в. вторгались на территорию нашего Отечества с фальшивыми декларациями о свободе для народов России или СССР. И вот теперь, в XXI столетии мы наблюдаем, практически, то же самое, только в обёртке либеральной демократии производства США. В конечном итоге всё сводится к набору «методов и способов гуманитарной, экономической и

геополитической агрессии против России» ради «сохранения мировой гегемонии США» [177].

Стоит сказать, что мы уже можем наблюдать, на примере России и Китая, России и Индии, отношения между которыми несут безусловный межцивилизационный характер, как может выстраиваться продуктивное цивилизационно-геополитическое взаимодействие. В том контексте, что Китай и Индия, как носители тысячелетних исторических цивилизационных форм, находят способы устраивать взаимовыгодные отношения со становящейся Российской цивилизацией. И в этом они являются примером для Евроатлантической цивилизации. «Европа кровно заинтересована в развитии Российской цивилизации, так как она обеспечит Европе будущее и европейцы смогут пользоваться её благами, как сейчас пользуются европейскими технологиями в Китае, Японии, Новой Зеландии и других регионах нашей планеты» » [533, с. 199].

3.2. Цивилизационные контакты и геополитические конфликты в религиозном измерении

Религия как целостная мировоззренческая система является важнейшим компонентом культурного комплекса социума. В то же время, религия оказывает существенное воздействие на все сферы общественной жизни – на политику, экономику, гражданское общество. М. Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал каким образом религиозный фактор влияет на экономические отношения и социальное устройство общества [85, с. 600-624]. Вполне очевидным является присутствие религии в политических процессах. В ряде исследований геополитической проблематики религиозный

фактор выступает в качестве определяющего для геополитических процессов и отношений. В частности, такое место он занимает в известной геополитической концепции С. Хантингтона [554], на которую ориентируются не только многие современные учёные, но и политики. В связи с этим, нам необходимо особо рассмотреть проблему религии, начиная с определения самой категории и коррелируемых с ней понятий, таких как конфессия, и заканчивая функциями религии и конфессий в цивилизационных моделях и геополитическом взаимодействии. Столь детальный подход к проблеме мотивирован и сложностью самого социального феномена религии, и тем влиянием, которое религиозные учения оказывают на социальное поведение (включая политическое), и повышенным вниманием к нему со стороны исследователей.

Уделяя особое внимание рассмотрению функций и роли религиозной системы в цивилизационном строительстве и геополитических процессах, мы исходим из того, что религия, как комплекс поведенческих установок, непосредственно участвует в обустройстве глобальных социокультурных пространств, формирует цивилизационные стандарты. Наглядные примеры таких функций религии мы находим в применении Торы в Иудаизме и Шариата в Исламе. Религиозные доктрины в значительно большей степени, нежели экономические стимулы влияют на внутри- и междоцивилизационные контакты, а сами религиозные системы становятся основой цивилизационного конструирования, вырабатывают и предлагают механизмы и инструменты цивилизационного обустройства социокультурного пространства; и в этом контексте они включаются в геополитические процессы, участвуя в том числе в геополитических конфликтах. Причём, отмеченные особенности характерны не только для традиционных классических форм религий, включая самые ранние и различные секты, но и для политических религий современности, когда они непосредственно участвуют в геополитическом позиционировании и замещают традиционные религиозные формы. Само понятие политических религий было введено в научно-философский оборот ещё в 1939 году Э. Фёгелином, который рассматривал важнейшую политическую и геополитическую идеологию XX века

– марксизм – как новое вероучение [см. 497]. В дальнейшем обоснования политических религий и их функций в политической жизни общества мы находим в работе Э. Джентиле «Политические религии» [см. 146].

Однако, ещё раньше Э. Фёгелина коммунистическую идеологию в качестве религиозной доктрины исследует Н.А. Бердяев [см. 45]. Причём, у Н.А. Бердяева коммунизм в его русской редакции выступает не только как политический инструментарий, но и как превращённая модель цивилизационного развития. Особая ценность исследования Н.А. Бердяева состоит в том, что он показывает, как коммунизм, в виде марксизма, из провозглашённого материалистического учения с декларируемыми экономическими приоритетами в общественном развитии на практике превращается в форму религиозной доктрины, которая освящает строительство новой цивилизации и призвана обеспечить новые геополитические реалии. И в этом смысле мы обнаруживаем, что для религии, участвующей в миропостроении (как цивилизационной конструкции, использующей и геополитические методы), экономика используется не более чем средство.

Отмечая значимость рассмотрения религии при исследовании цивилизационно-геополитических процессов, мы можем сослаться ещё на одного современного автора У. Шмида, который также уделил внимание функциям политической религии в современном мире [см. 630]. Характерно, что он среди основных признаков современной политической религии выделяет как раз её цивилизационно-нормотворческую и цивилизационно-стандартизирующую функцию: «С концом коммунистических и фашистских диктатур концепция «политической религии» не изжила себя. Так, немецкий Основной Закон, отражающий реакцию на ужасы эпохи Гитлера, обнаруживает довольно отчетливые черты политической религии. Знаменитая статья 1 с первым предложением «Человеческое достоинство неприкосновенно» возводит права человека в ранг политической религии.

Политическая религия также сильнейшим образом выражена в США. Декларация независимости, один из основополагающих документов Соединенных

Штатов, явно отсылая к дилемме Бёкенфёрде, решает ее в позитивном ключе: либеральное государство вовсе не должно само себя легитимировать, потому что цели этого государства очевидны и основаны на естественном праве» [630, с. 233-234]. А если принять во внимание, что США свои цивилизационные стандарты пытаются использовать как инструменты для своего геополитического позиционирования и доминирования, то необходимость особого рассмотрения религии в рамках нашей темы исследования становится совершенно очевидной.

Следует отметить, что любая религиозная форма, включая современные политические религии, которые явно не исчерпываются определениями, данными Н.А. Бердяевым, Э. Фёгелином и другими, становится важнейшим фактором социализации и усвоения цивилизационных стандартов. Если экономическая деятельность и экономика в целом являются, по сути, инструментом преобразования человеком окружающей среды, то религиозная деятельность и религия устанавливают параметры социокультурного пространства, а отсюда и цивилизации, выходя на их основе в сферу геополитических отношений. Таким образом, религия становится способом мироустройства, включая использование в этом процессе геополитических факторов.

«Какие бы исторические формы общественной жизни мы не рассматривали, везде находим системы религиозных верований. Религия является неизменным атрибутом жизни человека, даже тогда, когда отдельные сообщества заявляют о своей антирелигиозности. В последнем случае, религия уходит в «подполье» и религиозные верования обретают латентные и камуфлированные формы. Видимо суждение о том, что по существу неверующих людей нет, следует рассматривать в качестве постулата» [533, с. 200].

«Даже такая форма атеизма как коммунизм не смогла обойтись без религиозности. Подтверждением этому является не только идолопоклонство «вождю мирового пролетариата», мумию которого разместили в мавзолее, но и строительство в огромных количествах и масштабах различных культовых коммунистических сооружений. Да и *веру* в коммунизм усиленно внедряли на протяжении многих лет самыми разнообразными методами – от убеждения до

приказа и насилия» [533, с. 200].

«Что касается не извращенной, а настоящей религиозности, то она сохранялась у народа даже в самые тяжелые времена, когда агрессия коммунистической идеологии достигала своего предела. Люди, если не могли открыто исповедовать свою веру, делали это в тайне. И даже коммунистические чиновники, занимавшие высокие посты в советской иерархии, сохраняли религиозную привязанность и веру в Бога» [533, с. 200].

«В такой религиозности людей нет ничего удивительного, ибо религия и религиозная форма сознания свойственны самой природе человека. Потребность человека в религии и необходимость религиозной формы сознания обосновываются даже с помощью рациональных доказательств, исходя из логически непротиворечивой схемы. Вследствие неисчерпаемости мироздания (бесконечность пространства и вечность времени) его законы, то есть само мироздание, не будут познаны никогда. Но, так как человек, его рефлексивная (земная) жизнь или, по М. Хайдеггеру, онтическое бытие [см. 448, с. 177-183], есть конечный феномен, то он *всегда* будет стремиться к абсолютной, *конечной*, истине. Такую истину может дать только *вера*. Поэтому, сколько бы ни развивался человек, сколько бы ни накапливалось социальных знаний, сколь бы новых законов функционирования мироздания не было открыто, источник для возникновения веры будет *всегда*. Причем, с каждым новым открытием *потребность в вере будет увеличиваться*» [533, с. 200-2001].

«Отсюда следует один очень важный вывод: религия – это не исторический феномен, который в современном обществе теряет свой смысл; а, наоборот, религия все более полно обнаруживает себя с развитием общества и человека» [533, с. 201].

«Как всякий значительный социальный феномен, религия имеет и своих абсолютных сторонников, и ярых противников. Однако, зачастую, антирелигиозными объявляются воззрения и социальные движения, которые, на самом деле, являются критическими по отношению к отдельным религиозным элементам, но не к религии в целом. Именно на базе истолкования религии

сложился целый ряд философских, в том числе, политико-философских концепций, школ и направлений. А в рамках философско-религиозных концепций были сформулированы различные термины, выражающие формы религиозности, позицию человека в рамках определенной мировоззренческой системы, его отношение к религии. В результате возник своеобразный терминологический словарь, с помощью которого возможно ориентироваться в религиозной тематике. Многие термины стали широко использоваться в обыденной повседневной жизни человека. В силу этого некоторые из них получили неточную, а то и неверную трактовку. Поэтому есть необходимость дать толкование наиболее значимым терминам, имеющим самое непосредственное отношение к религии и к ее функционированию в жизни общества. Среди них такие, достаточно широко известные, как теизм и деизм, пантеизм и панентеизм, фидеизм, свободомыслие, антиклерикализм, атеизм и нигилизм» [533, с. 201].

Подобное глубокое рассмотрение понятийного аппарата исследования религии и её различных форм и разновидностей объясняется и тем, что религиозная система, как было отмечено выше, имеет чрезвычайно важное значение для процесса цивилизационного конструирования, результаты которого непосредственно влияют на геополитические отношения и формирование геополитической структуры мира. К тому же, эти формы и разновидности обнаруживают себя в превращённой форме и в современных политических религиях, которые не в меньшей, а даже в большей степени включаются в сферу геополитики.

Мы останавливаемся на определениях каждого хорошо известного термина потому, что, во-первых, все они даются в авторской редакции, предполагающей их толкование в контексте исследования цивилизационно-геополитических процессов и, во-вторых, все они, включая атеизм, выражают состояние явления религии как фактора мироустройства и потому чрезвычайно важного для темы настоящего исследования. К тому же, авторская редакция религиозных терминов акцентирована на их рассмотрение в режиме предметной корреляции с проблемами мироустройства и мироуправления на основе духовно-

идеологических импульсов и мотивов, что существенно для изучения геополитических процессов и моделей их описывающих.

«Иногда *теизм* представляют чуть ли не как синоним религиозности, хотя на самом деле формулировка этого термина исходит, прежде всего, из признания существования персонифицированного Бога или Бога как совершенной Личности. В этом случае, все мироздание является результатом Божьего творения. Принципы теизма лежат в основе большинства теологических концепций, суть которых сводится к необходимости признания в качестве основополагающего над-природного, и в этом смысле сверхъестественного Начала» [533, с. 201].

«В рамках теистического мировоззрения Бог не ограничивается функцией созидания мира и человека, не устраняется от «текущих дел» и забот о человеческих судьбах. Его креационистская миссия распространяется на все периоды человеческой истории – прошлые и современный» [533, с. 202].

«Постичь сущность сверхприродного Бога при помощи природного человеческого разума невозможно. Поэтому теизм, равно как и деизм, пантеизм и панентеизм, апеллирует к интуитивному способу познания. Лишь интуитивное познание, выходящее за пределы чувственного и опытного постижения мира, способно, с точки зрения теизма, *по-знать* Бога. В конечном итоге, именно интуитивный способ познания в состоянии обосновать веру человека в над-природного Бога» [533, с. 202].

«Близко расположенный к теизму *деизм* вносит небольшой корректив в объяснение Творца мироздания, считая таковым безличностную первопричину – неперсонифицированного Бога. Как раз первопричина в этом определении является не только основной, но единственно выраженной функцией Творца. Таким образом, Бог в теории деизма – это Божий⁵ импульс, который инициирует божественные действия по устройству мироздания» [533, с. 202].

«Следуя такому толкованию, деизм возлагает большую ответственность, если не всю, на самого человека, его деятельность. Возникает идея, что

⁵ Божий, а не Божественный потому, что последний обозначает атрибутивный характер, а первый – субстанциональный.

человеческая деятельность должна корректироваться нормами, исходящими от Божьего импульса. Поэтому Божий импульс не ограниченный во времени акт, а вневременное со-бытие⁶» [533, с. 202].

«В определенной степени Творец в деизме имеет признаки, которые «роднят» и сближают его с буддистской традицией, формирующей сверхъестественный (над-природный) уровень мироздания – Арупалоку (*Мир, не имеющих форму*)» [533, с. 202].

«Пантеизм, как термин, хотя и имеет в своём составе обозначение Бога, но в своём определении по сути дела о нем ничего не говорит. Концепции, строящиеся на принципах пантеизма, основываются на существовании духовного начала, духовных субстанций, внутренне присущих природе, в том числе человеческой. Это духовное начало и обеспечивает развитие природных процессов. Здесь происходит отрицание над-природной сверхличности Бога. Пантеизм фактически говорит о Вселенском Разуме или Мировой Душе, присутствующей всегда, везде и во всем» [533, с. 202-203].

«Панентеизм или, как его называют иначе, мистический пантеизм, факт детерминации (закономерной обусловленности) природы Духовным Началом доводит до абсолюта. Он провозглашает устами автора этого определения немецкого философа К. Краузе (1781-1832) постулат: мир пребывает в Боге, а Бог проявляет себя в мире [247]. В этом случае, единственным способом постижения и познания мироздания является сверх-чувственное прозрение духовного смысла, который продуцирует (производит) природу. И уже на основе этого может осуществляться формирование представлений о природе. В то время как пантеизм предполагает постижение безличностного Бога, то есть Мировой Души, через познание природы, панентеизм считает, что познать природу возможно через Бога, частичка которого находится в душе у каждого человека. Если пантеизм включает не только рациональное, но и чувственное и эмпирическое познание, то панентеизм в большей степени ориентируется на интуитивное познание и

⁶ Как со-существование и со-переживание некоей ситуации, связанной с прошлым и устремленной в будущее.

саморефлексию познающего субъекта (человека)» [533, с. 203].

«Фидеизм, как учение, присущ вообще любой религии, даже если она является сугубо атеистической. Это происходит прежде всего потому, что фидеизм в качестве основного принципа формирования мировоззренческой картины считает веру. Вера, в качестве основного принципа фидеизма, постулирует процесс познания и, если не устраняет вовсе, то значительно ограничивает применение таких средств, как восприятие, испытание, проверка, доказательство и т. п.» [533, с. 203].

«Исходя из определения термина «фидеизм», возможно говорить о том, что любая идеология, которая базируется на принципе веры может быть отнесена к религиозным. Эта традиция трактования религии была заложена еще Н.А. Бердяевым в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» [см. 45]. Впоследствии подобные такой трактовке взгляды излагались немецко-американским философом и социологом Э. Фроммом [547, с. 143-221; 207]» [533, с. 203].

«Рассматривая коммунистическую идеологию, с точки зрения принципа фидеизма, как особую форму религиозного сознания, убеждаемся, что принцип веры занимал и занимает в ней центральное место. Например, знаменитый постулат «учение Маркса всеильно, потому что оно верно» совершенно однозначно основывается на фидеистических мотивах. В своей практической деятельности политический режим, обосновываемый коммунистической идеологией, реанимировал постулаты, разработанные в эпоху Средневековья теологом католической конфессии Фомой Аквинатом. Основным из них является утверждение о том, что наука должна быть служанкой идеологии католической Церкви. Коммунизм также стремился подчинить науку с ее рациональным способом познания своей идеологии, основанной на вере» [533, с. 203-204].

«В целом же, фидеизм в сфере познания, исходя из основополагающего значения принципа веры в жизни человека, отдает приоритет интуитивному (сверх-чувственному) и трансцендентальному (сверх-разумному) способам познания. Он считает, что сфера применения рационального, эмпирического и

чувственного способов познания ограничена наукой и практикой» [533, с. 204].

«*Свободомыслие* нередко пытаются отождествить с атеизмом, а правильное будет сказать – с нигилизмом, и представить как альтернативу религиозному сознанию и мировоззрению. Но, уже тот факт, что сам термин «свободомыслие» был введен в понятийный оборот английским философом-деистом А. Коллинзом [410, с. 1037], свидетельствует о возможности его использования применительно не только к атеистическим концепциям. Тем более, что традиционная религия дает массу примеров свободомыслия. Иначе как свободомыслием не назовешь учение Иисуса Христа по отношению к религиозной системе Иудаизма. Или принципы, изложенные Мартином Лютером, также были проявлением свободомыслия по отношению к идеологии католической Церкви» [533, с. 204].

«*Антиклерикализм* в такой же степени, как и свободомыслие, трактуют в качестве позиции, отвергающей религиозное мировоззрение. Но и здесь требуется уточнение, которое способно внести существенное изменение в определение антиклерикализма. Антиклерикальные взгляды, прежде всего, осуждают деятельность Церкви как религиозного института. Антиклерикальная мировоззренческая позиция содержит критику церковно-институционального мышления, характерного для конфессиональной бюрократии. Но религиозные институты и соответствующее институциональное мышление не могут представляться в качестве полного и завершеного выражения религии, даже в форме той или иной конфессии. Религиозная система не сводится к религиозным институтам и институциональному мышлению. Последние только часть этой системы. И, как часть, в определении сущности системы, выражении ее содержания и состояния, – не самая главная» [533, с. 204].

«В качестве формы антиклерикализма могут быть истолкованы действия и позиция Иисуса Христа, который выступал против Синагоги, как религиозного института иудейской религиозной системы. Выступления Мартина Лютера и Кальвина также носили антиклерикальную форму, ибо были направлены против институциональных методов католической Церкви, в том числе торговли индульгенциями» [533, с. 205].

«Атеизм многие люди рассматривают как альтернативу религии и религиозности. Хотя в дословном переводе с древнегреческого атеизм означает всего лишь «отсутствие Бога», т. е. безбожие. При этом имеется в виду отрицание Бога как персонифицированного Высшего Существа, опекающего человека в течение всей его жизни – исторической (в процессе филогенеза) и индивидуальной (онтогенез). Следуя такому определению, которое строится исходя из этимологии самого термина, атеистической может быть названа не только фидеистическая позиция или точка зрения панентеизма, но даже установка деизма» [533, с. 205].

«Поэтому атеизм не всегда означает антирелигиозность, или, точнее, не может быть по определению отождествлен с отрицанием религии. Вследствие этого возникли такие термины, как «атеистическая религия», «атеистическое православие» и др. Например, некоторые исследователи называют Буддизм атеистической религией, отрицающей персонифицированного Бога как Высшее Существо. К тому же, целый ряд философских концепций, включающих атеистические взгляды, не отрицают религиозные методы познания. К примеру, известный германский философ М. Хайдеггер, выделяет понятия онтического и онтологического. Он считает, что первое понятие выражает сущее, то есть то, что представлено в человеческой жизни и постигается в результате опыта (эмпирически), исследуется рациональным способом познания. А второе – есть собственно бытие или существование, охватывающее не только сущее, но и то, что лежит за пределами физиологической (земной) жизни и потому постигаемое трансцендентальным способом познания. В своем фундаментальном труде «Бытие и время» М. Хайдеггер писал: «Если смерть определяется как «конец» человеческого существования (*des Daseins*), т. е. бытия-в-мире, то тем самым еще не дается никакого онтического решения относительно того, возможно ли «после смерти» иное, более высокое или более низкое бытие, «отмирает» ли человеческое существование, или же оно «длится далее», «бессмертно» [Цит. по: 448, с. 178]» [533, с. 205].

«Таким образом, мы видим, что сфера распространения религии и

религиозного мировоззрения в различных его формах достаточно широка, а сами религиозные конфессии, как разновидности вероисповеданий, многочисленны и включают в свой состав армию верующих – абсолютное большинство человечества» [533, с. 206].

«Однако, наряду с религиозностью и свойственной ей верой, существует и такая традиция в истории человечества, которая не признает религиозные методы познания. Она считает, что интуиция малоубедительна, потому что рассудочно не обоснована, а сверхрациональный (трансцендентальный) способ познания практически бесполезен и для простой жизни не нужен. Целесообразно эту традицию будет назвать *нигилизмом*, а не столь многочисленных, но радикально активных (до состояния социальной агрессии), ее представителей – *нигилистами*» [533, с. 206].

«Что касается определения *нигилизма*, то вряд ли возможно характеризовать его только как принцип абсолютного отрицания. Дело в том, что он, в лице своих представителей, все-таки предполагает некие мировоззренческие нормы и определенные способы познания и преобразования мира. *Нигилизм* ориентируется на рассудок в объяснении мироздания, для него единственно достоверными источниками информации являются чувственные и эмпирические данные. Даже разумный способ познания *нигилизм* не то, чтобы не приемлет, но оставляет без должного внимания. А вот что действительно отрицает *нигилизм*, так это религиозный метод познания и используемые им способы – интуитивный и трансцендентальный» [533, с. 206].

«Достаточно ярко принцип, лежащий в основе *нигилизма*, был выражен В.И. Лениным в работе «*Материализм и эмпириокритицизм*», которая, стала программной для современного *нигилизма*. В ней один из классиков коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии писал: «*Наивное*» убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания» [267, с. 66]» [533, с. 206].

«Принцип, положенный в основу *нигилизма*, утверждает рассудочную практику в качестве единственно достоверного источника знания. В таком случае,

складывается ситуация, когда для нигилизма даже рациональные обоснования являются излишне «вычурными», не говоря уже об интуитивном предчувствии и озарении или трансцендентальном постижении. В силу этого, нигилистическое мышление и мировоззрение не просто становятся, а провозглашают себя чуждыми любой форме религии, доверяя лишь своим чувствам и опыту. Они оказываются чуждыми и разуму, потому что он склонен анализировать чувственно-эмпирические данные, не принимая их безоговорочно; а также готов воспринимать религию и философию» [533, с. 206-207].

«В результате, скепсис и недоверие нигилизма приводят его к тому, что он становится заложником своих собственных ограничений, т. к. оказывается не способным выйти за рамки чувственно-эмпирического и рассудочного восприятия действительности. Следует также отметить, что сторонниками нигилизма становились, как правило, люди, специализировавшиеся в какой-либо узко ограниченной сфере практики, сконцентрировавшие свое внимание на какой-либо практически значимой проблеме до такой степени, что она захватывала их целиком. Ограниченность практики и практицизм проблемы приводили к тому, что человек становился фанатиком «наивных» убеждений» [533, с. 207].

«По причине неустойчивости нигилистической аргументации, сами носители «наивных убеждений» не представляют собой консолидированные социальные группы, а, скорее, являются маргиналами, утратившими связи с элементами организованной социальной структуры. Отсюда частые случаи обретения веры бывшими нигилистами, восстановление ими утраченных социальных связей, установление взаимодействия с различными социальными субъектами, возвращение в мир, необходимой составной частью которого является религия» [533, с. 207].

«Религия как понятие выражает очень сложное социальное явление, глобальное по своим масштабам и разнообразное по качественным признакам. В силу этого само понятие религии становится настолько глубоким, что его определения зачастую выглядят противоречивыми. Возникает проблема: какую систему убеждений, верований, культовой практики, идеальных построений

можно называть религией?» [533, с. 207].

«Чтобы внести хотя бы какую-то ясность в использование понятия религии, необходимо, видимо, определиться с признаками, на основании которых то или иное социальное явление возможно отнести к религии либо считать его нерелигиозным или даже антирелигиозным. Тогда, как минимум, мы будем в состоянии говорить о широком и узком толковании понятия религии» [533, с. 207].

«Сама этимология этого слова несет глубинный и существенный смысл. Термин «религия» образуется от сочетания *re* (лат. – приставка, которая обозначает повторение или возвращение к чему-либо) и *ligo* (лат. – соединяю, связываю) [410, с. 917]. Таким образом, религия в сфере онтологии означает процесс *воссоединения* социокультурного пространства, сформировавшегося на основе определенных традиций и общей истории; в мировоззренческом плане – она обеспечивает восстановление целостности мироздания в картине мира, создаваемой человеческим сознанием» [533, с. 207-208].

«Как ни парадоксально, не только нигилистическая литература склонна предвзято относиться к религии, как социальному феномену и гносеологической категории. Но даже теологи и священники допускают не просто антирелигиозные утверждения, но пытаются обосновать определенные антирелигиозные концепции. В данном случае, речь идет о теологической концепции лютеранского пастора Д. Бонхёффера, получившей название «безрелигиозное христианство». Некоторые религиоведы считают, что концепция Бонхёффера содержит в себе ревизию одного из основных положений Ветхого Завета – Учения о Боге [347, с. 13-27]. Такая ревизия осуществляется с позиции, обосновывающей необходимость пересмотра устаревших ортодоксальных библейских представлений. Лютеранский теолог представляет Бога не как внешнюю силу, обеспечивающую человеку условия спасения, а в качестве внутреннего импульса к самосовершенствованию» [533, с. 208].

«Д. Бонхёффер отмечает и концентрирует свое внимание не столько на таких божественных атрибутах, как всемогущество, всесилие, трансцендентность,

сколько рассматривает страдающее начало в Боге, его любовь к ближним. В интерпретации Бонхёффера, Бог – это жизнь для других по принципам христианской нравственности. Таким образом, Д. Бонхёффер следует в русле традиций протестантской Церкви, которая видит Новый Завет основным источником христианского вероучения, а тексты Ветхого Завета признает его историко-мифологической традицией. В определенной степени такой подход можно считать оправданным, однако принципы концептуального решения Бонхоффером проблемы соотношения Нового и Ветхого Заветов вряд ли являются правильными и логически обоснованными [см. 58]» [533, с. 208-209].

«Во-первых, говоря о «безрелигиозном христианстве», Д. Бонхёффер под религией понимает, в частности, учения Ветхого Завета. Из этого следует, что религия, как понятие, отождествляется, в этой редакции, с ветхозаветной мифологией. Во-вторых, обозначение «новозаветного христианства» как «безрелигиозного», приводит к необходимости дать ему определение в соотношении с понятием религии и отнести к какой-либо форме общественного сознания и практики – идеологии, философии, морали, науки и т. д. В-третьих, попытка Д. Бонхёффера обосновать Христианство нравственными признаками не убедительна по той причине, что учение Христа не ограничивается нравственными заповедями, а выходит на оценку целостности мироздания. В-четвертых, использование эпитета «безрелигиозное» фактически ведет к антирелигиозной позиции, на которую даже атеисты вставать не решаются» [533, с. 209].

«Возможно, что концепция Д. Бёнхоффера строилась с целью нейтрализовать антирелигиозные настроения в европейском обществе, которые были распространены в первой половине XX века. Но, с учетом отмеченных недостатков, она никак не может быть принята для определения религии и, тем более, для выражения сущности Христианства, которое, безусловно, является самой развитой религиозной системой из всех существовавших в истории человечества» [533, с. 209].

«С тем, чтобы выяснить гносеологическое и онтологическое значение

категории «религия» необходимо обратиться к определению его объема и содержания. Строить свои рассуждения в этом направлении следует с учетом того, что определение, как особый познавательный процесс, предполагает осуществление логической операции, позволяющей отличать изучаемый предмет от других предметов. Это достигается через раскрытие содержания понятия, то есть указание существенных признаков предмета, явлений, отражаемых понятием» [533, с. 209].

«Определение религии как особой познавательной категории имеет очень большое значение потому, что в ней, в этой категории, выражается само социальное явление в его существенных признаках. Вследствие этого важно точно знать, не только с познавательной точки зрения, но и исходя из практических, можно сказать, политических потребностей, что возможно отнести к религии, и дать этому соответствующее определение, а какой социальный факт религией не является. Зачастую эта проблема становится вопросом государственного значения: признавать какой-либо культ или учение религией. Положительное решение этого вопроса влечет за собой определенные социальные последствия, которые связаны со статусом религиозной организации. Юридически легализованные религиозные организации практически во всех государствах автоматически получают ряд льгот и благоприятные условия для своего развития. Отказ в таком признании означает, что организация, претендующая на статус религиозной, оказывается, как бы, вне социально-правового поля и становится своеобразным изгоем, маргинальной группой. В связи с этим возникают жаркие споры по поводу того, «что здесь религия, а что здесь секта»» [533, с. 209-210].

«Поэтому правильное определение религии «проливает свет» не только на область научных споров, но и на политическую сферу общественной жизни, и даже на повседневную жизнь людей. Применительно к исследованию цивилизационных конструкций адекватные представления о религии и социальных формах её проявления позволяют обозначить сам религиозный фактор в цивилизационном строительстве и степень и характер религиозно-

конфессиональной идентификации конкретных цивилизационных моделей. Формирование понятийных признаков религии даёт возможность определить, насколько религиозная составляющая влияет на геополитическое взаимодействие и отношения, в какой степени конфессиональная принадлежность мотивирует геополитические процессы» [533, с. 210].

«Трактовка понятия религии, исходя из этимологических признаков, предполагает позитивные определения, отсекающие от религии такие социальные явления, связанные с реализацией убеждений и некими идеальными построениями, которые неспособны (пока, уже или изначально) выполнять интеграционные функции» [533, с. 210].

«В широком смысле понятие религии определяется на основании фидеистских принципов, признаков веры, характерных для определенной системы идеальных построений, убеждений, верований и культовой практики. В этом случае религией называются все дифференцированные группы обозначенной выше классификации религиозных систем, учений и культов. Тогда мы можем использовать такие термины, как «коммунистическая религия», «религия сайентологии» либо даже «сатанистская религия»» [533, с. 211].

«Такой подход к определению понятия «религия» допускает существование множества различных религий – христианской, мусульманской, иудаистской и т. д. Это становится возможным потому, что под религией фактически понимается определенная система веры, специфический комплекс вероисповедания, а то и разновидности одного вероисповедания. Например, католический теолог Х. Бюркле в книге «Человек в поисках Бога. Проблема нехристианских религий» не только пишет об «основных направлениях теологии религий» и о проблемах «поиска Бога в нехристианских религиях», но и рассматривает Библию как Священное Писание для нескольких религий [76, с. 27-58]. Поэтому, используя термин «религия», мы должны учитывать эти две традиции» [533, с. 211].

«Первым христианским философом, написавшим обширный трактат о принципах функционирования общества и государственного строительства, был Августин Аврелий (354-430 гг.). Более того, Августин стал, по сути, первым

мыслителем, который изложил представления о функциях религиозного института в морально-нравственной сфере существования общества, которая рассматривается им как основа социального строительства благодаря христианской идеологии и вероучению. В своем трактате «О граде Божьем» («De civitate Dei») он анализирует состояние современного ему общества и предлагает свою модель общественного устройства. Само название трактата следует понимать как описание идеального (Божьего) общества либо государства, потому что «град» у Августина – это государство или общество. Своеобразным медиатором (посредником) между идеальными нормами общественного устройства, характерными для «града Божьего», и земным, светским государством является Церковь, как организационная структура и институт, руководствующаяся в своей деятельности божественными заповедями» [533, с. 211-212].

«Известно, что Августин в своих религиозно-философских построениях во многом основывался на идеях Платона. В какой-то степени это было связано с тем, что во второй половине IV в. в Римской империи философия Платона получила широкое распространение и имела значительное влияние на римское общество. Дело в том, что философ Плотин (ок. 205-270 гг.), грек из Египта, живший в Риме, основал религиозно-философскую (по содержанию) школу неоплатонизма. В соответствии с учением этой школы, получившей во второй половине IV в. четко выраженные религиозные черты, мироздание есть результат эманации (истечения) абсолютно идеального Первоединого Начала или, можно сказать, Абсолютной Идеи, хотя и не персонифицированной в образе Бога, но имеющей, по сути, божественные признаки. По Плотину этапы эманации такого Абсолюта, следующие: сначала Первоначало самореализуется как Мировой Ум, затем как Душа Мира, потом как единичные (индивидуальные) души, наконец, как отдельные тела, вплоть до материи и природы. На основе этих принципов формулируется цель человеческой жизни, которая состоит в преодолении материальных и природно-телесных ограничений и восхождении к Первоначалу. Неоплатонизм, как религиозно-философская доктрина, имеет самое

непосредственное отношение и к проблеме цивилизационного строительства, и к геополитическому позиционированию. Хотя бы потому, что она во второй половине IV в. была объявлена государственной в Римской империи, оттеснив с этой позиции Христианство, официальный статус которой был установлен в 324 г. императором Константином Великим» [533, с. 212].

«С учётом того влияния, которое имел Неоплатонизм в римском обществе второй половины IV в., Августин создает свою концепцию общественного устройства. Он выделяет два типа общества: идеальное и реальное. Идеальное – это мир духовных сущностей, как первоосновы природно-материальных субстанций и тел. Реальное – это земное общество как преломление сквозь призму материи и телесной природы человека идеального Первоначала» [533, с. 212].

«Действительно, крушение обществ и разрушение государств, неустройство семьи имеют в основе своей кризис идеологии, на которую они опирались и, исходя из принципов которой, они строили свою деятельность. И Августин мог это воочию наблюдать на примере Римской Империи. Он жил в эпоху глубочайшего социально-политического кризиса, охватившего Римское государство второй половины IV века. Это государство разрушалось у него на глазах. Как человек образованный он знал о многочисленных попытках римской власти, начиная с первого императора Августа, создать общую для государства идеологию на основе римской религии. Все эти попытки не увенчались успехом. Римская империя, обширную территорию которой населяли представители различных этносов, не получила идеологического стержня и терзаемая идейными (прежде всего, религиозными) противоречиями рассыпалась как карточный домик. Рассыпалась, несмотря на высокий уровень экономического развития (Европа, например, смогла достичь такого уровня только в эпоху развитого средневековья – к XI-XII вв.), социально-политической и военной организации. Не этим ли, отсутствием духовной силы, идейных принципов и идеологических мотивов, объясняются парадоксальные, на первый взгляд, поражения хорошо обученных тактике и стратегии военных действий римских легионов в борьбе с

разрозненными и военно-неквалифицированными варварскими племенами?» [533, с. 213].

«Кстати, идейный кризис, выражающийся, как правило, в религиозной форме по причине фидеистического восприятия идей народными массами, выступал причиной разрушения социально-государственных устоев не только в Римской империи. Практически все государственные образования и даже социальные организмы распадались вследствие глубокого религиозно-идеологического кризиса. Точно так, как и укрепление, и создание мощных государств являлось результатом религиозно-идеологического подъема» [533, с. 213-214].

«Религиозный кризис лежал в основе крушения древнеегипетской цивилизации, когда померк образ фараона как Божьего существа и представителя богов на земле. Девальвация религиозных институтов во Франции второй половины XVIII в. и в России конца XIX – начала XX вв. во многом спровоцировала известные социальные революции, политические заговоры и насильственные захваты власти» [533, с. 214].

«Особенно ярким примером влияния религиозно-конфессионального кризиса на стабильность функционирования государства и социальное устройство служат события в России. Когда в начале XX в. кризис религиозной идеологии, институционализированным выражением которой был Правительственный Синод, привел в конечном итоге к октябрьскому политическому перевороту большевиков, то первое, что начало делать новое правительство – это распространять и внедрять (как правило, насильственно) свои идейные постулаты. Причем изначально идейные постулаты большевизма, как политического течения, были сформулированы в форме коммунистической идеологии, являющейся по своей сути разновидностью религии» [533, с. 214].

«Хотя, если уж быть до конца последовательным, коммунистическую идеологию вряд ли можно в полной мере отнести к религиозным формам. И не только по причине её абсолютного атеизма, при том, что функции богов фактически возлагались на коммунистических вождей. Прежде всего, коммунизм

нельзя считать религией потому, что он по природе своей амбивалентен и непоследователен. С одной стороны, призыв верить в идею светлого будущего, с другой – тотальное отрицание всего, что не проверяется чувствами, опытом и практикой. Вот эта двойственность и определенная религиозная незавершенность позволяют отнести коммунизм к квазирелигиозным культам, наряду с архаичными формами религиозных верований (астрология, магия, фетишизм, знахарство) и маргинальными культами (сатанизм, инфернальные культы, фашизм, нацизм или этноцентризм). Квазирелигиозные культы – это почти или мнимо религиозные действия, приводящие к образованию определенных структур, имеющих иногда функции политических институтов, которые манипулируют религиозным сознанием людей» [533, с. 214].

О том, что религиозная система в обязательном порядке имеет свое социальное выражение в лице верующих, носителей определенных религиозных идей, сказано давно. И этот факт не подлежит сомнению. Проблема в другом: какова сфера распространения религии в обществе, кто вовлечен в эту сферу и каковы функции религиозной системы в обществе в целом и в определенных социальных сегментах в частности?

В архаических обществах с тоталитарными принципами формирования социальной организации религия выступала в качестве основного цементирующего общественные устои стержня. В этом случае все общество являлось выразителем и носителем определенной религиозной формы. В таких условиях невозможно было допустить состояние каких-либо параллельно существующих религиозных форм, а тем более – антирелигиозных. Более того, практически повсеместно в этот исторический период государства строились на основе конкретных религиозных форм. Впоследствии, начиная с эпохи Возрождения и, особенно, в новое время, религия в обществе дифференцируется, возникают и соседствуют друг с другом различные религиозные формы, определяются социальные сегменты, с характерными для них религиозными конфессиями. Хотя, следует сказать, что и в более ранние исторические периоды мы можем наблюдать дифференциацию религиозных форм, прежде всего в

полиэтнических империях древности, как, например, Римская или Византийская.

Наряду с дифференциацией религии, в современном обществе (особенно интенсивно со второй половины XIX века) возникает «рассеивание» религии в социальной среде за счет распространения индивидуальных способов постижения Бога и Абсолюта. Складывается ситуация, когда принадлежность к конкретной форме религии определяется этнической принадлежностью и уже участие в организационных мероприятиях (культовая практика, конфессиональные церемонии и т. п.), проводимых религиозными институтами (Церковью), не является «признаком причастности». Возникают «диффузные» религии (по определению Дж. Йингера), когда религиозная принадлежность определяется принадлежностью к данному социуму [см. 84].

Исторический процесс воплощения религии в социальной среде приводит к тому, что возрастает значение отдельных носителей религиозного сознания, религия индивидуализируется. В этом плане процесс движения религии передается знаменитой диалектической схемой: *от общего* (тоталитарные религиозные формы в архаичных социумах с господством коллективных представлений) *через особое* (выделение социальных сегментов с характерными для них религиозными формами – дифференциация религии в полиэтнических империях) *к отдельному* (индивидуализация религии в современном христианском обществе).

Говоря о функциях религии в обществе, нельзя оставить без внимания социологические исследования, которые были проведены известным ученым, классиком мировой социологии М. Вебером. В своих исследованиях он показал активную роль религии в социальной жизни, ее определяющий фактор в экономическом развитии обществ разных исторических эпох [см. 85].

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» [85, с. 600-624] М. Вебер показывает и доказывает, что протестантское мировоззрение сформировалось под влиянием социальной деятельности эпохи Возрождения, основанной на принципах индивидуализма. В свою очередь, дух индивидуализма и этические принципы Протестантизма оказали решающее воздействие на

становление капиталистической системы общественных отношений и социальной деятельности. Но, хотелось бы обратить внимание на один весьма примечательный аспект веберовской концепции, который, может быть, даже лежит за ее пределами. Скорее всего, так оно и есть. Индивидуализм Возрождения борется и освобождается не от «религиозных оков», как это зачастую превозносится, а от институциональных ограничений социальной жизни со стороны католической Церкви. Вполне понятно, что институциональные структуры Католицизма не одно и то же, что Христианство как идеология, культура и цивилизация. В таком случае дух индивидуализма, уже по М. Веберу, находит именно в протестантской идеологии Христианства свое адекватное воплощение, – воплощение своих созидательных устремлений» [533, с. 222-223].

«Анализ религиозного учения Протестантизма М. Вебером показал, что развитие социальных функций Христианства позволило европейскому обществу совершить существенный рывок не только в экономическом и социально-культурном, но и цивилизационном плане. В том числе в сфере культуры социальной организации, функционирования различных по типу деятельности социальных институтов, среди которых одними из наиболее заметных стали институты гражданского общества» [533, с. 223]. А эти аспекты имеют прямое отношение не только общественной повседневной жизни, но и к её цивилизационным стандартам.

«Религиозные институты выполняют очень важную миссию в структуре религиозной системы. Они занимаются организационными вопросами, – вопросами организации взаимодействия между различными структурными элементами религиозной конфессии, выполняют роль связующего звена между религиозной идеологией, содержащей основные и вспомогательные идейные концепты определенной религии, и массой верующих. Именно религиозные институты обеспечивают продвижение религиозных идей в обществе, их реализацию в культовой практике» [533, с. 223-224].

«На протяжении всей человеческой истории религиозные институты оказывали влияние на общественную жизнь, а иногда были главными

действующими лицами в управлении социальной системой. По этой причине, часто всю религию в единстве её основных компонентов – религиозной идеологии, институционального мышления и религиозной психологии – сводили только к религиозным учреждениям. А затем уже оценку религии давали сквозь призму деятельности того или иного религиозного учреждения» [533, с. 224].

«В некоторой степени основания для подобной редукции и последующей оценки реально существуют, и они связаны с той миссией «проводника идей», которую выполняют религиозные учреждения. Однако, есть факторы формирования религиозных учреждений, которые не позволяют нам однозначно представлять их в качестве «витрины» какой-либо религии» [533, с. 224].

«Во-первых, институциональная природа (любого социального учреждения – политического, экономического или религиозного) такова, что она требует участия создаваемой структуры или структурного подразделения в процессе реализации социальных интересов. С этой стороны, религиозные институты включаются в систему социальных отношений, испытывают на себе их влияние и даже претерпевают вследствие этого изменения» [533, с. 224-225].

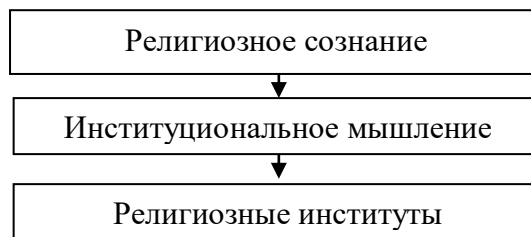
«Во-вторых, религиозные институты формируются с учетом веления исторического времени и географического пространства, потому вся их «оболочка» пронизана спецификой эпохи существования» [533, с. 225].

«В то же время, эти особенности религиозных институтов не означают, что они являются продуктом социальных отношений; они только испытывают влияние социальной среды (иногда очень сильное), но остаются при этом продуктом религиозного сознания. Вполне уместно будет здесь заметить, что вследствие заблуждения относительно природы религиозных институтов и ассоциирования их с религией в целом, строится модель религии как продукта общественных отношений. Такая модель видит религию следствием определенного общественного состояния и, заблуждаясь сама, пытается представить религию как результат человеческих заблуждений» [533, с. 225].

«Отмечая существенное значение религиозного сознания, порождающего религиозное видение мира и создающего религиозные конструкции мироздания,

мы не можем не отметить и другую важную функцию религиозного сознания – обеспечение духовно-практического освоения, осмысления окружающего мира верующими людьми. Как раз религиозные институты и выполняют эту функцию, сами являясь следствием институционального мышления, складывающегося благодаря религиозному сознанию. В этом плане возникает последовательность связей, которая» [533, с. 224] показывает определяющее значение религиозного сознания для всей религиозной системы (см. схему 3).

Схема 3. Структура религиозной системы

«В силу отмеченной специфики генезиса и функционирования религиозных институтов, их состояние необходимо рассматривать с учетом двух составляющих: компоненты религиозной системы, имеющей природные основания в религиозном сознании, и атрибута системы социального взаимодействия, включенного в сферу производства, распределения и удовлетворения социальных интересов. Все, что входит в систему социального взаимодействия – социальные отношения, сообщества и институты – строит свои отношения с религией через и посредством установления коммуникационных каналов с религиозными учреждениями. Поэтому отношения государства и религии строятся сквозь призму сосуществования двух социальных институтов – государства, как политического института, и религиозного учреждения, как социокультурного института» [533, с. 225].

«В этой же институциональной плоскости лежат отношения между различными конфессиями, разными религиозными учреждениями. По большому счету в таких ситуациях мы становимся свидетелями не отношений двух или нескольких религиозных форм (Христианства, Ислама, Иудаизма и др.) и, тем более, не соответствующих религиозных идеологий, а именно религиозных

институтов. Поэтому, говоря о каких-либо возможных формах сотрудничества и просто диалога различных конфессий необходимо учитывать все эти особенности, институциональные прежде всего» [533, с. 225]. Хотя, самым проблематичным из уровней религиозной системы остается институциональный компонент. Именно на этом уровне возникают проблемы, связанные с реализацией социальных интересов, здесь религия входит в политическое поле социальной жизни. С учетом этих аспектов, строить религиозный диалог необходимо идеологически обоснованно, не через практические институциональные интересы, а с помощью общих идей и смыслов.

«Анализ содержания и состояния религиозной системы в целом, а также различных ее видов (Буддизм, Христианство, Ислам и других), позволяет сделать вывод о безусловном наличие возможностей для самого широкого межконфессионального общения. В свою очередь, каждый уровень религиозной системы содержит в себе основания для разнообразных форм диалога. Хотя, самым проблематичным из уровней религиозной системы остается институциональный компонент. Именно на этом уровне возникают проблемы, связанные с реализацией социальных интересов, здесь религия входит в политическое поле социальной жизни. С учетом этих аспектов, строить религиозный диалог необходимо идеологически обоснованно» [533, с. 226].

«На уровне религиозной идеологии диалог имеет больше шансов начаться по причине онтологической и гносеологической близости всех развитых религиозно-философских концепций. Субъектами такой формы религиозного диалога будут выступать представители определенной религиозной идеологии – философы, религиозные мыслители, богословы. Развёртывание религиозно-идеологического диалога может осуществляться, исходя из отмеченного выше родства религиозных систем, особенно, близости мировоззренческих установок мировых религий» [533, с. 226].

«Основоположники мировых религий являют собой пример высокой степени веротерпимости и открытости. Нигде в проповедях Будды, Христа и Мухаммеда, других основателей Великих религий мы не найдем порицаний в

адрес иных вероучений. Разве что осуждение архаичных форм культовой практики. Таких, как кровосмешение, жертвенные культы, идолопочитание и т. п. Образцом для подражания можно считать Мухаммеда, который не только считал Христа своим непосредственным предшественником, но и признавал за ним право Второго Пришествия. Вследствие этого Ислам признает Божью сущность Иисуса и фиксирует человеческую – Мухаммеда» [533, с. 226].

«На уровне религиозной психологии межконфессиональный диалог возможен при двух основных условиях. Первое – если установка на таковой будет исходить от носителей институционального мышления соответствующих религиозных систем. Второе условие связано с психологией верующих, которая имеет много общих этнических, культурных, человеческих компонентов. И это общее в психологии верующих выступает в качестве сближающего религиозно-психологического фактора. Ведь психология верующих никогда не может быть сведена только к религиозной психологии. Религиозная психология – это формопроявляющийся компонент индивидуальной и общественной психологии» [533, с. 227].

«В целом проблема религиозного диалога может решаться не только и, возможно, не столько в рамках формирования т.н. общечеловеческих ценностей, которые, как правило, формируются доминирующей культурно-цивилизационной моделью, а благодаря комплексной мировоззренческой картины, которая устраивается в особом социокультурном пространстве и присущей ему цивилизационной конструкции, всегда поликонфессиональной и полиэтнической. И здесь основополагающим все-таки будет поиск общезначимых, гносеологически ценных элементов в развитых религиозных системах. Поиск, который должен обеспечить взаимодействие и развитие контактов между религиозными и философско-религиозными школами и концепциями. В таком случае религиозный диалог станет условием достижения межнационального согласия. А это весьма существенно и значимо для современного мира» [533, с. 227-228].

«Утверждения американского политолога С. Хантингтона о неизбежном

столкновении христианской и мусульманской цивилизаций [см. 554] стали для многих учёных и действующих политиков чуть ли не аксиомой. Такая гипотеза строится на том, что Христианство и Ислам представляют принципиально различные культурно-цивилизационные типы и их противоречия есть противоречия между Западом и Востоком» [533, с. 228]. Так ли это на самом деле?

На самом деле, Христианство и Ислам являются конфессиями, принадлежащими одной западной культурной традиции. И противоречия между ними не глубже, чем между Православием, Католицизмом и Протестантизмом. Безусловно, различные элементы западной культуры входят не только в сферу комплементарных отношений, но и демонстрируют неприятие в отношении друг друга. В рамках западной цивилизации часто возникают острые конфликты, переходящие в стадию открытых вооруженных столкновений. Значит ли это, что отсюда возможно делать выводы о столкновении именно мусульманской и христианской цивилизаций? Допустимо ли видеть источники этих столкновений в различиях идейных установок, культурных традиций, менталитета, социального уклада и государствообразующих принципов? Очевидно, что все это можно относить к взаимоотношениям Христианства и Ислама с такой же степенью допустимости, как и к взаимоотношениям других элементов западного культурно-цивилизационного пространства – Католицизма и Протестантизма, Восточного и Западного Христианства, Средиземноморского и Балтийского регионов, Западной и Восточной Европы, Европы и Азии, Европы и Америки и т. п.

Данное замечание весьма существенно для Российской цивилизации (Русского Мира) в структуре которой православная и мусульманская религиозно-конфессиональные системы занимают особые доминирующие позиции и на протяжении веков демонстрируют не просто эффективное сосуществование, а продуктивное взаимодействие, исключая любые формы конфликтов. Во многом такой характер отношений исключил религиозные войны в исторической России, в отличие от Европы, где таковых было несколько, а одна – Тридцатилетняя (1618-1648) – стала общеевропейской.

Приняв во внимание отмеченные аспекты проблемы, мы в состоянии закладывать методологические основания не только более глубокого исследования проблемы взаимодействия Христианства и Ислама, которое во многом выражает принципиальные особенности различных элементов западной культуры и цивилизации, но и предоставления практических рекомендаций по устройству и динамическому развитию христианско-мусульманского сообщества в Европе, Азии, Африке и Америке. На основе данной парадигмы, возможно более глубокое изучение взаимоотношений Христианства и Ислама, осуществление поиска точек соприкосновения и сотрудничества между ними.

Функции религии, в т.ч. как нравственного регулятора, в геополитических процессах предмечиваются её ролью в цивилизационной конструкции, которая, являясь обустройством глобального социокультурного пространства, выступает в качестве основы и условия геополитического позиционирования государств или их союзов, выражающих значимые цивилизационные модели. В таком же статусе обнаруживают себя и так называемые политические религии [см. 497, 146]. С учётом того, что религиозные системы и в современном мире играют заметную роль в геополитических процессах, отмеченные особенности развитых религий в состоянии оказывать непосредственное влияние на геополитическое устройство мира.

Следует заметить, что диалог религиозно-конфессиональных систем на уровне их идеологий, с присущими нравственными ценностями, осуществляется не только в пространстве межцивилизационного взаимодействия, но и внутрицивилизационного. Формат межцивилизационного взаимодействия, направленного на сохранение нравственных ценностей, Российской (Русской) и Евроатлантической (Западной) цивилизаций предполагает выстраивание диалога идеологий между доминирующими в них религиозно-конфессиональными системами – традиционного Христианства в образе Православия, с одной стороны, и исторических ответвлений Христианства в виде Католичества и Протестантизма, с другой стороны. Безусловно, с участием других конфессий с обеих сторон. Внутрицивилизационное взаимодействие в пространстве

Российской цивилизации или Русского Мира может быть обеспечена с установлением обязательного диалога, прежде всего, между Православием и Исламом, идейная близость которых была отмечена выше. Также, конечно же, с вовлечением других конфессий – Буддизма, Христианства Восточного обряда, Католицизма, Протестантизма, Иудаизма, этнических верований и т.п.

Взаимодействие (в соответствии с социологическим определением, предполагающим достижение общей цели) религиозных институтов, представляющих разные цивилизационные конструкции, по сути, невозможно. Весьма затруднительно взаимодействие религиозных институтов внутри цивилизации дисперсного типа, как непросто складываются отношения католических и протестантских церквей в структуре Евроатлантической цивилизации. (Предметно о дисперсном и интегративном типах цивилизации рассматривается нами в отдельной публикации [см. 506]). Именно в таких случаях речь должна идти о диалогах на уровне религиозных идеологий с их носителями.

А вот в рамках цивилизации интегративного типа взаимодействие религиозных институтов обеспечивается общими целями цивилизационного строительства и характером отмеченного типа, который предполагает сильные центростремительные тенденции. Опыт Российской цивилизации, имеющей чётко выраженные интегративные признаки, в предшествовавшей стадии её становления, демонстрирует эффективное взаимодействие различных по идеологической наполненности и вероучению религиозных систем, включая их институты. Понятно, что не всё гладко складывалось в отношениях государственных учреждений и религиозных институтов, но история таких отношений, прежде всего на этапе существования Российской Империи, даёт примеры, прежде всего, взаимодействия, а не конфронтации.

Исходя из этого следует отметить, что любые попытки создать экуменические объединения из религиозных институтов, принадлежащих к разным цивилизационным конструкциям вряд ли могут рассчитывать на успешную реализацию, кроме декларирования целей. Особо следует подчеркнуть, что религиозно-конфессиональные системы возникают и формируются в

структуре определённых культурно-цивилизационных конструкций, несут в себе их характерные признаки, потому они, религиозно-конфессиональные системы, в случае включённости в различные цивилизационные модели, не в состоянии стать единым организмом. Здесь, как раз, может быть применён третий закон исторического развития Н.Я. Данилевского [см.: 137, с. 91]. Другое дело, если религиозные конфессии существуют в рамках одной цивилизации, даже если они возникли в иноцивилизационных условиях, вполне реализуемо их сотрудничество и объединение.

3.3. Культурно-цивилизационные центры в структуре геополитической многополярности

С конца XV по конец XVIII вв. Европейская цивилизация, сформировавшаяся на базе нового очага мировой культуры, располагавшегося на территории Западной и Северо-Западной Европы (Италия, Испания, Португалия, Франция, Нидерланды, Германия, Англия, Дания и Швеция), обрела атрибуты и признаки доминирующей в мире и обеспечила образование на своей территории ряда новых, сменяющих друг друга по причине дисперсности используемой цивилизационной модели, геополитических центров, каждый из которых являлся в формате определённого европейского государства в тот или иной период исторического развития. При этом, в отмеченное историческое время и в последующем в рамках Европейской цивилизации происходила борьба между европейскими державами за право выступать в качестве геополитического центра. Наиболее ярко такая борьба проявлялась во время Наполеоновских войн (ноябрь 1799 – июнь 1815), Первой (1914-1918 гг.) и Второй (1939-1945 гг.) Мировых войн. С начала XIX столетия геополитическое доминирование государств

Европейской цивилизации становится очевидным и безапелляционным.

Вплоть до 1917 г. Россия (в форматах Новгородско-Киевской и Владимирско-Московской Руси, Русского царства и Российской Империи) рассматривалась как часть сначала Византийской (идея Третьего Рима), а затем Европейской цивилизации (главным образом самими русскими). В то же время, особенности российского социокультурного пространства (в том числе глобальность его территории) не позволяли ему вписаться в структуру Европейской цивилизации. Как уже отмечалось, Россия строила свои цивилизационные стандарты в режиме использования потребных механизмов из византийской и европейской цивилизационных моделей. Специфика социокультурных и исторических особенностей накладывали такой отпечаток на российскую цивилизационную модель, что она обретала особенные черты, отличающие её и от Византийской, и от Европейской цивилизаций. Хотя, эти черты до настоящего времени ещё не позволяют говорить о собственной самостной цивилизационной модели, без технологических иноцивилизационных заимствований. Хотя, с учётом мощного социокультурного фактора, есть все основания говорить о собственной имплантационной (т.е. присвоенной извне) цивилизационной модели для исторической России / Руси, начиная с конца X столетия.

Коммунистические цивилизационные стандарты, внедряемые после 1917 года, несмотря на то что были произведены в лоне европейского социокультурного пространства и цивилизации, в значительно большей степени, нежели прежде обозначили особенности и специфику Российской цивилизации. Именно этот период истории продемонстрировал существование в современном мире конкурирующих цивилизационных моделей и геополитических центров – российского и европейского (или евроатлантического, с учётом американского отростка Европейской цивилизации и перемещения геополитического центра в США во второй половине XX века).

«Конец XX столетия для российского социокультурного пространства ознаменовался очередным цивилизационно-политическим кризисом. Очередным,

потому что вновь встала проблема выбора цивилизационной и сопутствующей ей политической модели, как это было в начале XX века, в конце XVII – начале XVIII вв., в конце X в. В конце X века выбор был сделан в пользу Византийской модели цивилизационного развития. Под влиянием монголо-татарского нашествия и последующей зависимости от Золотой Орды Византийская модель была в значительной степени изменена. Но с конца XV века, после достижения полной внешней и внутренней политической самостоятельности Русское государство вновь стало репродуцировать Византийскую модель цивилизационного обустройства своего социокультурного пространства. С этой моделью Россия оппонировала Европейской цивилизации, которая в начале XVII в. военными усилиями Польши и Швеции попыталась в очередной раз внедрить свои цивилизационно-политические и связанные с ними религиозно-конфессиональные стандарты в российское социокультурное пространство. В конце этого столетия Россия сама обратилась к европейским цивилизационным стандартам, продемонстрировав тем самым, что её социокультурный потенциал (включая военные и экономические компоненты) позволяет ей самостоятельно делать выбор, не принимая политического и тем более военного диктата извне. Европейской цивилизационной ориентации Петра I предшествовала Церковная реформа Патриарха Никона середины XVIII века, которая ориентировалась на конфессиональные ценности Византийской цивилизационной модели и тем самым была последней провизантийской цивилизационной акцией России» [533, с. 240-241].

«В течение столетия, начиная с цивилизационно-политических реформ Петра I, Россия встраивала в своё социокультурное пространство европейские цивилизационные стандарты. Но при этом она не становилась частью Европейской цивилизации, а, скорее, рассматривалась как её геополитический оппонент в масштабах глобального географического региона Евразии. Уже в самом начале XVIII столетия во время войны со Швецией со всей очевидностью проявилось цивилизационное противоборство России и Европы, а по итогам этой войны провозглашение Российской Империи было, прежде всего,

цивилизационным действием. Эта военно-политическая победа знаменовала собой и то, что Россия, перенимая и используя европейские цивилизационные стандарты, оставалась геополитическим конкурентом Европы, которую в тот исторический период «представляла» Швеция» [533, с. 241].

«К середине второго тысячелетия Швеция становится все более заметным политическим игроком на европейском континенте. Сначала ее амбиции распространялись, главным образом, внутри Унии, заключенной с Датским королевством, и в близлежащих прибалтийских землях. Во второй половине шестнадцатого столетия взоры шведских королей устремляются и на более отдаленные земли – на Польшу и Русское государство. С конца XVI века Швеция начинает брать под свой политический контроль Польшу. В 1587 г. при третьем короле династии Ваза Швеция в результате династического брака смогла, фактически, поставить своего правителя над Польшей» [533, с. 241].

«Еще более агрессивной становится политика Швеции в отношении России. С 1558 по 1583 гг. Швеция, совместно с Ливонским орденом, Литвой и Польшей (две последние в 1569 г. объединились в единое государство – Речь Посполитую), участвовала в Ливонской войне против России. На первом этапе этой войны (в 1561 г.) Россия разгромила Ливонский орден, который был создан на территориях современных Латвии и Эстонии германскими рыцарями-крестоносцами и на протяжении всей своей истории осуществлял захватнические набеги против местного населения, Литвы и русских княжеств. И лишь активное включение в Ливонскую войну Швеции привело к тому, что на третьем этапе (с 1579 г.) Россия вынуждена была перейти к оборонительным боям. Целью Швеции в этой войне было тотальное вытеснение России с Прибалтики и утверждение на территориях бывшего оккупационного государства – Ливонского ордена» [533, с. 242].

Хотелось бы обратить внимание на «один очень важный факт, до сих пор мало представленный в исторических и политических исследованиях. В начале XVII века в период Смутного времени польская интервенция в России организовывалась королем Сигизмундом III Ваза, который был представителем знаменитой шведской королевской династии и с 1592 по 1599 гг. был

одновременно королем Швеции» [533, с. 242].

«По оценке английских исследователей Д. Хелда, Д. Гольдблатта, Э. Макгрю и Дж. Перратона «к концу XVII в. Европа из простой мозаики государств превратилась в развивающееся «сообщество государств», в основе которого лежали принципы суверенности и территориальности. Совокупная мощь каждого государства была в то же самое время частью общей межгосударственной системы» [559, с. 42]. Хотя, следует уточнить, что и до конца XVII столетия Европа была не столько «простой мозаикой государств», сколько культурно-цивилизационным пространством с блуждающими цивилизационными и геополитическими центрами, а попытки европейской (гео)политической консолидации предпринимались в формате Империи Запада Карла Великого в конце VIII – начале IX вв. и Священной Римской Империи германской нации» [533, с. 242-243].

Следовательно, «мы имеем все основания говорить не столько о польской, сколько о шведской интервенции. Следовательно, на протяжении всего XVII века Россия сталкивалась с постоянной военной агрессией с запада, которая осуществлялась шведскими королевскими династиями Ваза и Цвайбрюкен» [533, с. 242].

«XVII век стал, пожалуй, самым благоприятным для внешней политики Швеции и ее территориальные притязания находили свое удовлетворение. Швеция была одной из стран-победительниц Тридцатилетней войны, по завершению которой Вестфальские соглашения закрепили не только окончательный выход Швеции из-под датской опеки, но территориальные приобретения за счет северогерманских княжеств – западную Померанию и контроль над устьями рек Эльба и Везер. Еще ранее, в 1617 году по Столбовскому миру Швеции удалось упрочить свои позиции в Прибалтике, Ингерманландии и Карелии, отторгнув эти земли у ослабевшей за период Смутного времени России. По результатам Первой Северной войны 1655-1660 гг. (в рамках которой проходила русско-шведская война 1656-1658 гг.) Швеция закрепила в Прибалтике, заняв Эстляндию и почти всю Лифляндию. Таким образом, к

Великой Северной войне 1700-1721 гг. Швеция подошла в статусе сильнейшего европейского государства, которое стремилось упрочить и расширить свои владения, подавив сопротивление Дании и закрепившись на польском троне, а также утвердиться в Саксонии. Среди потенциального объекта шведской агрессии этого периода времени рассматривалась Россия, в которой Швецию интересовали районы производства льна и конопли, пользующиеся спросом в Европе и транспортировавшиеся через балтийские порты, которые уже были под контролем шведской короны» [533, с. 243].

«По сути дела, Швеция окончательно оформила модель отношения к России со стороны европейских доминаторов – государств, которые в определенный исторический период господствовали в Европе. Европейские доминаторы всегда стремились покорить если не всю Россию, то части ее исторических пространств, населенных различными этническими группами. Прежде Швеции это был Ливонский орден, который хотя и не входил в состав Священной Римской империи германской нации, однако в конфессиональном (римский католицизм) и этнокультурном (германская нация) планах был выразителем идейных принципов этого европейского образования, самого крупного в Европе в эпоху развитого и позднего Средневековья» [533, с. 243].

«Но если Ливонский орден лишь обозначил агрессивные устремления европейских доминаторов (возможно, по причине оторванности от Империи германской нации) и не достиг уровня жизненной угрозы для Русского Мира, то Швеция с конца XVI века уже становится таковой. Успешный XVI век подвигнул шведских королей к мечте о полном господстве в Европе. Однако без покорения России это сделать было невозможно. Потому Швеция не только стремилась укрепиться в юго-восточной и восточной частях Прибалтики, но стремилась полностью подчинить себе Россию. Поход Карла XII через Польшу в Южную Россию и сама Полтавская битва явно об этом свидетельствуют. К тому же, шведы в период Великой Северной войны предпринимали попытки захватить единственный морской порт России Архангельск, который обеспечивал российско-европейскую торговлю. Победив Россию, Швеция рассчитывала без

особых проблем подчинить себе Голландию, Францию и даже Англию» [533, с. 243-244].

«В этом смысле, в смысле истории европейской агрессии против России, осуществляемой европейскими странами-доминаторами, Швеция была первым, ярко выраженным агрессором. Затем, в начале XIX века в этом обличье выступила наполеоновская Франция, а в середине XX в. нацистская Германия. Еще один очень важный вывод возникает на основе анализа такой особенности европейской истории – европейские доминаторы несли угрозу не только России, но и остальной Европе. Значит, Россия, укрощая агрессию европейских доминаторов (будь то Швеция Карла XII, Франция Наполеона Бонапарта или гитлеровская Германия) в конечном итоге спасала всю Европу от порабощения, освобождала европейские народы от внутренней тирании. Этот исторический вывод является достаточно важным и значимым не только с позиции научного дискурса, но и с сугубо политической точки зрения» [533, с. 244].

«К началу XVIII века Россия смогла убедиться в том, что теперь основная угроза государству и стране исходит уже не с востока, а с запада. Уберечься от угроз можно было, только создав сильное государство, где власть становится катехоном, оберегающим народ от внешней агрессии. В качестве такого катехона для России могла выступить имперская форма правления. Хотелось бы особо подчеркнуть, что Россия, осознавшая в начале XVIII века необходимость имперской формы правления, строила Империю именно как катехон, то есть систему, удерживающую страну от распада под угрозами внешних агрессий. Империя в российском применении – это не захватнический проект, каковым он был в европейской традиции (примеры Римской, Британской, Французской и других империй), а оберегающий. Поэтому мы должны различать в контексте проводимого анализа, европейскую форму Империи, которая по содержанию была империалистической (в современном мире наследником этой формы являются США) и российскую, содержание которой было имперским. На эту тему мы уже высказывались ранее, разводя понятия имперской и империалистической политики» [533, с. 244-245].

«Именно победа под Полтавой в 1709 г. над объединенными европейскими силами под предводительством Карла XII (кроме покоренных Польши, Саксонии, Дании, Швеция опиралась на поддержку Голландии и Англии), позволила России не только переломить шведскую агрессию, вернуть себе прибалтийские земли, но и создать по окончании Великой Северной войны в 1721 г. свой катехон – Российскую Империю. Отсюда следует вывод, что Полтавская победа знаменует собой не только коренной перелом в ходе Великой Северной войны, обеспечившая последующие виктории русской армии и флота под Гангутом и Гренгаме, выигрыш войны в целом, но и на столетие отрезвила европейских агрессоров, позволила создать Империю – защитницу страны от внешних посягательств. И уже на раннем этапе цивилизационной модернизации по европейским стандартам было продемонстрировано, что цивилизационные интересы России проистекают от её социокультурных установок, от необходимости защищать своё социокультурное пространство, пусть и с использованием европейских цивилизационных технологий» [533, с. 245].

«В последующие годы такая особенность культурно-цивилизационных доминант в определении геополитических процессов в Европе, формировании геополитической многополярности в Евразии сохранялась и становилась определяющей. Геополитическое оппонирование России европейским геополитическим центрам особенно наглядно проявилось в XIX веке – конфликт интересов в Южной и Восточной Европе России и Австро-Венгерской Империи, Восточная или Крымская война Российской Империи с Францией, Британской Империей, Турцией и Королевством обеих Сардиний, Большая игра как геополитическое соперничество и борьба интересов Российской и Британской Империй в Центральной и Средней Азии» [533, с. 245].

«Специфика культурно-исторического типа России, по определению Данилевского, ко второй половине XIX в. стала достаточно заметной, что послужило основанием говорить об особой и отдельной российской цивилизационной модели. (Славянский культурно-исторический тип и, соответственно, Славянская цивилизация у Н.Я. Данилевского должна

формироваться вокруг России и на базе России с её социокультурными установками и цивилизационно-политическими нормами)» [533, с. 245-246]. В пользу данного положения и вообще факта культурно-цивилизационного своеобразия России, говорит и замечание другого русского мыслителя и исследователя А.И. Герцена, сделанное им ещё в 1860 г.: «Условия, свойства русской жизни, русского быта – иные, оригинальные, свои. Этого ни признать, ни исследовать никто не хочет... Западная цивилизация срезывается на своем первом следственном допросе своей собственной нетерпимостью и остаётся при одном негодовании» [109, с. 12].

«Известная дискуссия между западниками и славянофилами имела не только теоретические философско-литературные и научные социально-исторические выражения, но и практическое общественно-политическое применение. Закончилось всё это выбором новой цивилизационной модели – коммунистической или, точнее, применительно к России, советской. Коммунистический проект общественного устройства, рождённый в рамках европейской социокультурной традиции и цивилизационных стандартов, предназначался для ликвидации европейской цивилизации и многими именно таким образом воспринималась, в том числе и в России. Например, П.Н. Савицкий прямо указывал: «Коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода «европеизации» [429, с. 89]» [533, с. 246].

«Однако, советскую модель, строящуюся на основе коммунистического проекта, представлять в качестве особого цивилизационного устройства вряд ли возможно. Во-первых, потому, что коммунистическая идеология была рождена и развивалась в поле европейской культуры и цивилизации. Во-вторых, по причине того, что так называемая интернационально-коммунистическая доктрина, ориентированная на радикальное разрушение европейских культурно-цивилизационных ценностей и стандартов, не смогла внедриться в систему советского цивилизационного строительства. «Последующие события – поражение Троцкого и Зиновьева на XV съезде ВКП (б) – подвели черту под

конкуренцией двух внешнеполитических доктрин: интернационально-коммунистической и национально-социалистической», – совершенно справедливо отмечает С.В. Юрченко [649, с. 12]. Но и выражаемая И.В. Сталиным «национально-социалистическая» доктрина, ставшая основой советского государственно-цивилизационного строительства, не давала возможность принципиально избавиться от имплантации норм, стандартов и ценностей Европейской цивилизации и культуры. Безусловно, следует согласиться с выводом А.И. Уткина о том, что И.В. Сталин, выиграв бой у Л.Д. Троцкого, «фактически ... поставил ту же задачу, что и Пётр, – догнать Запад» [490, с. 296]. Вот в этом стремлении – «догнать Запад», которое в пятидесятых годах было дополнено Н.С. Хрущёвым – «и перегнать», – как раз содержится установка на имплантацию комплекса признаков европейской модели цивилизации в структуру советской / российской цивилизации» [533, с. 246-247].

«В реальной политической и, естественно, геополитической практике это привело к тому, что в XX столетии геополитическая многополярность формировалась под воздействием советского / российского культурно-цивилизационного центра и европейского. Такая реальность обеспечивалась за счёт того, что имплантационная модель советско-российской цивилизации строилась хотя и с заимствованием европейских стандартов, технических, прежде всего, но всё-таки имела свою собственную социокультурную платформу, которая начала формироваться ещё в эпоху Новгородско-Киевской Руси и пройдя через период ордынской зависимости получила дальнейшее развитие в рамках Московской Руси, окрепнув в условиях Царской России, получив мощный импульс развития и совершенствования в эпоху Имперской России» [533, с. 247].

«Генетически отягощённая европейскими культурно-цивилизационными установками и стандартами коммунистическая модель цивилизационного устройства, хотя и представленная в российском социокультурном пространстве в формате советской, по сути воспроизвела противоречия, с которыми Россия сталкивалась ранее, репродуцируя стандарты Византийской и Европейской цивилизаций, в XVI-XVII вв. и в начале XX в. Что привело сначала к культурно-

цивилизационному кризису 80-х годов прошлого столетия, фактически обозначенного в статье генерального секретаря ЦК КПСС и тогдашнего руководителя СССР Ю.В. Андропова [см. 10], а затем и к внутривосточному и геополитическому кризису Советского Союза. И вновь обрела актуальность проблема цивилизационного выбора» [533, с. 247].

Проследить взаимоотношения культурно-цивилизационных и геополитических центров в XX столетии возможно на основе анализа документов, оформивших наиболее важные международные соглашения и зафиксировавших существование многополярного геополитического устройства, просуществовавшего до 90-х годов прошлого века.

«В двадцатом столетии организация мироустройства осуществлялась на основе решений международных конференций, которые знаменовали собой окончание мировых войн. Первая Мировая война официально завершилась Версальским мирным договором 1919 года, который следует рассматривать как неотъемлемую часть Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Результаты Второй мировой войны были расписаны Ялтинской/Крымской (февраль 1945 г.) и Потсдамской/Берлинской (июль-август 1945) конференциями. Заключительный акт Хельсинкских соглашений, подписанный 1 августа 1975 г., принято рассматривать как закрепление сформировавшихся к тому времени европейских границ и в этом контексте – своеобразным завершением Ялтинско-Потсдамских соглашений 1945 г.» [533, с. 236].

«Хотя, может быть и другая версия природы Хельсинкских соглашений. – Они знаменуют собой окончание Первой «холодной войны» и начало периода полной разрядки (международной напряжённости), который продолжался с 1975 по 1979 гг. Наиболее острая фаза «холодной войны» пришлась на время с 1946 по 1962 гг., начавшись известной речью У. Черчилля в Фултоне и едва не перейдя в стадию «горячей войны» во время Карибского кризиса, возникшего в октябре 1962 г. в связи с решением СССР о размещении ракет с ядерными боеголовками в ответ на попытки США насильственным путём свергнуть правительство Кубы во главе с Ф. Кастро. После мирного разрешения Карибского кризиса две мировых

сверхдержавы – США и Советский Союз – приступили к частичной разрядке международных отношений, которые несколько снизили накал «холодной войны». «Мягкий» этап «холодной войны» собственно и закончился подписанием Хельсинкских соглашений летом 1975 года. Период разрядки, начатый и, главное, оформленный соглашениями в Хельсинки, закончился в декабре 1979 г. введением советских войск в Афганистан. С этого времени мы можем говорить о Второй «холодной войне», завершившейся поражением СССР в 1991 г.» [507, с. 8].

«Таким образом, мы видим, что окончание всех войн в мире и Европе в течение XX столетия оформлялось мирными соглашениями, по которым определялись правила игры для побеждённых и победителей, устанавливался новый мировой порядок или закреплялись нормы мироустройства, как это было по результатам Хельсинкских соглашений. В этом смысле специфика Хельсинкских соглашений состоит в том, что они не определяли новый миропорядок, а подтверждали устройство в Европе, определённое в 1945 году в Ялте и Потсдаме. Следовательно, до 1990-х годов Европа и мир жили по законам, принципы которых были заложены Ялтинской конференцией в феврале 1945 г. Именно потому мы можем говорить о Ялтинской системе мироустройства, закрепившей европейские границы» [533, с. 236].

«Когда в 90-х годах прошлого века стали изменяться европейские границы – объединение Германии, расформирование Югославии и СССР, разделение Чехословакии, – стало меняться и само мироустройство. Причём в случаях с Югославией и Советским Союзом достаточно ясно были видны сторонники и инициаторы перекройки границ. Это Соединённые Штаты Америки и их европейские партнёры в лицах, прежде всего, Великобритании, Франции, Нидерландов, Италии, Бельгии и Германии. В этом же контексте следует рассматривать процесс расширения и развития военно-политического евроатлантического блока НАТО и свёртывание деятельности, а затем самороспуск его альтернативы в Европе и мире – Варшавского договора. Эти изменения привели к геополитическому дисбалансу и непосредственно повлияли

на перекройку европейских границ и фактическую ликвидацию Ялтинской системы мироустройства, скрепляемую до 1990-х годов решениями Ялтинской / Крымской и Потсдамской / Берлинской конференций и Хельсинкскими соглашениями» [533, с. 236].

«Сразу же после прекращения существования Советского Союза, формализованного Беловежским соглашением Российской Федерации, Украины и Белоруссии, на карте Европы начинает складываться новое государственное образование – Европейский союз. Этот процесс со всей очевидностью следует рассматривать как изменение территориально-государственного устройства Европы. А значит, выход за параметры, установленные Ялтинской системой мироустройства. 7 февраля 1992 года в городе Маастрихт (Нидерланды) был подписан договор, положивший начало Европейскому союзу, который вступил в силу 1 ноября 1993. До этого времени, в качестве предшественника ЕС, существовало Европейское экономическое сообщество («Общий рынок»), возникшее в 1957 году. Вообще начало современной европейской интеграции было положено в 1951 году, когда Бельгия, Западная Германия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Италия подписали договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС, ECSC – European Coal and Steel Community), целью которого стало объединение европейских ресурсов по производству стали и угля. В силу данный договор вступил с июля 1952 года. В 1957 г. эти же страны, не ликвидируя ЕОУС, учреждают Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, ЕЕС – European Economic Community) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом, Euratom – European Atomic Energy Community). Эти объединения действовали, прежде всего, в экономической сфере, хотя процесс расширения ЕЭС за счёт Великобритании, Дании, Ирландии (с 1 января 1973), Греции (с 1 января 1981) и Испания, Португалия (с 1 января 1986) всё более наполнял их политическими мотивами. Именно на базе Европейского экономического сообщества, согласно статье «А» Маастрихтского договора, учреждался Европейский союз [157]. Договор о Европейском союзе подчёркивал преемственность с договором о ЕЭС, который дополнялся сферами политики и

формами административно-финансового сотрудничества» [533, с. 236-237].

«Фактически Маастрихтские соглашения стали сепаратным решением по европейскому государственному устройству, принятым без участия государственных образований, возникших после расформирования Советского Союза, и, прежде всего, Российской Федерации, которая является правопреемником СССР. С учётом того, что Европейский союз после Маастрихта начал движение в сторону политического надгосударственного образования со своим правительством и своей конституцией, есть все основания говорить о перекройке европейских границ, тех границ, которые были обозначены итогами Ялтинской конференции. Все эти перечисленные факты однозначно свидетельствуют о том, что тема европейских границ к настоящему времени (а после развала СССР, разрушения Югославии и образования Европейского союза никаких международных соглашений по европейским границам принято не было) становится открытой» [533, с. 237-238].

«Скорее всего, с целью ретушировать такое несоответствие международным нормам с подачи исследователей Брукингского института в США и поддержке сначала американских, а потом и европейских дипломатических и правительственных кругов в 90-х годах прошлого столетия была запущена для всеобщего обсуждения байка о так называемом Постфестфальском мире. Умело были срежиссированы роли защитников и критиков Вестфальской системы, которая, собственно говоря, была создана как некая парадигма вовсе не в середине XVII века, что, казалось бы, должно быть, а именно в 1990-х годах. То есть Вестфальский мир – это, безусловно, явление 1648 года, но вот всё то, что стало называться «Вестфальская система международных отношений» было создано в современном виде как раз в 1990-х годах» [507, с. 11].

Выходит, что некорректно, если избегать более точных формулировок, «три с половиной столетия на Западе не вспоминали, что мирные соглашения, подписанные участниками Тридцатилетней войны в Оснабрюке 15 мая и в Мюнстере 24 октября 1648, обозначаемые как Вестфальский мир, создали новый миропорядок, а теперь это вдруг приобрело актуальность» [507, с. 11].

Естественно, что столь позднее, даже по историческим меркам, событие, при попытке вписать его в современную политическую парадигму, требует предметного обоснования значимости. И вот, как раз, обоснование отсутствует, а присутствует, скорее, недоумение.

Не следует воспринимать эти комментарии по Вестфальской системе как отрицание возможности строить парадигмы или теоретические модели на базе прошлых и значительно прошлых исторических событий. «Просто, если Вестфальская система и существовала, то она закончилась никак не позднее начала XIX века, периода Наполеоновских войн. И говорить о конце Вестфальской системы (опять же, допуская, что она была) в конце XX века, «усиленно» не замечая системы мироустройства, главным образом в Европе, по Версальскому мирному договору (1920-1939 гг.) и Ялтинской и Потсдамской конференциям (1945-1991 гг.), согласитесь, выглядит весьма и весьма странно» [507, с. 11].

«Эта странность остаётся и тогда, когда мы откроем её истинную причину появления. О чём было сказано, когда мы рассматривали Вестфальскую систему и концепцию Поствестфальского мира. Станными, в смысле не соответствующими научно-историческим нормам и вызывающими недоумение, являются усилия американских аналитиков от политики внедрить в сознание международной общественности представления о Вестфальской системе, знаменующей собой эпоху национальных государств, и возникающей ей на смену поствестфальской эпохе, когда эти национальные государства в обязательном порядке должны вписываться в систему глобального мира... под руководством США. Странности на этом не заканчиваются, плавно перетекая в абсурд. Для Вестфальской системы, утверждают её разработчики, характерно наличие гегемонии имперских центров, которые устраивают гегемонию в отношении национальных государств (походя устраняется основной признак Вестфальской системы – национальные государства, который они сами же – разработчики – только что утверждали). А в Поствестфальском мире национальные государства, неизбежно вовлекаемые в процесс глобализации, вынуждены также отказываться от полного суверенитета,

передавая его различным международным организациям. Но, по мнению американских аналитиков, Имперские центры это плохо, так как там нет США, а есть Россия и СССР, а вот глобальные международные организации, типа Международного валютного фонда (МВФ), НАТО, Всемирной торговой организации (ВТО) и т.п. это хорошо, ибо они контролируются Штатами» [507, с. 11-12]. Именно так писал З. Бжезинский [54, с. 41].

«Теперь становится понятно, почему вдруг политические аналитики, главным образом дислоцирующиеся в Брукингском институте, работающим на американское правительство, вспомнили о Вестфальских соглашениях далёкого 1648 года. – Ни Парижские мирные соглашения, ни Ялтинская система мироустройства, закреплённая Хельсинскими соглашениями, им не давали простора для манипуляций. Более того, Хельсинские договорённости мешали этому. Потому о них «усердно» не вспоминают в США и Европе с 90-х годов прошлого века» [507, с. 12]. Именно в связи с такими последствиями и выходами всей дискуссии о Вестфальской системе и Поствестфальском мире на геополитическую проблематику современности, актуальность чего сохраняется до сего дня, несмотря на удаление дискуссии из публичного пространства, эту тему есть необходимость рассмотреть детально и предметно. Что и будет сделано в дальнейшем. Но, прежде, следует охарактеризовать инициаторов и дирижёров подобного рода политтехнологических проектов.

«Брукингский институт (г. Вашингтон), ставший во многом «застрельщиком» отмеченной дискуссии, является одним из важнейших аналитических центров США, который специализируется на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике. С 2010 год президентом института является С. Тэлботт, бывший заместитель госсекретаря США и главный специалист по России у президента Б. Клинтона. Институт был основан в 1916 году. Со времён «холодной войны» основной темой исследований является Советский Союз и с 1990-х годов – Российская Федерация. Надо сказать, что эти исследования весьма специфические и больше напоминают политтехнологические проекты, направленные на развитие и упрочение

американского влияния в мире, подавление геополитических конкурентов США. Чего стоит проект сотрудников Брукингского института, который в 2003 году Ф. Хилл и К. Гэдди был изложен в виде книги [см. 560]. Специализация авторов проекта – доктор истории Ф. Хилл и доктор экономики К. Гэдди – подчёркнуто указывает на то, что политические выводы американских учёных являются, как бы, результатами исторического и экономического анализа и демонстрирует, якобы, отдалённость исследования от политической и геополитической проблематики» [507, с. 12].

«Сюжет книги достаточно простой [см. 560] и сводится, по сути дела, к трём основным тезисам: 1) Россия не в состоянии освоить Сибирь и продолжение хозяйственной деятельности на восток от Урала грозит ей экономической катастрофой, 2) правительство Российской Федерации должно обеспечить переселение населения Сибири в европейскую часть страны и заняться там интенсификацией производства за счёт новых ресурсов и 3) передать Сибирь под протекторат США, которые будут гарантами от возможного посягательства на сибирские территории со стороны Китая» [507, с. 12-13].

«Политическая, даже, геополитическая ангажированность книги подтверждается её оформлением и последующим продвижением тиража. На обложке книги «Проклятье Сибири» (встречается и такой перевод на русский язык) напечатано несколько положительных отзывов Дж. Сакса, Р. Пайпса и З. Бжезинского. Предисловие написал сам президент Брукингского института С. Тэлботт. В нём он, по сути, отвечает на вопрос, который задают в книге авторы – Ф. Хилл и К. Гэдди, когда пишут: «Что произойдёт, если Россия не сможет разрубить гордиев узел своего исторического багажа; если Россия будет не в состоянии «сжаться», в переносном смысле, и «согреться» [560, с. 191-192]? Если сами авторы дают весьма сдержанный и завуалированный ответ: «Если не будет признана необходимость уменьшения размеров городов на востоке, соблазн продолжить рассматривать Сибирь как основу экономического развития России только усилится. Это худший сценарий развития» [560, с. 192]. С. Тэлботт, правильно прочитав подтекст размышлений Ф. Хилл и К. Гэдди, прямо указывает:

«Российские лидеры должны полностью сжиться с идеей «европейской России» – Россией, в которой население и экономическая активность концентрируются на Западе от Уральских гор, ближе к Европе и ее рынкам. Это означает, что Москва должна поддерживать и обеспечивать желание населения мигрировать из Сибири и поощрять людей уезжать из крупнейших сибирских городов, а не только из наиболее отдаленных городов и деревень» [688]. Тем самым С. Тэлботт даёт понять, что книга рассматривается, прежде всего, как инструкция для российской власти» [507, с. 13].

«В результате, напрашивается промежуточный вывод о том, что США последние годы, после прекращения существования СССР, активно занимаются перекройкой границ в угоду своим собственным геополитическим интересам. И против интересов России. Проект Брукингского института по «освобождению» Сибири от русских пример того же порядка. Возможные международные соглашения по итогам Второй «холодной войны» были для американцев невыгодными, так как повлекли бы за собой определённые обязательства и новые международные правила. К тому же, велика вероятность, что многие передель границы – по Сербии (отделение Косово) и по бывшим советским республикам (выход из состава Союза без референдумов в автономных образованиях) – американским сателлитам реализовать бы не удалось. Получается, что США продвигают территориально-государственные изменения в своих геополитических интересах «тихой сапой». А значит, тем же методом осуществляют одностороннюю ревизию тех соглашений, которые определяли европейские границы во второй половине XX столетия, Ялтинских в том числе и, прежде всего» [507, с. 13].

«Однако то ли по простоте душевной, то ли вследствие технологической ошибки, США допустили серьёзные изъяны в созданной ими в 1990-х годах геополитической конструкции. Она стала похожей на сборные американские дома, в которых живёт большинство населения Штатов и которые при первом сильном ветре рушатся как карточные домики. Но это куда бы ни шло, в конце концов, то дело американских внешнеполитических промахов, если не шаткость

мирового порядка, которая стала следствием так называемой «реал-политик». – Все границы в Европе, возникшие после 1990 года, не имеют международного правового обоснования, не скреплены международными соглашениями и договорами и могут быть подвергнуты сомнению в любой момент» [507, с. 13].

«Возможные ссылки на решения ООН в данном случае не работают, потому что Организация объединённых наций является институтом, который создавался «для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами». То есть для сохранения международного порядка, а не для его изменения. Более того, ООН формировалась в ходе Второй мировой войны и возникла как международный институт, действующий для сохранения послевоенного мира» [507, с. 14].

«В конечном итоге, суть сводится к тому, что передел Европы, произошедший в 1990-х годах, не скреплён международными соглашениями, соответствующими тем, что были заключены на Парижской международной конференции по итогам Первой Мировой войны и на Ялтинской и Потсдамской конференциях по итогам Второй мировой войны. А это означает, что как новые государства, так и новые европейские границы, возникшие в конце XX столетия, можно рассматривать, с точки зрения международного права, как временные и, даже, в качестве территориальных изменений, которые характерны для традиционных военных действий. Пока война не закончена, пока мирные соглашения не подписаны никакой правовой основы существующих границ быть не может» [507, с. 14].

«Из этого следует, что не только все государственные образования, возникшие на протяжении 1990-х и первого десятилетия 2000-х годов, являются временными и не имеющими международного правового обоснования, но и правовые механизмы, действующие внутри этих образований, ничем, по сути, не отличаются от норм административного управления на оккупированной территории. Допустим, во время Второй мировой войны армия нацистской Германии, захватывая территории Франции, Нидерландов или Советского Союза, не только создавали новые государственные образования, но и устанавливали на

оккупированных территориях порядка по их административному управлению. Зачастую такие порядки сопровождаются ограничением и лишением гражданских прав различных категорий населения. Сейчас подобную картину мы наблюдаем в Латвии и Эстонии, где значительная часть населения лишена права гражданства и по правовым условиям находится, фактически, в оккупационном окружении» [507, с. 14].

«К числу проблемных государственных образований, возникших после 1990 г., следует отнести и Европейский союз, который включает в себя не только государства, существовавшие в рамках Ялтинской системы мироустройства (Франция, Великобритания, Италия и др.), но и государственные образования, возникшие вследствие одностороннего передела границ – Словения, Литва, Латвия, Эстония. Безусловно, все государственные образования, возникшие на территории Советского Союза, также являются проблемными. Временными государственными образованиями с позиций международного права следует рассматривать все республики и тем более административные единицы (Косово) Югославии. Образование на территории Югославской республики Боснии и Герцеговины фактически трёх изолированных протогосударственных единиц – сербского, хорватского и мусульманского – со всей очевидностью характеризует неустойчивость образованной под протекторатом США политической конструкции в Европе» [507, с. 14-15].

«Такие же проблемы с правовым регулированием существуют внутри ряда государственных образований. Республики бывшего СССР, имевшие в своём составе автономные единицы, в случае прекращения нахождения в его составе должны были обеспечить проведение в них референдумов на предмет формата дальнейшего государственного устройства – то ли в рамках вновь образующегося самостоятельного государства, то ли в какой-либо иной конфигурации, то ли независимости. Это не было сделано ни в Грузии, применительно к Абхазии, Аджарии и Южной Осетии, ни на Украине, применительно к Крыму. Ревизия Ялтинской системы миропорядка, фактическое её разрушение привело к тому, что на территории Украины возникла проблема Подкарпатской Руси,

существовавшей до Ялтинской системы и после её крушения вновь обретающей статус международной правосубъектности» [507, с. 15].

«Односторонний передел мироустройства в Европе создал условия для Гражданской войны, войны граждан против политической узурпации, осуществлённой государственными институтами США и Евросоюза. Сейчас мы наблюдаем гражданские конфликты – борьба за право на государственный статус русского языка в Латвии, за восстановление автономии Подкарпатской Руси на Украине, политические коллизии по статусу Крыма. В некоторых случаях возникают очаги гражданских вооружённых столкновений – в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Косово-Метохии, Боснии и Герцеговине, Хорватии. Эти очаги сейчас притушены, но без правового регулирования они остаются конфликтогенными и даже взрывоопасными» [507, с. 15].

«Отсутствие международных соглашений, закрепляющих или корректирующих произошедшие на политической карте Европы изменения, даёт возможность Российской Федерации, как правопреемнику СССР, не признавать (в ближайшей или среднесрочной перспективе) их последствия. Не признавать несогласованного и идущего вразрез договорённостям между СССР и США расширения НАТО, включения в состав Евросоюза прибалтийских республик и другие государственно-территориальные конфигурации, сложившиеся на бывшей советской территории. Или признавать выборочно. В других случаях включать в состав Российской Федерации некоторые бывшие советские территории» [507, с. 15].

Геополитические процессы последнего десятилетия демонстрируют фактический возврат к многополярности, которая образуется в результате активизации культурно-цивилизационных центров на международной арене. Несмотря на экономический рост Китая, его международная активность и претензии на геополитическое доминирование остаются, по сути, традиционными, свойственными для этого цивилизационно-государственного образования в прошедшем XX столетии, не выходящими за пределы своего геополитического региона. К событиям, имеющим геополитическую

выраженность и происходящим в других регионах Земли, Китай демонстрирует своё отношение в форме резолюций и вето в Организации объединённых наций. Возврат к многополярности в XXI веке связывается, прежде всего, с попытками России выстроить геополитическую артикуляцию своим культурно-цивилизационным интересам. Одними из наиболее наглядных проявлений таких геополитических изменений стали Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединившая шесть государств Евразии – Китай, Российскую Федерацию, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и Узбекистан, образование Таможенного союза Белоруссии, Российской Федерации и Казахстана, реализованные установки на создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), как продолжение Таможенного союза и Единого экономического пространства, формирование с 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и образование в перспективе Евразийского союза, уже в качестве геополитического образования с конфедеративными и даже федеративными признаками. Картина дополняется военно-политическим союзом постсоветских государств – Российской Федерацией, Белоруссией, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией и Арменией. Во всех этих интеграционных процессах моторная функция принадлежит Российской Федерации, которая таким образом стремится позиционировать себя в статусе культурно-цивилизационного центра, включающегося в геополитическую многополярность современного мира вместе с США и Евросоюзом. Если принять во внимание, что в Шанхайской организации сотрудничества присутствуют пять государств-наблюдателей – Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и Монголия, а также 3 государства со статусом «партнёр по диалогу» – Белоруссия, Турция и Шри-Ланка, то стремления Российской Федерации к геополитическому позиционированию, в качестве одного из мировых полюсов, становится ещё более предметным.

Все государства, с которыми Российская Федерация устраивает разнообразные формы экономического, социокультурного и военно-политического сотрудничества и взаимодействия, либо испытывают существенные проблемы в отношениях с европейским и североамериканским

геополитическими центрами (Турция, Пакистан, Афганистан, Китай, Индия), либо находятся фактически вне таковых отношений (Казахстан, Армения, Киргизия, Монголия), либо рассматриваются как враждебные (Белоруссия, Иран). При этом Российская Федерация основное внимание уделяет всё же восстановлению интеграционных процессов на постсоветской территории, так как именно в её рамках сложилось и, по существу, продолжает функционировать общее социокультурное пространство, обеспечивающее почву для образования новой цивилизационной модели.

Что касается перспектив геополитического переформатирования в сторону многополярности в ближайшем будущем, то они, безусловно, связаны с эффективностью функционирования культурно-цивилизационных центров, формирующих геополитические центры и геополитических акторов или субъектов современной геополитики. Рассматривая проблему именно сквозь призму геополитической многополярности и фиксации доминирования европейского или евроатлантического (с учётом особой роли США) культурно-цивилизационного центра, породившего геополитического гегемона в лице США, ставшего на конец XX века единственным центром геополитической силы, нам следует ответить на главный вопрос: способна ли Россия восстановить и нарастить свой культурно-цивилизационный потенциал, чтобы претендовать на статус ещё одного центра силы в современных и будущих геополитических процессах? Либо, точнее, возвращение себе этого статуса, утраченного в конце 80-х годов прошлого столетия Советским Союзом. В этом геополитическом переформатировании Россия может использовать три варианта или три модели культурно-цивилизационного развития – 1) Славянское социокультурное пространство и Славянская цивилизация, либо Славянский Мир, 2) Православная цивилизация, либо Православный Мир и 3) российское социокультурное пространство и Российская цивилизация, либо Русский Мир. Иногда первые две модели объединяют в Православно-славянскую цивилизацию.

Как нами отмечалось, социокультурный разбег славянских государств к настоящему времени достиг такого уровня, что весьма затруднительно говорить

об упорядоченном и общем цивилизационном оформлении этого пространства. Немаловажную роль в этом разбеге играют и конфессиональные различия. Естественно, что на такой неустойчивой культурно-цивилизационной платформе практически невозможно сформировать эффективно действующий геополитический организм. Констатация этого факта вовсе не означает, что в принципе и в перспективе невозможно включение славянских государств в целостное геополитическое образование, но на данном этапе исторического развития невозможность этого совершенно очевидна.

Православный Мир или Православная цивилизация имеют ещё меньше оснований для моделирования. Прежде всего потому, что конфессиональным фактором не исчерпывается формирование социокультурного пространства, без которого не может даже идти речь о цивилизационном образовании. Исходя из этого представить в общем социокультурном (не только конфессиональном, но и экономическом, политическом, бытийном, ментально-мировоззренческом) пространстве такие страны как Эфиопия, Греция, Польша, Россия совершенно затруднительно.

Православно-славянская цивилизация как модель является, скорее, выражением субъективных интенций её авторов, нежели выражением реальной действительности. И не только потому, что она содержит внутреннее противоречие смыслового характера – не все славяне являются православными и не все православные являются славянами, но, опять же, вследствие отсутствия общего социокультурного пространства, формируемого в результате разноплановой и разнообразной социальной деятельности человека, окультуривающего определённое природно-географическое пространство.

Единственным приемлемым вариантом и моделью формирования (как продолжение начатого более тысячи лет назад) культурно-цивилизационного центра является Российская цивилизация или Русский Мир. По сути дела, автором определения понятия Русского Мира является Н.И. Костомаров, который в «своих работах (наиболее обстоятельно, пожалуй, в статье «Две русские народности») термин «Русский мир» использует в качестве тождественного термину «Русская

Земля», причем именно в приведенном здесь написании – «мир» строчными буквами, а «Земля» с прописной. Это дает нам основания сейчас использовать написание Русского Мира с прописных букв. Характерно, что Н.И. Костомаров в том же, по сути, значении, что и Русский мир, и Русская Земля, использует еще один термин – Русский материк. Все они обозначают пространство, которое формировалось под эгидой русского народа – его южной (киевской) и северной (новгородско-московской) ветвями [242, с. 81-121]» [535, с. 286].

Правда, несколько раньше Н.И. Костомарова термин «русский мир» использовал Н.И. Надеждин, который написал работу «Опыт исторической географии Русского мира», изданную в 1837 г., на 24 года раньше статьи «Две русские народности». Однако, термин «Русский мир» Н.И. Надеждин использует только в заглавии, а самом тексте он не встречается. В тексте содержатся термины «Славянский мир» и «Русская земля» (по одному разу), а также «Венедо-Славянский мир» (два раза), определяемые по контексту работы как тождественные «Русскому миру» [см. 329]. Но, нигде Н.И. Надеждин не даёт определения самому понятию Русского Мира.

Отсюда, «целесообразно строить концепцию Русского Мира и разрабатывать прикладные технологии ее осуществления в социальной реальности, основываясь на определениях настоящего автора этого понятия Н.И. Костомарова [см. 242]. Причем, делать это необходимо по причине смысловой корректности, а не только геополитической целесообразности. Хотя геополитическая целесообразность в этом вопросе имеет очень большое значение. Единственным дополнением, которое следует сделать к определениям Н.И. Костомарова, это расширить понятие Русского Мира, как выражающее не только сугубо русские этнокультурные характеристики, но и в широком смысле российскую социокультурную традицию, включающую в себя разнообразные этнические компоненты, развивавшиеся и существующие на пространстве, очерченным в свое время границами Советского Союза, а еще раньше Российской Империи. Полиэтничность или полиэтнокультурность Русского Мира, окормленного и оформленного, конечно же, русской культурой, является его

характерной чертой. Исходя из этих уточнений, мы вправе рассматривать понятие Русского Мира в качестве тождественного таким понятиям как российское социокультурное пространство и пространство российской цивилизации, которые исторически совпадают с территориями Российской Империи и Советского Союза» [535, с. 287-288].

В настоящее время в качестве аналога Российской империи и СССР, как административно-политическим формам существования Русского Мира / Российской цивилизации обнаружить что-либо невозможно. Попытки рассматривать Евразийский союз, первой ступенькой к которому должен стать Евразийский экономический союз, являются малоубедительными. «На практике, устройство Евразийского экономического союза и подходы к нему (Таможенный союз, Единое экономическое пространство) ещё далеки от учёта социокультурных ценностей и цивилизационных стандартов, объединяющих это пространство, так как было представлено, хотя бы, в теории евразийства» [533, с. 250].

«Считать, что современное движение к Евразийскому экономическому союзу Российской Федерации, Белоруссии и Казахстана строится на основе концепции русской социально-философской и политико-философской школы евразийства, будет большим допущением. Прежде всего потому, что у этого движения нет никакого идеологического обоснования. А то, что присутствует, скорее, напоминает сухие политико-экономические расчёты. И потому Евразийский экономический союз более в качестве образца имеет Европейское экономическое сообщество, нежели ценности Русского Мира и, даже, контуры евразийской цивилизации в её понимании Н.С. Трубецким [см. 477], П.Н. Савицким [см. 422, 423, 425-430] и Л.Н. Гумилевым [см. 126, 127]» [533, с. 250].

«Если проследить предысторию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и обговариваемого сейчас его политического наполнения в образе Евразийского союза, то мы найдём много общего с теми интеграционными процессами, которые разворачивались в послевоенной Европе. Как известно, способами интеграции постсоветского пространства выступали и всё ещё выступают Единое экономическое пространство (ЕЭП), Таможенный союз (ТС),

Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ). Форму СНГ я не рассматриваю по причине того, что она выступает не столько как метод интеграции, сколько как средство урегулирования отношений постсоветских республик» [533, с. 251].

«Пока оформившийся в 2015 г. ЕАЭС как первая стадия политико-экономической реинтеграции государств, входящих некогда в статусе федеральных республик в состав СССР, испытывает серьёзные трудности в своём существовании. И, прежде всего, по причине отсутствия чётких, а главное, адекватных социокультурному пространству и социогенетическим устоям, цивилизационных ориентиров. Лишь после этого возможно будет говорить о формировании социально-политического объединения с культурно-цивилизационной платформой – Евразийском союзе (ЕАС). Именно такой ЕАС может рассматриваться в контексте концепции евразийства. В этом смысле он предстаёт как геополитический проект и артикуляция цивилизационного пространства, разрушенного вследствие ликвидации СССР» [533, с. 251].

«С точки зрения восстановления структурных связей (социально-культурных, экономических, политических) исторического пространства, занимаемого Советским Союзом и формирования отличного от европейского типа цивилизации – евразийского, такой процесс является, безусловно, позитивным. В то же время мы обязаны видеть в этом процессе и те «подводные камни», которые могут привести его к тому же финалу, к которому пришёл СССР. И один из таких «камней» как раз и есть копирование принципов построения СССР, только без коммунистического наполнения и советского оформления, – равенство республик, этнизация политики в пользу окраин и за счёт Российской Федерации, лоскутность образования, возможность выхода республики из союза и т.п. Другой «подводный камень» был обозначен выше и он образуется из идейных уклонов евразийской концепции в сторону туранства и от славянства и Православия» [533, с. 251].

«Отмеченные опасности вовсе не следует понимать как формулировку предостережения или даже выступление против образования Евразийского

экономического союза (ЕАЭС) и тем более Евразийского союза, если он будет строиться не на политическом толковании, исходя из текущих конъюнктурных интересов, а на основе концепций Данилевского и евразийства. Сами эти формы на данный момент, несомненно, являются лучшим и, главное, продуктивным способом преодоления того состояния разобщённости на постсоветском пространстве, которое мы наблюдаем сейчас. Однако, восстановление исторического пространства российской цивилизации, подорванного событиями 1917 года, должно происходить по иным критериям, соответствующим ценностям этой цивилизации. Речь идёт о той социокультурной системе, которая создавалась на протяжении нескольких столетий, и которая имела своё исторически обоснованное название – Россия. Причём, в этническом плане Россия это страна не только этнических русских (великорусов, белорусов и югорусов, называемых сейчас украинцами), но и многих других этнокультурных сообществ, как коренных для нашей территории, так и пришлых представителей» [533, с. 251-252].

«Посему, не только по форме, но и, что самое важное, по содержанию либо альтернативой, либо следующим этапом развития Евразийского союза должен стать Российский Союз как государственное оформление (возможно и федеративное, и даже конфедеративное) Российской цивилизации – Русского Мира, – обустроившей и обустраивающей российское социокультурное пространство» [533, с. 252]. Следует отметить, что ещё в 1995 г. С.Н. Бабурин отмечал геополитическую закономерность именно Российского союза, который должен стать политическим выражением русской цивилизации [13, с. 442-449]. При этом, С.Н. Бабурин совершенно справедливо заключает, что «воссоздание на месте СССР нового государства – Российского союза – способно предотвратить гибель цивилизации, исчезновение с лица Земли уникальной русской культуры» [13, с. 447].

Для таких прогнозов и оценок имеются основания не только в имеющемся научно-материальном потенциале (освоение космоса, атомно-энергетическое и военное производства и т.п.), но и в социально-культурных традициях, связанных

с организацией социального управления. Опыт функционирования Новгородского Вече и Боярской Думы, достижения паритета интересов региональных элит и князей в государственной системе Новгородско-Киевской Руси, реализации принципа Соборности в принятии важнейших решений Русской Православной Церкви, политики имперского покровительства этнокультурным сообществам, может рассматриваться как источники и матрицы для формирования цивилизационной модели будущего общества. По той причине, что всё отмеченное и целый ряд других элементов российского исторического социума соответствуют требованиям универсального типа автономного общества.

Анализируя историческое продвижение человеческой цивилизации, мы достаточно чётко фиксируем определённые культурные очаги, которые обозначают ось Мировой культуры человечества и становятся цивилизационными центрами во всемирной истории. Причём, эти культурно-цивилизационные очаги последовательно сменяют друг друга в статусах цивилизационно-геополитического доминирования. Процесс культурно-цивилизационного продвижения осуществляется с юга на север и предполагает усложнение условий среды существования Человека, которые требуют от общественной системы совершенствования технологий – от социальных до экономических, возрастания степени социальной организованности и автономности по отношению к природе. Это социально-историческое движение становится возможным благодаря обеспечиваемым уровнем развития сознания деятельностным качествам человека, создающим социокультурное пространство, встраиваемое в поэтапно усложняющуюся природно-климатическую среду – от Древнего Египта до России.

В результате исследования мы устанавливаем, что «пространственно-временная ось Мировой культуры формируется из последовательно сменяющихся друг друга очагов: Южное Средиземноморье – Ближний Восток – Индия – Китай – Центральная Америка (культурно-цивилизационные очаги Древнего Египта, Древней Месопотамии, Древней Индии, Древнего Китая, Майя); Северное Средиземноморье (Древняя Греция, Древний Рим, Византия); Европа (эпоха

Средневековья, Нового и Новейшего времени, вплоть до сегодняшнего дня). Это, так сказать, исторически зафиксированные очаги оси Мировой культуры в её поступательном пространственно-временном развитии» [533, с. 182]. В качестве поступательного движения очагов оси Мировой культуры на смену европейскому приходит российский или евразийский, который соответствует требованиям совершенствования человеческой деятельности в условиях усложняющейся природно-климатической среды социального существования.

Данный аспект анализа позволяет сделать вывод о значимости культурного комплекса, создаваемого обществом в условиях определённой среды существования, для цивилизационного строительства, которое, по сути, является производным от культуры. А культурно-цивилизационные устои обеспечивают геополитический потенциал и статус государств-носителей. Особое место в этом культурном комплексе занимает религиозная система и, следовательно, она играет особую роль в геополитическом статусе и геополитических отношениях.

«В структуре культурного комплекса религия является следствием его развития и одновременно одним из факторов. Степень влияния религии на культурный комплекс общества бывает различной, но в мировоззренческом отношении всегда определяющей. Религия, безусловно, принимает участие в цивилизационном оформлении социокультурного пространства, участвуя в создании идейной и ценностной базы цивилизационных изменений. Но, непосредственно в оформлении цивилизационной модели принимают участие религиозные институты, которые, в силу своей специфики, включаются в формирование институционального каркаса цивилизации. Религиозные институты учреждаются в соответствии с определёнными конфессиональными требованиями и, по сути, являются конфессиональными учреждениями, которые вырабатывают определённые стандарты, нормы, правила, механизмы социального функционирования в общей цивилизационной системе, упорядочивающей культурный комплекс и социокультурное пространство. В сфере геополитики, как и политики вообще, религиозная идеология участвует в создании доктрин и базовых установок, но непосредственного воздействия на выработку

геополитических решений не имеет. В ещё большей степени такое отношение характерно для религиозных / конфессиональных институтов. Такая ситуация объясняется тем, что геополитические отношения, в ещё большей степени чем политические, есть отношения интересов крупных государств, которые стремятся их реализовать в масштабах глобальных природно-географических пространств. Даже теократические государства, поднимающиеся в определённые исторические интервалы до уровня региональных геополитических игроков, в своих внешнеполитических акциях скорее используют религиозные идеи и конфессиональные образования, нежели руководствуются их ценностями и стандартами» [533, с. 233-234].

Как было отмечено, социокультурная платформа России, которая сформировалась уже к концу X ст., что позволило ей принять на свою почву не только православное древо Христианства, но и стандарты византийской цивилизационной модели, переработав их, применительно к российским условиям, на протяжении последующего тысячелетия развивалась и совершенствовалась. Испробовав разные цивилизационные модели, от обозначенной выше – византийской, до европейской и её коммунистической модификации, российская социокультурная платформа, даже в условиях очередного цивилизационного кризиса, начавшегося в конце XX в., обеспечивает геополитическую устремлённость и геополитический статус государства её выражающего. На примере Российской Федерации мы это прослеживаем.

Однако, проблема цивилизационного выбора для современной России не может быть отодвинута или вынесена за скобки, несмотря на наличие мощного социокультурного потенциала. Как раз этот потенциал, с одной стороны, не позволяет России раствориться в какой-либо цивилизационной модели – европейской или евроатлантической, а, с другой стороны, побуждает к необходимости обретения собственной *самостной* цивилизационной конструкции. И не для того, чтобы обеспечить статус ведущего геополитического игрока, а для того, чтобы оформиться в своём социокультурном пространстве, обеспечить существование своей культурно-цивилизационной системы и

выполнить необходимые геополитические функции. Другими словами, в современном мире цивилизаций, а предметнее, в сопряжении с наиболее развитой – Евроатлантической, России требуется обретение самости⁷. В нашем случае это осознанное (на уровне общественного сознания) состояние своей цивилизационной уникальности в соотношении с миром цивилизаций (другими цивилизациями), в контексте мировой культуры и единстве с человечеством.

⁷ Исходим из имеющихся определений. **Сáмость** (нем. *Selbst* – «сам», *собственная личность*) – 1) архетип, являющийся глубинным центром и выражением психологической целостности отдельного индивида. Выступает как принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики и, одновременно с этим, обеспечивает вычленение индивида из окружающего его мира. Понятие из теории К.Г. Юнга. "Я сам", но без Я. 2) Понятие философии М. Хайдеггера, обозначающее бытие Я (самобытие), т.е. такое сущее, которое может произнести: 'Я'. Личная самость (*Ich-selbst*) у Хайдеггера полагает своеобразие бытия существования в качестве 'заботы' (т.е. бытия сущего, являющегося человеческим существованием; в отношении к окружающему миру существование предстает как 'озабоченность', а в отношении к другому человеку – 'общей заботой'). Безличная самость (*Man-selbst*), будучи повседневным высказыванием Я (*Ich-Sagen*), подчиняется *Man*, отодвигая на второй план собственные возможности и горизонты бытия.

РАЗДЕЛ 4. КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

4.1. Центры современного геополитического влияния и их культурно-цивилизационные очаги

«Ещё несколько лет тому назад значительная часть учёных-обществоведов, включая геополитиков, была уверена в том, что мир окончательно стал «однополярным» и единственным центром геополитического влияния, остались Соединённые Штаты Америки. Как минимум, в девяностые годы прошлого столетия многие исследователи и политики так называемого либерального толка не видели реальных конкурентов США в сфере геополитического влияния. Последние годы оценки ситуации в этой области стали существенно меняться – заговорили о нескольких центрах геополитического влияния. Причём, наряду с США, Китаем, Россией, стали рассматривать и Европейский союз, который всё более стремился к оформлению своей политической субъектности и созданию наднациональных органов по управлению входящих в него стран» [533, с. 124].

«Говорить о Европейском союзе как ином, нежели США, центре геополитического влияния всё-таки в современной международной обстановке не представляется достаточно обоснованном по нескольким причинам. Прежде всего, Европейский союз не достиг должной политической консолидации и централизации своих (над) государственных структур, чтобы мог действовать на геополитической арене как целостный управляемый механизм. Даже континентальные страны так называемой Старой Европы позволяют себе проводить самостоятельные внешнеполитические акции (например, Италия во время премьерства С. Берлускони), не говоря уже об островной Великобритании,

которая подчёркнуто независимо строит свою позицию до такой степени, что вышла из Европейского союза. Следующий сдерживающий фактор европейской политической централизации – поведение «новых европейцев», вступивших в Евросоюз, при значительной ресурсной и моральной поддержке США и обязанные им этим. Польша, Румыния, Чехия, Словакия, Болгария покорно следуют в фарватере США и пользуясь статусом равноправных политических партнёров в Европейском союзе часто проводят проамериканскую политику. Не говоря уже о Прибалтийских республиках, в которых даже высшие государственные должности могут занимать граждане США, как, к примеру, дважды бывший президентом Литвы в 1998-2003 и 2004-2009 гг. американский гражданин В. Адамкус. Всё это создаёт положение, при котором решения в Евросоюзе принимаются по указанию из США, как это было с признанием независимости Косово» [533, с. 124-125].

«Рассматривать в настоящем международном положении Китай и Российскую Федерацию в статусе полноценных центров геополитического влияния также не представляется возможным в связи с тем, что они ограничиваются пока лишь защитными мерами в отношении влияния США на международные процессы, либо поддерживают свои внешнеполитические интересы в некоторых регионах планеты. В отношении Китая вообще есть сомнения, что он сможет стать весомым центром геополитического влияния по причине значительной замкнутости своей экономики на США и возможности последних переориентироваться на экономики Индии или Бразилии. К тому же установки, лежащие в основе культурно-цивилизационной парадигмы Китая, имеют интравертную направленность, что не способствует притязаниям на геополитическое доминирование» [533, с. 125].

«Российская Федерация, как приемник СССР, в различной степени, но сохраняла геополитический потенциал, однако не достигла уровня, который бы позволил ей преодолеть последствия геополитического поражения в конце XX века. Это поражение более всего заметно по ситуации, которая сложилась на Европейском континенте. Именно здесь Россия, включенная в европейский

контекст, как минимум, своей территорией, из центра геополитического влияния, каковым была при существовании Советского Союза, превратилась в геополитического аутсайдера, вынужденного смиряться с правилами Большой Игры, которые диктовали миру Соединённые Штаты Америки, ставшие ведущей политической силой Европейской цивилизации и социокультурного пространства после окончания Второй мировой войны и геополитическим лидером после расформирования СССР. Представить эти международные процессы наиболее полно видится на примере концепции Поствестфальского мира и её реализации на практике. В этой концепции как раз содержится модель или мифологема, что будет точнее, культурно-цивилизационного обоснования центра геополитического влияния в лице Соединённых Штатов Америки» [533, с. 125].

Дискуссия относительно понятия Вестфальской системы, развернувшаяся среди политологов и специалистов в области международного права, а также с участием государственных деятелей, упустила самое главное, основное – анализ того исторического события, исходя из которого она была сформулирована и измерение потребности её применения к современным международным отношениям и геополитическому устройству мира.

«Для Вестфальской системы источником может быть только исторический факт заключения в 1648 году мирных соглашений, подписанных императором Священной римской империи германской нации Фердинандом III с Францией и Швецией. Это событие знаменовало собой окончание Тридцатилетней войны, начавшейся как религиозной, с элементами гражданской, внутри Империи и переросшей, с подключением Испании, Франции и Швеции к военным конфликтам германских князей, в европейскую. Итоги этой войны, равно как и основные положения Вестфальского мира достаточно хорошо известны. Тем не менее, в силу сформулированной проблематики, есть потребность еще раз их обозначить» [533, с. 126].

«Первый и очевидный итог войны – территориальные кодификации, зафиксировавшие новые европейские границы. Не только Швеция и Франция получили новые земли за счет германских княжеств, но также Объединенные

провинции Нидерландов получили правовое закрепление своего самостоятельного статуса, а Швейцарский союз – международное (то есть, европейское) признание. Ко всему прочему некоторые княжества Германской империи (Священной Римской империи) тоже смогли извлечь для себя определенные дивиденды. Например, Бранденбург расширил свои владения, значительно усилились позиции Баварии и Саксонии» [533, с. 126].

«Второй, контекстуальный, итог – юридическое закрепление права территориального суверенитета. Это, главным образом, касается германских княжеств и, в определенной степени, Нидерландов и Швейцарии. Чего-либо принципиально нового в этом плане Вестфальскими договорами достигнуто не было. Швейцария еще в 1499 г. стала фактически независимой от Священной Римской империи и австрийских Габсбургов, Нидерланды в XVI веке обрели самостоятельность от Испании» [533, с. 126].

«Германские княжества почти, что за три столетия до Вестфальского мира получили высокий уровень суверенизации. В 1356 г. имперским сеймом Священной Римской империи германской нации была принята Золотая булла. Этот законодательный акт стал результатом долгой политической борьбы императоров Священной Римской империи и Римских пап, которая закончилась тем, что императору Карлу IV (королю Чехии) удалось несколько оттеснить папу от вмешательства в дела Империи. Согласно Золотой булле, папы были отстранены от участия в избрании императора. Однако Ватикан получил право делегировать в избирательную коллегию помимо четырех курфюрстов, трех высших епископов. Решение всех важных дел Империи стало делом коллегии курфюрстов, которая проводила ежегодные съезды. Для избрания и низложения Императора требовалось простое большинство голосов. Князья-избиратели обязывали «римского короля», как назывался в булле германский Император, дважды – тотчас по избранию и второй раз после коронации – «незамедлительно и беспрекословно подтвердить... их привилегии, права, вольности, пожалования, старинные обычаи, а также почетные саны и все, что они от империи получили вплоть до дня выборов...» (гл. II, 4). Золотая булла признала полную

государственную самостоятельность германских князей, которые в своих владениях стали обладать суверенной властью, получили права вести частные войны (одни «князья империи» могли воевать с другими «князьями империи») и верховного суда, монетной и соляной регалии. Городам запрещалось создавать союзы против князей [498, с. 136; 615, с. 111]» [533, с. 126-127].

«Пожалуй, это основные исторические факты, которыми мы можем оперировать. Нет сомнений в том, что исторические факты всегда бывают подвержены историографической интерпретации. Собственно говоря, в этом и состоит труд историка и другого ученого, который обращается к изучению и исследованию тех или иных исторических событий. Но, важно, чтобы интерпретация исторических событий, и как процедура, и как процесс, была корректной в отношении самих событий, логически непротиворечивой в своем концептуальном выражении и рационально обоснованной» [533, с. 127].

«Теперь вкратце остановимся на тех определениях Вестфальской системы, которые встречаются у ряда современных авторов. Директор Исследовательского института Германского общества внешней политики К. Кайзер утверждает, что «Вестфальский договор закрепил суверенитет государства в сфере внутренней и внешней политики и тем самым – принцип невмешательства во внутренние дела государств. «Вестфальская система» – это система уважающих суверенитет друг друга и в принципе равных между собой государств, которые сами определяют свою внутреннюю политику и свободны в своих внешних действиях» [204]. Интересно, каким образом это следует из тех реальных соглашений, которые были заключены в 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке? И Швеция, и Франция, и Испания (на то время сильнейшие европейские государства) активно вмешивались во внутренние дела пусть и диффузного, но со своими внутренними законами (та же Золотая булла 1356 г.) государственного образования – Священной Римской империи германской нации. Сам Вестфальский мирный договор был подписан с участием Франции и Швеции, по которому они получили территориальные приращения за счет Германской империи, при их давлении окончательно суверенизировались Нидерланды и Швейцария, фактически стали

суверенными территории, формально находившиеся в составе Германской империи – герцогство Бавария, курфюрство Бранденбург, эрцгерцогство Австрия. При такой раскладке *Вестфальские договора* как раз заложили основания для создания институтов международного правового признания новых политических конфигураций. В этом контексте, например, теперешнее признание США и рядом европейских государств Косово в качестве самостоятельного государства в определенной степени вписывается именно в «вестфальскую традицию», которая устраивала правила перекройки границ в угоду сильным государствам» [533, с. 127-128].

«Другой германский автор В. Линк пишет, что «Вестфальский мирный договор содержал «антипротестную» оговорку, направленную против возможных претензий со стороны универсальных сил по наведению порядка – верховных властителей, т. е. императора и Папы Римского. Вестфальский мир устанавливает антиимперский порядок» [272]. Опять же, Империя и универсальный порядок отнюдь не синонимы, которые выражают однотипные социальные процессы. Мы знаем массу примеров из современной политической жизни, когда универсальный порядок стремятся наводить страны с формально республиканско-демократическими атрибутами и пытаются делать это в совершенно специфических регионах земного шара, как, допустим, в Ираке и в Афганистане или в той же Сербии. К тому же, у В. Линка обнаруживается подтекст, который фактически редуцирует понятие Империи к прилагательному империалистический» [533, с. 128].

«Хотя на самом деле понятия «Империя» и «империализм», при всей их этимологической близости, принципиально отличаются и выражают качественно различные социальные процессы и явления. Эту разницу нам необходимо особо отметить, что имеет значения в контексте рассмотрения проблемы. *Империя* – понятие, этимологически исходящее от слов «власть», «владычество», «полномочия» и «государство», выражающее вид (форму) организации управления социумом на обширном географическом пространстве, при котором разнообразные регионы государства пользуются покровительством имперского

центра. *Имперскость* – полнота власти, реализуемая для удержания порядка и спокойствия в пространстве крупной державы с многообразием этнокультурных регионов и конфессий. *Имперский способ* социального управления обеспечивает ограничение своеволия провинций и региональных вождей, угнетающих малые социальные сообщества. *Империализм* – этимологически связан со словами «контроль» и «повеление» и как понятие обозначает подавление любого своеобразия, навязывание различным регионам стандартов, выработанных в империалистических центрах. *Империалистическая политика* означает стремление к гегемонизму и подчинению своим интересам всех окружающих социальных общностей и институтов» [533, с. 128-129].

*Данные определения понятий, возникающих на основе латинского слова *imperium*, позволяют отметить, что термины «имперскость» и «имперская политика», с одной стороны, и, с другой стороны, «империализм» и «империалистическая политика» имеют терминологический консонанс, этимологические различия и понятийно-смысловые отличия.*

«Возвращаясь к исторической ситуации со статусом и статусами в Священной римской империи, отметим, что к 1648 г. ни Папа римский, ни германский Император никаких претензий и возможностей для наведения универсального порядка в «подведомственных» территориях не имели. Да и территории эти к тому времени, как уже отмечалось, были в достаточной степени самостоятельными, чтобы не подчиняться папским указаниям по конфессиональной ориентации, не говоря уже о подчинении Императору, с которого, кстати, курфюрсты брали денежную мзду при его назначении на «императорскую должность»» [533, с. 129].

«Существует и противоположный подход в оценке Вестфальской системы. И. Даальдер и Д. Линдсэй, аналитики в области внешнеполитических исследований Brookings Institution (научно-исследовательского учреждения, работающего на правительство США), оценку Вестфальской системы производят в контексте дихотомии гегемония – глобализация. При этом гегемонию, с их точки зрения, могут олицетворять те государства Евразии, которые реально в

состоянии представлять угрозу для Соединенных Штатов. В XX веке таковыми были сначала Германия, затем Советский Союз. Сейчас «ни одна страна (в том числе и Китай) не представляет собой геостратегическую опасность для Соединенных Штатов» [134]. И. Даальдер и Д. Линдсэй признают за США господствующую позицию в современном мире, которая предполагает реализацию глобальных интересов, но без стремления расширения «своей власти посредством завоевания территорий». Таким образом, американские аналитики вектор глобализации рассматривают в качестве альтернативы гегемонизму, искусно убирая из характеристики глобализации какие-либо признаки гегемонизма, отсекая возможность увидеть в международной политике США любые тенденции к господству. А именно в векторе глобализации рассматривается политика Соединенных Штатов. Свои симпатии к глобализации авторы не скрывают и находят, что она «распыляет власть, уменьшая при этом долю властных функций отдельного государства». Они солидаризируются, по существу, с Дж. Мэтью, которая относится к критикам Вестфальской системы и именно в ней почему-то видит основу гегемонизма: «национальные правительства теряют не только свою автономию в глобализирующейся экономике. Они делятся властью – включая политические, социальные роли и роли в области политики безопасности, что составляет ядро их суверенитета, – с экономическими структурами, международными организациями и большим количеством гражданских инициатив, известных как неправительственные общественные организации. Эпоха постоянной концентрации власти в руках государств, начавшаяся с заключением Вестфальского мира в 1648 году, закончилась» [134]» [533, с. 129-130].

Вот «здесь уже возникает полное недоразумение относительно представляемой позиции. – Если сторонники позитивной трактовки Вестфальской системы все-таки стремятся выстроить логику аргументации, апеллируя к историческим фактам и событиям с целью «узаконить» свои интерпретационные модели, то наши американские коллеги вообще себя этим не утруждают. Их политические построения становятся похожими на рассуждения человека,

ограниченного рамками определенной и не столь продолжительной культурно-исторической среды. – Все, что случилось до образования США, для них не имеет никакого значения, и они считают себя вольными поступать в отношении «доисторических» (т.е. «доамериканских») событий с позиции, прошу прощения за публицистичность, примата американской действительности» [533, с. 130].

«Понятно, что научная составляющая такой позиции выглядит весьма убого. Чего стоит только один пассаж об «эпохе постоянной концентрации власти в руках государств, начавшейся с заключения Вестфальского мира в 1648 году»! А что у римских или китайских императоров не было «постоянной концентрации власти»? А разве после Мюнстерского и Оснабрюкского соглашений не существовала диверсификация власти в той же Священной римской империи, формально существовавшей до 1806 года, или во многих иных европейских государствах на протяжении XVIII-XX вв. реализовывавших принцип разделения ветвей власти?» [533, с. 130]. На эти, не только логически обоснованные, но, главное, научно необходимые вопросы ответов мы вряд ли дождемся.

«Неудивительно, что среди сторонников американской оценки Вестфальской системы, политизированной в том смысле, что она руководствуется интересами собственного государства, а не научными критериями, оказываются политики новой европейской волны сепаратной суверенизации. Среди них бывший эстонский президент Т.Х. Ильвес, который оперирует термином «поствестфальская система» [187]» [533, с. 130].

«Но критика Вестфальской системы звучит и со стороны тех, кто придерживается отличных от американских авторов идеологических ценностей и установок. Если Дж. Мэтью, И. Даальдер, Д. Линдсэй и примкнувший к ним Т.Х. Ильвес оценивают Вестфальскую систему как устаревшую в связи с доминированием в современном мире наднациональных структур и приоритетом прав человека, в том числе – прав сообществ на самоопределение, то сторонники консервативной оценки считают, что Вестфальская система, обеспечивавшая функционирование национальных государств, исчерпала себя и на смену ей должна прийти другая система, ну, например, неоимперская [240]» [533, с. 130-

131].

«Так или иначе, любые виды оценок Вестфальской системы исходят из того, что она обеспечила формирование национальных государств и покончила с господством имперских и религиозных сил в европейском масштабе. Который, в силу отсталости и неразвитости азиатских, африканских, американских и других сообществ, проецировался на весь мир. Причем, стремления представить довестфальский мир имперским настолько сильны, что, к примеру, С.В. Картунов в состав территории Священной Римской Империи германской нации записывает даже Испанию и более того, считает, что «мировая история до утверждения Вестфальской системы, т.е. международной системы национальных государств, – это история господства и противоборства различных империй» [240]. Можно было бы в это поверить, если вообще не знать историю. Допустим, историю борьбы древнегреческих государств (полисных, как Афины и региональных, как Спарта) с персидским государством Ахеменидов. Или, что совсем уж не позволительно, историю Новгородско-Киевской Руси X-XI вв., с высокой степенью региональной автономизации, успешно конкурирующую в рамках геополитического региона с Ромейской (Византийской) Империей, Венгерским королевством и Хазарским каганатом» [533, с. 131].

«Можем согласиться с тем, что сторонники позитивной оценки Вестфальской системы и сохранения ее действенности в современном мире располагают гораздо большими аргументами в пользу своей позиции (и историческими, и логическими), нежели противники. Более ответственная часть критиков Вестфальской системы ещё придерживается исторических фактов и в своем анализе проблемы использует реальные исторические феномены (те же имперские системы), в отличие от, главным образом, североамериканских исследователей, ограничивающихся декларациями о приоритете прав виртуального человека, ради которых можно рушить сложившиеся национальные государства. Но, так или иначе, накладывая характерные для периода Вестфальского мира исторические факты на содержание Вестфальской системы, исследуя исторические события, которые можно рассматривать в качестве

мотивационных источников понятия «Вестфальская система», мы вынуждены признать, что в Вестфальской системе исторические интерпретации столь бурно развились, что смоделировали настолько виртуальную картину, которая так удалилась от реального исторического события, что превратилась в мифологему. Другой вопрос: зачем это нужно было? Ответ на этот вопрос обязательно будет, но несколько позже. Сейчас же, более подробно о самих мифах» [533, с. 131-132].

«Итак, какие же мифы возникли вокруг позитивной оценки Вестфальской системы? Примечательно, что эти мифы были созданы теми, кто посчитал Вестфальскую систему исчерпавшей себя в современном мире. А сторонники сохранения Вестфальской системы защищают ее, используя эти мифы» [533, с. 132].

«*Миф первый.* Вестфальская система вычленила национальные интересы и избавила их от идеологического антуража, межгосударственные отношения стали строиться без учета ценностных различий. И под ценностями, и под идеологией понимается религия, прежде всего, в ее католическом выражении. Как аргументы используются такие факты: секуляризация церковных земель в Северной Германии; равенство на территории Империи католической, лютеранской и кальвинистской церквей; закрепление права свободного перехода из одной конфессии в другую для имперских сословий; гарантированная свобода вероисповедания для религиозных меньшинств и право на эмиграцию; были строго зафиксированы конфессиональные границы и установлено, что переход правителя княжества в другую религию не должен был сопровождаться изменением конфессии его подданных [439]. Все это так, но почему из этого делается вывод, что власть Римского папы была ослаблена именно Вестфальскими соглашениями, а отношения между государствами в Европе начали строиться без религиозной доминанты? Исторически корректных оснований для подобного рода выводов нет. Исторически корректными выводы могут быть тогда, когда они строятся не на изолированном факте и даже событии, сколь бы значимым оно не было, как в случае с Вестфальским миром, а коррелируются с другими однотипными событиями. А таких событий,

касающихся конфессиональных отношений в Европе периода, предшествующего Вестфальским договорам достаточно» [533, с. 132-133].

«Одно событие, связанное с принятием Золотой буллы 1356 г. уже было упомянуто. По Золотой булле 1356 г. папский престол Рима мог делегировать в Избирательную коллегия по выборам Германского Императора, состоявшую из семи членов, трех епископов, которые составляли меньшинство в отношении четырех князей-избирателей. Но еще значительно ранее, в самом начале формирования Священной Римской Империи ее основатель Оттон I Великий получил права жёсткого контроля за выборами епископов и аббатов на территории своей державы. Фактически избрание высших церковных должностных лиц осуществлялось по указанию Императора, и ещё до рукоположения церковные иерархи приносили ему клятву верности и ленную присягу. Такое положение получило свое закрепление при приемниках Оттона I – Оттоне II (973-983), Оттоне III (983-1002), Конраде II (1024-1039) и Генрихе III (1039-1056). Но, пожалуй, самое важное, что в процессе самой Тридцатилетней войны религиозные ценности и интересы вовсе не учитывались. А это уже свидетельство того, что исторический период, предшествующий этой войне (как минимум вторая половина XVI – начало XVII вв.) не имел религиозной доминанты во внутренней и внешней политике европейских государств. Достаточно вспомнить Францию эпохи Генриха IV, который неоднократно менял конфессиональную принадлежность и, в конце концов, остановился на Католичество, произнес знаменитую фразу «Париж стоит мессы!»» [533, с. 133].

«Тридцатилетняя война, начавшись с Пражской дефенестрации богемских протестантов, поддержанных Евангелической лигой, впоследствии превратилась в стандартную политическую борьбу европейских государств за свои государственные, в том числе территориальные интересы. Основные противники Германской Империи – официально католическая Франция и лютеранская Швеция – имели различные конфессиональные приоритеты, что не мешало им «дружить» против католическо-протестантской Империи. Впрочем, как и другим участникам войны из числа германских княжеств и герцогств, искать союзников в

иных конфессиональных лагерях. Кроме Франции и Швеции, пользу от Вестфальского мира, а значит и от прошедшей войны получили государственные образования, входившие в состав Священной Римской Империи – Бавария, Саксония и Бранденбург. Причем, Бавария была католической, курфюрство Бранденбург – лютеранским, а Саксония конфессионально смешанной – лютеранско-кальвинистско-католической. Следовательно, к процедуре формирования национальных государств Вестфальский мир в его конфессиональных положениях имеет, безусловно, отношение, но не определяющее, а наряду с другими факторами, прежде всего, действовавшими до его заключения» [533, с. 133-134].

«*Миф второй* о закладке Вестфальской системой основ национальных государств в Европе выглядит значительно слабее первого. Слабее в смысле отдаленности лежащих в основе этого мифа концептуальных интерпретаций от реального исторического процесса. Эта сторона Вестфальской системы апеллирует к фактам образования национальных государств, якобы ставших возможными благодаря мирным договорам, подписанным в 1648 году в Мюнстере и Оснабрюке. О каких же государствах в этом случае может идти речь? Некоторые авторы эти государства вовсе не называют, отделяясь абстрактными объявлениями. Другие называют. Спасибо, что находятся откровенные ученые. Вот одна из таких конкретизаций: «Вестфальский мир 1648 года подвел следующие итоги Тридцатилетней войны: ... был создан Швейцарский союз; ... другие страны, такие как Швеция, Португалия, Чехия, Дания, Италия и Нидерланды, сложились в национальные государства» [240]» [533, с. 134].

«Все из обозначенных здесь стран в своем национальном строительстве ничего существенного от Вестфальского мира и Вестфальской системы, соответственно, не имеют, а некоторые из них только пострадали от Оснабрюкского и Мюнстерского мирных договоров. К таким можно смело отнести Чехию, которая вместо автономного статуса Королевства Чехия превратилась просто в провинцию империи» [533, с. 134]. О какой тут национальной государственности и национальном суверенитете можно вести

речь? Национальный суверенитет Чехия по сути дела обрела лишь в 1993 году и то ненадолго – до вступления в Европейский союз (новый вариант европейской Империи?) и НАТО.

«Италия стала суверенизироваться только в середине XIX века и даже в составе Священной Римской Империи, в отличие от Королевства Чехии, никаких государственных или псевдогосударственных образований под названием «Италия» не существовало. Вообще первыми государствами, к которым можно применить эпитет «итальянские» стали в начале XIX века после и благодаря Венскому конгрессу 1814-1815 гг. Сардинское королевство, Королевство обеих Сицилий, герцогства Модена, Парма, Тоскана, Лукку и Папское государство. Дания после Вестфалия потеряла больше, чем имела на протяжении предшествовавших двух с половиной веков, когда с 1397 г. благодаря Кальмарской унии под властью датских королей находились Швеция (вместе с Финляндией) и Норвегия (вместе с Исландией). А вот после Вестфалия во второй половине XVII века Дания лишилась господствующей роли в унии и уступила Швеции в борьбе за господство в Балтийском море. С Португалией приблизительно такая же история. Статус независимого королевства Португалия обрела еще в 1143 году. Затем с конца XV века началась колониальная экспансия Португалии, которая превратила ее в одну из самых мощных колониальных империй XVI века. Но вот с конца XVI века для Португалии начинаются не лучшие времена, она попадает в зависимость от Испании. В таком состоянии и находится в середине XVII века, то есть на период возникновения Вестфальской системы» [533, с. 134-135].

«Единственным полноценным аргументом в пользу теории национальных государств, основы которой были заложены Вестфальской системой, могли бы стать статусные изменения таких стран, как Объединенные провинции Нидерландов, Швейцарский союз, Швеция и Франция. Но, здесь есть ряд существенных аспектов, которые не позволяют нам непосредственно выводить их государственно-статусные трансформации из Вестфальских соглашений» [533, с. 135].

«Что касается Франции и Швеции, то они были фактическими победителями Тридцатилетней войны, которая не имела признаков национально-освободительной и не была мотивирована французскими или шведскими установками на национально-государственное строительство. Поэтому, считать, что положения Вестфальского мира каким-то прямым способом повлияли на процесс национально-государственной суверенизации Швеции и Франции у нас нет оснований. Ну а найти симптомы формирования национальных государств в предшествующих исторических событиях не составляет особого труда, потому что из ничего *ничего* не возникает. С этой позиции, конечно, в Вестфальском мире было то, что впоследствии оказало влияние на формирование национальных государств в Европе. Но это вовсе не означает, что Вестфальские соглашения превратились в систему, которая стала основой европейских национальных государств» [533, с. 135].

Вот и «в случаях с Нидерландами и Швейцарией мы видим, что эти государства оформились вне Вестфальских соглашений, а последние лишь зафиксировали их статусные изменения. Швейцарский союз фактическую независимость от Священной Римской Империи германской нации получил в 1499 г., т.е. за полторы сотни лет до Вестфальского мира 1648 г. Швейцарская независимость стала возможной в результате длительной борьбы главным образом с австрийскими герцогами, а потом и императорами из рода Габсбургов. И все основные события этой борьбы произошли в XIV в. – победы союзных сил лесных кантонов в 1315 г. (битва при Моргартене) и 1386 г. (битва при Земпахе). В отношении Швейцарии Вестфальский мир всего лишь констатировал, что ни Священная Римская Империя, ни Франция, ни Испания, ни тем более далекая Швеция не ставят под сомнение её государственную самостоятельность» [533, с. 135-136].

В отношении «Нидерландов было приблизительно то же самое. Уже в начале, а тем более в середине XVII в. Соединенные (Объединенные) провинции Нидерландов были одной из самых развитых *самостоятельных* европейских стран. Своей самостоятельности нидерландские провинции достигли в XVI в. в

процессе борьбы также с Габсбургами, но испанскими. Ситуация с Нидерландами выглядит интересно в связи с тем, что до середины XVI в. они входили формально в состав Священной Римской Империи, но управлялись хотя и Габсбургами (постоянная династия императоров с 1438 г. по 1806 г., с небольшим перерывом в 1742-45 гг.), однако их ответвлением – испанскими королями. А Испания, кроме этой династической привязки, никакого официального отношения к Священной Римской Империи не имела. Так что к Нидерландам Вестфальский мир имел еще более отдаленное отношение, нежели к Швейцарии – просто признали факт как таковой» [533, с. 136]. Как можно было признать существование Луны или Марса.

«А государства германских князей вовсе никак нельзя назвать национальными, ни в политическом, ни в этническом смысле, уже хотя бы потому, что до начала XIX века они формально оставались в проекции Священной Римской Империи германской нации. Курфюрства, королевства, герцогства Священной Римской Империи по условиям Вестфальского мира не могли заключать международные договоры, входящие в противоречие с интересами Императора или Империи. Этим фиксировался приоритет центральной императорской власти, который в перспективе потенциально мог привести к образованию сильного унитарного государства. Что, собственно, и произошло в Германии, сначала в конце XIX в., а затем в 30-х гг. XX в. Но, это уже ремарка. Важно другое – непосредственно из административных частей Священной Римской Империи (Германской Империи) поствестфальского периода в исторической перспективе образовались в качестве национальных государств разве что Австрия, Бельгия, Чехия и Люксембург. Да и то три последние со множеством оговорок. Всё остальное абсолютное большинство административных единиц Империи – Бавария, Саксония, Бранденбург, Померания, Бремен, Ферден, Эльзас, Брейзах, Филиппсбург и другие национальными государствами не стали, а реализовались как части объединенного германского государства» [533, с. 136].

«Хотелось бы особо оговориться, что, определяя основные позиции

Вестфальской системы как мифы, мы ни в коей степени не должны ставить под сомнение историческое значение соглашений, подписанных в Мюнстере и Оснабрюке. Вестфальский мир имеет большое значение для утверждения принципов религиозной свободы в политической практике европейских государств, региональной самостоятельности и распределения властных полномочий. На основе Вестфальских соглашений были отработаны принципы делегирования прав и полномочий от малых сообществ управляющим социально-политическим институтам. По этой причине, в нашем анализе речь идет не о мифологизации Вестфальского мира и его соглашений, а о мифологизации Вестфальской системы, как понятия или категории, созданной со всеми отмеченными выше признаками мифологемы» [533, с. 137].

«Возникает вопрос, которым мы задавались ранее: зачем вообще понадобилась Вестфальская система в качестве политической мифологемы? Зачем в 90-х годах прошлого века потребовалось развернуть по сути дела международную дискуссию вокруг понятия Вестфальской системы? Почему фактические авторы мифологизированной Вестфальской системы выступили одновременно и ее критиками?» [533, с. 137].

«Авторы критической оценки (они же создатели мифологемы) Вестфальской системы с позиции глобализации и возникновения наднациональных социально-политических структур спровоцировали дискуссию исходя из объявленного ими постулата о конце исторического периода существования национальных государств. Любопытно, что конец национальных государств был провозглашен как раз после разложения Советского Союза и Югославии. Если бы это провозглашение состоялось раньше, то естественно под сомнение была бы поставлена сепаратизация национальных республик в СССР и СФРЮ. Еще повзрослеть не успели бывшие советские и югославские республики, а им уже заявили, что эпоха национальных государств закончилась и пора переходить к формированию наднациональных государственно-политических образований» [533, с. 137], типа Евросоюза и НАТО.

«Много сходства обнаруживается между исходной и конечной точками

отсчета Вестфальской системы. Исходная точка, по замыслу авторов, это ослабление Священной Римской Империи германской нации и формирования основ для возникновения национальных государств в Европе. Конечная точка – разрушение Советской Империи (Югославия, конечно же, побочный продукт геополитической борьбы) и образование на базе союзных республик национальных государств. Но на этом сходство заканчивается, так как в середине XVII в. не было ни ЕС, ни НАТО и тогда европейским национальным государствам ничто самостоятельно развиваться не мешало. А в конце XX в. уже существовал Евросоюз, действовало НАТО и, главное, были США с ярко выраженными империалистическими устремлениями, которые официальные евроатлантические политологи называют заботой об устройстве глобального мирового порядка по американскому образцу, а точнее, по стандартам Европейской или Евроатлантической (с учётом перемещения очага доминирования в США) цивилизации» [533, с. 137-138].

«Следовательно, мифологема Вестфальской системы была рождена для того, чтобы показать её историческую кончину в конце двадцатого столетия и попытаться таким образом обосновать необходимость возникновения новых наднациональных и надгосударственных конструкций. И даже те территории, которые национально суверенизируются, они уходят не в самостоятельное развитие, как это могло быть по Вестфальской системе, а в глобальные политические проекты, инициируемые США и подручными им европейскими доминаторами, курирующими Европейский союз. Так ушли прибалтийские республики, туда же стремится Грузия и Западная Украина. В этом же формате развивается ситуация в сербской провинции Косово и Метохия. Сепаратисты в Косово даже флаг себе под Евросоюз изготовили. Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария тоже отправились не строить по Вестфальской схеме свои национальные государства, а укреплять (или прикрывать) восточные рубежи трансатлантического (евроатлантического) альянса» [533, с. 138].

«В контексте всего происходящего мы видим, как происходят манипуляции с парадигмой, в виде которой и выступает популяризируемая не так давно

Вестфальская система. Создавалась модель Вестфальской системы как определенная концептуальная схема, которая, собственно говоря, и призвана была образовать новую политическую парадигму, новый образец мироустройства, прежде всего применительно к Европе. Хочется заметить, что остального мира, столь многообразного в современный период, эта схема не касается, что как раз и свидетельствует о ее сугубо операциональном (столь любимом американцами) применении, прагматическом, в приложении к политике, характере. Именно поэтому концепция Вестфальской системы не столько научная по своей природе, сколько политическая. В этом случае суть манипуляционной технологии состоит в том, что Вестфальская система, разворачиваясь по замыслам ее авторов как прогрессивная антиимперская и национально-государственная, «чудесным» образом превращается в рудимент мироустройства, возвращающегося к глобальным моделям. В процессе концептуальных манипуляций внушается мысль, что последним хорошим начинанием Вестфальской системы было формирование национальных государств на почве этнического сепаратизма в Советском Союзе. А после этого – точка, ибо всё заканчивается с Вестфальской системой и наступает поствестфальский период» [533, с. 138-139]. (Вообще, как только западные ученые начинают применять эпитет «пост» к определению того или иного понятия, оно превращается во что-то непонятное, расплывчатое до абсурдности. Как, например, произошло с постмодернизмом (послесовременностью) или постисторией (концом истории).

«Описываемая здесь Вестфальская мифологема находит свое объяснение в рамках модели лингвокорреляции Э. Сепира и Б. Уорфа. В своей гипотезе лингвистической относительности американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф утверждают, что имеется корреляция между структурой языка, способами членения мира и способами поведения людей. Иными словами, в различных языковых конструкциях, в т.ч. в понятиях, теориях, концепциях, содержатся элементы, которые определяют способ мышления и тогда люди мыслят о современности и осмысливают прошлое и будущее по той схеме, которая задана принимаемыми смысловыми моделями или языком отображения

действительности [см. 60]. В дальнейшем польский философ К. Айдукевич показал, что различные картины мира связаны и вытекают из различных искусственных языков, языковых смысловых конструкций, разновидностями которых являются не только теории или концепции, но и мифологемы [см. 336]» [533, с. 139].

«В общем, все сводится к тому, что мифотворчество вокруг Вестфальских соглашений 1648 г. создавалось с далекими перспективами, выводящими нас к проблеме односторонней политической ревизии международных соглашений, зафиксировавших европейские границы в XX столетии. Вот именно для того, чтобы ретушировать, а то и вовсе нивелировать основные нормы территориально-государственного устройства в Европе, расписанные Парижской (1919-1920 гг.), Ялтинской/Крымской (февраль 1945 г.), Потсдамской/Берлинской (июль-август 1945) конференциями и закрепленные 1 августа 1975 г. Заключительным актом Хельсинкских соглашений, разгорелся в 90-х годах XX столетия весь этот «сыр-бор» с Вестфальской системой. Понятно, что подвергать радикальной ревизии международные соглашения по принципам образования и сохранения национально-государственных образований в Европе, представленных в системе международных отношений, которые (соглашения) принимались фактически на протяжении жизни одного поколения, было бы как-то не с руки. Технологически можно получить серьезных оппонентов из числа тех, кто создавал Ялтинско-Потсдамско-Хельсинкскую модель государственно-территориального устройства в Европе. Поэтому, «копнули глубже», аж в семнадцатое столетие. А те, кто, по сути, и может быть по природе, интуитивно выступал против разрушения Хельсинкских соглашений о незыблемости европейских границ, оказались в поле дискуссии с навязанными правилами поведения, сочиненными авторами Вестфальской мифологемы. Защитники Вестфальской системы усиленно обороняются... и забывают актуальнейшие для современной международной политической ситуации правила, выработанные Хельсинскими соглашениями 1975 г.» [533, с. 139-140].

«Вообще в этой игре по правилам одной стороны, а значит в игре без

правил для другой, возникают не просто казусные, но и абсурдные ситуации. В мае 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации признал не имеющим юридической силы решение 1954 г. о передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Однако, в этом случае так называемом международным сообществом, параллельно «демонтирующим» без зазрения совести «Вестфальскую систему национальных государств», было громко заявлено, что такие решения, предусматривающие изменение существующих границ, противоречат Хельсинским соглашениям 1975 года. Причем, наибольшую активность в «краплении политических карт» демонстрирует институт, который по своей природе вроде бы должен был отстаивать Хельсинское мироустройство. Речь идет об ОБСЕ – Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, возникшей как следствие Заключительного акта Хельсинкских соглашений 1975 г.» [533, с. 140]. А многие ли политики сейчас вспоминают о хельсинских источниках генезиса ОБСЕ? К сожалению, не только политики, что, в некоторой степени объяснимо глубокой степенью прагматизма, присущего политике, но и политологи.

Сама ОБСЕ о Хельсинки старается также не вспоминать, переключая внимание международного сообщества на проблемы прав человека и гражданина, особые права только избирательных этнических общностей, процедуру избирательных кампаний в отдельных странах, относящихся к категории *несимпатиков* этого института безопасности. К странам-симпатикам у ОБСЕ отношение совершенно доброжелательное. Но как-то так странно получилось, что к числу всех симпатиков ОБСЕ стали принадлежать новые государства Европы, образовавшиеся вследствие разрушения Хельсинских соглашений и развала Советского Союза, те, для которых антироссийская, а зачастую и русофобская политика стали нормой политического поведения. Нетрудно догадаться какие страны относятся к несимпатикам ОБСЕ – прежде всего Российская Федерация и все те, кто сохраняет традицию дружеского расположения к России. С учётом того, что современная Европа находится в режиме жёсткого контроля со стороны США, то дружеские расположения можно обнаружить лишь у нескольких

государств, которые стремятся дистанцироваться от евроатлантического диктата. До сегодняшнего времени это Сербия, а со значительными оговорками Турция и Венгрия.

«Произведённый анализ показывает, что концепция Поствестфальского мира своим возникновением связана, главным образом, с геополитическими процессами в мире, в которых Европейский континент по-прежнему занимает центральное место. Занимает центральное место прежде всего потому, что является культурно-цивилизационной матрицей современной Евроатлантической цивилизации. Отсюда и формулировка современных геополитических проблем сквозь призму этой концепции, направленной на политическое и идеологическое обоснование центра геополитического влияния в лице США. При этом, она служит также инструментом для определения места России на периферии мировой политики. Геополитическое изменение в Европе в связи с тем, что СССР перестал быть в конце XX века одним из центров геополитического влияния в мире, объясняется на основе ценностей Европейской цивилизации. При этом Соединённые Штаты Америки, ставшие единственным центром геополитического влияния в формате «куратора глобализации», предстают в качестве наследника и выразителя европейского культурно-цивилизационного очага» [533, с. 140].

4.2. Геополитическое взаимодействие под влиянием культурно-цивилизационных матриц

«Субъекты геополитики представляют собой достаточно сложные социальные организмы, состоящие из комплекса территорий или регионов, соединяемых благодаря общей культурно-цивилизационной матрицы, формирующейся в результате этнокультурного, социально-экономического,

политического взаимодействия» [533, с. 141]. В основе культурно-цивилизационной матрицы, определяющей любую цивилизационную модель, лежит процесс деятельностного освоения социальной организацией или социальными организациями, складывающимися в особую социальную систему, природно-географического пространства, в результате чего формируются надэтнические (суперэтнические) признаки, общий хозяйственный уклад, предполагающий функциональную заданность регионов, включённых в данное культурно-цивилизационное пространство, социально-культурную общность, обуславливающую универсальные средства и способы социальной коммуникации, включая язык, ментальные качества и мировоззренческие установки. Культурно-цивилизационная матрица может дискредитироваться политическими методами, однако сохраняет свою работоспособность до тех пор, пока её цивилизационная конструкция не разрушена и располагает потенциалом для восстановления и развития.

«Геополитический субъект может действовать в геопространстве как государство или надгосударственное образование с необходимой централизацией внешнеполитических функций. Например, в настоящее время весьма сложно рассматривать Европейский союз в качестве субъекта геополитики именно по причине недостаточной централизации. Потому, такие участники ЕС как, прежде всего, Великобритания (до 2020 г.), Франция, Германия, Италия выступают, по определённым параметрам, самостоятельными субъектами в геополитических процессах. Ещё один пример подобного рода из истории существования так называемого Социалистического лагеря, созданного СССР сразу после Второй мировой войны. Несмотря на ряд скрепляющих конструкций этого формирования, таких как Варшавский договор и Совет экономической взаимопомощи, Соцлагерь не стал полноценным геополитическим игроком. Этот вывод подтверждается внешней политикой не только Китая, Югославии, Албании и Румынии, но и тем, что другие социалистические страны находились в фарватере Советского Союза как зависимые в политическом отношении, но не как компоненты единого геополитического комплекса. И в качестве субъекта геополитики выступал

именно СССР, но никак не Соцлагерь. Не самую последнюю роль в этой ситуации сыграли культурно-цивилизационные различия между странами, формально входившими в состав стран Социалистического лагеря» [533, с. 141].

Признак комплексности «геополитических субъектов со всей очевидностью подтверждается структурой всех ведущих акторов геополитических процессов. Китай складывает в систему такие этнокультурные компоненты как Маньчжурия, Уйгурия, да и сама ханьская территория представляет из себя совокупность различных компонентов. Сама форма государственного устройства США – объединение Штатов – свидетельствует о комплексности этого геополитического актора. То же самое мы можем сказать о Советском Союзе и сейчас о Российской Федерации, о Федеративной республике Германии, Франции и Италии. В последних двух странах комплексность формируется на основе региональных различий по оси юг – север. Причём, чем «беднее» комплекс геополитического актора насыщен разнообразием компонентов, тем ниже его роль в геополитических процессах. В случае если состоится отделение Шотландии от Великобритании, то Англия потеряет статус субъекта геополитики, станет подобной Швейцарии финансовым центром, а Шотландия и Уэльс будут рядовыми европейскими провинциями» [533, с. 142].

«Комплексный характер геополитического субъекта обеспечивается и скрепляется культурно-цивилизационной матрицей, которая производит общие стандарты функционирования социальной системы. Культурно-цивилизационный кризис, в том числе кризис культуры взаимодействия компонентов геополитического комплекса приводит к тому, что либо государство или государственный союз (как США) утрачивает геополитическую субъектность, либо комплекс теряет (навсегда или временно) ряд своих окраинных компонентов и продолжает функционировать, но уже в ином политическом режиме. В истории было достаточно примеров, когда таким образом распадались геополитические акторы – Римская Империя, Арабский Халифат, Византийская Империя, либо переформатировались с полной или частичной утратой компонентов – Российская Федерация как наследница СССР» [533, с. 142].

Как было обосновано в нашем исследовании, территория существования социума является не просто природно-географической средой жизни общества, а в результате определённого типа человеческой деятельности становится социокультурным пространством, создаваемым благодаря реализации деятельностных качеств человека и общества, основой для формирования соответствующей цивилизационной модели.

В процессе и в результате данного исследования было изучено и установлено, что культурно-цивилизационные очаги определяют формирование центров геополитического влияния. При этом очаги исторической оси Мировой культуры обеспечивают становление и утверждение в глобальном мировом пространстве характерных для них цивилизационных конструкций.

«Основой образования культурно-цивилизационных очагов становится социокультурная система, включающая в себя всё многообразие элементов социальной деятельности общества, осваивающего определённую глобальную природно-географическую территорию» [533, с. 253].

«Социокультурная система являет собой комплекс различных сфер и форм человеческой деятельности – социально-организующей, экономической, политической, религиозной, научно-преобразовательной, искусства, – каждая из которых (например, религиозно-конфессиональная) или их сочетание (допустим, политической с экономической или религиозной) могут на определённом историческом интервале и в определённом глобальном регионе выступать в качестве преобладающих, оказывать наибольшее влияние на образ культурно-цивилизационного очага, формирование геополитического центра и способы реализации его геополитических интересов» [533, с. 253].

«Однако, вследствие того, что каждая из основных сфер социокультурного пространства и характерной для него социальной системы (социума), выступает как фактор социокультурных изменений, ни одна из них не может рассматриваться в виде единственной непреложно детерминирующей и определяющей социальное движение и геополитические процессы» [533, с. 253]. В определённые исторические эпохи в качестве и статусе основных выступают

экономические, религиозные, военно-политические, культурные факторы.

Следует отметить, что культурно-цивилизационные очаги «возникают и существуют вследствие взаимодействия различных этносоциальных образований и сочетания разных этноконфессиональных парадигм» [533, с. 253], что обеспечивает условия для выработки общей цивилизационной культуры, исходя из разнообразных этнокультурных традиций, характерных для данного социокультурного пространства. – Этнокультурное многообразие, образуемое из этносоциальных и этноконфессиональных общностей, свойственно для всех цивилизационных конструкций, начиная с древних цивилизаций.

«Культурно-цивилизационные очаги Древнего Египта, Древней Месопотамии, Древней Индии, Древнего Китая и Древней Греции формировали государственные образования, которые выступали в качестве центров геополитического влияния на просторах глобальных географических регионов. Геополитические центры, функционирующие в форматах Римской и Византийской Империй и созданные, соответственно, на основе Древнеримской и Византийской цивилизаций (которые можно также рассматривать и как вариации Северосредиземноморской цивилизации), значительно расширяют пространства своего геополитического влияния в периоды наивысшего развития» [533, с. 254].

«Характерно, что уже древняя история даёт нам два основных вида геополитических центров, образующихся в формате той или иной цивилизационной модели. Древнеегипетская, Древнекитайская и Древнеримская цивилизации формируют геополитические центры со строгой корреляцией к самой цивилизационной модели. А Древнемесопотамская цивилизация и в определённой степени Древнегреческая (предстающая и как вариация Северосредиземноморской), демонстрируют перемещающиеся по пространству цивилизации геополитические центры. В этом мы находим сходство с ними современной Европейской или Евроатлантической (с учётом таких её ответвлений как США и Канада) цивилизации, которая за историю своего существования породила несколько геополитических центров (или претендентов на этот статус) – испанский, шведский, французский, английский, германский,

североамериканский» [533, с. 254].

В контексте данной части нашего исследования представляет интерес характеристика Н.Я. Данилевского взаимосвязи культурно-исторического типа и цивилизации, демонстрирующая отмеченное выше влияние цивилизационного оформления культурной системы общества на дальнейшее её развитие с сохранением специфических типологических особенностей. Отмечая, что не все культурно-исторические типы достигают состояния цивилизационного оформления, Н.Я. Данилевский указывает целый ряд тому причин: «Явления перепутываются, усложняются; часто явления одного и того же порядка разделяются длинными промежутками времени и дополняют друг друга, а явления одного периода продолжают действовать в другом. Даже не все культурные типы успевают переходить вполне все фазисы этого развития, потому ли, что разрушаются внешними бурями, или потому, что самый запас собранных ими сил был недостаточен, что полученное направление слишком односторонне для полного развития» [137, с. 112].

Далее он на конкретном примере иранского (персидского) культурно-исторического типа, который может быть применён и к другим историческим обществам, показывает, как происходит процесс, ведущий к цивилизационному тупику и последующей смерти самобытного культурно-исторического типа. – «Так культурный тип Ирана, побужденный принять форму государственности, вследствие борьбы с туранскими племенами, никогда не переходит на степень цивилизации, – как потому, что в самый блистательный период своей государственности, при Кире и Дарии, теряет свой самобытный характер вследствие инкорпорации древнесемитической цивилизации Ассирии, Вавилона и Финикии (имевшей на него то же вредное влияние, как Греция на Рим, без полезных сторон последнего), так и потому, что неоднократно возобновляемая государственность Ирана последовательно разрушается македонянами, арабами и монголами» [137, с. 112].

Приведённые ссылки показывают также то, что и в *статусном*⁸ измерении цивилизации как сущностного явления человеческой истории (позволяющим говорить о глобальной человеческой цивилизации), и в *функциональном* измерении, представляющим пространственно-очерченные исторические цивилизации, свойственные для крупных и устойчивых социокультурных комплексов, мы обнаруживаем важнейшее предназначение цивилизационного устройства общества – сохранять условия для его культурного развития, возникая благодаря культурным достижениям и подпитываясь ими. Таким образом, статусный вид цивилизация имеет применительно к социуму, человечеству, а функциональный – к конкретному историческому обществу, обустроивающему глобальные (в разной степени) социокультурные пространства, образуемые на базе очагов оси Мировой культуры или связанные с ней. В общем, статусная цивилизация – это человеческая цивилизация в целом и, в определённой степени, в контексте глобальных исторических эпох, – очаговые цивилизации, формирующиеся на базе очагов Мировой культуры. К категории функциональных цивилизаций относятся Египетская, Междуреченская, Индская / Индусская, Китайская, Майя (как разновидности Первородной или Древней цивилизации), Персидская (как завершающая стадия Междуреченской, продолжившая существование благодаря имплантации и репродукции цивилизационных стандартов Греческой, Римской и Арабской цивилизаций), Греческая, Римская, Византийская (как ветви Северосредиземноморской), Арабская (в качестве имплантационно-репродуктивной, возникшей на платформе Междуреченской цивилизации, включающей в себя иудео-израильский фрагмент) и далее до Европейской или Евроатлантической и Российской. Причём, две последние цивилизации всё более очевидно совмещают в себе функциональные признаки и свойства очаговой цивилизации со статусными характеристиками.

Что касается продолжительности существования цивилизаций, то он

⁸ Под статусом, в данном случае, мы понимаем такое состояние дел, которое обозначает совокупность стабильных значений параметров цивилизации, формирующейся на определённом этапе исторического развития человеческого общества и являющейся его атрибутивным отличием от предшествующих исторических этапов доцивилизационного существования.

различный. И не только в зависимости от статусного или функционального измерений. – Тотальная статусная цивилизация сроком своего существования ограничена временем жизни человеческого общества (возможно, не только на Земле), при фиксированном возникновении Первородных цивилизаций около пяти тысяч лет назад. Очаговые статусные цивилизации время своего существования соразмеряют с периодом доминирования очага оси Мировой культуры. Допустим, первая по историческому возникновению Первородная цивилизация закончила своё существование в период начала расцвета Северосредиземноморской цивилизации, что было сопряжено с военными завоеваниями Александра Македонского и победой Римской Империи в Пунических войнах с Карфагеном, который был ответвлением Междуреченской цивилизации, культурно-цивилизационной диастолой, своеобразным мостом между Первородным и Северосредиземноморским очагами оси Мировой культуры. (Значение культурно-цивилизационных диастол будет отмечено далее по тексту).

При этом, функциональные цивилизации могут заканчивать своё существование вместе с завершением очаговой стадии оси Мировой культуры, к которой они принадлежат, как случилось с Египетской и Майя цивилизациями. А могут и видоизменяясь, имплантируя в своё культурно-цивилизационное пространство иноцивилизационные заимствования, репродуцируя иные технологии (социальные и хозяйственные) существовать в течение нескольких тысячелетий. Например, Индская цивилизация трансформировалась в Индуистскую, переживающую сейчас эпоху своеобразного возрождения. Причём, ядро Индской цивилизации теперь выпало из рамок Индуистской цивилизации в связи с тем, что образованный на его месте Пакистан через религию Ислама репродуцирует ценности и стандарты Арабской цивилизации. Более чётко цивилизационная преемственность прослеживается в состоянии Китайской цивилизации, возникшей около 3 700 лет назад, пережившей множество трансформаций, но сохранившей свои социокультурные устои, на которые очень эффективно и продуктивно имплантирует иноцивилизационные стандарты и

технологии (в настоящее время евроатлантические), строго контролируя заимствованные культурные и социальные ценности.

Некоторые цивилизации интегрируются в новые цивилизационные проекты и становятся не просто их составными частями, но активно участвуют в новом цивилизационном строительстве. Так произошло с Римской цивилизацией и, в определённой степени, с Греческой, как вариантами Северосредиземноморской цивилизации, которые включились и были включены в процесс формирования Европейской, впоследствии Евроатлантической цивилизации. В то же время, в отличие от Китайской цивилизации, у нас нет никаких оснований рассматривать существование Греческой или Римской цивилизаций в эпоху Средневековья, тем более, в настоящее время. В этом плане Греческая цивилизация, возникнув в конце II тысячелетия до н.э. (Эгейскую / Крито-Микенскую культуры целесообразно рассматривать в качестве культурно-цивилизационной диастолы от Египетской и Междуреченской цивилизаций) просуществовала до середины II в. до н.э., когда была завоёвана Римской державой, а Римская цивилизация, начавшая становление в середине VIII в. до н.э. и закончившая существование в V столетии, как функциональные, имеют продолжительность своего цивилизационного существования приблизительно около одной тысячи лет.

В этой связи, пятый закон культурно-исторического движения Н. Я. Данилевского, говорящий, «что период цивилизации каждого типа сравнительно краток, истощает силы его и вторично не возвращается» [137, с. 106], должен быть если не подвергнут сомнению, то существенно скорректирован. Понятно, что Н.Я. Данилевский определяет временную конечность лишь периода расцвета цивилизаций и отмечает, что время этнографического периода, как предтечи цивилизационному, может измеряться тысячелетиями [137, с. 106-113], однако способности некоторых цивилизаций трансформироваться методами имплантации и репродукции стандартов и ценностей иных цивилизационных конструкций, как Китайская, позволяет несколько по иному рассматривать продолжительность существования каждой конкретной функциональной цивилизации. И, соответственно, включённость в геополитические процессы

представляющих её государств, их участие в геополитическом устройстве мира. Опять же, сейчас, относительно позиций и роли в современном геополитическом пространстве, участия в геополитическом форматировании Китая и Индии, можно наблюдать как сохраняется долгая функциональная жизнь цивилизационных конструкций, исторические основания которых формировались пять тысяч лет назад в эпоху становления тотальной общечеловеческой цивилизации.

Существование цивилизации как социального явления, возникающего в процессе окультуривания геоприродных пространств и занимающегося их обустройством, – и в статусном, и в функциональном виде – обязательно требует формирование учреждений, которые будут выступать в качестве инструментов по оформлению культурных достижений общества. Основным таковым инструментом-учреждением выступает государство – и как политический институт, и как морально-психологическая опора, сдерживающая внутренние вызовы и отражающая внешние угрозы. (Использование в русском языке наряду с термином «государство» в качестве синонима слово «держава» как раз передаёт морально-психологический смысл его определения). Государство, основным предназначением которого является управление обществом, сохранение его системной устойчивости, в рамках определённой цивилизационной конструкции непосредственно и в первую очередь участвует в сохранении, развитии и совершенствовании культурных достижений, то, что можно обозначить как оформление культуры. Это обозначение не столько даёт широкие права государственным институтам, сколько возлагает на государство высочайшую степень ответственности за состояние общества, сохранение его социокультурного комплекса и культурно-исторического образа. В этих чертах функции государства применимы к любому его формату, в том числе к малым государствам с ограниченным суверенитетом. Но, к государству, встроенному в цивилизационный формат, функции удержания культурных достижений общества выводят его на геополитический уровень. И тогда оформление культурных достижений общества становится и цивилизационной, и геополитической задачей.

Не будем сейчас углубляться в примеры, но отметим, что культурные

стандарты общества, выступающего как социокультурный комплекс с соответствующей цивилизационной формой, подверженные внутренней коррозии и внешнему замещению, могут нести прямую угрозу будущему данной цивилизации и представлять непосредственную геополитическую опасность. Культурная агрессия иных цивилизаций может привести к цивилизационному тупику социокультурного комплекса (на что обращал внимание Н.Я. Данилевский) и к цивилизационному застою, влекущему за собой в перспективе цивилизационную гибель и геополитическое поражение собственных культурно-цивилизационных интересов в масштабах глобальных географических пространств. Например, цивилизации ацтеков и инков были искоренены иными, европейскими, культурными стандартами, включая религию, в большей степени, нежели военно-политической мощью Испании. А в современном мире, культурные стандарты, произведённые в европейском (или евроатлантическом) социокультурном комплексе (главным образом в США), предназначенные отнюдь не для внутрицивилизационного потребления, выполняют функции геополитического оружия, разрушая социокультурные устои других цивилизационных образований. – Собственно говоря, именно эта проблема является одной из основных для современной геофилософии, как направления в геополитике.

Благодаря определению политики посредством критерия социальных интересов, включая институциональные, мы показали детерминирующее значение культурно-цивилизационных систем на формирование геополитических центров и всей совокупности геополитических отношений. Историческая оценка геополитических отношений и их современное состояние указывает на то, что любой государственный организм, действующий в качестве центра геополитического влияния, обязательным условием имеет культурный комплекс с высокой степенью развития, значимую для соответствующего исторического периода социокультурную систему и эффективную цивилизационную модель.

Такое заключение было подтверждено конкретными историческими примерами в процессе нашего исследования. Но оно же может быть обосновано и

примером от противного.

«В начале XIII века образуется Монгольское государство, которое в исторической науке иногда называют Империей. С формированием в 1271 году Юаньской династии Китайской Империи (Юаньской Империи) Монгольская Империя, по сути, прекратила своё существование, продолжавшееся в течение 65 лет. К 1294 году на территории монгольских завоеваний возникло четыре государственных образования – Империя Юань, Золотая Орда, Чагатайский улус и Государство Хулагуидов. Сами эти государства просуществовали по историческим меркам также недолго – Империя Юань с 1271 по 1368 гг., Золотая Орда с 1266 (имея лишь формальную зависимость) по 1483 гг., Чагатайский улус с 1266 (и формально с 1271) по 1370 гг. и Государство Хулагуидов с 1295 по 1335 гг.» [533, с. 254-255].

«История монгольских завоеваний и возникших в результате этого государственных образований весьма напоминает историю завоеваний Александра Македонского и образованных вследствие этого государств. Говоря об Империи Александра Македонского мы, скорее и прежде всего, понимаем её как синоним мощной власти выдающегося государственного деятеля, но никак не тип государства, сложившийся на базе определённых социокультурных традиций и цивилизационных стандартов. Потому, применительно к монгольской истории корректнее будет говорить об Империи Чингисхана и Империи Чингизидов (фактически, до 1266 г.), нежели о Монгольской Империи» [533, с. 255].

«Но, самое важное состоит в том, что государственные образования, созданные в процессе монгольских завоеваний XIII в., имели компилятивные социокультурные устои и размытые, механически заимствованные цивилизационные модели. При том, что Империя Юань фактически была вписана в контекст Китайской цивилизации и стала модификацией Китайского культурно-цивилизационного очага и геополитического центра, Государство Хулагуидов даже не успело позиционировать себя в рамках своего геополитического региона, сразу же начав процесс государственного оформления по кальке стандартов Арабской цивилизации и в соответствии с Арабской социокультурной традицией,

Чагатайский улус весь период своего существования пребывал в состоянии политической раздробленности и внутригосударственных конфликтов. Единственным исключением можно считать Золотую Орду, получившую такое название в русской исторической традиции (самоназвание – Улу Улус – Великое государство). Но и это государство строилось по социокультурным канонам и цивилизационным правилам Арабского Мира, начиная уже с времени правления хана Берке (1257-1266). Геополитическое влияние на соседние государства и, прежде всего, на Русь, объясняется в большей степени не государственной мощью Золотой Орды, а государственным неустройством, внутренними социально-политическими конфликтами в самой Руси» [533, с. 255-256].

«Тем самым мы фиксируем свой вывод о том, что а) лишь устойчивые цивилизационные формы в состоянии оказывать глубокое и эффективное влияние на мировые политические процессы (не только эффективное, как это свойственно для молниеносных завоеваний, типа монгольского или гуннского), б) существует связь центров геополитического влияния с их культурно-цивилизационными очагами (быстрая трансформация восточной части Империи Чингисхана в Китайскую Империю Юань тому свидетельство), в) со всей очевидностью прослеживается влияние культурно-цивилизационных матриц на геополитическое взаимодействие (находящаяся в стадии упадка Арабская цивилизация не смогла предоставить базу для геополитического позиционирования в регионе Государству Хулагуидов)» [533, с. 256].

«Таким образом монголо-татарское этнокультурное образование, не имея устойчивой социокультурной платформы, развитого культурного комплекса в социуме, весь свой геополитический потенциал смогло перевести лишь на уровень социокультурной компиляции, без какого-либо аутентичного цивилизационного оформления. В цивилизационном плане различные фрагменты монголо-татарского этнокультурного образования смогли всего лишь раствориться в иных цивилизационных моделях, которые были либо репродуктивными (от Арабской), либо оригинальными (Китайская), либо имплантационными (Русская). Похожая ситуация сложилась с тюркским

этнокультурным образованием, которое смогло только своим Турецким / Османским фрагментом создать репродуктивную вариацию» [533, с. 256] Арабской цивилизации, которая сама была имплантационной моделью древней Междуреченской (Месопотамской) цивилизации.

«Сделанные здесь выводы о проявлениях политических императивов, направленных на культурно-цивилизационное оформление общества, показывают, что это приводит лишь к возникновению побочных социокультурных образований и цивилизационных конструкций. Приведённые в исследовании заключения о матричном характере социокультурного пространства также свидетельствуют о том, что политические процессы, безусловно, влияют на культурный комплекс общества, воздействуют на социокультурное пространство, но не обладают возможностями их изменять, даже когда используются инородные, хотя и эффективные, цивилизационные стандарты» [533, с. 256].

«Цивилизационные конструкции и механизмы по своему предназначению служат для оформления культурных достижений и обустройства общества, участвуют в формировании социокультурного пространства, но не как источники, а в качестве инструментов. Ещё в большей степени такое заключение относится к заимствованным цивилизационным стандартам и механизмам. Такое соотношение культуры и цивилизации объясняется тем, что сами цивилизационные модели либо их восприятие конкретным социумом являются следствием и проявлением социокультурного развития, и способностью сформировавшегося социокультурного пространства воспринимать и применять цивилизационные механизмы и стандарты» [533, с. 256-257].

«Обратное влияние цивилизации на культуру общества выражается в том, что она оформляет условия для развития культуры и тем самым самого общества. В таких случаях в виде цивилизационных способов и продуктов цивилизации выступают различного рода учреждения / социальные институты, совокупности норм, правил и установок, формирующих и реализующих «правила игры», положения и предписания социального поведения в обществе субъектов социальной деятельности – личностных и групповых» [533, с. 257].

«Анализ и оценка уровней взаимодействия культуры / социокультурного пространства социума – цивилизации – политических и геополитических процессов показывает, что без собственного социокультурного пространства невозможно создание отличительной самостной цивилизации. В то же время, социокультурное пространство социума может на определённых (начальных) этапах существования использовать иные цивилизационные механизмы и стандарты, с их помощью воспроизводить отличительную цивилизационную модель, которая будет носить характер имплантационной. Такая имплантационная модель цивилизации должна иметь каналы культурного сообщения с цивилизацией-образцом, которые обеспечивают восприимчивость и приживаемость перенимаемых цивилизационных механизмов и стандартов. Например, Русская / Российская цивилизация в состоянии имплантационной модели использовала в качестве цивилизаций-образцов Византийскую и Европейскую, перенимая у них цивилизационные стандарты и правила» [533, с. 257].

«Недостаточно развитая или несформировавшаяся социокультурная платформа требуют культурных компиляций от других цивилизаций со сформировавшимися культурными комплексами и обладающими либо обладавшими устойчивыми социокультурными платформами. Возникающая компилятивная социокультурная платформа может стать основой репродуктивной цивилизации, которая не только использует стандарты и механизмы иной близкокультурной (в том числе за счёт компиляции) цивилизации, но воспроизводит основные параметры такой цивилизации. И в этом отличие имплантационной модели цивилизации, которая ограничивается использованием стандартов, правил и механизмов иной близкокультурной цивилизации (но без культурной компиляции) от репродуктивной цивилизации. При этом государственные организмы и имплантационной модели цивилизации и репродуктивной цивилизации могут активно включаться в геополитические процессы и выступать в качестве геополитических центров силы в масштабах глобальных географических регионов или даже в мировом пространстве (как,

например, СССР с имплантационной советской / российской моделью цивилизации, использовавшей цивилизационные стандарты, выработанные в формате Европейской цивилизации)» [533, с. 257-258].

«Вероятнее всего репродуктивными были цивилизации ацтеков и инков. Для которых цивилизацией-образцом, особенно для ацтеков, была цивилизация Майя. Как подтверждение данной гипотезы являются те факты, что для репродуктивных цивилизаций ацтеков и инка особо почитаемым был культу Солнца, господствовавший в цивилизации Майя. Сопряжённость цивилизации ацтеков к цивилизации Майя обосновывается и территорией их распространения. В цивилизации инков на возможное воспроизводство параметров цивилизации Майя указывает также и особый социальный статус Сару руна – пришедшие издалека, обозначающий чужеземцев, в отличие от Льяктанак апуннак аму мантапурик – бродяг без отечества, и Ача руна, или Пурумруна – варваров, не имеющих ни властителя, ни законов [191]. Такая классификация инородцев позволяет допускать, что на территорию Империи инков с конца X века (гибель цивилизации Майя) проникали остатки рухнувшей северной цивилизации. Таким образом, через пришельцев, компилировались элементы культурного комплекса и социокультурной платформы цивилизации Майя, что позволило к середине второго тысячелетия сформироваться мощной Империи инков» [533, с. 258].

«Процессы репродукции и имплантации культурно-цивилизационных норм характерны не только для вновь образующихся цивилизаций, но и для оригинальных цивилизаций, сформировавшихся в глубокой древности и сохраняющих жизнеспособность в течение длительного исторического времени. Например, в исторических рамках Индийской цивилизации принято выделять Индскую или Хараппскую цивилизацию, просуществовавшую с XXVII по XVII вв. до н.э. и павшую под нашествием ариев. Также выделяются Ведийский период Индийской цивилизации (середина второго тысячелетия – середина первого тысячелетия до н.э.), династия Маурьев (конец IV в. до н.э. – начало н.э.), Срединные царства (начало н.э. – середина второго тысячелетия), Империя Великих Моголов (1526-1857 гг.). Отмеченные периоды порождали новые

цивилизационные модели, которые строились на базе существенно изменявшихся социокультурных платформ. Каждый последующий цивилизационный период в истории Индийской цивилизации имел и репродуктивные и имплантационные характеристики. Эти изменения влекли за собой и переформатирование геополитических процессов в глобальном географическом регионе, каковым являлся полуостров Индостан. Нечто подобное происходило в формате Китайской цивилизации, где цивилизационные фазы провоцировались изменениями в культурном комплексе и социокультурной платформе, которые были вызваны, в том числе, внешними этнокультурными и этнополитическими воздействиями» [533, с. 259].

Поэтому, противоречия между Востоком и Западом являются не столько религиозными, на чём акцентировал внимание С. Хантингтон [см. 554], и уж тем более не в плоскости христианско-мусульманского столкновения, когда возникает неточная трактовка самого понятия «Восток». Многим хорошо известны слова английского исследователя и писателя Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток – и вместе им никогда не сойтись» [216]. Но часто упускается, что имел в виду под «Востоком» Р. Киплинг. Он писал эти строки применительно к культурно-цивилизационному пространству Индии, а это совсем не то, что мусульманская культура.

Не будем сейчас входить в дискурс проблемы Индийской цивилизации и культуры, да и вряд ли он будет уместен, применительно к теме нашего исследования. Потому ограничимся генетической дефиницией, которая происхождение восточной культуры связывает со специфическим способом мировосприятия, когда субъект ориентирован, прежде всего, на познание мира через самого себя. В этом случае, для него основную ценность представляют временные, а не пространственные категории. Причём, время, в значительной степени, освобождается от атрибутов протяжённости или длительности (по определению А. Бергсона [см. 44]) и для восточной культурной традиции течение часов становится не столь важным. Соответственно воспринимается пространство, в котором ретушируются признаки направления, но усиливаются

признаки качества места. Яркими примерами такого восприятия пространства являются традиции концентрировать сущностно значимые атрибуты социальной жизни в пределах столичного города или даже императорского дворца в Китае и Японии древнего и средневекового времени. Следствием таких установок было отношение ко всему тому, что лежит за пределами очерченной таким образом зоны, как к *не-пространству* или *до-пространству*. В итоге получается, что Восток, восточная культура и цивилизация, территориально-географически включают в себя Индию, Китай, Японию и сферы их колонизации. А Запад и западная культура это не только Европа, но и Ближний Восток, и Северная Африка. – В значительной степени такая специфическая мировоззренческая ориентация, испытывающая влияние религиозно-конфессиональных форм, влияет на выстраивание геополитических отношений государственно-цивилизационных образований.

В геополитике подобного рода религиозно-мировоззренческие установки находили своё выражение в том, что государства-цивилизации, такие как Индия и Китай, сосредоточивались на культурном обустройстве своих собственных территорий, не ставя перед собой цели достигнуть контроля над инокультурными пространствами. Даже в современном мире, особенно на примере китайских обществ, они, оказавшись в инокультурной среде, создают замкнутые культурно-цивилизационные анклав, изолируясь от глубокой взаимосвязи с другими культурами. В Древнем мире такая культурно-религиозная изолированность может быть объяснена тем, что характерные для этих цивилизаций очаги культуры имели региональную замкнутость, по причине уровня развития социокультурных систем человечества того исторического периода и особенностей географического пространства дислоцирования Индийской и Китайской цивилизаций. Но, даже при таких оговорках, мы находим подтверждение культурно-цивилизационной интровертности, а отсюда и специфики геополитики, Индии и Китая в том, что господствующие там религиозные системы имеют собственную, а не общепланетарную ориентацию. Для Китая это Даосизм и Конфуцианство, а для Индии – Индуизм.

Примечательно, что возникший на основе индийской религиозной системы Буддизм имел общепланетарную или общечеловеческую и мировую ориентацию, но в самой Индии он не нашёл широкого распространения, а как оппозиция ему была сформирована религиозная система Индуизма.

Применительно к древней истории Китая и Индии можно, конечно, рассматривать географические препятствия (высокие горные хребты и пустыни) как преграду их геополитической активности, кроме культурно-цивилизационных установок на интровертность и региональную ограниченность очагов культуры. Но, современные им цивилизации, базирующиеся на собственных очагах культуры, Древней Месопотамии и Древнего Египта активно взаимодействовали друг с другом, в том числе в геополитическом противоборстве, несмотря на разделяющую их Синайскую пустыню. Также существует гипотеза Т. Хейердала о том, что Центральноамериканская цивилизация Майя была создана выходцами из Древнего Египта, подтверждённая им плаванием папирусной лодки через Атлантический океан. Что может рассматриваться и как проявление геополитической активности Древнеегипетской цивилизации, выходящей далеко за пределы своего геополитического региона.

Ислам, зачастую оказывавший и оказывающий значительное влияние на культуру и цивилизацию своих обществ, является частью западной культуры и цивилизации. Это следует из того неоспоримого факта, что Ислам возникает, да и существует, как Библейская религия. А общества, которые являлись носителями мусульманской религии строили свои культурно-цивилизационные системы как интровертные, с высокой степенью геополитической активности, причём, в планетарном масштабе. К слову сказать, не Индуизм – религия Индийской цивилизации, и, тем более, не Конфуцианство и Даосизм – религии Китайской цивилизации, проникли в пространство Арабской цивилизации, а Ислам утвердился в пространстве Индийской цивилизации – Бангладеш, Пакистан, и Китайской цивилизации – Уйгурия, да и Индонезия. Последняя может быть отнесена к Китайской цивилизации на основе общих социокультурных установок, которые индонезийское общество имеет с китайскими.

Поэтому, говоря об исламской культуре и цивилизации, мы должны рассматривать её в контексте западного культурно-цивилизационного пространства. А это уже принципиально меняет подход к исследованию взаимодействия, отношений и конфликтов между мусульманским миром и Христианством. Принципиальная разница между этим подходом и концепцией С. Хантингтона [см. 554] состоит в том, что американский ученый видит противоречия на «разрыве» культур и цивилизаций, а в нашем подходе противоречия обнаруживаются между подсистемами одной целостной системы, в рамках одной глобальной культурно-цивилизационной системы. В этом случае, приоритет в анализе и практических рекомендациях будет отдаваться интегративным устремлениям, а не дезинтегративным действиям.

Особо следует отметить, что в данном контексте религиозная форма, безусловно, рассматривается как фрагмент культуры и цивилизационной конструкции общества. И в этом плане культура, включая смыслы и нормы религиозного вероучения, определяет мировоззренческие модели общества в целом и его представителей. Поэтому специфика религиозных учений на Востоке (Индия и Китай) происходит от той системы культурных ценностей, которая характерна для их обществ, и тех способов цивилизационного обустройства, которые возникают на их социокультурной платформе.

К категории цивилизаций с имплантационной моделью следует отнести Арабскую цивилизацию, которая в период расцвета осуществляла цивилизационное строительство с использованием стандартов и механизмов, выработанных и сохранившихся от Древнемесопотамской цивилизации. Не исключались и культурные заимствования. Но, благодаря собственной социокультурной платформе, которая создавалась под влиянием и воздействием Исламской религии, Арабская цивилизация смогла состояться как самодостаточная и самостоятельная. Что позволило ей в своём геополитическом влиянии выйти за пределы глобального географического региона на межконтинентальный уровень.

Репродуктивный и имплантационный характер были также присущи и для

Европейской цивилизации, которая активно использовала и культурные достижения, и цивилизационные стандарты Древнегреческой, Древнеримской, Арабской и других цивилизаций. Можно сказать, что до XIII столетия Европейская цивилизация строилась как репродуктивная (в геополитическом контексте это прослеживается существованием Священной Римской Империи германской нации, переживавшей к тому периоду свой расцвет), после этого складывается имплантационная модель и с конца XVIII века (начальный этап автономного универсального типа социума) утверждается оригинальная модель Европейской цивилизации.

Рассмотрение в таком ракурсе проблемы социокультурного обеспечения цивилизационного оформления социума и культурно-цивилизационной детерминации геополитической активности и влияния его государственных центров, позволяет увидеть источники определённых сценариев развёртывания геополитических процессов и представить статус цивилизационного формирования, которое складывается пока в формате имплантационной модели на территории будущего очага оси Мировой культуры. В этом смысле имплантационная модель Российской цивилизации не является чем-то необычным во всемирном историческом процессе. У России (как культурно-цивилизационного пространства) и Российской Федерации (как политического образования и выражения Российской цивилизации) проект будущего может состояться только тогда, когда он откажется от копирования Европейской цивилизации, перестанет использовать приёмы и способы репродукции стандартов и механизмов Европейской или какой-либо иной цивилизации. Например, Китайской в её нынешнем, к тому же, во многом репродуктивном состоянии. Такие культурно-цивилизационные проекты, как проект Третьего Рима, Имперский проект, коммунистический проект, создавались в режиме цивилизационного и в некоторых случаях даже социокультурного копирования. Но, ни один из них не в состоянии обеспечить будущее культурно-цивилизационное развитие, исходя из требований нового очага исторической оси Мировой культуры.

Да и упомянутые компиляторные проекты, реализуясь в определённом природно-географическом пространстве России, со своей социокультурной платформой, несмотря на их иноцивилизационную и в ряде аспектов инокультурную ангажированность, в процессе реализации становились содержательными российскими проектами. Сейчас так называемый европейский (по смыслу – цивилизационный) выбор фактически исключают возможность создания самостоятельного российского проекта, предлагая взамен иностранные проекты, где Россия не созидатель, а потребитель чужой, а зачастую и чуждой, проектной деятельности. Отсюда возникает вывод о необходимости формирования для российского социокультурного пространства оригинальной цивилизационной модели, в соответствии с требованиями нового очага оси Мировой культуры.

Анализ геополитических процессов в современном мире «показывает, что основные его действующие лица питаются сильными культурно-цивилизационными источниками. Причём, качество и состояние этих источников определяет уровень геополитических притязаний. Более того, сами геополитические притязания, являясь производными от цивилизационного статуса, возникают помимо желания правящего класса государства, а зачастую и вопреки ему» [513, с. 111]. Очертив круг современных геополитических акторов, определяющих тенденции мирового развития и выстраивающих геополитическую картину мира, мы смогли увидеть и обозначить культурно-цивилизационные детерминанты геополитического процесса, дать им объяснение.

«К настоящему времени уже совершенно очевидно, что основными и ведущими геополитическими игроками являются США и РФ, что совсем недавно – в последнем десятилетии XX ст. и первом XXI – было не столь ясно. Казалось бы, что катастрофа СССР и его разрушение, вследствие системного цивилизационного кризиса, лишил шансов его преемницу Российскую Федерацию вернуться в геополитическое пространство в статусе субъекта деятельности и единственное на что она может рассчитывать это функции статиста и подручного ведущих государств и государственных союзов мира. С

расформированием СССР удивительным образом совпало образование Европейского союза в феврале 1992 г. и начавшееся в 1990-х годах возрождение Китая, прежде всего в социально-экономическом плане, благодаря реформам Дэн Сяопина. Однако, в новом XXI в. Ни Евросоюз, ни даже Китай не стали геополитическими конкурентами США. Соперничество США на международной арене оказывает именно РФ, которая теперь является политическим олицетворением исторической России, выразителем и, одновременно, представителем российского культурно-цивилизационного пространства. Которая в областях бытовых технологий, инфраструктуры, коммуникаций пока заметно отстаёт от Евросоюза и даже выпустила вперёд Китай» [513, с. 111-112].

«Сложившаяся геополитическая система выводит США в статус одного из главных субъектов благодаря тому, что они выступают как представители европейского или евроатлантического культурно-цивилизационного комплекса, который сохраняет уровень наиболее высокого развития, хотя и с очевидными признаками упадка. В частности, на статус США как преемника могущества Британской Империи указывает Ф. Семпа в своём исследовании «Геополитика: от холодной войны до 21 века» [685 с. 47] Взяв на себя функции доминатора и геополитического центра Европейской цивилизации, США достигли того состояния, которого не смогла добиться Германия, предпринимая к тому усилия в начале и середине XX столетия и которое, частично, было у Франции конца XVIII – начала XIX вв. При этом внутри европейского цивилизационного «концерна» сохраняются государства и государственные объединения, имеющие склонность оспорить статус доминатора. Как отмечалось, такое положение дел является специфической особенностью Европейской цивилизации, с присущими ей чертами полицентричности и отличиями от моноцентричных цивилизаций, суть которых состоит в том, что в полицентричной цивилизации различные государства с потенциалом политического центра борются за цивилизационное доминирование, а в моноцентрической – за контроль и обладание уже сформировавшимся центром борются элитные группы» [513, с. 112].

«Ещё более отчётливо влияние культурно-цивилизационных факторов на

геополитический статус проявляется на примере Российской Федерации. Исчерпав к концу XX века возможности имплантационной модели, сформированной на базе коммунистического варианта Европейской цивилизации, Россия встала перед очередной необходимостью выбора пути и способа своего цивилизационного развития. При этом, цивилизационные наработки, обеспечивавшие прежние формы имплантационного моделирования, исходящие от Византийской (Северосредиземноморской) и Европейской цивилизаций, поступательно, с одной стороны, нацеливающие Россию на обретение своей собственной цивилизационной особенности и аутентичности и, с другой стороны, выводящие её в разряд ведущих геополитических игроков, никуда не исчезли. И даже в эпоху цивилизационного перепутья, начавшуюся в 90-х годах прошлого века и, к сожалению, не преодоленную до сегодняшнего дня, Россия в образе Российской Федерации остаётся в геополитическом поле. Остаётся и будет оставаться благодаря социокультурным устоям, цивилизационным выражениям и в целом – обретенной культурно-цивилизационной матрицы, хотя и воплощаемой в имплантационной модели» [513, с. 112-113].

«Основной вывод, который можно сделать из рассмотренных политических проблем, состоит в том, что геополитическое взаимодействие между компонентами (в данном случае – территориально-государственными образованиями) бывшего геополитического комплекса, каковым был, например, Советский Союз, должно строиться на основе требований культурно-цивилизационной матрицы. Игнорирование этих требований лишает возможности территориально-государственные образования, возникшие в пространстве бывшего геополитического комплекса, выстраивать эффективные политические отношения между собой. Точно так же, отрицая установки своей культурно-цивилизационной матрицы, территориально-государственные образования не в состоянии выстраивать позитивные для себя отношения с иными геополитическими комплексами, тем более с центрами геополитического влияния. А последние будут вообще рассматривать такие государства лишь в качестве среды для реализации своих манипулятивных технологий и

пространства реализации своих геополитических интересов» [533, с. 156-157].

Многие частные проявления геополитических конфликтов и межгосударственных столкновений получают объяснение благодаря вскрытию глубинных цивилизационных противоречий противных сторон. Например, напряжение в отношениях между современными Турцией и Ираном, а в прошлом – между Османской (Оттоманской) Портой и Персией, кроется в том, что иранская история вписана в контекст Междуреченской (Месопотамской) цивилизации и иранское общество социогенетически связано с этой древней культурно-цивилизационной традицией. Отсюда и натянутые отношения Ирана с Арабским миром. А Турция исторически строилась как цивилизационная репродукция Арабской цивилизации, сформировавшейся, кстати, на базе Междуреченской.

4.3. Проблема цивилизационных спутников и политических сателлитов в структуре современной геополитики

«Во многом различия в понятиях «цивилизационные спутники» и «политические сателлиты» обнаруживаются, когда мы начинаем рассматривать этимологию слов «спутник» и «сателлит», образующих отмеченные термины с помощью эпитетов «цивилизационные» и «политические». Самым надёжным способом проведения сравнений этих слов станет использование тех определений, которые мы можем найти в некоторых известных словарях. Развести понятия «цивилизационные спутники» и «политические сателлиты» необходимо не только по причине логики данного текста, предполагающей различное их наполнение и функции, но и в связи с тем, что зачастую слова «спутник» и «сателлит» рассматриваются как синонимы» [533, с. 157].

«В.И. Даль определял слово «спутник – попутчик, товарищ в пути» [136, с. 257]. В словаре С.И. Ожегова даются несколько версий определения: «1. Человек, который вместе с кем-нибудь совершает путь: весёлый спутник; спутник жизни... 2. *перен.* то, что сопутствует чему-нибудь, появляется вместе с чем-нибудь: улыбка – спутник хорошего настроения... 3. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты... 4. Прибор, запускаемый с помощью ракетных устройств в космическое пространство и имеющий подобно небесным телам определённую орбиту...» [349, с. 1018]. По этим определениям, спутник выражает либо близкородственные связи, предполагающие совместные действия, либо признак того или иного явления, сущности, вещи. Следовательно, для спутника должны быть характерны некоторые свойства того, кого он сопровождает или признаком чего он является. Ещё один аспект, важный для данных определений, спутник сопровождает что-то или кого-то, являющимся главным в их взаимоотношениях. И сам процесс сопровождения предполагает определённые действия. Утеря притягательности или прекращение действий приводят к утрате спутника. Очевидно, что к определению понятия цивилизационного спутника следует подходить несколько иначе, чем к определению слова «спутник», имеющего в значительной степени человеческие характеристики» [533, с. 157-158].

«В Википедии слово «сателлит» (от латинского *satelles*, родительный падеж *satellitibus* – телохранитель, спутник) определяется в историческом ключе как «наёмный телохранитель в Древнем Риме» и в политическом – «государство, формально независимое, но фактически подчинённое другому государству» [438]. Несколько расширительно даются определения в Викисловаре, где добавляется: «*книжное, риторическое, ироническое* – приспешник, последователь; зависимое, подчинённое лицо, безличный исполнитель чужой воли». В качестве синонимов сателлиту Викисловарь рассматривает слова «приспешник и последователь» [437]. Таким образом, данные словарные определения со всей определённой показывают этимологические различия слов «спутник» и «сателлит». Исходя из этого, соответственно, строятся и понятия цивилизационного спутника (спутников) и политического сателлита (сателлитов)» [533, с. 158].

«В качестве цивилизационных спутников выступают территории, получившие государственное оформление или нет, которые расположены в пограничной зоне между двумя или больше цивилизационными системами. Социокультурная среда этих территорий генетически однородна культурным установкам своей матричной цивилизации, но испытывает влияние (разной степени в различные исторические периоды) стандартов иной не матричной для себя соседней цивилизации. Естественно, что цивилизационные спутники тяготеют к матричной цивилизации по причине, прежде всего, социогенетического родства, даже единства. Однако, при политическом ослаблении государства, держащего матричную цивилизацию, цивилизационные спутники отрываются от родовой цивилизационной модели и пытаются встроить собственные социокультурные установки в систему цивилизационных стандартов соседней более устойчивой цивилизации. Следует отметить, что эти движения цивилизационных спутников от своей матричной цивилизации к соседней, с притягательными цивилизационными стандартами, и обратно, когда матричная цивилизация обретает устойчивую государственную структуру и входит в стадию политического подъёма, осуществляются в контексте геополитических процессов, характеризующих реализацию в географическом пространстве внешних политических интересов различных цивилизационных систем. Таким образом, цивилизационные спутники оказываются наиболее подвержены политическому влиянию» [533, с. 158-159].

«Проводником цивилизационных переориентаций на территории цивилизационного спутника выступает политический класс или политическая элита, формирующаяся вследствие геополитических изменений в регионе. В случае, если социокультурная среда пограничной территории является гибридной от двух соседних социокультурных систем с присущими им цивилизационными типами, то изменение цивилизационных стандартов происходит кардинально в пользу нового цивилизационного выбора (что, к примеру, случилось в Прибалтийских республиках бывшего СССР). При значительной социокультурной удалённости цивилизационного спутника от соседней

доминирующей цивилизации, политический класс сосредоточивается на аргументации своего особого цивилизационного пути, который расходится с матричной цивилизацией и приближается к доминирующим цивилизационным стандартам (Западная Украина, Грузия, например). Сами цивилизационные спутники со всей очевидностью обнаруживают себя именно тогда, когда матричная цивилизация обретает неустойчивость по причине политического кризиса её государственного устройства. В этот период цивилизационные спутники, несмотря на то что ранее их социальный ресурс был задействован в создании общего социокультурного пространства, покидают или стремятся покинуть природное цивилизационное поле» [533, с. 159].

«Наряду с внешними цивилизационными спутниками, располагающимися на границе цивилизационных систем, существуют внутренние цивилизационные спутники, которые возникают во внутренних ареалах культурно-цивилизационного пространства и также пытаются выстроить отличные от своей цивилизационной матрицы цивилизационные ориентиры, направленные на существующие цивилизационные модели, не всегда прогрессивные и доминирующие. В этой ситуации для внутренних цивилизационных спутников иная, не матричная цивилизационная модель служит всего лишь политическим инструментом, с помощью которого политический класс стремится реализовывать свои интересы. Достаточно показательным примером такого рода политических действия было функционирование Республики Татарстан в Российской Федерации в 90-е годы прошлого столетия. В последнем случае цивилизационные ориентиры являются размытыми до такой степени, что угадать конкретную цивилизационную модель, к которой призывает политический класс цивилизационного спутника, вместо присущей ему матричной модели, практически невозможно» [533, с. 159-160].

«В то же время, говоря о сути и природе цивилизационных спутников, необходимо отметить, что они не могут быть отнесены к негативным явлениям в культурно-цивилизационных процессах. Или, другими словами, возникновение цивилизационных спутников вполне естественный и необходимый процесс

любого цивилизационного развития. Их существование объясняется четвёртым законом исторического развития Н.Я. Данилевского, который гласит: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [137, с. 91]. Самым значимым в этом общественном законе Н.Я. Данилевского является то, что он (закон) фиксирует полиэтничную и, отсюда, полиэтнокультурную природу социокультурной системы, образующийся в масштабах значительного природно-географического пространства и, соответственно, такой же характер его цивилизационного формирования. Политическое устройство цивилизационного формирования, на которое указывает Н.Я. Данилевский, может быть и иным, не только федеративным. Известно, что в ряде случаев унитарные государства создавали гораздо более благоприятные условия для этнокультурного развития сообществ и социального регионов, нежели федерации или государства с автономными этно-территориальными, либо административно-территориальными образованиями. Скорее всего, акцент, сделанный Н.Я. Данилевским на федеративном устройстве связан с его концепцией Славянского мира» [533, с. 160].

«То, что Н.Я. Данилевский называет «этнографическими элементами» есть этнокультурные сообщества или компоненты социокультурной системы, лежащей в основе цивилизационного формирования. Они всегда сохраняют, в различной степени, конечно, не только своеобразие в структуре социокультурной системы, но и определённый потенциал изоляционизма и сепаратизма. В период изменений социокультурных установок и ценностей, цивилизационных стандартов, тем более при перезагрузке цивилизационной модели центробежные тенденции в движении цивилизационных спутников возрастают. Отмеченные трансформации всегда сопровождаются политическим и даже государственным кризисом, вызываемым различными комбинациями перераспределения интересов между социальными группами и институтами (политическими и партийными в том

числе)» [533, с. 161].

«Этнокультурные сообщества являются одним из основных источников формирования цивилизационных спутников. Для внутренних цивилизационных спутников этот источник определяющий. Для внешних цивилизационных спутников, образующихся на периферии (в пограничных зонах) культурно-цивилизационного пространства наряду с этнокультурным источником, исходящим от местных сообществ, большое значение имеют социокультурные импульсы и цивилизационное воздействие, исходящие от соседних культурно-цивилизационных формирований, тем более, когда эти формирования находятся на подъёме и опережают в развитии матричную цивилизацию. В этом случае цивилизационные спутники пытаются создавать эрзац-модели цивилизаций, к которым хотят пристроиться (например, в Грузии периода президентства М. Саакашвили)» [533, с. 161].

«Выводя понятие цивилизационного спутника, в том числе из отмеченного общественного закона Данилевского, мы ещё раз отмечаем, что с позиции ценностей социокультурного пространства и состояния определённого цивилизационного типа, цивилизационные спутники являются естественным следствием цивилизационного развития. В период устойчивого функционирования культурно-цивилизационной системы внутренние цивилизационные спутники практически не обнаруживают себя, сливаясь с ядром цивилизации, а внешние, с различной степенью интенсивности, лишь оттеняют социокультурное своеобразие данного цивилизационного формирования, находясь в состоянии прочной связи с установлениями функционирования социальной системы, исходящими от цивилизационного ядра и скреплёнными эффективно действующим государственным механизмом» [533, с. 161].

«Угрозу для культурно-цивилизационной системы цивилизационные спутники не представляют, даже если внешние из них навсегда покинут «орбиту» цивилизационного ядра. От них исходит опасность сугубо политического свойства, когда их начинают использовать государства других цивилизационных образований в качестве инструментов в геополитических отношениях или

геополитической игре. И здесь, в случае образования на территории цивилизационного спутника формальных государственных институтов, они становятся политическими сателлитами действующих геополитических структур (государств, союзов государств, военно-политических блоков) с характерными культурно-цивилизационными признаками, которые рассматривают государство матричной цивилизации отколовшегося цивилизационного спутника как своего геополитического противника» [533, с. 162], если не врага.

«В середине 90-х годов прошлого века датские политологи Х.-Х. Хольм и Г. Соренсен предложили концепцию национального суверенитета, которая во многом была инициирована сложившейся к этому времени международной обстановкой и, прежде всего, на Европейском континенте [см. 676]. – Не только возникновение новых государств на политической карте мира, которые искали собственные модели развития, но и переформатирование всего мирового порядка, разрушение одних государственных союзов и военно-политических блоков и укрепление других, геополитические трансформации и перераспределение центров геополитического влияния, всё это заставляло обращать самое пристальное внимание на проблемы национально-государственного суверенитета. Примечательно, что в англоязычной редакции, применимой в Европе и Северной Америке, Содружество независимых государств (СНГ), возникшее после расформирования Советского союза, стало называться Newly Independent States (NIS)⁹. Тем самым подчёркивалось, что Европейский союз и США несколько иначе смотрят на состояние национального суверенитета этих государств, нежели Российская Федерация, вокруг которой они, фактически, объединялись в Содружество, да и сами эти государства. С учётом активного геополитического влияния на постсоветские республики, которое демонстрировали в конце

⁹ Здесь можно сослаться на интернет-словарь «EUABC», разработанный при финансовой поддержке Европейского парламента «Фондом за демократию в Европейском союзе», в котором приводится следующее определение: «Новыми независимыми государствами бывшего Советского Союза являются Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан» [682]. Такую же подачу, замещающую обозначение СНГ определением ННГ (NIS), находим на сайте Государственного департамента США [675].

прошлого века США и, в некоторой степени, Европейский союз, их представления о национальном суверенитете государств СНГ были подобными тем, которые они реализовали в отношении Восточно-европейских стран и Прибалтийских республик, включённых в состав военно-политического блока НАТО и Европейский союз» [533, с. 162].

«Согласно концепции национального суверенитета Х.-Х. Хольма и Г. Соренсена он имеет принципиальные отличия, применительно к государствам с различным статусом социально-культурного и политико-экономического развития, и проявляется в трёх типах: негативном, ограниченном (операционном) и позитивном суверенитете [363]. Негативный суверенитет лишь формализует государство на территории, в нашем случае – цивилизационного спутника, но не позволяет государственным институтам в полной мере управлять общественными процессами. Внешнее влияние государства с негативным суверенитетом практически сведена к нулю. В Европе примером псевдогосударства с негативным суверенитетом является Косово, территория, сепаратно отторгнутая от Сербии. Определённые признаки негативного суверенитета можно обнаружить также в Молдавии» [533, с. 163].

«Операционный или ограниченный суверенитет возникает в результате уступки формально государственного образования части своего суверенитета другому государству, отличающемуся своей устойчивостью в геополитических процессах или выполняющему функции лидера геополитического региона. Формально такой вид суверенитета даёт право участия в принятии решений другими государствами, которым делегируются полномочия. Для Прибалтийских республик бывшего СССР, стран Восточной Европы, вступивших в Европейский союз и НАТО, такой тип суверенитета является наивысшей точкой достижения. Причём, Эстония, Латвия и Литва скорее ближе к состоянию негативного суверенитета, нежели полноценного операционного. Позитивный суверенитет *de facto* присущ ведущим геополитическим игрокам, который даёт им возможность не только полностью контролировать внутренние процессы в своём обществе, но и активно продвигать свои государственные интересы на международной арене»

[533, с. 163].

«В контексте концепции национального суверенитета Х.-Х. Хольма и Г. Соренсена [676] цивилизационные спутники, в случае государственного оформления их территории, в лучшем случае, могут претендовать на операционный суверенитет. Причём, операционный суверенитет может предполагать и свою внутреннюю градацию – национальный суверенитет, ограниченный двусторонними соглашениями, выработанными совместно с союзами государств или другими государствами, в структуры которых включается формально независимое государство и национальный суверенитет, ограниченный в одностороннем порядке требованиями (уставными документами и тому подобное) союза государств или государством, куда формально независимое государство включают. То есть, операционный суверенитет по природе своей является ограниченным суверенитетом, но, с двусторонними (с участием государства, обладающего формальными признаками национального суверенитета) либо односторонними (без участия этого государства) ограничениями. В последнем случае, односторонний ограниченный суверенитет мало чем отличается от негативного суверенитета» [533, с. 163-164].

«Негативный суверенитет государства во многом связан с тем, что территория его формального распространения не располагает сложившейся социокультурной системой готовой продуцировать деятельность социальных институтов, прежде всего – политических, способных управлять этой территорией. Негативный суверенитет возникает в государствах, которые, по тем или иным причинам, откололись от крупного государственного образования, существующего на базе сформированного и формирующегося социокультурного комплекса и свойственной для него цивилизационной модели. В большей части государства с негативным суверенитетом в современном мире образуются вследствие соглашения основных геополитических игроков, субъектов геополитики или при поддержке одного либо нескольких центров геополитического влияния. Зачастую такой суверенитет ограничивается лишь юридическим признанием государства со стороны других государств и, как

правило – части, международного сообщества. Сугубо формальный характер государств с негативным суверенитетом проявляется в том, что они не в состоянии осуществлять полноценное управление на своей территории и для реализации этих функций привлекаются международные институты или институты других государств» [533, с. 164].

«Ещё одной особенностью таких территорий с ограниченным суверенитетом является то, что такой суверенитет фактически не имеет шансов развиться в позитивный суверенитет и даже в ограниченный двусторонний (операционный) суверенитет. В этом плане, негативный суверенитет носит для государства, являющегося его носителем, постоянный характер – оно либо обладает негативным суверенитетом, либо вообще не имеет суверенитета. Скорее всего, государство, утратившее статус даже негативного суверенитета, теряет признаки государственности. В этом и состоит смысл определения негативного суверенитета как постоянного» [533, с. 164].

Здесь мы рассмотрели «политический формат развития территорий цивилизационных спутников, когда они приобретают статус государств с негативным или ограниченным односторонним (операционным) суверенитетом. Политический формат для цивилизационных спутников актуализируется, когда они находятся на внешней «орбите» от ядра своей матричной цивилизации и когда они располагаются в пограничной зоне с другими цивилизациями, имеющими в данный исторический отрезок времени доминирующие стандарты обустройства социокультурных достижений общества. Такие цивилизации создают сильные государства, которые выступают как центры геополитического влияния и участвуют в геополитических процессах в качестве субъектов. Естественно, что цивилизационные спутники, при том, что в их сообществах преобладают центробежные тенденции (культурного, цивилизационного и политического характера), оказываются в сфере притяжения других цивилизаций и геополитических акторов. В этом случае, важно подчеркнуть, что для политического оформления цивилизационных спутников в виде альтернативного проекта матричной цивилизации (и матричной государственности,

соответственно) необходимым условием является формирование в сообществе цивилизационного спутника политического класса, который инициирует, продвигает и утверждает в социальной среде установки на культурно-цивилизационную обособленность и, как следствие, политический сепаратизм» [533, с. 164-165].

«Отсутствие политических факторов на территории цивилизационного спутника или их слабое проявление по сути дела снимает проблему политического сепаратизма и в значительной степени гармонизирует отношения с матричной цивилизацией. Культурные элементы сообщества цивилизационного спутника органично встраиваются в генеральный социокультурный комплекс и, естественно, дополняют его многообразие. Тогда в социокультурном формате цивилизационные спутники активно взаимодействуют с ядром своей матричной цивилизации и в перспективе укрепляют ядерную основу цивилизации своим вхождением в неё. Такие свойства цивилизационных спутников свидетельствуют о том, что» [533, с. 165]

«а) по природе они не являются какими-либо отклонениями от социокультурного комплекса и цивилизационного образования» [533, с. 165],

«б) цивилизационные спутники в состоянии активно взаимодействовать с цивилизационным ядром и участвовать в формировании матричной цивилизации» [533, с. 165],

«в) в процессе социокультурного взаимодействия с ядром и другими компонентами цивилизационного образования они могут становиться частью цивилизационного ядра» [533, с. 165],

«г) даже находясь в статусе цивилизационных спутников, они являются элементами определённой цивилизационной конструкции» [533, с. 165].

«Гораздо более серьёзной проблемой для цивилизации и, главным образом, выражающего её государства являются этнокультурные сообщества, дислоцированные в пограничных зонах, на периферии цивилизационного комплекса. Некоторые из таких этнокультурных сообществ в периоды цивилизационной нестабильности, переформатирования цивилизационной

модели и государственного переустройства, сопровождающиеся различными кризисными явлениями в экономической и политической жизни общества, проявляют импульсы по отрыву от социокультурного комплекса, в который они не только входили (и фактически входят), но который они же (естественно в лице своих представителей) создавали и формировали. Такие этнокультурные сообщества можно рассматривать, по отношению к социокультурному комплексу, в котором они находились, как этнокультурные осколки» [533, с. 166].

«Отличие этнокультурных осколков от цивилизационных спутников состоит в том, что они отстраивают себя от социокультурной системы цивилизации, являющейся сложным образованием с поликультурными и полиэтническими связями. В то время как цивилизационные спутники, при наличии центробежного политического фактора, выводят себя (или пытаются это сделать) из структуры цивилизационной матрицы. Из этого вовсе не следует, что в функционировании цивилизационных спутников отсутствует этнокультурная мотивация, а этнокультурные осколки не используют цивилизационные ориентиры. Суть имеющегося отличия состоит в том, что цивилизационные спутники отступают от своей цивилизационной матрицы под воздействием политического класса, ориентированного на другие цивилизационные стандарты, присовокупляя сюда выработку иных культурных ценностей, а этнокультурные осколки оппонируют некогда общему социокультурному пространству и сами порождают политический сепаратизм, который может использовать и цивилизационные альтернативы. Этнокультурные осколки по своей природе провоцируют социокультурную сегрегацию, которая всегда имеет политическое оформление» [533, с. 166].

«Особенность и отличие этнокультурных осколков состоит также в том, что они могут возникать не только на периферии цивилизационного образования, но и в полиэтничном государстве. Именно в таких случаях цивилизационное выражение функционирования этнокультурных осколков практически нивелируется, прежде всего потому, что и сами этнокультурные осколки, и социокультурная система государства оказываются встроенными в одну

цивилизационную модель. Подобные примеры мы находим в отношениях таких этнокультурных осколков с социокультурной системой государства как Страна Басков в Испании, Корсика во Франции, Косово в Сербии, Северная Ирландия в Великобритании. При этом и этнокультурные осколки и социокультурные системы государств их нахождения с различной степенью интенсивности включаются в структуру Европейской цивилизации» [533, с. 166-167].

«Объединяющим же для цивилизационных спутников и этнокультурных осколков может быть политизация деятельности выражающих их сообществ. При этом, если для цивилизационных спутников политизация не является неизменным атрибутом, а возникает в результате сепаратизма политического класса, провоцируемого внутренними импульсами и внешней мотивацией, то этнокультурные осколки становятся таковым лишь вследствие политизации общественной жизни. В этих случаях, и цивилизационные спутники, и этнокультурные осколки, при достижении государственной обособленности от матричной цивилизации и базового социокультурного пространства, становятся политическими сателлитами других культурно-цивилизационных систем и их государственных образований и союзов, в том числе военно-политических» [533, с. 167].

«Для сравнения, в качестве цивилизационных спутников в рамках Европейской цивилизации можно рассматривать славянские, балтийские, романские и угорские этнокультурные сообщества Восточной и Южной Европы. Большинство из них находятся в статусе цивилизационных спутников на протяжении более полутора тысячи лет. Причём не только как цивилизационные спутники Европейской цивилизации, но и Византийской (болгары и сербы). Некоторые цивилизационные спутники были ассимилированы европейским цивилизационным ядром, как Пруссия, поглощению европейским социокультурным пространством подверглись и ряд западных славянских этнокультурных сообществ. Однако, большая часть территорий так и остаётся в виде цивилизационных спутников. С формированием на пространствах Евразийского материка Российской / Русской цивилизации, особенно с XIX

столетия, эти восточноевропейские цивилизационные спутники постоянно пребывают в состоянии межцивилизационного «блуждания» [533, с. 167].

В таком положении Н.Н. Моисеев видит конфессиональные признаки: «Было бы, конечно, неверным утверждать, что цивилизационные парадигмы остаются неизменными (хотя они и очень консервативны): их трансформация занимает многие поколения. Ряд славянских племен еще в начале нынешнего тысячелетия принял католицизм, но и до сих пор эти народы не полностью «вошли в Европу». Страны, которые возникли на их основе, так и остались частью маргинального пространства, лежащего между двумя цивилизациями. Европейцами сделались разве лишь полабские славяне и жители Померании, полностью потерявшие свою славянскую идентичность и ассимилированные немцами, так же, как и угрофинские племена Центральной России были ассимилированы русскими. Те и другие вошли в состав новых этносов, внося в них, естественно, определенные черты своей утерянной культуры» [317, с. 13].

«Что же касается поляков, западных украинцев, чехов и других католических народов славянского корня, то они остались частью промежуточного пространства между двумя цивилизациями, которых «настоящий» Запад рассматривал скорее, как районы своих ленных владений или предмет торга с Россией и Турцией, чем как свою естественную составляющую. Тем не менее после принятия католицизма (или унии, с подчинением римскому Папе, как в Западной Украине) эти страны, теряя постепенно свою славянскую идентичность и самобытность, всегда тянулись к Западу и стремились сделаться частью Европейского полуострова. Тому причин много – и экономическое благосостояние, и политические выгоды и, конечно, общность церкви. И это стремление к западной цивилизации оказывалось обычно сильнее своего национального (славянского) восприятия. Поэтому в Европе линия раздела между народами проходит не столько по границам национальных территорий, сколько по линиям религиозного размежевания. Она пересекает Украину и Боснию и во время Второй мировой войны превращает хорватов в немецких сателлитов и палачей сербского народа, с которым они говорят на одном языке и имеют общие

национальные корни и традиции» [317, с. 13].

«Акцент на конфессиональные факторы политического поведения цивилизационных спутников невозможно считать корректным, так как тогда сложно будет объяснять внешнеполитические и цивилизационные ориентации таких государств с ограниченным национальным суверенитетом как Румыния и Болгария. К тому же, предлагаемый Н.Н. Моисеевым униатский фактор Европейской (Западной) цивилизационной ориентации не подкрепляется историческими фактами. – Русофильское движение в Галиции в конце XIX – начале XX веков имело в своём составе многих униатских священников, которые вместе с православными священниками и интеллигенцией отстаивали русские социокультурные ценности [см. 371, 372, 466]. Например, один из зачинателей русского движения в Карпатском крае греко-католический (униатский) священник, поэт и писатель А.В. Духнович стал автором текста Карпаторусского гимна «Русский да живёт народ!» [110]» [533, с. 169].

«Религиозный фактор, безусловно, играет значимую роль в создании социокультурного пространства, на основе которого происходит формирование цивилизационного образования. Эта роль обуславливается, прежде всего, характерной мировоззренческой моделью, которую религия предлагает человеку и обществу. Для устройства взаимодействия общества и природы такая модель имеет большое значение. И не только в исторических типах цивилизаций, но и в современных условиях. Однако, конфессиональные мотивы не являются определяющими в функционировании культурно-цивилизационных систем. Как внутри определённой цивилизационной модели, так и в отношениях между различными цивилизационными моделями конфессиональные мотивы социального поведения групп, да и личностей не становятся доминирующими. Уже приводимая нами знаменитая фраза короля Генриха Наваррского «Париж стоит мессы», произнесённая им в 1593 году и сделавшая его французским королём Генрихом IV, может быть тому подтверждением» [533, с. 169].

«В современной Европе конфессиональная принадлежность мусульман в Косово и Боснии не ориентирует их в сторону Арабской цивилизации, но,

несмотря на религиозные ценности, они стремятся вписаться в структуры Европейской цивилизации, одним из признаков которой было Христианство и сейчас ещё этот базовый компонент не искоренён, несмотря на тотальную дехристианизацию, проводимую политическим классом в европейских странах. Конфессиональная принадлежность абсолютного большинства турецких граждан никак не влияет на усилия Турции войти в состав Европейского союза, который сейчас оформляется как политическое выражение Европейской цивилизации. Бытующее мнение, в том числе в научной среде, что Русь в конце X века, принимая Христианство в качестве религии общества и государства, сделала и свой цивилизационный выбор, больше строится на методе допущения, нежели доказательства. – А почему не предположить, что принятие Русью Христианства стало следствием цивилизационного выбора? Выбора, который был сделан значительно раньше, и его следствиями было не только принятие Христианства, но и победа Великого князя Святослава над Хазарией двумя десятилетиями ранее, создание начиная с середины IX века целостного социокультурного комплекса на территории от Ладоги и Балтийского моря до Чёрного моря и Карпат. Опять же, если обращаться к Русской истории в теме формирования социокультурного пространства и основ цивилизационного обустройства в аспекте конфессиональных мотивов социального поведения, то мы найдём достаточно примеров, когда конфессиональная принадлежность не влияла ни на политический, ни на социокультурный, ни на цивилизационный выбор. – Во время знаменитой Куликовской битвы в 1380 г. против армии полководца Золотой Орды Мамай выступили совместно русские православные дружины и отряды мусульман из Волжской Булгарии, получившей впоследствии название Татарии. И это при том, что с 1312 г. Золотая Орда приняла Ислам в качестве государственной религии» [533, с. 169-170].

«Социокультурные и цивилизационные особенности оказывают существенное влияние на религиозную конфессию. В свою очередь, конфессиональные устои оказывают воздействие и на формирование социокультурного пространства, и на функционирование цивилизационного

образования. Такая взаимосвязь и взаимозависимость проистекает от того, что цивилизация, по определению, это обустройство окультуренной социумом территории, социокультурного пространства. В процессе освоения социумом пространства, религия выступает как один из способов окультуривания территории, а в выработке цивилизационных стандартов активно используются конфессиональные методы. Потому конфессиональные методы несут на себе печать и социокультурного комплекса и создаваемой цивилизационной модели, конструкции, а, следовательно, религиозная конфессия на данной территории, другими словами – конфессиональная среда общества, имеющего особые культурно-цивилизационные признаки, более близка данной цивилизации, нежели своей религиозной конфессии. Эти особенности влияют на формирование цивилизационных спутников, которые образуются вследствие внутренних этнокультурных и этно-конфессиональных импульсов и внешних цивилизационных влияний» [533, с. 170].

«Однако, разбег цивилизационных спутников и цивилизационного ядра может происходить и в тех случаях, когда ещё недавно эти цивилизационные спутники были достаточно плотно включены в общую культурно-цивилизационную систему. И здесь определяющее значение имеет цивилизационный кризис, носящий системный характер. А своё проявление цивилизационный кризис находит в сфере политических отношений и потому имеет политическое выражение. Если рассматривать совокупность методов, стандартов и способов обустройства территории, которые зиждились на комплексе культурных ценностей, свойственный для СССР как советскую цивилизацию, то именно кризис советской цивилизации породил и возникновение цивилизационных спутников, и этнокультурных осколков, и политические изменения в регионе, и геополитическое переформатирование конца XX века. (Стоит заметить, что в данном случае, термин «советская цивилизация» применяется условно, с целью показать значение культурно-цивилизационных детерминант на политические и геополитические процессы. Ибо, конечно же, выводить понятие советской цивилизации, как особого цивилизационного типа, у

нас нет должных оснований)» [533, с. 173-174].

«В условиях системного кризиса российского общества, который начался несколько десятилетий тому назад и особенно активно проявился с конца 80-х годов прошлого столетия, вся его территория оказалось подвержена действию различных социокультурных импульсов, а некоторые компоненты пространства озадачили себя поиском новых цивилизационных ориентиров. Особенно открыто и наглядно это проявилось в культурно-цивилизационном выборе окраин – Северо-Запада (Петрограда), Прибалтики, Западной Белоруссии (Черноруссии), Западной Украины (Червоноруссии или Галичины), Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Дальнего Востока» [533, с. 174].

«Однозначный выбор в пользу евроамериканских (евроатлантических) культурных ценностей и цивилизационных стандартов сделали Прибалтика, Западная Украина, Грузия. К этому вектору в определенной степени оказались предрасположены Северо-Запад, Западная Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, но каждый регион со своими политическими нюансами. Если Северо-Запад и Западная Белоруссия скорее декларативно обозначают этот вектор, то Молдавия и Азербайджан опосредуют его различными видами привязанности к Румынии и Турции, соответственно. С учетом того, что и Румыния, и Турция сами во многом условно находятся в поле Европейской цивилизации, то и Молдавия и Азербайджан скорее также лишь декларируют свой евроатлантический культурно-цивилизационный выбор» [533, с. 174].

«Каждый из окраинных регионов, безусловно, имеет свои отличительные признаки и особенности, впрочем, равно как и любой другой регион обширного российского социокультурного пространства. Но некоторые принципиально выделяются из этого контекста. Настолько принципиально, что можно говорить вообще об их оторванности. Речь идет о Прибалтике, Галичине, Грузии, Азербайджане и Туркмении. Хотя, по видовым признакам и форме проявления такая оторванность различается» [533, с. 174-175].

«Основой прибалтийско-галицкой оторванности является смена

цивилизационных ориентиров. Сейчас здесь доминируют евроатлантические цивилизационные стандарты и ценности. Вообще в своей истории эти регионы с циклической последовательностью меняют цивилизационные ориентации между Россией и Европой. Именно поэтому Прибалтика и Галичина являются по сути цивилизационными спутниками, которые эпизодически переходят с одной орбиты на другую, от России к Европе и обратно» [533, с. 175].

«Если для Прибалтики и Галичины определяющим в их ориентации оказался цивилизационный фактор, то для Грузии, Азербайджана и Туркмении на первый план выходят социокультурные традиции, пронизанные этническими нормами. В этом смысле Грузия, Азербайджан и Туркмения на фоне российских социокультурных стандартов, характерных и для их территорий, обозначаются как этнокультурные осколки. Такая особенность формирования и функционирования фактически лишает их каких-либо социальных перспектив, в отличие от Прибалтики и даже, в известной степени, от Галичины, цивилизационная ориентированность которых открывает пути для социальных трансформаций и модернизаций. Этнокультурная ориентация Грузии и Азербайджана породила этнократические политические режимы, что лишает возможности возобновления в рамках их советских границ полноценных социальных коммуникаций. Ни Абхазия, ни Южная Осетия, ни Нагорный Карабах никогда не примут этнокультурные установки современных грузинского и азербайджанского политических режимов. Воссоединиться разрозненные территории могут только тогда, когда политические приемники советских республик откажутся от этнокультурных стереотипов, а произойти это реально может лишь в границах Русского Мира» [514, с. 76-77].

Таким образом, «фактически российское социокультурное пространство и, соответственно, реальная территория Российской цивилизации могут в настоящий момент складываться из Российской Федерации, Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии, Армении, Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Осетии. Конечно же, с различной степенью усвоения этими государственно-территориальными фрагментами российских социокультурных ценностей и

цивилизационных стандартов. Не вдаваясь в анализ степенных отличий, можно сказать, что названные территориально-государственные образования представляют в наших условиях фрагментированную матрицу современного состояния Российской цивилизации. Хотя, в отношении «степени усвоения», следует подчеркнуть, что не только все перечисленные отличаются друг от друга (допустим, Российская Федерация в целом не является более «российской», с культурно-цивилизационной позиции, чем Белоруссия), но и внутри каждой из них имеются зачастую существенные отличия. Например, Москва и Петроград более отдалены от российского социокультурного пространства, да и цивилизации, чем Урал и Южная Сибирь» [514, с. 77].

Следовательно, мы можем говорить о двух форматах цивилизационных спутников – внутренних и внешних. Внутренние цивилизационные спутники находятся в окружении цивилизационного ядра и потому их самостоятельный «выход на орбиту» возможен лишь тогда, когда это ядро распадется. Как правило, распад ядра означает не только конец цивилизационного образования, но и ликвидацию самих цивилизационных спутников, которые поглощаются соседними цивилизациями и происходит нивелирование их социокультурного потенциала. Например, в Древней Месопотамской цивилизации Халдейский цивилизационный спутник исчез после распада своей цивилизационной матрицы. Внешние цивилизационные спутники обнаруживают себя в период нестабильности цивилизационного образования, который сопровождается политическим (включая государственный) кризисом. В этот период на территории цивилизационных спутников могут складываться государства с ограниченным или негативным суверенитетом, которые становятся политическими сателлитами крупных геополитических игроков, центров геополитического влияния.

«Феномен государств, являющихся политическими сателлитами, имеет отношение, прежде всего к геополитическим процессам. Именно геополитические акторы, претендующие на особую цивилизаторскую миссию в мире, выступают в качестве протекционистов государств с негативным или односторонне ограниченным суверенитетом на международной арене. Одним из проявлений

таких отношений – протекционист-сателлит – стали отношения Германии и ряда формально независимых государств (Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии в годы предшествующие и во время Второй мировой войны. Протекционизм Германии в этот период в отношении её политических сателлитов проявлялся во влиянии на внешнюю и, в определённой степени, внутреннюю политику последних» [513, с. 106].

«Примечательно, что в ряде геополитических концепций западных авторов и геополитической доктрине США термин «государство-сателлит» использовался и используется применительно к государствам, зависимым от других геополитических центров влияния. Например, он применялся к государствам Варшавского договора, Кубе, Северному Вьетнаму, Северной Корее и другим, входившим в союзнические и блоковые связи с Советским Союзом. В отношении же государств, находящихся под влиянием США использовался иной термин – «государство-клиент». Сложно сказать, какой из этих терминов является более приемлемым для зависимого государства, но суть их статуса от этого не изменяется. С другой стороны, не всегда используемые определения государств как сателлитов геополитического центра влияния могут адекватно отражать реальные принципы отношений и возможности влияния центра на якобы государство-сателлит. В истории социалистического лагеря, созданного СССР после окончания Второй мировой войны достаточно примеров, когда внешнеполитическое поведение некоторых, входивших в него государств, совершенно не походило на политических сателлитов. Здесь речь может идти не только о Югославии, Албании и тем более Китае, но и о Румынии, в известной степени, о Кубе, Северной Корее» [513, с. 106-107].

«Крайней степенью политической зависимости государства-сателлита является статус марионеточного государства, которое, фактически, управляется извне другим государством либо блоком государств, составляющих определённую геополитическую конфигурацию. Одним из примеров современного марионеточного государства является Косово – этнокультурный осколок, отпавший от югославского социокультурного пространства и

политического пространства Сербии. Нынешнее сепаратное Косово настолько стремится стать цивилизационным спутником Европейского союза, что даже свой флаг и герб сделала максимально похожими на флаг и герб ЕС, а гимн этого псевдогосударства носит название «Европа»» [513, с. 107].

«Ещё одно понятие, передающее смысл политического сателлита, возникло в начале XX века, после окончания Первой Мировой войны, – лимитрофные государства. Само слово «лимитроф» происходит от латинского *limitrophus* – пограничный, и использовался во времена Римской Империи для обозначения пограничной области, администрация которой обязана была содержать стоящие на её территории императорские войска. То есть, изначально лимитроф – это административно-политическая единица, своего рода псевдогосударство, полностью подконтрольное Римской Империи. Уже в этот исторический период определение лимитрофа передавало характер и способ реализации интересов в рамках глобальных пространств Имперского центра, каковым являлась Римская Империя. В этом контексте такие внешнеполитические интересы возможно рассматривать и как геополитические, либо прообраз таковых» [513, с. 108].

«В XX столетии формируется уже понятие лимитрофного государства, которым определялись буферные страны, возникшие из западных областей Российской Империи, получившие независимость вследствие Гражданской войны в России, которая была закреплена итогами Первой Мировой войны. В этом случае лимитрофные государства ещё не рассматривались как политические сателлиты, зависимые от крупных государств, но подтекст такой уже, безусловно, закладывался. Ибо лимитрофные государства 20-30-х гг. XX века, к которым, прежде всего, были отнесены Литва, Латвия и Эстония, сохраняли свою независимость лишь благодаря балансу сил между Советским Союзом и Европой. Как только в Европе вызрел к концу 30-х годов новый Имперский центр в лице нацистской Германии лимитрофные государства стали рассматриваться в качестве зависимых территорий. Причём, они (Прибалтийские государства) рассматривались как утерянные территории и СССР, и Германией. СССР потому, что входили в состав Российской Империи до 1918 года, а Германией – по

историческим воспоминаниям эпохи Средневековья и начала Нового времени» [513, с. 108].

«3 апреля 1939 г. начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал В. Кейтель известил главнокомандующих сухопутными войсками, ВВС и ВМФ о том, что подготовлен проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.», который был 11 апреля утверждён А. Гитлером. В этой «Директиве» не только использовался термин «лимитрофные государства», но и прямо указывалось на необходимость для Германии после разгрома Польши взять под свой контроль Литву и Латвию [см. 243; 244]» [513, с. 108-109].

«В качестве геополитического термина лимитрофные государства рассматривались В.Л. Цымбурским. При этом он непосредственно писал не столько о лимитрофных государствах, сколько о территориях, расположенных по границе Русской цивилизации, называя их Великим Лимитрофом. Великий Лимитроф у В.Л. Цымбурского есть тот «межцивилизационный пояс», который разграничивает и одновременно соединяет Россию с соседними цивилизациями – Европейской, Китайской, Мусульманской [588]. Одновременно с ним ещё один российский исследователь современных геополитических процессов С.В. Хатунцев пишет о лимитрофах как межцивилизационных поясах на карте Земли, отмечая, что лимитрофные государства могут находиться в статусе двойного подчинения цивилизационным и геополитическим центрам, между которыми они находятся [см. 555; 556; 557]. Собственно говоря, такая оценка лимитрофного государства делается и В.Л. Цымбурским, который таким образом дополняет классическое определение термина, идущее от политической традиции Римской Империи. В этом определении, безусловно, содержится рациональное зерно, отражающее современные геополитические процессы. Пример нынешнего положения Украины, которая пребывает в состоянии зависимости от Международного валютного фонда, контролируемого правительством США, от Международной организации торговли, Европейского союза, с одной стороны, и от газовых поставок и торговли с Российской Федерацией, Таможенного союза

Российской Федерации, Белоруссии и Казахстана, с другой стороны, весьма показателен» [513, с. 109].

«С другой стороны, в концепции В.Л. Цымбурского лимитрофное пространство идентифицируется с межцивилизационным поясом (имеющим сходство с Римлендом Н. Спикмена, контроль за которым обеспечивает мировое господство). И здесь, не расположение межцивилизационного пояса на карте Земли, а его содержательная наполненность позволяет рассматривать эту концепцию в качестве аргумента данных в настоящем исследовании определений цивилизационных спутников, предрасположенных к превращению в политических сателлитов, но не обязательно являющихся таковыми. Проявление цивилизационных спутников происходит в периоды геополитического переформатирования, когда один или несколько геополитических центров, возникающих на платформе особых цивилизационных образований, переживают состояние кризиса. Цивилизационные спутники, которые не заметны в периоды стабильности цивилизационного ядра, начинают в это время обозначать свои собственные орбиты, которые могут быть как центробежные (что ведёт к возникновению на их территориях государств с негативным или односторонне ограниченным суверенитетом, политических сателлитов других геополитических центров или центра), так и центростремительные или нейтральные» [513, с. 109-110].

«Для нашей же темы гораздо более важным является тот факт, что через ссылки на определения лимитрофных государств, межцивилизационного пояса и территории Великого Лимитрофа мы можем констатировать необходимость различать феномены цивилизационных спутников, этнокультурных осколков и политических сателлитов. Именно предлагаемые определения этих феноменов позволяют видеть различия между ними, что очень важно не только для категориального аппарата исследования, но и для предметного и адекватного анализа геополитической реальности. Отмеченные авторы, выделяя лимитрофные территории и межцивилизационный пояс, не уделяют должного внимания социокультурным основаниям обществ, их населяющих, а данные ими

характеристики «уводят» лимитрофные пространства в поле политически нестабильных государств со статусом сателлитов геополитических центров» [513, с. 110].

«После расформирования Советского Союза, который всё-таки был формой исторической реализации имплантационной модели Российской цивилизации (хотя и в несколько извращённом виде, особенно в первые двадцать лет своего существования), Прибалтийский цивилизационный спутник (объединяющий весьма схожие в социо-культурном и ментальном планах Литву, Латвию и Эстонию) вышли на явно выраженную центробежную орбиту, а вот Белорусский, Казахстанский и, в некоторой степени, Киргизский цивилизационные спутники заняли орбиту с центростремительным движением. Примечательно, что в плане политического статуса и Казахстан, и Белоруссия находятся на гораздо более высоких позициях, нежели любая из трёх Прибалтийских республик. В лучшем случае последние могут претендовать на статус государств с односторонне ограниченным национальным суверенитетом, что видно, хотя бы, из того, как вводится европейская валюта в этих республиках – не по согласованию сторон, а по решению из Брюсселя. Белоруссия же и Казахстан совместно с Российской Федерацией и на основе двусторонних соглашений формируют Таможенный союз и на таких же условиях приступают к формированию Евразийского союза» [513, с. 110-111].

Однако, очень важно отметить, при отсутствии у российского цивилизационного ядра, политическим выражением которого является сейчас Российская Федерация, плана будущего цивилизационного конструирования, обоснованной и адекватной историческим реалиям цивилизационной модели, существующие цивилизационные спутники могут начать проявлять центробежные тенденции и искать иные цивилизационные ориентиры. Особенно, если рядом будут находиться устойчивые цивилизационные конструкции, а у самих цивилизационных спутников наличествуют признаки социокультурных осколков, проистекающие от особенностей этнокультурного развития. Одними из подобных примеров являются процессы латинизации алфавитов в Узбекистане,

Азербайджане, и даже в Казахстане.

Это то, что касается текущей ситуации. А ранее, начиная с конца 80-х годов прошлого века, цивилизационные спутники в лице прибалтийских республик, Молдавии, Грузии, в определённой степени Армении начали активно дрейфовать в сторону соседнего Европейского / Евроатлантического цивилизационного ядра. Тридцать лет цивилизационного блуждания Российской Федерации, после ликвидации СССР, не только усугубили цивилизационно-политический разбег обозначенных постсоветских республик, но и в полной мере добавили к нему Украину, в её сохраняющейся на настоящее время части. Таким образом, отсутствие цивилизационного проекта у России создаёт серьёзные геополитические проблемы.

4.4. Украина в структуре российской геополитики и значение воссоединения Крыма с Россией

Представляется, что рассмотренная нами в первом разделе смешанная политическая система Г. Алмонда [см. 5, 6] характерна и для транзитного общества, которое находится в состоянии перехода от одной цивилизационной модели к другой. Социальный и, в частности, политический переход требуют значительных управленческих усилий, жёсткого следования всем нормам социального транзита. В этом случае необходимым является авторитарный стиль и методы политического руководства. Или (и) политический лидер с харизматическими качествами. Культурно-цивилизационные особенности общества могут окрашивать применение отмеченных методов в различные цвета, создавая, таким образом, разные картины социального транзита для различных обществ. Однако, авторитарный стиль руководства в транзитном обществе,

двигающемся или пытающемся двигаться в направлении демократии, может быть обеспечен только чёткой правовой базой, расставившей акценты во всех сферах общественной жизни – политике, экономике, гражданских отношениях.

Как пример подобного рода движения, интересный отсутствием авторитарно-харизматических методов и непопаданием ни в один из типов политической системы, описанной Г. Алмондом, можно рассмотреть политическую систему современной Украины. Не имея оснований и условий ни для авторитарного политического руководства, ни для харизматического правления, политическая система Украины оказывается вне типологизации Г. Алмонда. Это замечание можно подкрепить фактом неудачной попытки В.А. Ющенко возвести себя в ранг харизматического лидера и безуспешные усилия государственного руководства Украины при президенте В.Ф. Януковиче и последующего П.А. Порошенко, да и нынешнего В.В. Зеленского распространить авторитарную модель политического управления (так называемая «вертикаль власти») на все украинские регионы. Но, политическая система существует вот уже тридцать лет, и отказать ей в праве на существование вряд ли возможно. В результате, для Украины может быть предложена *диффузная политическая система*, как пятый тип в дополнение к четырем алмондовским.

Такое состояние политической системы превращает Украину в источник постоянной политической нестабильности внутри государства и угрозы соседним странам. Если до 2014 года такие угрозы были латентными и гипотетическими, то после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года они стали вполне осязаемыми. Такое положение обязательно должно приниматься в расчёт Российской Федерацией в процессе выстраивания своего текущего политического поведения на международной арене и геополитической стратегии на среднеудалённую перспективу.

Какие же характеристики в пользу определения диффузной политической системы Украины возможно дать? Первое это проблема так называемого украинского выбора, который приложим, фактически, ко всем основным сферам жизни общества. Речь идёт и о культурно-цивилизационном, и о социально-

экономическом, и о политическом выборах, актуальность которых сохраняется на протяжении всех лет украинской политической независимости. Актуальность обеспечивается не операционально приложимыми результатами, а процессуальной бифуркацией – неустойчивой формой правления (парламентская или президентская республика), диффузией экономической власти (перманентное перераспределение собственности между различными элитами, в т. ч. «теневыми»), внешнеполитическими зигзагами и маневрированием (то к Европе, то к Российской Федерации). Все отмеченные неопределенности ограничивают возможности трансформации украинского социума в сторону демократического устройства и развития институтов гражданского общества.

В то же время, состояние социального балансирования, которое можно рассматривать и как баланс политических сил, позволяет видеть перспективы позитивного выбора Украины в пользу демократических принципов и ценностей гражданского общества, в соответствии с культурно-историческими традициями и социогенетическими реалиями. Однако, после ухода Крыма и, фактически, части Донбасса такая перспектива в значительной степени утрачена. К тому же, период баланса не может продолжаться длительное время (и канатоходцы нуждаются в отдыхе). Тем более что для общества, для его нормального функционирования одним из важнейших правил является соблюдение принципа системности, сохранение на основе этого целостности социального организма, как взаимодействующих друг с другом элементов.

Вследствие нарушения принципа системности и не сформировавшейся целостности, в обществе протекают перманентные дезинтеграционные процессы. Некоторые из них, наиболее показательные, будут рассмотрены. Что касается структурно-государственной интеграции, или, если давать качественную оценку этому процессу, диффузии государственного устройства Украины, то в этом плане разлом проходил на трёх уровнях (хотелось бы отметить, что в исходной версии зимы 2012 г., когда писался этот текст, эти положения формулировались как прогностические, а не констатирующие как теперь – в редакции весны 2022 г.):

– Крым (по причине политической деструктивности этнополитической организации, выделившей себя из политической системы Украины по формально-юридическим параметрам, но при этом, пользующейся всеми доступными инструментами этой системы в своих интересах. Речь идёт о так называемом «меджлисе крымско-татарского народа», который отказывался от юридической регистрации своей организации в соответствии с законами Украины, действовал вследствие этого как нелегальная организация, но при этом провозглашал цель создания в Крыму этнического крымско-татарского государства и добивался этой цели). В значительной степени эта позиция повлияла на события в Крыму конца февраля 2014 г., которые привели, в конечном итоге, к возвращению Крыма в состав Российской Федерации;

– Украина-Крым (отсутствие договора по разграничению полномочий и паллиативного статуса автономии, что способствовало сохранению конфликтной обстановке в политико-административной сфере и периодически порождало вызовы не только для автономного статуса Крыма, но и для всей политической системы Украины, в которую эта автономия была вписана de-jure и de-facto);

– Российская Федерация-Украина-Крым (отсутствие стратегических приоритетов у руководства Российской Федерации, «зигзагообразность» внешней политики Украины и «фарватерный» характер действий крымских органов власти, ориентирующихся исключительно на политическую конъюнктуру). Опять же, весной 2014 г. все эти признаки достаточно явственно проявились. Правда, политическая конъюнктура части крымского руководства в лице депутатского корпуса сыграла тогда положительную роль.

Применительно к состоянию до марта 2014 г. со всей очевидностью можно говорить (и было сказано в исходной версии данного текста зимой 2012 г.), что автономный статус Крыма не более чем фикция. Но, на самом деле, фиктивность автономного статуса Крыма, казалось бы, выгодная центральной украинской власти возможностью полностью контролировать политико-властные процессы на полуострове, стала чрезвычайно опасной своей неопределённостью,

отсутствием внутренних и внешних признаков системности в Автономной Республике Крым. Ибо автономия — это также специфическая социально-политическая система, которая требует взаимодействия всех ее структурных элементов. Если исходить из того, что автономная политическая система Крыма была включена в качестве элемента в общую политическую систему Украины, то её кризис не может не воздействовать негативным образом на всю целостную систему. Что, собственно, произошло весной 2014 г., результатом чего стало отделение Донбасса, гражданская война и реальная возможность отделения всей Новороссии, при более последовательных и решительных действиях государственного руководства Российской Федерации.

Говоря о возможности достижения в нашем обществе социально-политической и экономической стабильности, необходимо иметь в виду, что это может быть обеспечено интегративными процессами. При этом следует исходить из того, что интеграция осуществляется по системным признакам и предполагает целостность общества, как в ее внутреннем состоянии, так и внешнем выражении. В качестве «общества» возможно рассматривать и регионально-статусные образования (типа Крыма), и государственно-территориальные устройства (Украина, Российская Федерация), и культурно-цивилизационные системы (Евразия в определении классических евразийцев или историческая Россия). И вот здесь целостность политической системы непосредственно связана с культурно-цивилизационными установками. В случае, когда такие установки не определены, политическая система остаётся в диффузном состоянии и сохраняется не столько за счёт внутреннего потенциала, сколько благодаря внешним условиям, которые можно было бы назвать благоприятными, если бы они способствовали потенциалу, а не заменяли его.

Исходя из современных внутри- и внешнеполитических реалий, которые, предположим, будут сохранять существующий геополитический расклад вокруг Украины, устранение диффузии политической системы возможно на основе соответствия культурно-исторической специфики различных сегментов территории государства. Возвращаясь к модели Г. Алмонда, представляется, что с

учетом социокультурной традиции, исторической преемственности и современных реалий, для Украины наиболее приемлемой может стать фрагментарная политическая система. Фрагментарные политические системы предполагают интеграцию, но между сегментами социально-политического пространства, а не элементами, как в гомогенной политической системе. Тогда в плане государственного устройства такими сегментами могут стать регионы, специфика которых очень четко обозначена их историей. Имеется в виду федеративное территориально-государственное устройство. Пока же, тем более с утратой Крыма и Донбасса, диффузная политическая система Украины сохраняется прежде всего с помощью внешних геополитических сил влияния – покровительства США и соглашения с Российской Федерацией.

С учётом пространственно-временной близости, целесообразно рассмотреть проблемы взаимодействия компонентов геополитического комплекса, каковым является, по определению, субъект геополитики, под влиянием культурно-цивилизационных матриц на примере отношений, которые складываются после разложения СССР между Российской Федерацией и Украиной. Эти, ныне самостоятельные государства, были основными компонентами геополитического комплекса, каковым являлся СССР. К тому же, сейчас Российская Федерация относится к категории ведущих геополитических игроков, субъективирующих себя во внешней политике как действующих участников (акторов) геополитических процессов современного мира. В этом статусе Российская Федерация выстраивает свою геополитику в отношении Украины и приняла в марте 2014 г. своё решение по Крыму, который был до того времени автономным (протогосударственным) образованием в составе украинского государства и на момент воссоединения являющегося самостоятельным политико-государственным субъектом, после решения Верховного Совета АРК о непризнании государственного переворота в Киеве 21-22 февраля 2014 г. Не имея потенциала геополитического субъекта, РФ не смогла бы принять отмеченное решение относительно Крыма. Более того, этот потенциал и отсюда – статус мотивировали, если не сказать больше, решение государственного руководства

РФ в данной ситуации.

Принимая во внимание, что в современных условиях значительную роль отводят использованию различных технологий в организации политических процессов, в том числе в сфере геополитики, целесообразно рассмотреть этот аспект в контексте существования культурно-цивилизационной матрицы, влияющей на геополитические отношения, с одной стороны, и, с другой стороны, испытывающей на себе влияния сторон этих отношений с разным уровнем «заряда». Сделать это мы предполагаем на примере отношений внутри одной культурно-цивилизационной матрицы, к которой относятся такие политико-государственные образования современности как Российская Федерация и Украина, с учётом политической субъектности Крыма, который в различных политико-административных форматах вписывался в эти отношения на протяжении последних лет. Отношения этих государственных образований, возникших вследствие расформирования СССР, выстраивались с использованием определённых политических технологий, которые во многом определялись не столько внешними заимствованными приёмами, сколько матричными факторами.

Говоря о технологиях, политических, в частности, следует отметить, что они являются продуктом культуры общества, частью культурного достояния. Это один аспект. Другой состоит в том, что состояние технологий, их качество, способы и формы использования зависят от особенностей культуры общества и его политической системы, а также от специфики цивилизационного типа данного государства, либо его тяготения к одному или нескольким цивилизационным типам. Третий аспект – технологии зависят от цивилизационного типа, в формате которого происходит производство способов, моделей, стандартов и техник социальной деятельности.

«Политический аспект доминирует во взаимоотношениях Российской Федерации и Украины по той причине, что они, принадлежащие, по сути, к одной культурно-цивилизационной матрице, не совместно, а каждая самостоятельно пытаются включиться (Украина более усердно) в геополитическую структуру с другой культурно-цивилизационной матрицей. О существовании таких

параллельных внешнеполитических интересов свидетельствует политика так называемого европейского выбора, которая присутствует на Украине при всех президентах и правительствах, начиная с 1991 года и которая в различных формах проявляется в Российской Федерации – достаточно явно в первой половине 90-х годов прошлого столетия, несколько менее во второй половине, и эпизодически в первом десятилетии XXI столетия. Ещё одним мотивом политизации отношений Российской Федерации и Украины является то, что каждая из этих республик, в большей степени, нежели другие бывшие республики СССР, рассматривает себя в проекции геополитического наследия Советского Союза. Правда, каждая по-своему и не всегда как продолжение геополитической субъектности СССР» [533, с. 143].

Как было обосновано выше, политика определяется в качестве одной из «важнейших составных частей жизни общества и является сферой реализации социальных интересов различных субъектов (от личности и социальных групп до государства). В то же время, политика предстает как форма реализации этих интересов и потому для нее большое значение имеет процесс организации политической деятельности с тем, чтобы все связанное с политикой представлялось и выглядело в наилучшем виде (хотя бы внешне). Отсюда особая роль в политической сфере технологических процессов. Одной из основных целей политической технологии является обеспечение эффективности политической деятельности, функционирования и организации политической системы. В общем, суть сводится к тому, что от качества технологии, в данном случае, зависит эффективность политических связей между Украиной и Российской Федерацией, уровень их функциональной развитости и степень организации. Плохая или некачественная политическая технология приводит к нарушению взаимовыгодных связей, а то и к частичному разрыву в некоторых направлениях» [533, с. 144].

«Не стоит забывать и о другом предназначении политической технологии – формировании системы знаний о методах, способах и средствах осуществления политической деятельности. В этом случае отсутствие надлежащей информации

или некачественная ее интерпретация приводят к значительным политическим просчетам. Можно сказать больше: ложная информация, выдаваемая общественности политиками (то есть, сознательно лгущими), создает фиктивные символы, которые негативно влияют не только на политическую технологию, политические процессы и политику, но и на все аспекты жизни общества, в том числе, внешние связи» [533, с. 144].

Возможность и допустимость «рассматривать отношения Российской Федерации и Украины в рамках геополитических процессов вытекает в первую очередь из того, что и та, и другая были самыми крупными республиками Советского Союза, игравшего важную роль в геополитическом пространстве. (Кстати, этот факт также предполагает, что все республики бывшего СССР в той или иной степени включены в современные геополитические процессы). В то же время, геополитические процессы рассматриваются в качестве условий и фактора в контексте которых могут разворачиваться (или сворачиваться) российско-украинские связи» [533, с. 144].

Российско-украинские отношения за годы независимости обоих государств в постсоветский период достаточно глубоко и предметно исследованы с исторических и социально-экономических позиций [см.: 113, 145, 192, 205, 283, 332, 339, 378, 520, 524, 654]. Отсюда, отдельно их описывать нет необходимости, тем более, что подобный процесс более относится к исторической тематике. «Потому, лучше всего сосредоточить внимание на анализе технологии российско-украинских политических связей в целом» [533, с. 144].

«Первая проблема, которая здесь возникает – это причина разъединения двух частей органически связанного исторического социально-культурного пространства, двух отдельных республик (в редакции современного политического лексикона), которые последние триста лет только и говорили об исторической значимости воссоединения, осуществленного Богданом Хмельницким в 1654 году. Эта проблема для некоторых политиков, политологов и публицистов является кардинальной, но они, как правило, ограничиваются только интерпретацией данного события как положительного или

отрицательного. Одни говорят, что образование независимых Российской Федерации и Украины это большое историческое событие, которое необходимо для эффективного дальнейшего развития каждой из них. Другие считают, что разъединение сродни монголо-татарскому нашествию и несёт социальные бедствия для обоих народов. Есть и такие, которые вообще на этот исторический факт не обращают внимания и утверждают, что раз такое случилось, то никуда не денешься и политику требуется строить в соответствии с велениями текущего момента. Но даже последние признают, что выход РСФСР из состава СССР и провозглашение независимости Украины являются отправными точками развития принципиально новых связей между некогда братскими республиками единого Советского Союза. Однако, как видится и как происходит в условиях политической реальности, такие подходы к отмеченной проблеме имеют существенные недостатки, хотя в некоторых случаях их операциональная направленность и нацеленность на практически значимый результат вполне срабатывают и дают необходимую продуктивность» [533, с. 145].

«Памятуя о том, что любые процессы (также и политические), производимые человеком, имеют в своей основе определенную технологию, следует при оценке социального явления анализировать саму политическую деятельность, функционирование и организацию связей между элементами политического процесса, а не ограничиваться лишь интерпретацией события. Рассматривая с этой позиции образование независимых Российской Федерации и Украины, мы в состоянии обнаружить ряд удивительных парадоксов. Но, прежде хотелось бы еще раз отметить особое значение информации как необходимой компоненты политической технологии и продолжить анализ сложившейся ситуации с учетом информационного фактора» [533, с. 145].

«Образование современного украинского государства не явилось следствием системных изменений в обществе, требующих автономного и суверенного развития. Фактически Украина не достигла независимости, а получила ее в результате развала СССР. Этот факт вполне очевиден. Но гораздо интереснее другое. Реструктуризация Советского Союза, а, следовательно, и

образование всех новых государств на его территории, были следствием проигранной «холодной» войны, которую в течение сорока с лишним лет вели США и СССР. Эпитет «холодная» в этом случае можно безболезненно убрать, так как это была настоящая война технологий (политических, экономических, социальных), отличающаяся от традиционных войн лишь формой проведения. Многочисленные встречи во второй половине 80-х годов руководителя СССР (впоследствии Президента) М.С. Горбачева с Президентом США Р. Рейганом были фактически процессом капитуляции. Проигравшая и победившая стороны искали формы послевоенного устройства. Именно тогда СССР стал «сдавать» «социалистический лагерь». Следующим этапом стало «расползание» СССР» [533, с. 145-146]. Это в действительности.

После февраля 2014 г. ситуация в гуманитарной сфере отношений РФ и Украины стала катастрофической. Если до этого времени существовала ситуация (описанная примером выше) бюрократического произвола обеих частей или осколков общей культурно-цивилизационной матрицы, то после ситуация значительно ухудшилась – в Российской Федерации беженцы с антирусской и антироссийской Украины не могут получить даже вид на жительство и преследуются органами российской власти, а на Украине фактически утвердился оккупационный режим, препятствующий общению родственников и закрывающий гражданам РФ доступ на Украину. Всё это становится проявлением политического насилия в пространстве одной культурно-цивилизационной матрицы, политического искажения социокультурной и цивилизационной общности.

Отдельно следует рассмотреть место Крыма в структуре отношений Российской Федерации и Украины в постсоветский период. Большую часть этого времени Крым входил в состав Украины, как следствие его произвольной передачи в 1954 г. из состава РСФСР и соглашательской позиции администрации Президента Б.Н. Ельцина в 1991 г.

«Особый статус Крыма в составе Украины был обусловлен, прежде всего, внешними причинами. Формальное существование крымской автономии

сохранялось на протяжении 1991-2014 гг. во многом благодаря наличию ряда факторов, непосредственно производных от внешних условий. Мы можем их обозначить как факторы формальной автономизации Крыма» [533, с. 154]. (Хотя, нельзя не замечать и внутренней мотивации, связанной с проведением 20 января 1991 г. референдума в Крыму, включая г. Севастополь, по воссозданию Крымской АССР. Однако в период разложения СССР и образования независимого украинского государства эти результаты никак не повлияли на статус Крыма. Более того, уже с середины 1990-х годов внутренняя мотивация Крыма была, по сути, заглушена украинской государственной властью, а к 2014 г., в условиях фактического назначения Председателя Совета министров АРК из Киева, она вовсе угасла). Внешние факторы крымской автономии, возникшей ещё в формате СССР и сохраняющейся вплоть до марта 2014 года, при её так называемом украинском периоде, имеют, по сути, российские признаки, отличающиеся формами проявления. А украинские признаки являются, в лучшем случае, вторичными. Отсюда, обозначим их разными названиями: геополитический фактор (I) и российский фактор (II).

I. Крымская автономия – «это своеобразный компромисс между Российской Федерацией, с одной стороны, и НАТО, с другой. Здесь Украина предстает в качестве посредника, который получает больше всех. Что же получает Украина? Во-первых, свою специфическую роль в геополитическом регионе Причерноморья, в котором Крым занимает стратегически важное место. Во-вторых, держит территорию, значимость которой не только презентационная (официальные встречи в Крыму) и моральная (никому не отдадим ни клочка доставшейся нам земли), но и политико-экономическая» [533, с. 154].

«Геополитический фактор, обуславливающий крымскую автономию, «рождался» еще в период дезинтеграции Советского Союза. Уже тогда группы влияния в среде западных партнеров СССР активно вмешивались во внутривнутриполитические процессы нашей страны. Принцип нерушимости границ в послевоенном устройстве Европы был нарушен. И выразилось это не только объединением Германии, но и деформацией СССР, Югославии, Чехословакии.

Таким образом, пересмотр европейских границ происходил в пользу одной из сторон и это свидетельствовало также о расстановке «победители – побежденные», где СССР и страны Варшавского договора выступали в роли проигравших технологическую войну» [533, с. 154].

«В соответствии со сценарием, разработанным западными аналитическими центрами, в Крыму должна была быть создана крымско-татарская автономия. В этом случае создавалась реальная возможность установления каналов выхода на Крымский полуостров натовских структур посредством «углубленных» контактов крымско-татарской автономии с Турцией. Для таких планов имелись вполне обоснованные основания, исходя из того, что в конце 80-х – начале 90-х годов в СССР разрабатывалась концепция нового союзного договора, по которому не только возрастали права всех «традиционных» союзных республик, но и бывшие и новые автономии получали те же права» [533, с. 154].

«Несложно представить, что произошло бы в Крыму, если сценарий по созданию здесь крымско-татарской автономии был бы реализован в период существования СССР. Крымская (в таком случае татарская) республика провозгласила независимость, апеллируя к эпохе существования ханства, русским предложено либо уезжать в Российскую Федерацию, либо становиться «подданными» нового государства и новой идеологии. Вероятно, что в Крыму это создало бы площадку для конфликта» [533, с. 154-155], сравнимого с абхазским и карабахским.

«Потому в той ситуации реанимация Крымской АССР была результатом компромисса между теми, кто хотел устроить в Крыму крымско-татарскую государственность, действуя в направлении деформации СССР (то есть, говоря символически, в пользу НАТО), с одной стороны, и теми, кто стремился сохранить целостность страны и спокойствие в Крыму (реально мыслящие политики СССР), с другой стороны. Применительно к стратегическим целям НАТО, можно сказать, что в этом компромиссе со стороны Запада была сделана уступка. Однако, спустя всего три года после провозглашения Крымской АССР (впоследствии – Республика Крым) эта уступка была с лихвой компенсирована. –

Крымская автономия, начиная с ликвидации президентства Ю.А. Мешкова, стала более проукраинской, а значит, с учетом политических реалий, пронатовской, нежели прокрымской; а по сути дела была сведена на «нет»» [533, с. 155].

II. За рассматриваемый период российский фактор не был достаточно эффективным, но именно благодаря нему Крым сохранял автономный статус, хотя бы по формальным признакам. Несколько парадоксальная ситуация объясняется тем, что абсолютное большинство крымчан оставались в российском социокультурном пространстве и даже слабое политическое присутствие государственных инстанций РФ создавало своеобразный кумулятивный эффект. «Слабость российского фактора объясняется слабостью самого российского государства, пережившего поражение в войне технологий. В силу этого Российская Федерация, за исключением единичных государственных структур, устранилась от активной работы в Крыму и среди крымского населения. Руководство Федерации, по тем же причинам, фактически придерживалось позиции инородного государства по отношению к Крыму, проводило политику в соответствии с тезисом о внеисторичности и внетерриториальности Крыма в соотнесении с исторической Россией» [533, с. 155].

«Тем не менее, Россия, как великая страна, даже в эпоху своих не лучших времен и даже при инертности своего государственного руководства, даже в последнем десятилетии XX в., не могла быть безразличной к региону, который органично и естественно вплетен в контекст российской истории. Эти качества России, как функционирующей социокультурной системы, позволяли реализовываться российскому фактору в отношении к Крыму» [533, с. 155].

«Объективно Россия, как никто другой, была заинтересована в сохранении крымской автономии по территориальному, а не этническому признаку. Ставка на этническую государственность неприемлема по целому ряду причин. Во-первых, в Крыму нет этноса, который бы убедительно смог доказать свой «коренной статус»; аргументировать историческими и культурно-идеологическими данными «корни» своего этноса в Крыму. Во-вторых, к этнической государственности в Крыму стремятся только крымские татары, а это означает, что поддерживать

этническую автономию – следовательно, поддерживать только одну, причем не самую численную, этническую группу в Крыму. В-третьих, было бы верхом неразумности поддерживать стремление к этнической автономии, зная, что к ней стремится этническое сообщество, руководство которого культивирует антироссийские настроения. (Парадоксально, но факт, что крымские татары, сохранившие этноним и этническую идентификацию в составе Российского государства и утратившие их на территории Турции, провозглашаются своим «представительным органом» жертвами российской политики, а Турция представляется в качестве «радетельницы и защитницы»)» [533, с. 156].

«Такой уровень российской заинтересованности в территориальной крымской автономии позволял удерживать баланс сил в Крыму в исследуемый период украинского администрирования. Но, уже тогда, особенно с середины первого десятилетия XXI ст., возникали опасения, что если эта объективная заинтересованность, идущая из глубин российской истории и подкрепляемая системными признаками российского социокультурного образования, не будет обеспечиваться должным образом институциональными усилиями российских государственных структур (недостаточность которых и даже нежелание чётко фиксировалось), то для социального спокойствия в Крыму возникнет реальная угроза. Это произойдет вследствие того, что без организационных функций, которые призвано выполнять государство, никакое естественное движение социальной системы невозможно» [533, с. 156].

В конце украинского периода современной крымской истории, отмеченные прогностические оценки со всей очевидностью обнаружили себя в реальном политическом процессе. – «К концу февраля 2014 г. крымская власть, прежде всего, исполнительная, оказалась недееспособной в условиях государственного переворота на Украине, крымско-татарский «меджлис» (который, надо сказать, тогда поддерживало большинство этнической группы) провоцировал внутренний межэтнический конфликт, русскокультурное большинство ясно обозначило пророссийский вектор (хотя и было слабо организовано, но быстро самомобилизовывалось). При отстранённости государственных инстанций

Российской Федерации от сложившейся ситуации, вооружённый гражданский конфликт становился практически неизбежным. И в этом конфликте явно пострадавшей стороной становились бы крымские татары, которых «меджлис» противопоставлял большинству крымчан, так как предел мобилизационного напряжения крымских татар не превышал начальную фазу мобилизационной активности русскокультурного сообщества в Крыму» [510, с. 186-187].

Безусловно, после 24 февраля 2022 года состояние внешних политических отношений между Российской Федерацией и Украиной кардинально изменились, даже если сравнивать их с предшествовавшим периодом – от марта-апреля 2014 г. Соответственно, в значительной степени изменилось и эмоциональное восприятие друг друга российским и украинским обществами, которое имеет корреляцию с установками политического поведения. При этом произошедшие изменения в основе своей имеют не только обострившееся геополитическое противоборство, но и глубокие культурно-цивилизационные противоречия России и Запада (Евроатлантики). А Украина предстаёт как поле разрешения этого противоборства.

«21 февраля 2022 год состоялось весьма знаменательное Заседание Совета Безопасности Российской Федерации. Собственно говоря, с него начался отсчёт не просто операции по нейтрализации антироссийского украинского проекта, но, по сути, нового мироустройства. Мироустройства, которое было подорвано с 90-х годов прошлого века разрушением США и их подручными по НАТО Ялтинских 1945 года и Хельсинкских 1975 года договорённостей. И это разрушение однозначно вело Россию к состоянию геополитической десубъектности, превращению в очередного сателлита евроатлантического сообщества во главе с США. В целом, отмеченное Заседание показало, что современное государственное руководство Российской Федерации не намерено терпеть такое развитие событий и готово к жёсткому ответу посягательствам со стороны Запада, осуществляемым, в конкретном случае с оккупацией Донбасса, его украинскими приспешниками» [526].

«Вполне очевидными к настоящему времени стали русофобский и антироссийский характер самого украинского проекта и прямая опасность для Русского Мира, которая исходит от него, особенно на территории нынешней Украины. Более того, эта очевидность обнаружила себя так же явственно в марте-апреле 2014 года и уже тогда необходимо было ставить вопрос о признании права, как минимум, граждан Новороссии на собственный выбор государственного устройства в связи с государственным переворотом на Украине, совершённым 22 февраля 2014 года. Тогда и правовых оснований было больше, и условия были гораздо благоприятнее для нейтрализации антироссийского и русофобского украинского проекта» [526].

«В общем, решения, принятые на Заседании Совета безопасности по признанию Луганской и Донецкой Народных Республик 21 февраля и озвученные Президентом Российской Федерации 24 февраля 2022 г. о подавлении военной угрозы, исходящей из Украины – правильные. Хотя и принятые со значительной отсрочкой. Но это лучше, чем вовсе их отсутствие. В то же время, воплощения этих решений может быть существенно отягощено наличествующей отсрочкой. Не говоря уже о понесённых невозвратных потерях за прошедшие восемь лет» [526].

Исходя из того, что территория, занимаемая ныне Украиной, по своим социогенетическим и историко-культурным признакам является частью российского социокультурного пространства, отторгнутого и противопоставленного Русскому Миру по политическим мотивам и при активном внешнем влиянии иноцивилизационных сил, противостоящих Российской цивилизации, именно Российской Федерации, как правопреемнице СССР и исторической России необходимо будет решать судьбу этой территории. «Решать должна Россия не столько потому, что она становится очевидным победителем в борьбе с антироссийским украинским нацистским проектом, а, прежде всего, по причине социо-природного, органического включения всего нынешнего украинского края в историческое российское социокультурное и цивилизационное пространство. Причём, если не повторять существенные

предыдущие ошибки, если не прельщаться сиюминутной выгодой, которая, как правило, потом выходит боком, если не идти на поводу у беспринципного и жлобского по своей сути олигархического правящего класса, а руководствоваться запросами страны и общества, социокультурными ценностями и цивилизационными интересами, то, безусловно, такого хоронима как «Украина» быть не должно. В крайнем случае, Россия не должна способствовать воспроизводству этого хоронима» [499].

«И всё дело не в каком-то презрении и враждебности к самому явлению Украины и тем более к украинцам. В русском лингво-культурном контексте определения «Украина» и «украинец» существуют давно, ещё задолго до того, как топоним «Украина» стал применяться к южнорусским землям с конца XVIII в. — Заокской Украиной называли пограничные земли Рязанского и Московского княжеств уже во второй половине XIII столетия, а бойцов здешних сторожевых отрядов именовали украинцами, т.е. пограничниками — стоящими на краю государства» [499].

«Проблема в другом, Украина как не просто отличный от России проект, а изначально антагонистичный ей, формировался имперской канцелярией Австро-Венгрии и исполнялся польскими чиновниками Галицкой Руси с середины XIX в. с целью противопоставить её (Украину) русофильскому движению в Карпатской Руси, в частности Головной (Главной) Русской Раде, созданной во Львове в 1848 г. (Кстати, эта Рада вполне могла бы стать основой для формирования русского правительства Карпатской Руси в 1849 году, когда Русская армия под командованием князя И.Ф. Паскевича заняла эти исторические русские земли. Однако, русофобская и тщедушная позиция царя Николая I помешала этому)» [499].

«Да и украинцы, как этноконструкт, появились с одной основной целью — обеспечить искоренение русскости в Карпатско-Волынском крае. Украинцы производились (если это вообще можно назвать производством) для того, чтобы разорвать любые связи и прежде всего культурные с Большой Россией. Отсюда упор на то, чтобы показать, что украинцы это, прежде всего, не-русские, о чём

недвусмысленно было заявлено 25 ноября 1890 года на заседании Галицкого сейма во Львове двумя его депутатами Юлианом Романчуком (кстати, входившим вначале в депутатскую группу «Русский клуб») и Анатолием Вахняниным [466]. С этой даты, собственно говоря, и начинается реальная история украинства, ибо до 1890 года «украинец» как этноним не применялся. Историческими фактами вполне обосновано, что и Украина, как политический антироссийский проект, и украинцы, как русофобский этноконструкт, образовывались и использовались цивилизационными врагами России из структуры Евроатлантической цивилизации – Австро-Венгерской и Германской Империями, нацистской Германией, Британией и США. Вот этот очевидный факт необходимо держать в основе всех политических решений, принимаемых на украинском направлении. И делать всё для того, чтобы помочь украинцам вернуть их русское имя. И в этом плане, конечно же, рассматривать устройство территории после завершения операции по денацификации Украины» [499].

«В начале октября 2014 года несколько уважаемых изданий опубликовали мою статью под названием «Украина: гражданская война или интервенция?», в которой, в частности, отмечалось: «Проделанный анализ позволяет также отметить, что остановить развязанную Украиной агрессию на Донбассе возможно будет не изгнанием агрессора с территории Донецкой и Луганской народных республик и даже не освобождением Новороссии. Устранить угрозу можно будет только искоренением украинского проекта, демонтажем государства Украина, которое всё своё предназначение видит лишь в том, чтобы быть не Россией и в этом стремлении всегда будет оставаться враждебной России. Развязанная Украиной агрессия на Донбассе даёт возможность довести это дело до логического конца. Как довели своё дело до конца русские солдаты в 1814 г., вступив в Париж, и в 1945, взяв Рейхстаг в Берлине» [527]» [499].

«Цитата приводится, чтобы показать, что проблема с Украиной не является спонтанным решением В.В. Путина, принятым скоропалительно. Ну, и, естественно, хотелось бы обратить внимание на то, что теоретико-аналитические

разработки создаются не для того, чтобы потешиться, а в ряде случаев весьма необходимы в плане принятия оперативных практических решений» [499].

Уже весной 2022 года, спустя месяц после начала специальной военной операции Вооружённых сил Российской Федерации по демилитаризации и денацификации Украины стала понятна необходимость её проведения. Отсюда, «следует особо остановиться на значимости выработки и утверждения в общественном сознании и публичном пространстве, международном в том числе, критериев и принципов обустройства постукраинской территории. Обустройства, в данном случае, не столько в плане административно-государственного устройства, сколько установления принципов, норм, правил и установок социально жизни. И в этом плане проблема денацификации является наиболее важной и значимой. К сожалению, кроме совершенно точной и высоко потребной формулировки этой цели Президентом РФ В.В. Путиным, ничего развёрнутого и внятного от государственных институтов Российской Федерации, отвечающих за организацию социальных коммуникаций, по прошествии полугода так и не было создано» [504].

«Стоит напомнить, что денацификация проводилась в германском и австрийском обществах начиная с 9 мая 1945 года и предполагает комплекс мероприятий, направленных на очищение общества в целом, его культуры, прессы, экономики, образования, юриспруденции и политики от влияния нацистской идеологии. Использование этого определения В.В. Путиным является абсолютно точным, т.к. связи укронацистов с идеологией германского нацизма более чем очевидны» [504].

«К тому же, ситуация на Украине отягощена ещё и тем, что идея украинства сама по себе несёт этническую агрессию, ибо направлена, прежде всего, против русской культуры и русских как цивилизационной нации (объединяющей в себе все этнические группы, развивающиеся и существующие в пространстве исторической России). И вот эта этническая агрессия украинства, превращающаяся в банальное психическое расстройство, помешанная на нацистской идеологии, становится угрозой и для окружающих, и для самого

общества, которое пока привычно именуют украинским. Украинство без смирительной рубашки и врача-психиатра быстро превращается в буйное помешательство, становясь укронацизмом» [504].

«Отсюда, нельзя говорить сейчас, во время операции по денацификации, об украинских националистах и национальных батальонах. Это эвфемизм. Надо говорить о борьбе с укронацизмом. Что есть точным отражением и выражением всей серьёзности борьбы. Причём нацистским является сам украинский политический режим, в том числе вооружённые силы укросвидомитского государства, а не только батальоны «Азов», «Айдар», «Торнадо» и т.п. Сам политический режим, значит и его формальное олицетворение – президент. (Которого, почему-то, не желает свергать МИД РФ, о чём заявила 17 марта его представительница М.В. Захарова [310]). Именно такой подход соответствует самой сути операции по денацификации Украины. Отметим, денацификации, и не денационализации» [504].

«Хотя, кризисная обстановка порождает и обратные явления – выздоровление от украинской болезни и возвращение себе русского имени. Сотни тысяч, а то и миллионы людей Донбасса, Новороссии, Малоруссии, Карпаторуссии есть и будут тому подтверждением. В этом, кстати, залог успешного преодоления болезни украинства» [504].

«Если мы признаём, что русские и украинцы (в современной редакции их обозначения), а на самом деле – великорусы и малорусы (или югорусы с русинами), один народ, то и тему денацификации следует определять не как сохранение украинской государственности, т.е. сохранение русофобского и антироссийского украинского проекта, а как воссоединение территорий одного народа, пусть и в формате союзного государства, образуемого из нынешних Российской Федерации, Белоруссии, ДНР, ЛНР, Новороссии, Югорусии и Карпаторуссии. Но, основным и главным здесь должно быть именно воссоединение земель по сходству, но не по образному подобию, с Воссоединением Руси в 1654 году» [504].

«Смысл состоит в том, что Украина и украинство в любых формах

неизбежно будут приводить к тому состоянию нацификации, которое мы сегодня наблюдаем и против которого – агрессивного, русофобского и антироссийского – сейчас проводится специальная операция по демилитаризации и денацификации» [504]. В определённой степени как альтернативный вариант приведённому примеру с Украиной, можно рассматривать политическое взаимодействие Белоруссии с геополитическим ядром в лице Российской Федерации, которая сохранила ориентацию на культурно-цивилизационную матрицу. При этом сама Белоруссия по ряду признаков и параметров в большей степени даже чем Российская Федерация ориентируется на историческую культурно-цивилизационную конструкцию, которая реализовывалась в формате Российской Империи и особенно Советского Союза. В значительной степени с этим связано то, что эффективность белорусской политики в социально-экономической сфере, включая социальную защиту граждан, намного выше, чем у Российской Федерации и, тем более, Украины.

Необходимо отметить, что акценты на повседневную жизнь и социальные переживания в процессе изучения состояния постсоветского общества в контексте геополитических процессов вовсе не должны восприниматься как отклонение в сторону повествовательно-публицистического изложения. Такой стиль изложения проблемы избран для того, чтобы а) показать глубинную связь повседневности с глобальными цивилизационными и геополитическими явлениями, б) отметить глубокие социокультурные связи обществ современных Украины и Российской Федерации, которые проявляются в схожих повседневных социальных ситуациях, которые больше всего свидетельствуют о культурно-цивилизационной общности, в) обосновать, что единственный способ решения социальных проблем, общих для Украины и Российской Федерации, состоит в поиске ответов в рамках своей культурно-цивилизационной матрицы, а отсюда выстраивать общую геополитическую субъектность и г) обозначить возможность выхода теоретических геополитических рассуждений на проблемы социальной практики. Такой подход позволяет, по сути, показать как и каким образом «высокие» геополитические отношения сказываются на повседневной жизни людей, с одной

стороны, и, с другой стороны, подчеркнуть, что профанные восприятия и оценки, в том числе украинства как способа этнокультурной самоидентификации, оказывают существенное влияние на геополитическое устройство мира и позиции основных геополитических акторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы, которые были получены в настоящем исследовании, включают в себя следующие взаимосвязанные положения:

1. Человек реализует свои сущностные силы в процессе деятельности в окружающем пространстве, взаимодействуя с другими субъектами деятельности и создавая в этом процессе разнообразные конструкции своего бытия. Деятельность множества первичных социальных субъектов (личностей) мотивирует установление между ними социальных связей и различных форм взаимодействия, направленных на достижение целей и реализацию задач, связанных с обеспечением человеческого существования. В результате формируется система социального взаимодействия, обеспечивающая возникновение и существование общества. Деятельностные качества являются непременным атрибутом человека и общества.

2. Деятельность социальной системы разворачивается в естественно-природной среде, которая предъявляет определённые требования к характеру деятельности и влияет на способы деятельностного воздействия человека на природные процессы, свойственные для данной среды. Человек, обретая условия природной среды как естественные, включаясь в природные процессы посредством своей деятельности, изменяет и формирует условия своего существования в природе.

3. Само воздействие человека на природное пространство приводит к его окультуриванию, когда культура понимается в широком смысле как «результат, условия и способы человеческой деятельности» [533, с. 262] – духовной и материальной. Состояние естественной природной среды задаёт определённый уровень, формы и приёмы её освоения, окультуривания. Потому способы культурного освоения естественно-природной среды оказываются производными от её состояния.

4. Усложнение, в плане обеспечения существования человека, условий естественной природной среды повышает требования к качеству социальной деятельности, её культурной наполненности, то есть ведёт к совершенствованию самой социальной деятельности, культурного комплекса общества, социального взаимодействия, системы социальных отношений, социальной структуры общества. Осваивая новые естественно-природные пространства, более трудоёмкие в освоении, по сравнению с предыдущими, общество создаёт более сложные и совершенные культурные комплексы.

5. «Во всемирной истории чётко прослеживается процесс распространения ойкумены (освоенного и осваиваемого природного пространства человеком) от менее трудоёмких ареалов, обеспечивающих условия социального существования, к более сложным в этом плане природно-географическим пространствам. Этот процесс социально-исторического продвижения по пространству планеты имеет свои узловые пункты, которые характеризуются, прежде всего, специфическими культурными комплексами. Собственно, освоение человеком природного пространства означает его окультуривание. Причём окультуриванию подвергается, прежде всего, само общество, строящееся на основе социальной деятельности» [533, с. 263].

6. «Процесс окультуривания природно-географического пространства выстраивает ось Мировой культуры, узловые пункты которой предстают как очаги формирования эпохальных культурных комплексов, знаменующих собой глобальные этапы исторического существования общества. В этом смысле, глобальные этапы исторического существования социума и очаги оси Мировой культуры совпадают. Выделяются эпохально значимые очаги оси Мировой культуры: Древнеегипетский – Древнемесопотамский – Древнеиндский – Древнекитайский – Майя; Древнегреческий – Древнеримский – Византийский (или Северосредиземноморский); Евroatлантический (Европейский и Североамериканский)» [533, с. 263].

7. «Таким образом фиксируется продвижение очагов глобальных исторических культурных комплексов с юга на север планеты. Что даёт

основания предполагать возникновение следующего очага оси Мировой культуры на север от евроатлантического, на территории Урала и Южной Сибири – российского. Каждое новое природное пространство, как среда с соответствующими условиями существования человеческого общества, от Африки до Северной Европы, требует от человека все более сложных технологий освоения природных процессов, служащих источником и условиями социального существования. Социально-исторический процесс развития человека показывает, что каждая ступень освоения экологического (окружающего природного) пространства предполагает создание новых более совершенных способов воздействия на это пространство. Не только социальное производство (духовное и материальное), но и вся система социальной жизни становятся с каждым уровнем, на каждом новом очаге оси Мировой культуры более информационно насыщенными и энергоёмкими. Мотиватором культурного прогресса, влекущего за собой совершенствование всех сфер общественной жизни, становится востребованность новых знаний и информации, необходимых для освоения изменяющихся (новых) природных условий существования общества. Необходимость обустройства человеком новых географических территорий требует от него новых культурных технологий, с помощью которых создаётся социокультурное пространство. Возникновение нового очага оси Мировой культуры непосредственно связано с переходом человека к таким условиям экологической (окружающей) среды, которые стимулируют культурные достижения и цивилизационное совершенство» [533, с. 263-264].

8. «Сложные культурные комплексы, возникающие в процессе разнообразной социальной деятельности, требуют упорядоченности результатов этой деятельности, к которым следует отнести всё, появляющееся в процессе духовного и материального производства, во всех сферах общественной жизни – социально-организационной, духовно-преобразовательной, экономической, политической, религиозной и тому подобных. Возникает проблема оформления и упорядочивания культурных ценностей общества с помощью норм, правил, стандартов, учреждений и механизмов. Эта проблема решается благодаря

формированию в социуме цивилизационных конструкций, которые артикулируют культурные потребности, социокультурные интересы и институционализируют социальную систему. Цивилизация предстаёт как выстраивание глобального пространства на основе упорядочивания и стандартизированного оформления существующих в его рамках сложившихся культурных комплексов и социокультурных систем. Следовательно, цивилизация оказывается сопряжённой культурному комплексу общества» [533, с. 264].

9. «Определяющий выход на геополитические процессы и, в конечном итоге, геополитическое устройство мира (в масштабе глобального региона или на планетарном уровне) развитых культурных комплексов, устойчивых и продвинутых социокультурных систем, порождающих доминирующие цивилизационные типы и модели, осуществляемый посредством возникающих на их основе государственных образований, проистекает из самой природы культуры, которая императивно утверждает свои способы и результаты (продукты культуры) в пространстве функционирования общества. Развитая социокультурная система стремится осваивать новые пространства, утверждая в нём свои способы социальной деятельности. Цивилизационные конструкции в виде типов или моделей, возникающие как оформление достижений культурного комплекса, становятся доминирующими в географических пространствах, куда распространяются социокультурные интересы социума» [533, с. 265].

10. «Исходя из социокультурной детерминации образования цивилизационных конструкций и моделей, на платформе очагов оси Мировой культуры формируются глобально-исторические статусные цивилизации, которые институционально и нормативно обустривают окультуренное пространство существования социума. Вследствие этого, такие цивилизационные типы соответствуют отмеченным очагам оси Мировой культуры – Первородные или Древние цивилизации, Северосредиземноморские цивилизации (Греческая, Римская, Византийская), Евроатлантическая цивилизация. С учётом перспектив формирования нового очага оси Мировой культуры, в этом перечне мировых цивилизаций за евроатлантическим следует российский цивилизационный тип,

который может быть представлен в формате одной геолокальной цивилизации. Таким образом, выстраивается историческая ось Мировой культуры, обеспечивающая цивилизационное развитие, у которой начальной точкой становятся Египетская, Месопотамская, Индская, Китайская, Майя цивилизации (Первородные или Древние), а завершающей (в ближней исторической перспективе) – Российская цивилизация» [533, с. 265].

11. «Последовательная смена культурно-цивилизационных центров, возникающих на территории определённых очагов оси Мировой культуры, детерминирует перемещение центров геополитического влияния на уровне глобальных географических регионов и в планетарном масштабе. Усилия в цивилизационном строительстве, определяемые формированием социокультурного пространства социума в связи с деятельностным окультуриванием среды социального существования, стимулируют геополитическую активность и создают собственно геополитические процессы» [533, с. 265].

12. Формирование геополитического центра происходит вследствие культурно-цивилизационного развития и обретает силу и значение благодаря, прежде всего, использованию передовых цивилизационных технологий. Геополитический центр образуется на платформе цивилизационной модели, господствующей или имеющей интенции к господству. По сути дела, геополитические центры выступают в качестве орудий межцивилизационных противоречий и борьбы между различными цивилизационными системами.

13. В результате проведённого исследования было доказано, что во всемирной истории формируется два типа цивилизаций: дисперсный и интегративный. В дисперсной цивилизационной конструкции возникает множество государственных образований, некоторые из которых периодически претендуют на статус доминаторов, что ведёт к череде сменяющихся геополитических центров, образуемых теми или иными государствами – например, Вавилоном, либо Ассирией в Месопотамской цивилизации, Францией, либо США в Евроатлантической цивилизации. А в интегративной цивилизации,

такой как Китайская или Российская, само государство-цивилизация становится геополитическим центром.

14. «Государство, как один из важнейших цивилизационных институтов, выполняет культурно-цивилизационную миссию и, действуя в масштабах глобальных географических пространств, реализует интересы своей социокультурной системы и своей цивилизационной модели. Вследствие этого любые геополитические изменения и устройства всегда сопряжены с состоянием культурно-цивилизационных центров – устойчивых, развивающихся, формирующихся, претендующих на статусность» [533, с. 265-266].

На основе достигнутых результатов исследования и сформулированной концепции культурно-цивилизационного развития, определяющего геополитическое устройство мира, возникают рекомендации, которые могут быть воплощены в практике функционирования российского государства. Такие рекомендации следует представить в общем виде и в виде конкретных предложений.

Общая, генеральная, рекомендация сводится к необходимости утверждения государственной идеологии для России, которая будет строиться исходя из определения функций, роли и места России в сложившемся и развивающемся мироустройстве. Само исследование и полученные выводы свидетельствуют и обосновывают особую миссию России в процессе исторического культурно-цивилизационного развития. С учётом этого, государственная идеология должна быть артикулирована в общественном сознании и политическом поле страны как базовая, если угодно – определяющая процесс социального, включая государственное, строительства. Представленная в исследовании модель культурно-цивилизационного развития исторической России, включающая в себя провизантийский, проевропейский и прокоммунистический (как вариация проевропейского) этапы, указывает на необходимость обозначения в качестве стержня государственной идеологии России идеи справедливости. В отличие от идеи свободы, лежащей в основе западной идеологии (идеологии Евроатлантики) и формализованной в (гео)политической концепции либеральной демократии,

идея справедливости не позволяет сильным диктовать свои правила для остального мира.

В плане практического воплощения идеологию необходимо институционализировать в государственной системе в форматах министерств, комитетов, центров, фондов, программных проектов и других учреждений. Безусловно, процесс институционализации может быть осуществлён лишь после того, как будет создана идеологическая доктрина.

1) В сложившейся политической системе нынешней Российской Федерации нет чётко и предметно обозначенного ведомства, которое решало бы идеологические вопросы. Некоторые подходы к идеологической проблематике в структуре Правительства Российской Федерации можно было бы обнаружить в министерствах науки и высшего образования и культуры. Однако они заняты коммерциализацией образования и культуры, разными проектами по разрушению, например, системы образования, потому, если они и работают по идеологическим установкам, то явно не российского происхождения. Некоторые предпосылки идеологической работы обнаруживаются в Администрации Президента России. Ознакомившись с функциями руководства Администрации, видим, что проблемы политической организации, социального взаимодействия, администрирования лежат в сфере компетенции первого заместителя руководителя, а темы пропаганды и масс-медийной коммуникации разрабатываются другим первым заместителем. Естественно, сферы деятельности своих первых заместителей контролируются руководителем Администрации. Однако, качество их работы оставляет желать лучшего, что видно по идеологическим блужданиям от либеральных установок к коммунистической символике. Следовательно, идеологический институт в системе государственного управления России должен быть создан. В рамках СССР функции идеологического института выполняла КПСС, то теперь, это может быть отдельный институт, непосредственно исходящий и выходящий от институтов Президента и Федерального Собрания.

2) Наряду с государственным идеологическим институтом целесообразно создать научный институт по изучению проблем Российской цивилизации. В

рамках такого института будут исследоваться не только проблемы исторического формирования и развития Российской цивилизации, но и геополитические составляющие её функционирования. Особое внимание в деятельности такого института следует уделить изучению научного наследия отечественных учёных, обосновавших особость и самостоятельность Российской цивилизации – Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, П.Н. Савицкого и других представителей евразийства. Непременной сферой работы этого института станет разработка идеологических концептов, создающих образ будущего для России и всего мира.

3) Образование некоммерческого института (с правительственным участием) для продвижения, распространения и внедрения идеологических ценностей России, исходящих из устоев Российской цивилизации. В настоящее время таких институтов в Российской Федерации практически не существует, если не считать Фонд «Русский мир», деятельность которого вряд ли можно назвать эффективной в отмеченном направлении, так как сводится всего лишь к популяризации русского языка [420].

«Сведение проблемы Русского Мира к русскоязычию во многом является следствием так называемого операционистского метода анализа и оценки ситуации. Этот метод активно используется в американской социальной науке (социология, политология, культурология), а его методологической базой является американская философия прагматизма (Ч. Пирс, Дж. Дьюи, У. Джемс). Операционизм темы, в данном случае, заключается в том, что используются удобные (для акторов процесса) конструкции, когда не надо (или даже нельзя) вникать в содержание, а делать ставку на язык общения, упуская мировоззренческие позиции, весь культурный комплекс. Допустим, «русскоязычный мир» строится на примере организации франкофонии, куда входят, наряду с реально франкоговорящими странами, Албания, Румыния, Македония, Болгария, Молдавия. На правах ассоциативного члена Армения, а Украина, Латвия, Литва и Эстония являются наблюдателями. Применительно к Русскому Миру такая «русскоязычная модель» приводит всего лишь к

безыдейному межкультурному общению. Что само по себе и неплохо, но уводит нас от главного – собирания осколков поликультурного, полиэтнического и поликонфессионального Русского Мира в рамках общего социокультурного и цивилизационного пространства с перспективой восстановления и дальнейшего развития цивилизационной нации, русской или российской, как будет угодно» [535, с. 291-292].

Отсюда вытекает гораздо более опасный недостаток такого рода деятельности, если не сказать, угроза – использование технологии дисперсности (разорванности) Русского Мира, что ведёт к консервации возникшей после 1991 г. раздробленности. В качестве рабочей схемы применяется модель сетевой структуры, которая, по определению, является одним из способов социально-политической децентрализации. В экономике это может быть и неплохо. Но и там диверсификация управленческих процедур не исключает и, даже, требует наличие определенного координирующего центра. В социальной системе принцип организации по модели сетевой структуры более подходит гражданскому обществу¹⁰, нежели экономическому. В политике сетевая структура неэффективна, более того, зачастую она является порождением диверсии, как внутренней, так и внешней. Особо опасна сетевая структура для так называемого транзитного или переходного общества, т.е. общества, реконструирующего или переформатирующего модель своего социального устройства. Для цивилизационной системы, каковой является Российская цивилизация (Русский Мир), сетевая структура может использоваться весьма умело и деликатно, применительно к различным культурным программам, но не к системе в целом. Самое пагубное, что сетевые технологии внедряются в содержания соответствующих решений, принимаемых государственными органами Российской Федерации, в т.ч. в отношении соотечественников, каковыми, по сути, являются все бывшие граждане СССР и их потомки.

4) Разработка и реализация концепции масс-медийной поддержки продвижения смыслов Российской цивилизации в общественное пространство и

¹⁰ Что, собственно, и было показано Ю. Хабермасом [см. 553].

идеологического закрепление геополитического статуса России как сверхдержавы современного мира в общественном сознании. В этой сфере целесообразно артикулировать следующие позиции: а) цивилизационное единство всего постсоветского пространства, б) социокультурные основания цивилизационного пространства исторической России, в) необходимость политического оформления цивилизационного пространства, г) обретение геополитической субъектности всеми частями (постсоветских регионов, республик, государств) объединённого цивилизационного пространства в формате единого государства, вместо состояния политических сателлитов, государств с ограниченным и негативным суверенитетом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1939 год: Уроки истории [Электронный ресурс] // АН СССР. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. О.А. Ржешевский. – М.: Мысль, 1990. – 508 с. – URL: http://militera.lib.ru/research/1939_uroki_istorii/index.html (дата обращения: 24.06.2018).
2. Алексеева, И.В., Зеленов, Е.И., Якунин, В.И. Геополитика в России: Между Востоком и Западом / И.В. Алексеева, Е.И. Зеленов, В.И. Якунин. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 304 с.
3. Алексеев, В. Катастрофа отчего дома: о глобальных проблемах человечества / В. Алексеев // Сибирские огни. – 1994. – № 1/2. – С. 128-137.
4. Алексеев, В.П. Становление человечества / В.П. Алексеев. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
5. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс] / Пер. с англ. / Г. Алмонд, С. Верба // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 17.07.2014).
6. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах / Пер. с англ. / Г. Алмонд, С. Верба. – М.: ЛитРес, 2020. – 502 с.
7. Анализ немарксистских концепций цивилизации / Под ред. Л.И. Новиковой. – М.: ИФАН СССР, 1987. – 37 с.
8. Андреев, И.Л. Происхождение человека и общества / И.Л. Андреев. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
9. Андреев, Ю.В. Архаическая Спарта: культура и политика / Ю.В. Андреев // Вестник древней истории. – 1987. – N 4. – С. 70-85.
10. Андропов, Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы

социалистического строительства в СССР / Ю. В. Андропов. – М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1983. – 32 с.

11. Араб-Оглы, Э.А. Обозримое будущее. Социальные последствия НТР: год 2000 / Э.А. Араб-Оглы. – М.: Мысль, 1986. – 205 с.

12. Арон, Р. Мнимый марксизм / Пер. с англ. / Р. Арон. – М.: Прогресс, 1993. – 384 с.

13. Бабурин, С.Н. Возвращение русского консерватизма / С.Н. Бабурин // Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 832 с.

14. Бабурин, С.Н. Геополитика современного русского консерватизма / С.Н. Бабурин. – М., 2012. – 128 с.

15. Бабурин, С.Н., Мунтян, М.А., Урсул, А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития / С.Н. Бабурин, М.А. Мунтян, А.Д. Урсул. – М.: Магистр, ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

16. Бабурин, С.Н. К единому государству: о создании российско-белорусского Союзного государства / С.Н. Бабурин // Под ред. Г.В. Осипова и С.Н. Бабурина. – М.: Радон-пресс, 2001. – 360 с.

17. Бабурин, С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С.Н. Бабурин. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. – 829 с.

18. Бабурин, С.Н. Мир империй: Территория государства и мировой порядок / С.Н. Бабурин. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 769 с.

19. Бабурин, С.Н. Новая русская империя / С.Н. Бабурин. – М., 2013. – 240 с.

20. Бабурин, С.Н. Российский Путь: накануне выбора / С.Н. Бабурин. – М.: Издательство научно-образовательной литературы РЭА, 1999. – 544 с.

21. Бабурин, С.Н. Российский путь: Становление российской геополитики кануна XXI века: статьи, выступления, интервью 1990-1995 гг. / С.Н. Бабурин – М.: АНКО, 1995. – 224с.

22. Бабурин, С.Н. Российский Путь: утраты и обретения / С.Н. Бабурин. – М.: «Новатор», 1997. – 460 с.

23. Бабурин, С.Н. Русская государственность и Российское государство в системе ценностей и интересов современной политики, международного и конституционного права: монография / С.Н. Бабурин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 203 с.

24. Бабурин, С.Н. Современный русский консерватизм: Борьба за государство и Русскую идею: научные труды / С.Н. Бабурин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 527 с.

25. Багров, Н.В. Региональная геополитика устойчивого развития / Н.В. Багров. – Киев: Лыбедь, 2002. – 256 с.

26. Базалук, О.А. Мироздание: живая и разумная материя (историко-философский и естественнонаучный анализ в свете новой космологической концепции): Монография / О.А. Базалук. – Днепропетровск: Порги, 2005. – 412 с.

27. Байлук, В.В. Социальный детерминизм: категориальный анализ / В.В. Байлук. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – 286 с.

28. Баландин, Р.К., Бондарев, Л.Г. Природа и цивилизация / Р.К. Баландин, Л.Г. Бондарев. – М.: Мысль, 1988. – 391 с.

29. Баранов, А.В. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г.: роль русских общественных объединений / А.В. Баранов // Место и роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии и её Союзников в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. Новый взгляд и осмысление: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2020. – С. 66-70.

30. Баранов, А.В. Геополитическая роль Крыма и Севастополя в Черноморского-Средиземноморском регионе / А.В. Баранов // Парадигмы истории и общественного развития. – 2018. – № 25. – С. 7-15.

31. Баранов, А.В. Межгосударственный конфликт по вопросу базирования Черноморского флота России в Крыму (2005 – ноябрь 2013 г.) / А.В. Баранов // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): Материалы II Международной научно-практической конференции (23-24 апреля 2015 г., Витебск) / Отв. ред. А.П. Косов. – Витебск: Витебский

государственный университет им. П.М. Машерова, 2015. – С. 241-245.

32. Баранов, А.В., Плащинский, А.А. Межгосударственное взаимодействие Беларуси и России в контексте проектов интеграции евразийского пространства (геополитический аспект) / А.В. Баранов, А.А. Плащинский // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: Материалы Международной науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 349-358.

33. Баранов, А.В. Политические последствия глобализации для России как фактор цивилизационного самоопределения / А.В. Баранов // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. И.В. Ильина. – М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2019. – С. 46-48.

34. Баранов, Н.А. Лекции по курсу «Геополитические проблемы европейского развития» [Электронный ресурс] / Н.А. Баранов. – URL: <http://nicbar.ru/geoproblemy.htm> (дата обращения: 07.03.2017).

35. Баранов, Н.А. Россия в контексте современного миропорядка: тенденции и перспективы / Н.А. Баранов // Геополитика и безопасность. – 2016. – № 2 (34). – С. 48-52.

36. Баранов, Н.А. Турбулентная мировая политика как угроза национальной безопасности России / Н.А. Баранов // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 75-летию битвы за Кавказ в годы Великой Отечественной войны: Сборник статей Международной научно-просветительской конференции, 25-29 мая 2018 г. / Отв. ред. А.А. Зайцев. – Краснодар: Традиция, 2018. – С. 44-51.

37. Барг, М.А., Никифоров, В.Н. Феодализм / М.А. Барг, В.Н. Никифоров // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1975. – Т. 15. – С. 19-35.

38. Барг, М.А. О категории «цивилизация» / М.А. Барг // Цивилизация как проблема исторического материализма. Часть I (Социально-философские вопросы

цивилизации). – М.: ИФАН, 1989. – С. 20-21.

39. Барг, М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.

40. Батенин, С.С. Человек в его истории / С.С. Батенин. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976. – 295 с.

41. Бачинский, Г.А. Социозкология: теоретические и прикладные аспекты / Г.А. Бачинский. – Киев: Наук. думка, 1991. – 152 с.

42. Бедрицкий, А.В. От структуры мира – к структуре геополитики / А.В. Бедрицкий // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 3-7.

43. Беляев, В.А. Глобализирующаяся цивилизация в контексте социокультурных стратегий / В.А. Беляев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 192 с.

44. Бергсон, А. Творческая эволюция / Пер. с франц. / А. Бергсон. – М.: Директ-Медиа, 2009. – 608 с.

45. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

46. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/012.html> (дата обращения: 11.12.2014).

47. Бердяев, Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43-271.

48. Бердяев, Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 240 с.

49. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.

50. Бережной, Н.М. К проблеме комплексного изучения человека / Н.М. Бережной // Философские науки. – 1991. – N 1. – С. 17-31.

51. Берёзкин, Ю.Е. Инки: Исторический опыт империи / Ю.Е. Берёзкин / Отв. ред. д-р ист. наук Р.В. Кинжалов. Академия наук СССР. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. – 232 с.
52. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Пер. с англ. / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.
53. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Пер. с англ. / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 30-54.
54. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. / Пер. с англ. / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – 256 с.
55. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. М. Десятовой / З. Бжезинский. – М.: Астрель, 2012. – 285 [3] с.
56. Биттнер, В. США завоёвывают Европу / Пер. с англ. / В. Биттнер. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2016. – 167 с.
57. Блэквилл, Р., Харрис, Д. Война иными средствами / Пер. с англ. / Р. Блэквилл, Д. Харрис. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 480 с.
58. Бонхёффер, Д. Этика / Пер. с нем. / Д. Бонхёффер. – М.: изд-во ББИ, 2013. – 510 с.
59. Борисковский, П.И. Древнейшее прошлое человечества / П.И. Борисковский. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
60. Бородай, С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм / С.Ю. Бородай. – М.: ООО Сафра, Издательский дом ЯСК, 2020. – 799 с.
61. Братимов, О.В., Горский, Ю.М., Делягин, М.Г., Коваленко, А.В. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / О.В. Братимов, Ю.М. Горский, М.Г. Делягин, А.В. Коваленко. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 344 с.
62. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-

XVIII вв.: В 3 т. – Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с франц. / Ф. Бродель. – М.: Изд-во «Прогресс», 1986. – 622 с.

63. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: В 3 т. – Т. 2: Игры обмена / Пер. с франц. / Ф. Бродель. – М.: Изд-во «Прогресс», 1988. – 632 с.

64. Брудный, А.А. Природа и культура: великое противостояние / А.А. Брудный // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4. – С. 113-121.

65. Буева, Л.П. Человек: деятельность и общение / Л.П. Буева. – М.: Мысль, 1978. – 216 с.

66. Булл, Х. Теория международных отношений: пример классического подхода / Пер. с англ. / Х. Булл // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 187-199.

67. Бунак, В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция / В.В. Бунак. – М.: Наука, 1980. – 329 с.

68. Буржуазная философия кануна и начала империализма / Под ред. А.С. Богомолова, Ю.К. Мельвиля, И.С. Нарского. – М.: «Высш. школа», 1977. – 424 с.

69. Бурцева, С.А. Глобализация: геостатистический подход / С.А. Бурцева. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 448 с.

70. Бутенко, А.П. Общественный прогресс и его критерий / А.П. Бутенко. – М.: Знание, 1980. – 64 с.

71. Бутенко, А.П. О диалектике производительных сил и производственных отношений / А.П. Бутенко // Вопросы философии. – 1988. – № 6. – С. 3-13.

72. Бутенко, А.П. О характере собственности в условиях реального социализма / А.П. Бутенко // Экономика и организация промышленного производства. – 1988. – № 2. – С. 3-20.

73. Бутенко, А.П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения / А.П. Бутенко. – М.: Наука, 1978. – 365 с.

74. Бутенко, А.П., Кадочникова, Т.Г. Становление социалистического общества и казарменный социализм / А.П. Бутенко, Т.Г. Кадочникова // Вопросы

философии. – 1990. – № 6. – С. 46-52.

75. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. / Пер. а англ. А. Башкирова / П.Дж. Бьюкенен – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 444 с.

76. Бюркле, Х. Человек в поисках Бога. Проблема нехристианских религий / Пер. с немецкого Г. Вдовина / Х. Бюркле. – М.: «Христианская Россия», 2001. – 232 с.

77. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. – Том I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Пер. с англ. / И. Валлерстайн. – М.: Наука, 2015. – 586 с.

78. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. – Том II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600-1750 / Пер. с англ. / И. Валлерстайн. – М.: Наука, 2015. – 528 с.

79. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. – Том III: Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730-1840-е годы / Пер. с англ. / И. Валлерстайн. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 528 с.

80. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. – Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789-1914 / Пер. с англ. / И. Валлерстайн. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – 496 с.

81. Вандам (Едрихин), А. Е. Геополитика и геостратегия. Сборник / А.Е. Вандам (Едрихин). – М.: Кучково поле, 2002. – 269 с.

82. Василенко, В.Н. Экологические конфликты общества как предмет социологии / В.Н. Василенко // Социс. – 1988. – № 3. – С. 73-79.

83. Василенко, Л.И. Отношение к природе: «традиция управления» и «традиция сотрудничества» / Л.И. Василенко // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 145-154.

84. Васильева, Е.Н. Вклад Джона Милтона Йингера в социологию религии / Е.Н. Васильева // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы 2-й международной научной конференции. Под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С.19-21.

85. Вебер, М. Избранное. Образ общества / Пер. с немец. / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 702 с.

86. Вебер, М. Основные социологические понятия. Избранные произведения [Электронный ресурс] / Пер. с немец. / М. Вебер // Перевод с немецкого и общая редакция: Ю.Н. Давыдов – М., «Прогресс», 1990. С. 602-633. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий, 29.11.2006. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3646/3648> (дата обращения: 12.02.2021).

87. Вейнберг, И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока / И.П. Вейнберг. – М.: Наука, 1986. – 208 с.

88. Вепринцев, В.Б. Влияние информационной составляющей на взаимодействие геополитических субъектов [Электронный ресурс] / В.Б. Вепринцев // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 192-212. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12621. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12621 (дата обращения: 22.02.2017).

89. Вербовский, В.В., Капустин, В.А. Роль города в развитии цивилизации / В.В. Вербовский, В.А. Капустин // Цивилизация и исторический процесс. – М.: ИФАН СССР, 1983. – 83 с. – С. 52-57.

90. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

91. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.

92. Вернадский, Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 368 с.

93. Взаимодействие общества и природы: Философско-методологические аспекты экологической проблемы [Текст] / Институт философии АН СССР; ред. Е.Т. Фаддеев. – М.: Наука, 1986. – 347 с.

94. Вильчек, В.М. Алгоритмы истории / В.М. Вильчек. – М.: Прометей, 1989. – 132 с.

95. Винер, Д.Р. Экологическая социология без мифов / Д.Р. Винер // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 82-97.

96. Возняк, В. Общественное развитие и экология: взаимосвязь, противоречие и кризисы / В. Возняк // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 129-138.

97. Войтович, Р. Мережево суспільство як нова форма соціальної організації в умовах глобалізації / Р. Войтович // Політичний менеджмент. – 2010. – № 6 (45). – С. 7-20.

98. Волгин, О.С. Развитие и жизнь / О.С. Волгин // Биофилософия. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 149-163.

99. Волков, А.И. Конфронтация или компромисс? Что означает участие рабочих в управлении капиталистическим предприятием / А.И. Волков. – М.: Мысль, 1986. – 236 с.

100. Габриелян, О. А. Политическая наука: введение в специальность: Учебное пособие / О. А. Габриелян. – Симферополь: Издательство «ЧП Феникс», 2010. – 150 с.

101. Габриелян, О.А. Россия как цивилизация: мифопоэтическое осмысление / О.А. Габриелян // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. – Севастополь: Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. – С. 288-289.

102. Габриелян, О.А. Современность: доминанты эпохи / О.А. Габриелян // Synopsis. Философия. Наука. Гуманистика. К идеалу единства культуры на рубеже веков. Выпуск 4. – Ереван: Ноян Тапан, 1994. – С. 18-38.

103. Гаджиев, К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка / К.С. Гаджиев; РАН, ин-т мир. экон. и междунар. отношений. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Экономика, 2011. – 479 с.

104. Гармонизация системы: «человек-природа» / Под ред. А.А. Горелова. – М.: ИФАН СССР, 1989. – 138 с.

105. Гарушянц, Ю.М. Об азиатском способе производства / Ю.М. Гарушянц // Вопросы истории. – 1986. – N 2. – С. 83-100.

106. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук: В 2 т. – Т. 1: Наука логики / Пер. с немец. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
107. Геополітика: енциклопедія / за ред. чл.-кор. НАПН України Є.М. Суліма. – Київ: Знання України, 2012. – 919 с.
108. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 66 - 80. [Электронный ресурс]. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12665 (дата обращения: 07.02.2017).
109. Герцен, А.И. Россия и Польша / А.И. Герцен // Собрание сочинений в тридцати томах / Том четырнадцатый, статьи из «Колокола» и другие произведения 1859-1860 годов. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – 702 с. – С. 7-59.
110. Гимном Закарпатья стала песня со словами «Русский да живет народ!» // Лента.ру – 22 декабря 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2009/12/22/hymn1/> (дата обращения: 14.08.2022).
111. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. / Э. Гидденс. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 120 с.
112. Гиренок, Ф.И. Экология как косноязычие культуры / Ф.И. Гиренок // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 44-51.
113. Глазьев, С.Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2015. – 352 с.
114. Глазьев, С.Ю. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 512 с.
115. Глазьев, С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия-США-Китай. Семь вариантов обозримого будущего / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2017. – 352 с.
116. Глезерман, Г.Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества / Г.Е. Глезерман. – М.: Политиздат, 1973. – 352 с.
117. Глобализирующая цивилизация в качестве социо-культурных стратегий. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 192 с.

118. Гоббс, Т. Сочинения: В 2 т. / Пер. с англ. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989, 1991. – 1353 с.

119. Гобозов, И.А. Смысл и направленность исторического процесса / И.А. Гобозов. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 219 с.

120. Гордон, А.В. Проблема цивилизационного самоопределения России [Электронный ресурс] / А.В. Гордон. – URL: https://moodle.kstu.ru/pluginfile.php/74419/mod_resource/content/1/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B0%20%D1%86%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%21.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

121. Горлова, И.И., Зорин, А.Л. Проблема жизнеспособности российской цивилизации перед лицом вызовов XXI века / И.И. Горлова, А.Л. Зорин // Электронное периодическое рецензируемое научное издание «Культурологический журнал». Серия «Политологические науки». – 2019. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhiznesposobnosti-rossiyskoy-tsivilizatsii-pered-litsom-vyzovov-xxi-veka/viewer> (дата обращения: 22.11.2021).

122. Грушин, Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б.А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

123. Гудожник, Г.С. Научно-техническая революция и экологический кризис / Г.С. Гудожник. – М.: Международн. отнош., 1975. – 232 с.

124. Гудожник, Г.С. Материальные основы многообразия цивилизаций / Г.С. Гудожник // Вопросы философии. – 1988. – N 4. – С.43-53.

125. Гудожник, Г.С. Цивилизация: развитие и современность / Г.С. Гудожник // Вопросы философии. – 1986. – N 3. – С. 33-43.

126. Гумилёв, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилёв. – М.: изд-во АСТ, 2006. – 768 с.

127. Гумилёв, Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилёв. – М.: Экопрос, 1992. – 336 с.
128. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
129. Гуревич, А.Я. Социальная история и историческая наука / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1997. – N 46. – С. 23-35.
130. Гуревич, А.Я. Теория формаций и реальность истории / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1990. – N 11. – С. 31-43.
131. Гурьев, Д.В. Становление общественного производства / Д.В. Гурьев. – М.: Политиздат, 1973. – 263 с.
132. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
133. Гэлбрейт, Д. Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. / Д. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1976. – 406 с.
134. Даальдер, И.Х., Линдсэй, Д.М. Развод или новое начало: трансатлантические отношения на переломном пункте / Пер. с англ. / И.Х. Даальдер, Д.М. Линдсэй // Россия в глобальной политике. Журнал о мировой политике и международных отношениях. International Politik. – 2003. – № 3. – С. 14-29. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2236.html> (дата обращения: 21.05.2013)].
135. Давыдов, В.В. Теория деятельности и социальная практика / В.В. Давыдов // Вопросы философии. – 1996. – № 5. – С. 52-62.
136. Даль, В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2009. – 288 с.
137. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
138. Данилов-Данильян, В.И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? / В.И. Данилов-Данильян // Вопросы философии. – 1998. – № 8. – С. 15-25.
139. Дворжак, Й. Земля. Люди. Катастрофы / Пер. с чешск. / Й. Дворжак. –

Киев: Вища школа, 1989. – 238 с.

140. Делез, Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. / Ж. Делез, Ф. Гваттари – М.: Издательство «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Издательство «Алетейя», 1998. – 287 с.

141. Делягин, М.Г. Реванш России / М.Г. Делягин. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 488 с.

142. Дергачёв, В.А. Геополитика / В.А. Дергачёв. – Киев: ВИРА-Р, 2000 – 448 с. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dergachev.ru/book-geop/13.html> (дата обращения: 26.09.2014).

143. Дергачёв, В.А. Геополитика / В.А. Дергачёв // Русская геополитическая энциклопедия. – 2010. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/index.html> (дата обращения: 24.09.2014).

144. Дергачев, В.А. Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика. Избранные труды в двадцати семи томах / В.А. Дергачев [Электронный ресурс]. – Одесса, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

145. Дергачёв, В.А. Геоэкономическая трансформация Украины [Электронный ресурс] / В.А. Дергачёв // Издательский проект профессора Дергачева. – 2011. – URL: <http://www.dergachev.ru/book-19/index.html> (дата обращения: 11.09.2014).

146. Джентиле, Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / Пер. с итал. / Э. Джентиле. – СПб: изд-во «Владимир Даль», 2021. – 400 с.

147. Дикий, А.И. Неизвращенная история Украины-Руси. Том I. От образования Киевского государства до образования Новой Сечи. XVIII век / А.И. Дикий. – Москва / Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 499 с.

148. Дикий, А.И. Неизвращенная история Украины-Руси. Том II. Российская Украина-Малороссия в XIX-XX веках / А.И. Дикий. – Москва / Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 533 с.

149. Дилигенский, Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? / Г.Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1991. – N 3. – С. 29-42.

150. Древние цивилизации / С.С. Аверенцев, В.П. Алексеев, В.Г. Ардзинба и др.: под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Мысль, 1989. – 470 с.
151. Дугин, А.Г. Геополитика России: Учебное пособие для вузов / А.Г. Дугин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. – 424 с.
152. Дугин, А.Г. Геополитика. Учебное пособие / А.Г. Дугин. – М.: Академический Проект; 2015. – 585 с.
153. Дугин, А.Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. – URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=818> (дата обращения: 11.06.2022).
154. Дугин, В.Н. Человек в системе социально-экономических ценностей / В.Н. Дугин // Вестник Ленинградского университета. – 1988. – Серия 6. – Выпуск 4. – С. 37-41.
155. Егоров, В.С. Диалектика общественных отношений / В.С. Егоров. – Киев: Вища школа, 1987. – 208 с.
156. Европа и Россия: цивилизационный подход [Электронный ресурс] // MARSIAIDA.ru: Идеология развития. Глобальные конфликты. Конфликты цивилизаций. – URL: <http://marsiyada.ru/359/519/4145/4458/> (дата обращения: 07.09.2020).
157. Европейский союз [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Европейский_союз (дата обращения: 27.08.2020).
158. Елацков, А.Б. Общая геополитика. Вопросы теории и методологии в географической интерпретации / А.Б. Елацков – М.: ИНФРА-М, 2017. – 251 с.
159. Ельчанинов, М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна / М.С. Ельчанинов. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
160. Емельянов, А.И. Геополитическая роль России в современном мире: цивилизационная составляющая [Электронный ресурс] / А.И. Емельянов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Серия «Политологические науки». – 2018. – С. 87-89. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-rol-rossii-v-sovremennom-mire-tsivilizatsionnaya-sostavlyayuschaya/viewer> (дата обращения: 17.06.2021).

161. Ерёмина, Н.В., Конфисахор, А.Г., Солонников, Д.В. Геоцивилизационные основы геополитических исследований: теория и практика [Электронный ресурс] / Н.В. Ерёмина, А.Г. Конфисахор, Д.В. Солонников // Russian Journal of Education and Psychology. – 2017. – Volume 8. – Number 9. – С. 163-184. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geotsivilizatsionnye-osnovy-geopoliticheskikh-issledovaniy-teoriya-i-praktika/viewer> (дата обращения: 24.11.2019).

162. Жаде, З.А. Геополитическая конструкция современного мироустройства / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – Выпуск 3. – С. 340-348.

163. Жаде, З.А. Геополитическое мироустройство, мировидение и мироощущение / З.А. Жаде // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – Выпуск 2. – С. 235-239.

164. Жеребкин, М.В. Демонизация России: как это делается и зачем? / М.В. Жеребкин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 5-1. – С. 130-135.

165. Жеребкин, М.В. Исторические вызовы России и поиски ответов на них / М.В. Жеребкин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право. – 2018. – Том 8. – № 1 (26). – С. 165–172.

166. Жеребкин, М.В. Исторический выбор Александра Невского / М.В. Жеребкин // Наука, образование и культура. – 2017. – № 3 (18). – С. 13-19.

167. Жеребкин, М.В. История России. Вызовы эпохи Романовых: учебное пособие / М.В. Жеребкин. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 456 с.

168. Жеребкин, М.В. Крах Российской империи. Рождение империи Советской. Монография / М.В. Жеребкин. – М.: Издательство «Наука», 2022. – 480 с.

169. Жеребкин, М.В. Крымская весна и геополитические вызовы России / М.В. Жеребкин // Общество. – 2017. – № 1. – С. 77-81.

170. Жеребкин, М.В. Православная вера как духовная скрепа русского народа и государства / М.В. Жеребкин // Актуальные мировые тренды развития социально-гуманитарного звания. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3 ч. – Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. – С. 38-44.

171. Жеребкин, М.В. Присоединение Крыма к России Екатериной II как способ решения исторических задач государства во второй половине XVIII века / М.В. Жеребкин // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Выпуск 5. – С. 24-28.

172. Жеребкин, М.В. Проблемы интеграции Крыма в экономическое, правовое и культурное пространство России после его присоединения в 1783 году / М.В. Жеребкин // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – Выпуск 4. – С. 24-28.

173. Жеребкин, М.В. Сдерживание России как условие сохранения мировой гегемонии США / М.В. Жеребкин // Национальная безопасность / nota bene. – 2015. – № 5 (40). – С. 656-664.

174. Жуков, Е.М. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций / Е.М. Жуков // Коммунист. – 1973. – N 11. – С. 87-97.

175. Завгородний, В.В. К вопросу о взглядах Ф. Рузвельта на послевоенное устройство колоний (Ялтинская конференция, 1945 год) / В.В. Завгородний // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 25-28.

176. Зараковский, Г., Стопанова, Г. Социально-психологические последствия глобальных изменений природной среды / Г. Зараковский, Г. Стопанова // Человек. – 1995. – № 3. – С. 97-103.

177. Зарянов, Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира [Электронный ресурс] / Е.П. Зарянов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 89 - 122. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12649 (дата обращения:

17.04.2016).

178. Звегинцев, В.А. Проблема отношений человека и машины в компьютерной революции / В.А. Звегинцев // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 44-52.

179. Зеленков, А.И., Водопьянов, П.А. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. – Минск: Университетское, 1987. – 239 с.

180. Земля и человечество. Глобальные проблемы / Отв. ред. И.Т. Фролов. – М.: Мысль, 1985. – 429 с.

181. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с.

182. Зюганов, Г.А. География победы: Основы российской геополитики / Г.А. Зюганов. – М., 1997. – 304 с.

183. Ивашов, Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России / Л.Г. Ивашов. – М.: Эксмо, 2002. – 416 с.

184. Ивонин, Ю.Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? / Ю.Е. Ивонин // Вопросы истории. – 1987. – № 1. – С. 67-77.

185. Игнатьева, И.Ф., Исаев, Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики [Электронный ресурс] / И.Ф. Игнатьева, Б.А. Исаев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С. 213-223. – URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1738/files/44_213.pdf (дата обращения: 07.03.2020).

186. Из документов Троцкого 1919 года // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 47-50.

187. Ильвес, Т.Х. «Плеяды» присоединяются к «звездам» [Электронный ресурс] / Пер. с англ. / Т.Х. Ильвес // Россия в глобальной политике. Журнал о мировой политике и международных отношениях. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/23/6696.html> (дата обращения: 19.04.2011).

188. Илюшечкин, В.П. О соотношении и взаимосвязи теории общественных формаций и политической экономии / В.П. Илюшечкин // Вопросы философии. –

1988. – N 4. – С. 54-67.

189. Илюшечкин, В.П. Происхождение и некоторые особенности китайской сословно-классовой цивилизации / В.П. Илюшечкин // Цивилизация: теория, история и современность. – М.: ИФАН СССР, 1989. – С. 36-46.

190. Илюшечкин, В.П. Цивилизация и общественные формации / В.П. Илюшечкин // Цивилизация и исторический процесс. – М., ИФАН СССР, 1983. – С. 6-14.

191. Империя инков. Социальные классы и профессии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wiki.ru-ru.nina.az/%D0%98%D0%BD%D0%BA%D0%B8.html#%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%8B_%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%5B45%5D (дата обращения: 21.09.2019).

192. Ирхин, А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А.А. Ирхин. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.

193. Исаев, Б.А. Философия геополитики / Б.А. Исаев // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2018 – Выпуск № 3(21), июль-сентябрь. – С. 75-99.

194. История Древнего Востока. / Ред. В.И. Кузищин – М.: Высш. школа, 1979. – 456 с.

195. История древнего мира: Ранняя древность / Отв. ред. И.М. Дьяконов. – М.: Наука, 1989. – 470 с.

196. История древнего мира: Расцвет древних обществ / Отв. ред. И.С. Свенцицкая. – М.: Наука, 1989. – 572 с.

197. История первобытного общества: В 3 т. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Т. 1. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза / В.П. Алексеев, А.И. Першиц, Ю.И. Семёнов [и др.]. – М.: Наука, 1983. – 432 с.

198. История первобытного общества: В 3 т. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины / В.П. Алексеев, Ю.И. Семёнов, Л.А. Файнберг [и др.]. – М.: Наука, 1986. – 573 с.

199. История первобытного общества: В 3 т. / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Т. 3. Эпоха классовообразования / В.П. Алексеев, О.Ю. Артёмова, Л.Е. Куббель [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 568 с.

200. История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины / Под ред. М.И. Румянцева. – М.: Наука, 1986. – 572 с.

201. Каган, М.С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.

202. Каган, М.С. Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития человека / М.С. Каган // Вопросы философии. – 1987. – N 10. – С. 15-26.

203. Казначеев, В.П., Спириин, Е.А. Феномен человека: комплекс социоприродных свойств / В.П. Казначеев, Е.А. Спириин // Вопросы философии. – 1988. – N 7. – С. 29-36.

204. Кайзер, К. Смена эпох [Электронный ресурс] / Пер. с немец. / К. Кайзер // Россия в глобальной политике. Журнал о мировой политике и международных отношениях. – 2003. – № 3. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2203.html> (дата обращения: 07.08.2012).

205. Как изменилось отношение украинцев к России – соцопрос [Электронный ресурс] // РИА-новости. Крым. – 17.02.2022. – URL: <https://crimea.ria.ru/20220217/kak-izmenilos-otnoshenie-ukraintsev-k-rossii--sotsopros-1122395485.html> (дата обращения: 27.07.2022).

206. Калашников, В.М. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года и система основных принципов международного публичного права: уроки и перспективы / В.М. Калашников // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 108-114.

207. Капица, Л.М. Индикаторы мирового развития (2-е изд.) / Л.М. Капица – М.: МГИМО (У) МИД России, 2008. – 352 с.

208. Капица, С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества / С.П. Капица. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 204 с.

209. Каплан, Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / Р. Каплан. – М.: КоЛибри, 2015. – 384 с.
210. Кара-Мурза, А.А. Общее и особенное в цивилизационно-формационном развитии человечества (проблема методологии) / А.А. Кара-Мурза // Цивилизация: теория, история современность. – М.: ИФАН СССР, 1989. – С. 105-118.
211. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Родина, 2019. – 1280 с.
212. Карпинская, Р.С. Социобиология. Критический анализ / Р.С. Карпинская, С.А. Никольский. – М.: Мысль, 1988. – 204 с.
213. Карпинская, Р.С. Человек и природа – проблема коэволюции / Р.С. Карпинская // Вопросы философии. – 1988. – N 7. – С. 37-45.
214. Карякин, В.В. Геополитика многомерных пространств эпохи постмодерна / В.В. Карякин. – М.: Русинформ, 2017. – 346 с.
215. Келле, В.Ж., Ковальзон, М.Я. Теория и история: Проблемы теории исторического процесса / В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон. – М.: Политиздат, 1981. – 288 с.
216. Киплинг, Р. Баллада о Западе и Востоке: Стих [Электронный ресурс] / Р. Киплинг / Перевод Е. Полонской // РуСтих. Стихи классиков – URL: <https://rustih.ru/redyard-kipling-ballada-o-zapade-i-vostoke/> (дата обращения: 13.08.2022).
217. Кирюшкин, М. Размышления о предмете истории / М. Кирюшкин // Знание – сила. – 1991. – N 10. – С. 29-32.
218. Киселёв, Н.Н. Мировоззрение и экология / Н.Н. Киселёв. – Киев: Наук. думка, 1990. – 216 с.
219. Киселёв, Н.Н. Философия экологии и мировоззренческие сдвиги современности / Н.Н. Киселёв // Философская и социологическая мысль. – 1996. – № 12. – С. 30-48.
220. Киселёв, С., Киселёва, Н. Размышления о Крыме и геополитике / С.

Киселёв, Н. Киселёва. – Симферополь: Крымский архив, 1994. – 64 с.

221. Киселёв, С.Н. Крымская идея: сб. ст. / авт.-сост С.Н. Киселёв. – Симферополь: Изд-во «ООО «Антиква», 2019. – 208 с.

222. Киселёв, С. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье / С. Киселёв // Международный круглый стол «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины»: Сб. материалов / Под. ред. А. Мальгина. – Симферополь, 2008. – С. 68–78.

223. Киселёв, С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра» [Электронный ресурс] / С. Киселёв // Информационно-аналитическая газета «Крымское эхо»: сайт. – URL: <http://www.kreho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606> (дата обращения: 17.08.2018).

224. Кистяковский, Б.А. Общество и индивид / Б.А. Кистяковский // Социс. – 1996. – № 2. – С. 103-115.

225. Клаузевиц, К. фон. О войне / Пер. с немец. / К. фон Клаузевиц – М.: Логос, МАИК «Наука», 1998. – 448 с.

226. Климков, О.С. Психология религии Э. Фромма и её актуальность для современного религиоведения [Электронный ресурс] / О.С. Климков // Траектория науки. – 2017. – Т. 3. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-religii-e-fromma-i-ee-aktualnost-dlya-sovremennogo-religiovedeniya/viewer> (дата обращения: 07.11.2021).

227. Клягин, Н.В. От доистории к истории. (Палеосоциология и социальная философия) / Н.В. Клягин. – М.: Наука, 1992. – 192 с.

228. Князьков, Н.В. Некоторые установления русской геополитической концепции / Н.В. Князьков // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 8-10.

229. Кожекин, А.Г. Вена 1815 – Ялта 1945: итоги и последствия / А.Г. Кожекин // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 114-116.

230. Козин, Н.Г. Универсалистский проект цивилизационной идентичности России [Электронный ресурс] / Н.Г. Козин // Философия и общество. – 2008. – Выпуск № 4 (52). – URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130274/> (дата обращения: 25.10.2012).

231. Кола, Д. Политическая социология / Пер. с франц. / Пер. с фр.; Предисл. А.Б. Гофмана / Д. Кола. – М.: Изд-во «Весь МИР», «ИНФРА-М», 2001. – 406 с.

232. Колосов, В.А., Мироненко, Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов / В.А. Колосов, Н.С. Мироненко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

233. Колчинский, Э.И. Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР / Э.И. Колчинский. – Л.: Наука, 1990. – 236 с.

234. Колчинский, Э.И. Эволюционный процесс в современной биосфере / Э.И. Колчинский // Философские науки. – 1990. – N 1. – С. 32-43.

235. Комлева, Н.А. Глобальное доминирование: геоцивилизационный аспект [Электронный ресурс] / Н.А. Комлева // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 3 (21). – С. 110-129. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-dominirovanie-geotsivilizatsionnyy-aspekt/viewer> (дата обращения: 13.10.2018).

236. Комлева, Н.А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства / Н.А. Комлева // Пространство и время. – 2015. – № 3(21). – С. 15-23.

237. Комлева, Н.А. Несколько замечаний относительно природы и типологии геополитических пространств / Н.А. Комлева // Пространство и время. – 2014. – № 1(15). – С. 90-101.

238. Комлева, Н.А. Феномен смены доминирующей геоцивилизации: сущность и специфика. Часть 1 / Н.А. Комлева // Пространство и время. – 2016. – № 3-4 (25-26). – С. 17-29.

239. Комлева, Н.А. Феномен смены доминирующей геоцивилизации: сущность и специфика. Часть 2 // Пространство и время / Н.А. Комлева. – 2017. – № 1 (27). – С. 17-33.

240. Картунов, С.В. Крушение Вестфальской системы и новый мировой порядок [Электронный ресурс] / С.В. Картунов // Журнал «Золотой Лев». Издание русской консервативной мысли. – 2006. – № 125-126. – URL: http://www.zlev.ru/125/125_36.htm (дата обращения: 23.09.2012).

241. Косолапов, Н.А. Социум и экономика: глобальные альтернативы / Н.А. Косолапов // МЭМО. – 1994. – № 12. – С. 50-61.

242. Костомаров, Н.И. Русский мир / Н.А. Костомаров. – Киев: Радуга, 2006. – 260 с.

243. Костюк, Т. Українська національна ідея: політико-методологічні засади формування // Політичний менеджмент / Т. Костюк. – 2010. – № 6 (45). – С. 28-34.

244. Костяев, А.Н., Максимова, Н.Ю. Современная российская цивилизациология: Подходы, проблемы, понятия / А.Н. Костяев, Н.Ю. Максимова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 328 с.

245. Кравченко, И.И. Проблемы пределов общественного развития / И.И. Кравченко // Перспективы общественного развития и социальное прогнозирование. – М.: ИФАН СССР, 1988. – С. 27-45.

246. Крапивенский, С.Э. Социальная философия: Учебник для гуманитар.-соц. специальностей высших учебных заведений. 3-е изд., исправленное и дополненное / С.Э. Крапивенский. – Волгоград: Комитет по печати, 1996. – 352 с.

247. Краузе, Карл-Христиан-Фридрих [Электронный ресурс] // Материал из Википедии — свободной библиотеки. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%83%D0%B7%D0%B5,%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB-%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B8%D0%B4%D1%80%D0%B8%D1%85> (дата обращения: 22.10.2014).

248. Кривуля, А.М. Диалектика общественных отношений и человеческой деятельности / А.М. Кривуля. – Харьков: Вища школа, 1988. – 161 с.

249. Критическая геополитика. Сборник статей. Выпуск № 1 / Отв. редакторы И.Ю. Окунев, С.О. Савин. – г. Ногинск: Аналитика РОДИС, 2014. – 160 с.

250. Кроули, Р. Завоеватели. Как португальцы построили первую мировую империю / Пер. с англ. / Р. Кроули. – М.: Центрполиграф, 2017. – 384 с.

251. Круглий стіл «Україна у ХХІ сторіччі – погляд молодого покоління» / Організатор – Фонд «Демократичні ініціативи» [Електронний ресурс]. – Київ, 2003. – 1 електрон. опт. диск (CD-ROM).

252. Крутова, О.Н. Человек и история: Проблема человека в социальной философии марксизма / О.Н. Крутова. – М.: Политиздат, 1982. – 208 с.

253. Крутова, О.Н. Человеческий фактор: социально-философский аспект / О.Н. Крутова // Вопросы философии. – 1987. – N 8. – С. 17-30.

254. Крутова, О.Н. «Человеческое измерение» действительности: к постановке проблемы / О.Н. Крутова // Новое мышление и практика обновляющегося социализма. – М.: ИФАН СССР, 1990. – С. 16-33.

255. Круть, И.В., Забелин, И.М. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и обществ / И.В. Круть, И.М. Забелин. – М.: Наука, 1988. – 416 с.

256. Кузнецов, М.А. Учение В.И. Вернадского о ноосфере: перспективы развития человечества / М.А. Кузнецов // Вопросы философии. – 1988. – N 3. – С. 39-48.

257. К экологической цивилизации / Под ред. Ю.В. Олейникова. – М.: ИФРАН, 1993. – 110 с.

258. Кэндзюро, Я. Философия истории / Перевод: Л. Шахназарова, Б. Лаврентьев / Янагида Кэндзюро. – М.: «Прогресс», 1969. – 240 с.

259. Лаверов, Н.П. Нужны структурные перестройки экономики. Реальные, а не мифические [Электронный ресурс] / Н.П. Лаверов // Интернет-газета «Столетие». Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. – 17.01.2013. – URL:

http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/nikolaj_laverov_nuzhny_strukturnyje_perestrojki_ekonomiki_realnyje_a_ne_mificheskije_681.htm (дата обращения: 21.03.2015).

260. Лакост, Ив. [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Лакост,_Ив (дата

обращения: 27.12.2012).

261. Латухина, К. Путин назвал Россию отдельной цивилизацией [Электронный ресурс] / К. Латухина // Интернет-портал «Российской газеты». – 17.05.2020. – URL: <https://rg.ru/2020/05/17/putin-nazval-rossiiu-otdelnoj-civilizaciej.html> (дата обращения: 27.07.2022).

262. Леклерк, А. Русское влияние в Евразии. Геополитическая история от становления государства до времён Путина / Пер. с франц. / А. Леклерк. – М.: «Альпина Паблишер», 2014. – 367 с.

263. Ленин, В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 155-199.

264. Ленин, В.И. Ещё раз о профсоюзах / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 264-304.

265. Ленин, В.И. Империализм как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – 426 с.

266. Ленин, В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 77-218.

267. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 18 – 525 с.

268. Ленин, В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 285-314.

269. Ленин, В.И. Три источника и три составных части марксизма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 40-48.

270. Ленин, В.И. Фридрих Энгельс / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 2. – С. 1-14.

271. Лефевр, В.А. От психофизики к моделированию души / В.А. Лефевр // Вопросы философии. – 1990. – N 7. – С. 25-31.

272. Линк, В. Имперский или плюралистический мир? [Электронный ресурс] / Пер. с немец. / В. Линк // Россия в глобальной политике. Журнал о мировой политике и международных отношениях. – 2003. – № 3. – URL: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2217.html> (дата обращения: 17.08.2012).

273. Линь, Я. Человек и окружающая среда: динамика взаимных изменений / Я. Линь // Вестник Московского университета. – 1996. – № 5. – С. 13-23.
274. Лисеев, И.К. Философия жизни – путь к новой парадигме культуры / И.К. Лисеев // Биофилософия. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 95-107.
275. Лойко, А.И. Евразия постиндустриального общества / А.И. Лойко // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2018. – Выпуск № 3 (21), июль-сентябрь. – С. 100-108.
276. Майоров, Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика) / Г.Г. Майоров. – М.: Мысль, 1979. – 431 с.
277. Макаровский, А.А. Некоторые вопросы теории общественного прогресса / А.А. Макаровский // Философские науки. – 1979. – № 3. – С. 73-79.
278. Макаровский, А.А. Общественный прогресс / А.А. Макаровский. – М.: Политиздат, 1967. – 256 с.
279. Макаршин, И.А. Идеологические аспекты геочивилизационной безопасности [Электронный ресурс] / И.А. Макаршин // Электронное научное издание альманах «Пространство и время». – 2018. – Т. 16. – Вып. 1-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-aspekty-geotsivilizatsionnoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения: 20.07.2020).
280. Маккиндер, Х. Круглая земля и обретение мира / Пер. с англ. В. Л. Цымбурского / Х. Маккиндер // «Космополис». – 2006/2007. – № 2 (16) – С. 56-69.
281. Маккиндер, Х.Дж. Географическая ось истории / Пер. с англ. / Х.Дж. Маккиндер // Полис. Политические исследования – 1995. – № 4. – С. 162-169.
282. Маккиндер, Х.Д. Демократические идеалы и реальность / Пер. с англ. / Х.Д. Маккиндер // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 134-144.
283. Малинкович, В.Д. Украина между Востоком и Западом. Выбор приоритетов / В.Д. Малинкович // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 116-123.
284. Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический

процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное / Под ред. Ю.К. Плетникова, Ю.И. Семёнова. – М.: Наука, 1981. – 463 с.

285. Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: диалектика современной эпохи / Под ред. Ю.К. Плетникова. – М.: Наука, 1987. – 447 с.

286. Марксистско-ленинская теория исторического процесса: Исторический процесс: целостность, единство и многообразие, формационные ступени / Под ред. Ф.В. Константинова, Ю.К. Плетникова. – М.: Наука, 1983. – 535 с.

287. Маркс, К. Капитал Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 23. – С. 3-547.

288. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 13. – С. 5-167.

289. Маркс, К. Людвигу Кугельману в Ганновер (Лондон), 17 апреля 1871 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 33. – С. 175.

290. Маркс, К. Письмо В.И. Засулич. Лондон, 8 марта 1881 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 19. – С. 250-251.

291. Маркс, К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 40. – С. 147-233.

292. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 3. – С. 1-4.

293. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 26, Ч. 1. – 486 с.

294. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т.42. – С. 41-174.

295. Маркс, К. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 2. – С. 3-230.

296. Маркс. Философия. Современность / Под ред. Т.И. Ойзермана. – М.: Наука, 1988. – 414 с.

297. Массон, В.М. Поселение Джейтун: Проблема становления производящей экономики / В.М. Массон. – Л.: Наука, 1971. – 208 с.
298. Массон, В.М. Экономика и социальный строй древних обществ: в свете данных археологии / В.М. Массон. – Л.: Наука, 1976. – 191 с.
299. Матюшин, Г., Ранов, В. Эти загадочные микролиты / Г. Матюшин, В. Ранов // Знание – сила. – 1991. – № 11. – С. 27-48.
300. Мацієвський, Ю. Незакінчений транзит України: спроба періодизації / Ю. Мацієвський // Політичний менеджмент. – 2010. – № 6 (45). – С. 42-52.
301. Машненкова, Л. П. Конфуціанско-даосистський тип культури [Електронний ресурс] / Л.П. Машненкова. – URL: <http://tzone.kulichki.com/religion/vostok/daokonf.html> (дата звернення: 12.09.2016).
302. Медведев, Дмитрий [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев // Телеграм-канал. – 05.05.2022. – URL: <https://web.telegram.org/z/#-1572748754> (дата обращения: 27.07.2022).
303. Медоуз, Д.Х., Медоуз, Д.Л., Рэндерс, Й., Беренс Ш, В. Пределы роста / Пер. с англ. / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рэндерс, В. Беренс Ш. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 208 с.
304. Межуев, В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования / В.М. Межуев. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 440 с.
305. Межуев, В.М. Культура и история / В.М. Межуев. – М.: Политиздат, 1977. – 199 с.
306. Мельник, Л. Принципы экологического развития / Л. Мельник // Экономика Украины. – 1996. – № 2. – С. 71-79.
307. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. [Электронный ресурс] / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2001. – URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov2/index.html> (дата обращения: 23.08.2021).
308. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. [Электронный ресурс] / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2000. – URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html> (дата обращения:

27.06.2021).

309. Мечников, Л.И. Цивилизация и великие исторические реки / Л.И. Мечников. – М.: Айрис-Пресс, 2013. – 320 с.

310. МИД РФ: спецоперация на Украине не преследует цель разрушить государственность этой страны [Электронный ресурс] // ТАСС – 17.03.2022. – URL: <https://topwar.ru/60108-ukraina-grazhdanskaya-voyna-ili-intervenciya.html> (дата обращения: 26.07.2022).

311. Миллер, А.Ф. Периодизация истории / А.Ф. Миллер // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1971. – Т. 11. – С. 40-41.

312. Мир-системный анализ [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Мир-система> (дата обращения: 21.03.2013).

313. Митюхин, В. На всех всего не хватит / В. Митюхин // Энергия. – 2001. – № 4. – С. 50-53.

314. Моисеев, Н.Н. Быть или не быть человечеству? / Н.Н. Моисеев. – М.: Ульяновский Дом печати, 1999. – 285 с.

315. Моисеев, Н.Н. Логика универсального эволюционизма / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1989. – N 8. – С. 52-66.

316. Моисеев, Н.Н. Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1988. – N 4. – С. 18-30.

317. Моисеев, Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – №1. – С. 3-30.

318. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.

319. Моисеев, Н.Н. Универсальный эволюционизм (позиция и следствия) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – N 3. – С. 3-28.

320. Моисеев, Н.Н., Фролов, И.Т. Высокое соприкосновение / Н.Н. Моисеев, И.Т. Фролов // Вопросы философии. – 1984. – N 9. – С. 24-41.

321. Моисеев, Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле / Н.Н. Моисеев //

Вопросы философии. – 1990. – N 6. – С. 32-45.

322. Моисеев, Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 с.

323. Момджян, К.Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. Начальные этапы восхождения от абстрактного к конкретному / К.Х. Момджян. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 286 с.

324. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику / Пер. с франц. / Ф. Моро-Дефарж. – М.: Конкорд, 1996. – 148 с.

325. Морозов, Е.Ф. Геополитика Евразии и будущее России / Е.Ф. Морозов // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 123-133.

326. Морозов, Е.Ф. Теория Новороссии / Е.Ф. Морозов // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 16-28

327. Морозов, Е.Ф. А.Е. Снесарев – величайший русский геополитик / Е.Ф. Морозов // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 29-34.

328. Мэхэн, А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783 / Пер. с англ. / А.Т. Мэхэн. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 с.

329. Надеждин, Н.И. Опыт исторической географии русского мира / Н.И. Надеждин. – СПб.: изд-во «Лань», 2014. – 52 с.

330. Най, Дж., Кохэн, Р. Транснациональные отношения и мировая политика / Пер. с англ. / Дж. Най, Р. Кохэн // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 152-167.

331. Нарочницкая, Н.А. Реинтеграционные тенденции в геополитическом пространстве СНГ как инструмент поддержания стабильности / Н.А. Нарочницкая // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 133-140.

332. Нарочницкая, Н.А. Украина: историческая ретроспектива и геополитическая перспектива [Электронный ресурс] / Н.А. Нарочницкая // Фонд исторической перспективы. Столетие: информационно-аналитическое издание. – 5.12.2004. – URL: https://www.stoletie.ru/geopolitika/ukraina_istoricheskaya_retrospektiva_i_geopoliticheskaya_perspektiva_.htm (дата обращения: 26.07.2022).

333. Нарский, И. С. Западноевропейская философия XIX века / И.С. Нарский. – М.: Высш. школа, 1976. – 584 с.

334. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. – М.: Наука, 2002. – 322 с.

335. Науманн, Ф. Срединная Европа / Пер. с англ. / Ф. Науманн // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – С. 47-61.

336. Никифоров, А.П. Значение языковых выражений у К. Айдукевича / А.П. Никифоров // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. XIV. – № 4. – С. 241-242.

337. Никифоров, А.Р. Геополитические перспективы Причерноморского региона после окончания «Эпохи Ялты» / А.Р. Никифоров // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 140-143.

338. Никифоров, А.Р. Новороссия как геополитическое ядро будущей России / А.Р. Никифоров // Русская смута 1917-1920 годов и судьбы мира в XX веке: философия, культурология, геополитика, политология. II Крымские чтения Н.Я. Данилевского. Крым, Ялта, 10-18 ноября 1995 г. Материалы. – Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 1995. – С. 38-40.

339. Никифоров, А.Р. Украина: штрихи к геополитическому портрету в культурно-историческом интерьере [Электронный ресурс] / А.Р. Никифоров. – URL: <http://www.rusmircrimea.ru/nikiforov> (дата обращения: 11.12.2018).

340. Никифоров, В.Н. Восток и всемирная история / В.Н. Никифоров. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

341. Никифоров, В.Н. Рабовладельческий строй / В.Н. Никифоров //

Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1971. – Т. 11. – С. 762-768.

342. Никифоров, В.Н. Феодализм на Востоке или «восточный феодализм»? / В.Н. Никифоров // Народы Азии и Африки. – 1984. – N 1. – С. 126-132.

343. Никольский, С.А. О философско-мировоззренческих основаниях социобиологии / С.А. Никольский // Вопросы философии. – 1986. – N 4. – С. 137-144.

344. Никонов, В.А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? / В.А. Никонов – М.: Эксмо, 2015. – 672 с.

345. Никонов, В.А. Российская цивилизация / В.А. Никонов. – М.: Просвещение, 2021. – 256 с.

346. Ноосферология: наука, образование, практика / Под общей редакцией д.ф.н. О.А. Габриеляна. – Симферополь: Издательство «Предприятие «Феникс», 2008. – 464 с.

347. Нырков А., свящ. «Безрелигиозное христианство» Дитриха Бонхёффера: секулярное и Божественное / свящ. А. Нырков // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 5. – С. 11-39.

348. Няпинен, Л. О предпосылках прогресса общества в свете принципов синергетики / Л. Няпинен // Известия Академии наук Эстонии. – 1990. – N 39/3. – С. 245-257.

349. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Издательства «Оникс», «Мир и Образование», 2008. – 1328 с.

350. Олейников, Ю.В. В.И. Вернадский и глобальные проблемы современности / Ю.В. Олейников // Философские науки. – 1988. – N 3. – С. 68-76.

351. Олейников, Ю.В. Глобальные проблемы в истории цивилизации / Ю.В. Олейников // Цивилизация как проблема исторического материализма. Часть I (Социально-философские вопросы цивилизации). – М.: ИФАН СССР, 1989. – С. 44-53.

352. Олейников, Ю.В. Глобальные проблемы человеческой цивилизации / Ю.В. Олейников // Общество, цивилизация, социализм. – М.: ИФАН СССР, 1988. – С. 42-62.

353. Олейников, Ю.В. Диалектика научно-технического и социального прогресса / Ю.В. Олейников // Новое мышление и практика обновляющегося социализма. – М.: ИФАН СССР, 1990. – С. 137- 153.

354. Олейников, Ю.В. Об одном из экологических терминов / Ю.В. Олейников // Человек – природа – искусство. – Л.: Наука ЛО, 1986. – С. 260-261.

355. Олейников, Ю.В., Оносов, А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В. Олейников, А.А. Оносов. – М.: ИФРАН, 1999. – 160 с.

356. Олейников, Ю.В. Природный фактор бытия российского социума / Ю.В. Олейников. – М.: ИФРАН, 2003. – 258 с.

357. Олейников, Ю.В. Природный фактор геополитической стратегии России / Ю.В. Олейников // Зеленый мир. – 1998. – N 11. – С. 4-6.

358. Олейников, Ю.В. Цивилизация и ноосфера (В.И. Вернадский и современность) / Ю.В. Олейников // Цивилизация: теория, история современность. – М.: ИФАН СССР, 1989. – С. 119-136.

359. Олейников, Ю.В. Экологические альтернативы НТР / Ю.В. Олейников. – М.: Наука, 1987. – 161 с.

360. Олейников, Ю.В. Экологические ограничения развития человеческой цивилизации // Цивилизация и общественное развитие / Ю.В. Олейников. – М.: ИФАН СССР, 1987. – С. 32-46.

361. Олескин, А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии / А.В. Олескин. – М.: Научный мир, 2007. – 508 с.

362. Олескин, А.В. Сетевая организация социума: проблемы и перспективы / А.В. Олескин // Государственная служба. – 1999. – №1 (3). – С.73-82.

363. Омаров, Н.М. Самоидентификация как стратегический выбор государств Центральной Азии в начале 3-го тысячелетия [Электронный ресурс] / Н.М. Омаров // Ориентир. – 2004. – № 3. – URL: http://omarov-nur.narod.ru/2004/Gosudarstvo_orientir.doc (дата обращения: 24.09.2012).

364. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Антология / Составитель М.А. Маслин – М.: Наука, 1990. – 528 с.

365. О'Тоал, Дж. Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами / Пер. с англ. / Дж. О'Тоал // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 188-223.

366. Отчёт о работе конференции «Американо-Российские стратегические интересы после «Холодной войны»: новая повестка дня» (26-27 марта 1994 г.) // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 56-67.

367. Павленко, Ю.В. История мировой цивилизации. Философский анализ / Ю.В. Павленко. – 2-е изд. – Киев: Феникс, 2004. – 760 с.

368. Павлов-Сильванский, Н.П. Феодализм в России / Н.П. Павлов-Сильванский. – М.: Наука, 1988. – 696 с.

369. Панарин, А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. – 392 с.

370. Патраков, В.П. Геополитика «Книги перемен». Время Евразийского меридиана / В.П. Патраков. – Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 411 с.

371. Пашаева, Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. / Н.М. Пашаева. – М.: Имперская традиция, 2007. – 192 с.

372. Пашаева, Н.М. Русское движение в Галичине XIX—XX вв. / Н.М. Пашаева // Славянский альманах. – 1999. – С. 117-132.

373. Пашковский, П.И. Геополитический статус России / П.И. Пашковский // Вызов времени и ответы России: 1917–2017: Коллективная монография / Под науч. ред. проф. И.И. Кального. – М.: ИНФРА-М, 2019. – С. 25-42.

374. Пашковский, П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.) / П.И. Пашковский. – Киев: Интерсервис, 2012. – 189 с.

375. Пашковский, П.И. К вопросу о позиционировании России в Ялтинской системе международных отношений / П.И. Пашковский // Вестник развития науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 77-82.

376. Пашковский, П.И. К проблеме соотношения фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности / П.И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия:

Социология. Политология. – 2018. – Т. 18. – Вып. 3. – С. 318-322.

377. Пашковский, П.И. Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» / П. И. Пашковский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – № 4. – С. 41-48.

378. Пашковский, П.И. Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991–2014 гг.): ретроспективный анализ / П.И. Пашковский // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2019. – Т. 46. – № 2. – С. 384-392.

379. Пашковский, П.И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования / П.И. Пашковский // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 1. – С. 41-53.

380. Пашковский, П.И. Россия на международной арене: взгляд в будущее / П.И. Пашковский // 1917 – 2017: Россия в поисках будущего: Монография / Науч. ред. И.И. Кальной. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 73-92.

381. Пашковский, П.И. Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе / П.И. Пашковский // Известия Саратовского университета. – Новая серия. – Серия: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19. – Вып. 3. – С. 335-340.

382. Пестель, Э. За пределами роста / Пер. с англ. / Э. Пестель. – М.: Прогресс, 1988. – 272 с.

383. Петров, М.К. Человек и культура в научно-технической революции / М.К. Петров // Вопросы философии. – 1990. – N 5. – С. 75-92.

384. Печчеи, А. Человеческие качества / Пер. с англ. / А. Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.

385. Плетников, Ю.К. О природе социальной формы движения / Ю.К. Плетников. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 247 с.

386. Плетников, Ю.К. Современные проблемы взаимодействия общества и природы / Ю.К. Плетников. – М.: Наука, 1974. – 281 с.

387. Подорога, В.А. «Фундаментальная антропология» М. Хайдеггера / В.А.

Подорога // Буржуазная философская антропология XX века / Ответств. ред. Б.Т. Григорьян. – М.: Наука, 1986. – С. 34-49.

388. Политическая наука: Методы исследований: Учебник / [О. А. Габриелян и др.]; Под ред. О. А. Габриеляна. – Киев: ИЦ «Академия», 2012. – 344 с.

389. Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой / Научный редактор Е.Б. Шестопап. – М.: Вече, 1999. – 816 с.

390. Полонский, И. Русская идея на Карпатах [Электронный ресурс] / И. Полонский // Русская Правда. Информационно-аналитическое издание. – URL: <http://ruspravda.info/Russkaya-ideya-na-Karpatah-6315.html> (дата обращения: 26.07.2022).

391. Померанц, Г. Квадратура исторического круга / Г. Померанц // Знание–сила. – 1991. – N 4. – С. 40-46.

392. Померанц, Г.С. История в сослагательном наклонении / Г.С. Померанц // Вопросы философии. – 1990. – N 11. – С. 55-66.

393. Попов, М. Конфлікти ідентичностей та пост традиційні трансформації сучасності / М. Попов // Політичний менеджмент. – 2010. – № 6 (45). – С. 21-27.

394. Поршнева, Б.Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии / Б.Ф. Поршнева. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

395. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1979. – 232 с.

396. Пошедін, О. Фактор сили у міжнародних відносинах / О. Пошедін // Політичний менеджмент. – 2010. – № 6 (45). – С. 135-141.

397. Пригожин, И. Переоткрытие времени / Пер. с англ. / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1989. – N 8. – С. 3-13.

398. Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

399. Примаков, Е.М. Мир без России? / Е.М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2016. – 256 с.

400. Примаков, Е.М. Мысли вслух / Е.М. Примаков. – М.: Российская газета, 2001. – 207 с.
401. Проблемы социально-экономических формаций: Историко-типологические исследования / Под ред. Е.М. Жукова. – М.: Наука, 1975. – 296 с.
402. Производство как общественный процесс: актуальные проблемы теории и практики / Отв. ред. В.И. Толстых. – М.: Мысль, 1986. – 350 с.
403. Пугин, М. Материальные предпосылки социализма / М. Пугин // Вопросы экономики. – 1984. – N 1. – С. 103-114.
404. Путин заявил, что Европа и Россия должны вернуться к позитивной повестке дня [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. – 27 января 2021. – URL: https://tass.ru/politika/10560021?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 27.07.2022).
405. Путин предлагает создавать Европу от Лиссабона до Владивостока [Электронный ресурс] // Интернет-портал «Российской газеты». – 17.04.2014. – URL: <https://rg.ru/2014/04/17/bolshaya-evropa-anons.html> (дата обращения: 27.07.2022).
406. Рапопорт, А. Могут ли исследования мира быть прикладными? / А. Рапопорт // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 203-213.
407. Ратцель, Ф. Политическая география / Пер. с немец. Л. Сеницкого) / Ф. Ратцель // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. – СПб.: Питер, 2007. – С. 15-36.
408. Рахманов, А. Б. Фридрих Ратцель: жизнь, антропогеография и геополитика: [Родоначальник геополитики] / А.Б. Рахманов // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. 5, № 1/2 (15/16). – С. 204-210.
409. Рачков, П.А. Общественные отношения – важнейшая проблема исторического материализма / П.А. Рачков // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. – 1988. – N 4. – С. 42-52.
410. Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под редакцией А.П.

Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян – М.: Академический проект, 2006. – 1256 с.

411. Розенау, Дж. К исследованию взаимопересечения внутривосточной и международной систем / Пер. с англ. / Дж. Розенау // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 172-183.

412. Розов, М.А. От зерен фасоли к зернам истины. «Непостижимая» эффективность математики в исследованиях человеческой рефлексии / М.А. Розов // Вопросы философии. – 1990. – N 7. – С. 42-50.

413. Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего / Ред.-сост. А.О. Безруков, А.А. Сушенцов. – М. Эксмо, 2016. – 384 с.

414. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / Редакторы-сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Наука, 1993. – 368 с.

415. Ротарь, В. Совесть и выбор / В. Ротарь // Знание – сила. – 1991. – N 4. С. 70-76.

416. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.

417. Рубченко, М. Чудеса и аномалии великой войны [Электронный ресурс] / М. Рубченко // «Эксперт». – 2010. – №16-17 (702). – URL: http://expert.ru/expert/2010/16/chudesa_i_anomalii_velikoi_voiny/ (дата обращения: 11.12.2016).

418. Румянцев, А.М. Первобытный способ производства: политико-экономические очерки / А.М. Румянцев. – М.: Наука, 1987. – 328 с.

419. Русская смута 1917-1920 годов и судьбы мира в XX веке: философия, культурология, геополитика, политология. II Крымские чтения Н.Я. Данилевского. Крым, Ялта, 10-18 ноября 1995 г. Материалы. – Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 1995. – 72 с.

420. Русский мир. Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. – URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 02.08.2022).

421. Рюккерт, Генрих [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Рюккерт,_Генрих (дата обращения: 26.08.2013).

422. Савицкий, П.Н. В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-х годах [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn10.htm> (дата обращения: 29.02.2013).

423. Савицкий, П.Н. Географические и геополитические основы евразийства [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm> (дата обращения: 27.02.2013).

424. Савицкий, П.Н. Геополитические заметки по русской истории [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn04.htm> (дата обращения: 24.02.2013).

425. Савицкий, П.Н. Евразийство как исторический замысел [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn12.htm> (дата обращения: 20.02.2013).

426. Савицкий, П.Н. Евразийская концепция русской истории [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn11.htm> (дата обращения: 22.02.2013).

427. Савицкий, П.Н. Евразийство [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn09.htm> (дата обращения: 25.02.2013).

428. Савицкий, П.Н. Из писем Л.Н. Гумилёву [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn02.htm> (дата обращения: 12.02.2013).

429. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
430. Савицкий, П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn08.htm> (дата обращения: 18.02.2013).
431. Савицкий, П.Н. Миграция культуры [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn07.htm> (дата обращения: 26.02.2013).
432. Савицкий, П.Н. О задачах кочевниковедения (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?) [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn01.htm> (дата обращения: 13.02.2013).
433. Савицкий, П.Н. Письмо Л.Н. Гумилёву [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn13.htm> (дата обращения: 02.02.2013).
434. Савицкий, П.Н. Поворот к Востоку [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn06.htm> (дата обращения: 09.02.2013).
435. Савицкий, П.Н. Степь и оседлость [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий // Интернет-ресурс «Gumilevica. Гипотезы, теории, мировоззрение». Труды. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn03.htm> (дата обращения: 11.02.2013).
436. Сагатовский, В.Н. Русская идея: соборность – в основе, ноосфера – в результате / В.Н. Сагатовский // Русская смута 1917-1920 годов и судьбы мира в XX веке: философия, культурология, геополитика, политология. II Крымские чтения Н.Я. Данилевского. Крым, Ялта, 10-18 ноября 1995 г. Материалы. –

Симферополь: Крымский центр гуманитарных исследований, 1995. – С. 52-54.

437. Сателлит [Электронный ресурс] // Викисловарь – Свободная энциклопедия. – URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/сателлит> (дата обращения: 22.12.2012).

438. Сателлит [Электронный ресурс] // Материал из Википедии — свободной энциклопедии. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Сателлит> (дата обращения: 22.12.2012).

439. Священная римская империя [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Священная_Римская_империя (дата обращения: 27.12.2016).

440. Семёнов, Ю.И. На заре человеческой истории / Ю.И. Семёнов. – М.: Мысль, 1989. – 318 с.

441. Сенюшкина, Т.А. Евразийская идентичность как фактор политического диалога / Т.А. Сенюшкина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 2-2 (22). – С. 91-95.

442. Сенюшкина, Т.А. Цивилизационная идентичность: социокультурный феномен или геополитический конструкт? [Электронный ресурс] / Т.А. Сенюшкина // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3. – № 2. – С. 70-82. – URL: <https://civstudies.ru/article/view/6825> (дата обращения: 12.07.2022).

443. Сенявская, Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

444. Симонов, П.В., Ершов, П.М., Вяземский, Ю.П. Происхождение духовности / П.В. Симонов, П.М. Ершов, Ю.П. Вяземский. – М.: Наука, 1989. – 352 с.

445. Сеница, Д.А. Конец Ялтинской системы: аксиологический аспект / Д.А. Сеница // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 147-151.

446. Снесарев, А.Е. Авганистан / А.Е. Снесарев // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 35-46.

447. Советов, А.В. Сельское хозяйство / А.В. Советов // Энциклопедический словарь: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.: В 82 т. – СПб., 1898-1904. – Т. 29. – С. 384-386.

448. Современная буржуазная философия и религия. Под ред. Богомолова А.С. – М.: Политиздат, 1977. – 376 с.

449. Современный мировой порядок и интеграционные процессы на постсоветском пространстве: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 5-9 февраля 2008 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. С.В. Юрченко. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 216 с.

450. Соловьев, Э.Г. Геополитические сдвиги в современном мире в зеркале эволюции концепции суверенитета / Э.Г. Соловьёв // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 3. – С. 57-73.

451. Сорокин, П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / П.А. Сорокин // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 463-489.

452. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

453. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века / Под ред. Б.А. Чагина. – Л.: Наука, 1978. – 416 с.

454. Спикмэн, Н.Дж. Политическая карта Евразии. Часть 1. / Пер. с англ. М.Н. Грачёва / Н.Дж. Спикмэн // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2015. – № 1. – С. 41–50.

455. Спикмэн, Н.Дж. Политическая карта Евразии. Часть 2. / Пер. с англ. М.Н. Грачёва / Н.Дж. Спикмэн // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные

отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2016. – № 1 (3). – С. 49–56.

456. Спикмэн, Н. Дж. География и внешняя политика. Часть первая / Пер. с англ. М.Н. Грачева / Н.Дж. Спикмэн // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 3. – С. 165–177.

457. Спикмэн, Н. Дж. География и внешняя политика. Часть вторая / Пер. с англ. М.Н. Грачева / Н.Дж. Спикмэн // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 3. – Ч. 1. – С.171–182.

458. Спикмэн, Н. Дж. География и внешняя политика. Часть третья / Пер. с англ. М.Н. Грачева / Н.Дж. Спикмэн // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 3. – С.52–64.

459. Спикмэн, Н. Дж. География и внешняя политика. Часть четвертая / Пер. с англ. М.Н. Грачёва / Н.Дж. Спикмэн // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 1. – С.51–64.

460. Стёпин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Стёпин. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 408 с.

461. Сулима, Е., Шепелев, М. Геоистория как парадигма осмысления международных отношений / Е. Сулима, М. Шепелев // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 2 (53) – С. 49-59.

462. Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.

463. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / Пер. с франц. / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

464. Телешун, С. Глобальні виклики та ризики , які загрожують світові у 2010-2015 роках: місце і роль ООН у цих процесах / С. Телешун // Політичний менеджмент. – 2010. – № 6 (45). – С. 4-6.

465. Теория международных отношений: Хрестоматия / Составление, научая редакция и комментарии П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с.

466. Тёрох, И.И. Украинизация Галичины [Электронный ресурс] / И.И. Тёрох // Моя библиотека. – URL: <https://mybiblioteka.su/3-86433.html> (дата

обращения: 26.07.2022).

467. Тимощук, А.С. Время и бытие / А.С. Тимощук // «Махабхарата», «Бхагавад-гита» и неклассическая рациональность: материалы III Междунар. науч. конф. – Владимир: Изд. Владим. гос. ун-та, 2008. – 200 с. – С. 24-40.

468. Тимощук, А.С. Мироззренческие основания традиционной культуры [Электронный ресурс] / А.С. Тимощук. – URL: http://www.google.com.ua/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=7&cad=rja&ved=0CF8QFjAG&url=http%3A%2F%2Fpesnived.ru%2F%3Fwpfb_dl%3D735&ei=BGpEUdriL8P6PIylgKAJ&usg=AFQjCNG8V4kgZEaXTgqv-JXO7Wuwi_NHihg&sig2=p2Y80IEidbyXJQYgHVmQ7g&bvm=bv.43828540,d.ZWU (дата обращения: 12.10.2019).

469. Тирикьян, Э. Социологизм и экзистенциализм / Пер. с англ. / Э. Тирикьян // Вопросы социальной теории. – 2007. – Том I, вып. 1. – С. 50-84.

470. Тойнби, А. Постижение истории / Пер. с англ. / А. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс, 2008 – 640 с.

471. Топчиев, А.Г. Украина в интеграции Причерноморских государств: новые геополитические реалии / А.Г. Топчиев // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 151-152.

472. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 669 с.

473. Тоффлер, Э. Прогнозы и предпосылки. Отрывки из книги / Пер. с англ. / Э. Тоффлер // Социологические исследования. – 1987. – N 5. – С. 118-131.

474. Тоффлер, Э., Тоффлер, Х. Создание новой цивилизации. Политика третьей волны [Электронный ресурс] / Пер. с англ. / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер // Русский Архипелаг. Сетевой портал «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/toffler/?library=2619> (дата обращения: 15.07.2014).

475. Тоффлер, Э. Третья волна / Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – 261 с.

476. Тоффлер, Э. Шок будущего / Пер. с англ. / Пер. с англ. / Э. Тоффлер. –

М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 560 с.

477. Трубецкой, Н.С. Наследие Чинхисхана / Н.С. Трубецкой. – М.: Эксмо, 2017. – 576 с.

478. Тютчев, Ф.И. Россия и Запад / Сост., вступ. статья, перевод и коммент. Б.Н. Тарасова / Отв. ред. О.А. Платонов / Ф.И. Тютчев. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 592 с.

479. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

480. Уилбер, Д. Персеполь / Пер. с англ. / Д. Уилбер. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. – 102 с.

481. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. Сборник / Вступительная статья и комментарии М.Б. Смолина. – М.: Москва, 1998. – 432 с.

482. Украинский сепаратизм и русское общество. Форум об истории [Электронный ресурс]. – URL: <https://history-forum.ru/viewtopic.php?p=265976&hilit=%D0%A2%D1%91%D1%80%D0%BE%D1%85#p265976> (дата обращения: 26.07.2022).

483. Ульянов, Н.И. Происхождение украинского сепаратизма / Н.И. Ульянов – М.: Индрик, 1996. – 280 с.

484. Уолферс, А. Противоборство и сотрудничество: очерк международной политики. Глава 2. Дружба и вражда между государствами / Пер. с англ. / А. Уолферс // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 338-348.

485. Уолц, К.Н. Человек, государство и война: теоретический анализ. Глава VI. Третий образ: международный конфликт и международная анархия / Пер. с англ. / К.Н. Уолц // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 93-110.

486. Урсул, А.Д. На пути к информационно-экологическому обществу / А.Д. Урсул // Философские науки. – 1991. – N 5. – С. 3-16.

487. Урсул, А.Д. Перспективы экоразвития / А.Д. Урсул. – М.: Наука, 1990.

– 270 с.

488. Урсул, А.Д., Урсул, Т.А. Эволюция, космос, человек (Общие законы развития и концепция антропокосмизма) / А.Д. Урсул, Т.А. Урсул. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 270 с.

489. Урсул, А.Д. Экологическая безопасность развития: проблемы и перспективы / А.Д. Урсул // Социально-политические науки. – 1991. – N 12. – С. 3-11.

490. Уткин, А. И. Вызов Запада и ответ России / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

491. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. – М.: Эксмо, 2002. – 512 с.

492. Уткин, А. И. Подъём и падение Запада / А.И. Уткин. – М.: АСТ, 2008. – 761[7] с.

493. Фадеев, Р.А. Наш военный вопрос. Восточный вопрос / Р.А. Фадеев. – М.: Изд-во «Ленанд», 2016. – 336 с.

494. Федосеев, П.Н. Социальные проблемы экологии / П.Н. Федосеев // Вопросы философии. – 1989. – N 4. – С. 49-56.

495. Федотов, Г.П. Будет ли существовать Россия? / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья – М.: Наука, 1990. – С. 450-462.

496. Федотов, Г.П. Национальное и вселенское / Г.П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья – М.: Наука, 1990. – С. 444-449.

497. Фёгелин, Э. Новая наука политики. Введение / Пер. с англ. / Э. Фёгелин. – СПб: изд-во «Владимир Даль», 2021. – 372 с.

498. Фёдоров, К.Г. История государства и права зарубежных стран / К.Г. Фёдоров. – Л.: издательство ЛГУ, 1977. – 456 с.

499. Филатов, А.С. Вернуть украинцам их русское имя. О конфигурации будущей Украины [Электронный ресурс] / А.С. Филатов // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – 03.03.2022. – URL:

https://ruskline.ru/news_rl/2022/03/03/vernut_ukraincam_ih_russkoe_imya (дата обращения: 19.12.2022).

500. Филатов, А.С. Вестфальская система как мифологема / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2008. – Том 21 (60). – № 3. – С. 3-15.

501. Филатов, А.С. Геополитика России в культурно-цивилизационном измерении. Крымский аспект / А.С. Филатов // Международная жизнь. – 2015. – январь. – С. 149-154.

502. Филатов, А.С. Геополитика в цивилизационном измерении: монография / А.С. Филатов. – Симферополь: ЧП «Антиква», 2014. – 224 с.

503. Филатов, А.С. Геополитическая проблематика в работах отечественных исследователей / А.С. Филатов // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия, политология, культурология. – 2016 – Том 2 (68). – № 1. – С. 16-24.

504. Филатов, А.С. Денацификация Украины: установка и реализация [Электронный ресурс] / А.С. Филатов // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – 18.03.2022. – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/03/18/denacifikaciya_ukrainy_ustanovka_i_realizaciya (дата обращения: 13.12.2022).

505. Филатов, А.С. Евразийский союз: идейные основания и политическая реальность / А.С. Филатов // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор. Коллективная монография по материалам XIV международных Панаринских чтений / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. – М.: Институт Наследия, 2017 (Труды Института Наследия). – 490 с. – С. 36-44.

506. Филатов, А.С. Евроатлантическая цивилизационная агрессия в контексте геополитического противоборства с Россией / А.С. Филатов // Свободная мысль. – 2022. – № 1 (1691). – С. 159-169.

507. Филатов, А.С. Европа без мира – может быть война? Односторонняя

ревизия Ялтинской системы мироустройства: глобальные и региональные конфликты / А.С. Филатов // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. Ежемесячный научный журнал. – 2013. – № 2 (73). – С. 8-16.

508. Филатов, А.С. Корреляция понятий «политика», «политик», «гражданское общество» и «публичный политик» в контексте развития современного общества. Ч. I / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2005. – Том 18 (57). – N 1. – С. 14-20.

509. Филатов, А.С. Корреляция понятий «политика», «политик», «гражданское общество» и «публичный политик» в контексте развития современного общества. Ч. II / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2006. – Том 19 (58). – N 2. – С. 26-32.

510. Филатов, А.С. Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм // Вопросы развития Крыма. Научно-практический дискуссионно-аналитический сборник. Выпуск 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. – 408 с. – С. 184-194.

511. Филатов, А.С. Культура человека, общества и пространства / А.С. Филатов // Парадигмы истории и общественного развития. Вып. 5. – Севастополь: СевГУ, 2017.– С. 38-44.

512. Филатов, А.С. Культурно-цивилизационный фактор формирования геополитических центров / А.С. Филатов // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия, политология, культурология. – 2022. – Том 8 (74). – № 2. – С. 94-108.

513. Филатов, А.С. Межцивилизационные разломы в структуре геополитики: цивилизационные спутники, этно-культурные осколки и политические сателлиты. Часть 3 Политические сателлиты как производное от геополитических процессов / А.С. Филатов // Учёные записки Крымского

федерального университета им. В.И. Вернадского. – Философия, политология, культурология. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 104-113.

514. Филатов, А.С. Межцивилизационные разломы в структуре геополитики: цивилизационные спутники, этно-культурные осколки и политические сателлиты. Часть 2 Феномен этно-культурных осколков в геополитическом конструировании / А.С. Филатов // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. – Философия, политология, культурология. – 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 71-78.

515. Филатов, А.С. Межцивилизационные разломы в структуре геополитики: цивилизационные спутники, этно-культурные осколки и политические сателлиты. Часть 1. Свойства и функции цивилизационных спутников в системе геополитики / А.С. Филатов // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. – Философия, политология, культурология. – 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 102-111.

516. Филатов, А.С. Мироосвоение России: в себе и для себя: монография / А.С. Филатов. – М.: изд-во «Проспект», 2022. – 192 с.

517. Филатов, А.С. Модели американской политической конфликтологии в условиях современных международных кризисов / А.С. Филатов // Международная жизнь. – 2018. – январь. – С. 154-170.

518. Филатов, А.С. Наука и религия в формировании картины мира / А.С. Филатов // *Philosophy and cosmology* 2008. – Полтава: Полтавський літератор, 2008. – 219 с. – С. 42-52.

519. Филатов, А.С. Объект и предмет политической науки / А.С. Филатов // Политическая наука: предмет и методологические основания. Сборник материалов международной научной конференции. – Харьков: «Регион-информ», 2001. – С. 271-289.

520. Филатов, А.С. ОДКБ и ЕЭП в качестве гарантов гражданской безопасности Украины / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2007. – Том 20 (59). – N 1. – С. 61-71.

521. Филатов, А.С., Лукашевич, Л.С. Общественное мнение о коррупции. По результатам социологического исследования в Крыму / А.С. Филатов, Л.С. Лукашевич // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2003. – Том 16 (55). – N 1. – С. 33-45.

522. Филатов, А.С. Особенности этнокультурных отношений в Крымском федеральном округе Российской Федерации / А.С. Филатов // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия, политология, культурология. – 2015. – Том 1 (67). – № 4. – С. 13-23.

523. Филатов, А.С. Политическая динамика российского социума в контексте природы. По книге Ю.В. Олейникова «Природный фактор бытия российского социума» / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2003. – Том 16 (55). – N 1. – С.180-183.

524. Филатов, А.С. Политическая реформа: украинский вариант / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2004. – Том 17 (56). – N 2. – С. 129-135.

525. Филатов, А.С. Полиэтническая среда: крымская специфика / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2007. – Том 20 (59). – N 2. – С. 8-14.

526. Филатов, А.С. Путь к новому миру. О внутренних угрозах и внешних вызовах [Электронный ресурс] / А.С. Филатов // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – 25.02.2022. – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/02/25/put_k_novomu_miru?fbclid=IwAR3kVCCEq5FK1FxmkgNinmqQRYBcXg79pboFxtarK41PS9JR6obvu1_VwrY (дата обращения: 19.12.2022).

527. Филатов, А.С. Распад СССР как следствие цивилизационного кризиса [Электронный ресурс] / А.С. Филатов // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – 11.07.2021. – URL: https://ruskline.ru/analitika/2021/07/11/raspad_ssr_kak_sledstvie_civilizacionnogo_krizisa#_ftn1 (дата

обращения: 19.11.2021).

528. Филатов, А.С. Религия как социальный организатор / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2006. – Том 19 (58). – N 1. – С. 14-22.

529. Филатов, А.С. Роль России в сдерживании агрессивной конфликтологии США / А.С. Филатов // Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров. – М.: Институт Наследия, 2019. – 472 с. – С. 323-338.

530. Филатов, А.С. Российский цивилизационный очаг оси мировой культуры / А.С. Филатов // Традиционализм в эпоху революций: культурная политика и цивилизационный выбор. Коллективная монография по материалам XIV международных Панаринских чтений / Отв. ред.: В.Н. Расторгуев; науч. ред.: А.В. Никандров. – М.: Институт Наследия, 2017 (Труды Института Наследия). – 490 с. – С. 396-409.

531. Филатов, А.С. Российский узел сборки оси мировой культуры. Европа и Россия в мировом культурно-цивилизационном пространстве: «вахту сдал – вахту принял» / А.С. Филатов // Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития: монография по материалам XVII Международных Панаринских чтений / отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров. – М.: Институт Наследия, 2020. – 338 с. – С. 299-314.

532. Филатов, А.С. Россия в изменяющемся мире / А.С. Филатов // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. – 2005. – № 5. – С. 83-94.

533. Филатов, А.С. Россия и мир. Геополитика в цивилизационном измерении: монография / А.С. Филатов. – М.: изд-во «Проспект», 2015. – 352 с.

534. Филатов, А.С. Современная парадигма гражданского общества / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Политические науки». – 2006. – Том 19 (58). – N 3. – С. 14-22.

535. Филатов, А.С. Способы конструирования геополитических интересов России: Русский Мир, Русская земля и Русское зарубежье / А.С. Филатов // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России: Коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений /Отв. ред.: В.Н. Расторгуев, науч. ред.: А.В. Никандров. – М.: Институт Наследия, 2018 (Труды Института Наследия). – 445 с. – С. 286-298.

536. Филатов, А.С. Трактовка геополитики зарубежными авторами [Электронный ресурс] / А.С. Филатов // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. – 12.12.2016. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2016/12/12/traktovka_geopolitiki_zarubezhnymi_avtorami/ (дата обращения: 29.11.2019).

537. Филатов, А.С. Украина: гражданская война или интервенция? [Электронный ресурс] / А.С. Филатов // Сетевое издание «Военное обозрение» – 11 октября 2014. – URL: <https://topwar.ru/60108-ukraina-grazhdanskaya-voyna-ili-intervenciya.html> (дата обращения: 26.07.2022).

538. Филатов, А.С. Человек в структуре мироздания: от умничания к творению / А.С. Филатов // Philosophy and cosmology 2009. – Полтава: Полтавский литератор, 2009. – 312 с. – С. 267-274.

539. Филатов, А.С., Гросфельд, Е.В. Экономические аспекты оптимизации этноконфессиональных отношений в Крыму / А.С. Филатов, Е.В Гросфельд. // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия, политология, культурология. – 2016. – Том 2 (68). – № 3. – С. 92-101.

540. Филатов, А.С. Экология и ноосфера Вернадского: соотношение понятий / А.С. Филатов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – 2004. – Том 17 (56). – N 1. – С. 108-114.

541. Филатов, А.С. Экологические параметры свободы личности: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.03 / А.С. Филатов. – Симферополь, 2002. – 188 с.

542. Филатов, А.С. Экология свободы и глобализация // Социальная

экономика. Научный журнал Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. – 2003. – № 1, январь-март. – С. 29-47.

543. Философия о будущем человечества: Анализ немарксистских концепций / Под ред. А.М. Руткевича. – М.: ИФАН СССР, 1990. – 115 с.

544. Философские проблемы глобальной экологии / Отв. ред. Е.Т. Фаддеев. – М.: Наука, 1983. – 352 с.

545. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 588 с.

546. Формационный анализ в системе категорий исторического материализма: Сб. науч. тр. / Под ред. Г.П. Орлова. – Свердловск: изд-во Уральского гос. универ-та., 1983. – 150 с.

547. Фромм, Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. / Э. Фромм – М.: Прогресс, 1986. – 386 с.

548. Фуко, М. Безопасность, территория, население / Пер. с франц. / М. Фуко. – СПб., М.: Наука, 2011. – 544 с.

549. Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 474 [6] с.

550. Фукуяма, Ф. Конец истории? [Электронный ресурс] / Пер. с англ. / Ф. Фукуяма // История политических и правовых учений: Электронная хрестоматия. (Составитель: М.Н. Грачев). – URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt28.htm> (дата обращения: 29.11.2014).

551. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 [4] с.

552. Хаас, Э.Б. За пределами нации-государства: Функционализм и международная организация / Пер. с англ. / Э.Б. Хаас // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 321-333.

553. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Пер. с немец. / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2008. – 192 с.

554. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

555. Хатунцев, С.В. Западнизм и вестернизация с позиций цикличности цивилизационно-исторического процесса [Электронный ресурс] / С.В. Хатунцев // Камертон. Сетевой литературный журнал. Издание Фонда «Русское единство», Москва. – 2011. – № 19 (май). – URL: <http://webkamerton.ru/2011/05/zapadnizm-i-vesternizaciya-s-pozicij-ciklichnosti-civilizacionno-istoricheskogo-processa/> (дата обращения: 17.06.2015).

556. Хатунцев, С.В. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей / С.В. Хатунцев // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Ч.1. – Воронеж, 1994. – 225 с. – С. 86-87.

557. Хатунцев, С.В. Этапы освоения цивилизационных ниш и перспективы исторического процесса / С.В. Хатунцев // Социс (Социологические исследования). – 1996. – № 9. – С. 125-128.

558. Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / Пер. с немец. / К. Хаусхофер. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.

559. Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э., Перратон, Дж. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / Пер. с англ. В.В. Сапова и др. / Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.

560. Хилл, Ф., Гэдди, К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. / Ф. Хилл, К. Гэдди. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 328 с.

561. Ходаковский, Е.А. Геоцивилизационная модель развития и безопасности России / Е.А. Ходаковский // Пространство и время. – 2016. – № 1-2 (23-24). – С. 15-26.

562. Ходаковский, Е.А. Значение и перспективы Европы и России в системе геоцивилизации [Электронный ресурс] / Е.А. Ходаковский // Электронное научное издание альманах «Пространство и время». – 2014. – Т. 5. – Вып. 1. – Ч. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-i-perspektivy-evropy-i-rossii-v->

sisteme-geotsivilizatsii/viewer (дата обращения: 26.03.2017).

563. Хомский, Н. 9-11 / Пер. с англ. / Н. Хомский. – М.: Издательство «Логос», Фонд КИЦ «Панглосс», 2001. – 160 с.

564. Цаплин, В.С. Странная цивилизация / В.С. Цаплин. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 640 с.

565. Церковная реформа патриарха Никона [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Церковная_реформа_патриарха_Никона (дата обращения: 22.12.2012).

566. Цивилизационная структура современного мира: В 3-х томах / Под ред. академика НАН Украины Ю. Н. Пахомова и Ю. В. Павленко. – Том I. Глобальные трансформации современности. – Киев: Наук. думка, 2006. – 687 с.

567. Цивилизационная структура современного мира: В 3-х томах / Под ред. академика НАН Украины Ю. Н. Пахомова и Ю. В. Павленко. – Том II. Макрохристианский мир в эпоху глобализации. – Киев: Наук. думка, 2007. – 693 с.

568. Цивилизационная структура современного мира: В 3-х томах / Под ред. академика НАН Украины Ю. Н. Пахомова и Ю. В. Павленко. – Том III. Кн. 1. Мусульманско-африканская и индийско-южноазиатская цивилизации. – Киев: Наук. думка, 2008. – 545 с.

569. Цивилизационная структура современного мира: В 3-х томах / Под ред. академика НАН Украины Ю. Н. Пахомова и Ю. В. Павленко. – Том III. Кн. 2. Китайско-дальневосточный цивилизационный мир. – Киев: Наук. думка, 2008. – 641 с.

570. Цивилизация [Электронный ресурс] // Большая Советская энциклопедия. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article120891.html> (дата обращения: 21.12.2012).

571. Цивилизация [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Цивилизация> (дата обращения: 21.12.2012).

572. Цивилизация [Электронный ресурс] // Словарь английского языка Вебстера. – URL: <http://www.countries.ru/library/civilis/civterm.htm> (дата обращения: 21.12.2012).

573. Цивилизация и история / Под ред. Л.И. Новиковой. – М.: ИФАН СССР, 1983. – 168 с.

574. Цыганков, П.А. Международное общество с позиций системного подхода: Оран Р. Янг о «разрывах» в международных системах / П.А. Цыганков // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 236-240.

575. Цыганков, П.А. Международное сотрудничество: позиции политического реализма / П.А. Цыганков // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 334-337.

576. Цыганков, П.А. Теория политического реализма: власть и сила в межгосударственных отношениях / П.А. Цыганков // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 69-71.

577. Цыганков, П.А. Транснационализм в науке о международных отношениях: вклад Джозефа С. Ная-мл. и Роберта О. Кохэна / П.А. Цыганков // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 147-151.

578. Цыганков, П.А. Эдвард Халлетт Карр и международно-политическая наука / П.А. Цыганков // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 49-52.

579. Цымбурский, В.Л. А знамений времени не различаете... [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1285> (дата обращения: 11.02.2013).

580. Цымбурский, В.Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект

«Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/> (дата обращения: 01.02.2013).

581. Цымбурский, В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/interpr/profession/> (дата обращения: 17.02.2013).

582. Цымбурский, В.Л. Геополитика с позиции слабости [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2466> (дата обращения: 05.02.2013).

583. Цымбурский, В.Л. «Городская революция» и будущее идеологий в России. Цивилизационный смысл русского большевизма [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2464> (дата обращения: 19.02.2013).

584. Цымбурский, В.Л. Дождались? Первая монография по истории российской геополитики. [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/review/wait/> (дата обращения: 09.02.2013).

585. Цымбурский, В.Л. Европа между «Евразией» и «Евроафрикой». Новая имперская геополитика [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2784> (дата обращения: 14.02.2013).

586. Цымбурский, В.Л. Европа – Россия. Третья осень цивилизации [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2414> (дата обращения: 25.02.2013).

587. Цымбурский, В.Л. Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский

архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1284> (дата обращения: 18.02.2013).

588. Цымбурский, В.Л. Земля за великим лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/earth/> (дата обращения: 14.02.2013).

589. Цымбурский, В.Л., Неклесса А.И. Культура жизни [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский, А.И. Неклесса // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2472> (дата обращения: 05.02.2013).

590. Цымбурский, В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII-XX веков / В.Л. Цымбурский. – М.: Книжный мир, 2016. – 496 с.

591. Цымбурский, В.Л. Народы между цивилизациями [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/nation/> (дата обращения: 17.03.2013).

592. Цымбурский, В.Л. Недоверие к миропорядку и скука мировой революции [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2410> (дата обращения: 06.02.2013).

593. Цымбурский, В.Л. Нефть и геотеррор. [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1491> (дата обращения: 21.04.2013).

594. Цымбурский, В.Л. Остров Россия [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia/ (дата обращения:

19.03.2013).

595. Цымбурский, В.Л. «Остров Россия» за семь лет, или Приключения одной геополитической концепции [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/67/ (дата обращения: 11.01.2013).

596. Цымбурский, В.Л. «Остров Россия» vs «остов Россия». Интервью Михаилу Ремизову – Россия больше не европейская держава [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_skeleton/ (дата обращения: 17.01.2013).

597. Цымбурский, В.Л. «От Великого острова Руси...» к прасимволу российской цивилизации [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/great/ (дата обращения: 19.04.2013).

598. Цымбурский, В.Л. Последний геокультурный выбор России – «с краю стола богатых и сильных» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/interpretation/final-choice/> (дата обращения: 18.01.2013).

599. Цымбурский, В.Л. Рецензия на книгу Андрея Зорина «Кормя двуглавого орла» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1278> (дата обращения: 21.01.2013).

600. Цымбурский, В.Л. Россия в американо-иранском противостоянии [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2412> (дата обращения: 01.05.2013).

601. Цымбурский, В.Л. Россия в условия стратегической нестабильности

[Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1282> (дата обращения: 11.04.2013).

602. Цымбурский, В.Л. Россия: линии разлома. Интервью интернет-изданию «Агентство политических новостей» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2033> (дата обращения: 16.03.2013).

603. Цымбурский, В.Л. Русские и геэкономика [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2411> (дата обращения: 19.01.2013).

604. Цымбурский, В.Л. Сверхдлинные военные циклы Нового и Новейшего времени [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=1283> (дата обращения: 17.01.2013).

605. Цымбурский, В.Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2413> (дата обращения: 19.04.2013).

606. Цымбурский, В.Л. Сюжет для цивилизации-лидера: самооборона или саморазрушение? [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/subject/> (дата обращения: 21.01.2013).

607. Цымбурский, В.Л. Третий Рим и Вторая Великороссия [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2467> (дата

обращения: 14.01.2013).

608. Цымбурский, В.Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия Хартленда и призвание геополитика [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465> (дата обращения: 21.05.2013).

609. Цымбурский, В.Л. Цивилизация и ее геополитика – сквозь «Письмо вождям Советского Союза» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2031> (дата обращения: 19.03.2013).

610. Цымбурский, В.Л. Цивилизация – кто будет ей фоном? [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/civilization/> (дата обращения: 21.03.2013).

611. Цымбурский, В.Л. Циклы «похищения Европы» [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/comment/ (дата обращения: 17.03.2013).

612. Цымбурский, В.Л. Шельф Острова Россия. Геополитика пространств и геополитика границ. Выступление на круглом столе ИНС «Россия после признания: конец эпохи Ельцина-Путина», 18.09.2008 г. [Электронный ресурс] / В.Л. Цымбурский // «Русский архипелаг». Сетевой проект «Русского Мира». – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2783> (дата обращения: 21.04.2013).

613. Челлен, Р. Государство как форма жизни / Пер. со швед. / Р. Челлен. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.

614. Челлен, Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства // Пер. со швед. / Р. Челлен // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 2. – С. 115–126.

615. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. – М.: Высшая школа, 1973. – 632 с.

616. Что такое история и как её изучают? [Электронный ресурс] // Энциклопедия замечательных людей и идей. – URL: <http://www.abc-people.com/typework/history/hist5.htm#up> (дата обращения: 01.11.2015).

617. Шайгородський, Ю. Ідеологія, міфологія і символізація політичного простору / Ю. Шайгородський // Політичний менеджмент. – 2010. – Спеціальний випуск. – С. 53-61.

618. Шайгородський, Ю. Політичний міф як феномен національної свідомості / Ю. Шайгородський // Політичний менеджмент. – 2010 – № 6 (45). – С. 101-109.

619. Шамин, И.В. Современная геополитика: некоторые вопросы теории и практики: Монография / И.В. Шамин. – Н.-Новгород – Саров: СГТ, 2009. – 232 с.

620. Шамин, И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий: Монография / И.В. Шамин. – Н.-Новгород – Саров: СГТ, 2010. – 432 с.

621. Шварценбергер, Дж. Политическая власть: изучение мирового сообщества / Пер. с англ. / Дж. Шварценбергер // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 367-379.

622. Швебс, Г.И. Идея ноосферы и социальная экология / Г.И. Швебс // Вопросы философии. – 1991. – N 7. – С. 36-45.

623. Швец, А.Б. Трансформация интеграционного пространства Восточной Европы / А.Б. Швец, В.М. Шумский // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы / Материалы международного научного симпозиума. – Симферополь: «Крымский Архив», 1996. – 160 с. – С. 152-155.

624. Шевченко, В.Н. Социально-философский анализ развития общества / В.Н. Шевченко. – М.: Высш. шк., 1984. – 128 с.

625. Шепелев, М.А. Глобалізація управління як мегатенденція сучасного світового розвитку. Монографія / М.А. Шепелев. – Киев: Вид-во «Генеза», 2004. –

512 с.

626. Шепелев, М.А. Кризис ультрамодерна и перспективы новой геополитической революции / М.А. Шепелев // Образование и право. – 2017. – № 12. – С. 216-224.

627. Шепелев, М.А. Четвёртая геополитическая революция: контроль космоса как ключ к мировому господству / М.А. Шепелев // Современная наука и инновации. – 2017. – № 4 (20). – С. 259-264.

628. Шепелев, М.А. Теорія міжнародних відносин: Підручник / М.А. Шепелев. – Киев: Вища школа, 2004. – 622 с.

629. Ширгазин, О.Р. Функциональное взаимодействие и безопасность Союза / О.Р. Ширгазин // Русский геополитический сборник. – 1996. – № 1. – С. 11-15.

630. Шмид, У. Политическая религия в России. Конституция 1993 года как Священное Писание / Пер. с англ. / У. Шмид // Логос. – 2014. – № 3 (99). – С. 231-242.

631. Шмитт, К. Государство и политическая форма / Пер. с немец. / К. Шмитт. – М.: Издательство Высшая школа экономики, 2010. – 272 с.

632. Шмитт, К. Понятие политического [Электронный ресурс] / Пер. с немец. / К. Шмитт. – URL: <file:///C:/Users/700E~1/AppData/Local/Temp/tc/Schmitt2.htm> (дата обращения: 11.02.2011).

633. Шопрад, Э. Халфорд Маккиндер и «Хартлэнд» [Электронный ресурс] / Пер. с англ. / Э. Шопрад // Интернет-портал «Око планеты». Новости. Аналитика. Информация. – URL: <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/132721-halford-makkinder-i-hartlend.html> (дата обращения: 18.01.2013).

634. Шпенглер, О. Закат Европы (в двух томах) / Пер. с немец. / О. Шпенглер. – М.: Издательство: Мысль, 1998. – 1280 (671+609) с.

635. Шпенглер, О. Пессимизм ли? Ответ моим критикам [Электронный ресурс] / Пер. с немец. / О. Шпенглер // Библиотека Гумер – история. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/pessimizm.php (дата

обращения: 06.01.2013).

636. Шрейдер, Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания / Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1990. – N 7. – С. 32-42.

637. Штраус, Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. / Пер. с англ. М. Фетисова / Л. Штраус – М.: Логос, Праксис, 2000. – 364 с.

638. Экономика [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика> (дата обращения: 11.02.2012).

639. Элбакян, Е.С. Религия как объект религиоведческого анализа [Электронный ресурс] / Е.С. Элбакян. – URL: <http://www.rlinfo.ru/projects/suzdal/elbakjan.html> (дата обращения: 19.03.2007).

640. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 20. – С. 1-338.

641. Энгельс, Ф. Письмо Йозефу Блоху в Кенигсберг. Лондон, 21(-22) сентября 1890 г. / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 37. – С. 393-397.

642. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 21. – С. 23-178.

643. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Автор-составитель Вадим Серов // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/15/123.htm> (дата обращения: 21.02.2013).

644. Южаков, Сергей Николаевич [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Южаков,_Сергей_Николаевич (дата обращения: 25.09.2013).

645. Юрченко, С.В. «Большая тройка» и другие официальные лица. Крымская конференция 1945 года в портретах её участников / С.В. Юрченко. – Севастополь: издательство «Мир», 1999. – 150 с.

646. Юрченко, С.В. Внешнеполитический механизм США в период становления глобальной державы (1940–1960-е годы) / С.В. Юрченко. – Севастополь: Мир, 2001. – 87 с.

647. Юрченко, С.В. Геостратегия США в процессе становления глобальной

державы: Дис. ...д-ра. полит. наук: 23.00.04 / Юрченко Сергей Васильевич. – К., 2001. – 430 с.

648. Юрченко, С.В. Исторический контекст, значение и уроки Ялтинской конференции 1945 г. / С. В. Юрченко // Вестник архивиста. – 2016. – № 1. – С. 203-237.

649. Юрченко, С.В. Исторический опыт и современность: к вопросу о внешнеполитической доктрине Сталина / С.В. Юрченко // Современный мировой порядок и интеграционные процессы на постсоветском пространстве: Материалы международной научной конференции (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 5-9 февраля 2008 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. С.В. Юрченко. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – С. 5-16.

650. Юрченко, С.В. Мировые тенденции и современные внешнеполитические вызовы и угрозы России / С.В. Юрченко // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева, А.В. Мартынкина, С.В. Ушакова, С.И. Рубцовой. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С. 27-29.

651. Юрченко, С.В. На пути к мировому лидерству: геостратегия США 1941-1963 гг. / С.В. Юрченко. – Севастополь: издательство «Флот України», 2000. – 296 с.

652. Юрченко, С.В. Основные тенденции развития системы международных отношений и проблема актуализации общественного воздействия на внешнюю политику государств [Электронный ресурс] / С.В. Юрченко // Чорноморська безпека. – 2008. – № 4 (10). – URL: <http://nomos.com.ua/content/view/213/77/> (дата обращения: 17.03.2020).

653. Юрченко, С.В. Современная система международных отношений: новые тенденции развития / С.В. Юрченко // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск X (III). Серия В. Международные отношения. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения». –

Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2012. – С. 13-18.

654. Юрченко, С.В. Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений / С.В. Юрченко // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: Коллективная монография / Отв. ред. В.М. Мелихов, О.Н. Макаренко, Г.Г. Егоров, перевод. Е.А. Федорова. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2014. – Т. 2. – С. 397-411.

655. Юрченко, С.В. Сталин, Рузвельт, Черчилль на Ялтинской конференции 1945 года: три подхода к войне и миру / С.В. Юрченко. – Севастополь: издательство «Мир», 2000. – 130 с.

656. Юрченко, С.В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940-1960-е годы) / С.В. Юрченко. – Севастополь: издательство «Флот України», 2000. – 104 с.

657. Юрченко, С.В. Футурологія світової політики та міжнародних відносин / С.В. Юрченко // Глобалізація і сучасний міжнародний процес / За заг. ред. проф. Б.Гуменюка і проф. С.Шергіна. – Киев: Університет «Україна», 2009. – С.72-103.

658. Юрченко, С.В. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира / С.В. Юрченко. – Симферополь: ИД «Крым», 2005. – 340 с.

659. Яковец, Ю.В. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы / Ю.В. Яковец // Социс. – 1997. – № 1. – С. 3-18.

660. Янг, О.Р. Политические разрывы в международной системе / Пер. с англ. / О.Р. Янг // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 241-250.

661. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель. В 2-х выпусках / Пер. с немец. / К. Ясперс. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – 430 с.

662. dell'Agnese, E. Ecocritical Geopolitics. Popular Culture and Environmental Discourse / Elena dell'Agnese. – London: Routledge, 2021. – 228 p.

663. Archer, M. S. Being human: the problem of agency / Margaret S. Archer. – Cambridge: Cambridge University press, 2009. – 323 p.

664. Auslin, M.R. Asia's New Geopolitics: Essays on Reshaping the Indo-Pacific

/ Michael R. Auslin. – Chicago: Hoover Institution Press, 2020. – 262 p.

665. Bartosiak, J. Pacyfik i Eurazja: o wojnie / Jacek Bartosiak. – Warszawa: Jacek Bartosiak, 2016. – 623 s.

666. Bartosiak, J. Przeszłość jest prologiem / Jacek Bartosiak. – Warszawa: Wydawnictwo Fronda, 2020. – 608 s.

667. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity (Theory, Culture & Society Series) / Ulrich Beck. – London; Newbury Park, California; New Delh: SAGE Publications Ltd, 1992. – 260 p.

668. Biscop, S. Grand Strategy in 10 Words: A Guide to Great Power Politics in the 21st Century / Sven Biscop. – Bristol: Bristol University Press, 2021. – 262 p.

669. Black, J. Geopolitics and the Quest for Dominance / Jeremy Black. – Bloomington: Indiana University Press, 2016. – 352 p.

670. Cohen, S.B. Geography and Politics in a Divided world / S.B. Cohen. – York: Methuen Publishing Ltd, 1964. – 384 p.

671. Critical Geopolitics. Science Direct [Electronic resource]. – URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/critical-geopolitics> (дата обращения: 11.09.2021).

672. Ferguson, Adam. An Essay on the History of Civil Society [Electronic resource] / A. Ferguson // Part Third.: of the History of Policy and Arts. – Section II. The History of political Establishments. – URL: http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=1428&chapter=19736&layout=html&Itemid=27 (дата обращения: 17.08.2013).

673. Finer, S.E. Almond's concept of the political system [Electronic resource] / S.E. Finer // Government and Opposition. 1970 – Vol. 5. – P. 3-21. – URL: <https://www.jstor.org/stable/44482231> (дата обращения: 29.11.2013).

674. Hebron, L., Stack, J. Globalization: Debunking the Myths / L. Hebron, J.F. Stack. – Washington: Pearson Education, 2011. – 157 p.

675. History of the Department of State During the Clinton Presidency (1993-2001) [Electronic resource] // U.S. Department of State. – URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/8527.htm> (дата обращения: 18.07.2022).

676. Holm, H.-H., Sorensen, G. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War / H.-H. Holm, G. Sorensen. – Boulder: Westview Press, 1995. – 256 p.

677. Kissinger, H. World Order / Henry Kissinger. – New York: Penguin Press, 2014. – 420 p.

678. Klement, J. Geo-Economics: The Interplay between Geopolitics, Economics, and Investments / Joachim Klement. – Charlottesville: CFA Institute Research Foundation, 2021. – 172 p.

679. LaRouche, L.H. Jr. The Economics of the Noosphere / L.H. LaRouche Jr. – Washington, D.C.: EIR News Service, Inc., 2001. – 329 p.

680. Lemke, T. Biopolitics: An Advanced Introduction / T. Lemke. – New York: NYU Press. – 2011. – 158 p.

681. Medcalf, R. Indo-Pacific empire: China, America and the contest for the world's pivotal region / R. Medcalf. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 320 p.

682. NIS, Newly Independent States [Electronic resource] // EUABC. Internet dictionary. – URL: <http://en.euabc.com/word/695#:~:text=The%20Newly%20Independent%20States%20of,%2C%20Turkmenistan%2C%20Ukraine%20and%20Uzbekistan> (дата обращения: 18.07.2022).

683. Petit, V. Future Of The Global Order, The: The Six Paradigm Changes That Will Define 2050 / V. Petit. – New Jersey: World Scientific, 2021. – 212 p.

684. Rethinking Geopolitics / Edited by Simon Dalby, Gearoid O.u Tuathail. – London: Routledge, 1998. – 352 p.

685. Sempa, F. Geopolitics: from the Cold War to the 21st century / F.P. Sempa. – New Brunswick, N.J.; London (U.K.): Transaction Publishers, 2002. – 124 p.

686. Starr, H. On Geopolitics. Space, Place, and International Relations / H. Starr. – New York: Routledge, 2015. – 192 p.

687. Stavridis, J. Sea power: the history and geopolitics of the world's oceans / J. Stavridis/ – New York: Penguin Press, 2017. – 384 p.

688. Talbott, S. Foreword / Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How

Communist Planners Left Russia Out in the Cold [Electronic resource] / S. Talbott. – URL: http://books.google.com.ua/books?id=5OvaO4Cb8SsC&pg=PR11&lpg=PR11&dq=S.+Talbot+The+Siberian+Curse:+How+Communist+Planners+Left+Russia+Out+in+the+Cold&source=bl&ots=q7qBv3JcqV&sig=chnV5eINQL8Xk23LJd4BGCwKbRI&hl=ru&sa=X&ei=U9YrUdW_F46LswaegYH4Cg&sqi=2&ved=0CD0Q6AEwAg#v=onepage&q=S.%20Talbot%20The%20Siberian%20Curse%3A%20How%20Communist%20Planners%20Left%20Russia%20Out%20in%20the%20Cold&f=false (дата обращения: 01.05.2018).

689. The World in 2030: Are we on the path to convergence or divergence? [Electronic resource]. – URL: <http://gt2030.com/2012/05/27/the-world-in-2030-are-we-on-the-path-to-convergence-or-divergence/> (дата обращения: 19.04.2019).

690. Yergin, D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations / D. Yergin. – New York: Penguin Press, 2020. – 512 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта-схема 1.

Карта-схема 4.

Карта-схема 6.

